

Государственное учреждение
«Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка
Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Проблемы укрепления
законности и правопорядка:
наука, практика, тенденции

ISSN 2221-2558

Государственное учреждение
«Научно-практический центр проблем укрепления
законности и правопорядка Генеральной прокуратуры
Республики Беларусь»

ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА: НАУКА, ПРАКТИКА, ТЕНДЕНЦИИ

Сборник научных трудов

Выпуск 16

Минск
Издательский центр БГУ
2023

УДК 34(082)
ББК 67я43
П 78

Сборник научных трудов «Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции» включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по юридическим наукам

С 2009 года сборник индексируется
в Российском индексе научного цитирования

П 78 **Проблемы** укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / ГУ «Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь» ; редкол.: И. А. Мороз (гл. ред.) [и др.]. — Минск : Изд. центр БГУ, 2023. — Вып. 16. — 400 с.

УДК 34(082)
ББК 67я43

© ГУ «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», 2023
© Оформление. РУП «Издательский центр БГУ», 2021

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СБОРНИКА НАУЧНЫХ ТРУДОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
«НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР ПРОБЛЕМ УКРЕПЛЕНИЯ
ЗАКОННОСТИ И ПРАВОПОРЯДКА ГЕНЕРАЛЬНОЙ ПРОКУРАТУРЫ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ»

Швед Андрей Иванович — Генеральный прокурор Республики Беларусь, доктор юридических наук, доцент (председатель редакционного совета)

Хомич Владимир Михайлович — профессор кафедры государственно-правовых дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет», доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь (заместитель председателя редакционного совета)

Бибило Валентина Николаевна — профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета учреждения образования «Белорусский государственный университет», доктор юридических наук, профессор

Гучок Александр Евгеньевич — председатель Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь, доктор юридических наук, доцент

Козаченко Иван Яковлевич — заведующий кафедрой уголовного права ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева», доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Лосев Владимир Владимирович — профессор кафедры государственно-правовых дисциплин учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет», кандидат юридических наук, доцент

Мартыненко Игорь Эдуардович — заведующий кафедрой гражданского права и процесса учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», доктор юридических наук, профессор

Функ Ян Иосифович — председатель Международного арбитражного (третейского) суда при Белорусской торгово-промышленной палате, доктор юридических наук, профессор

Шестаков Дмитрий Анатольевич — президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Эсмантович Ирина Игоревна — декан юридического факультета учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины», кандидат исторических наук, доцент

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Мороз Игорь Анатольевич — директор государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук (главный редактор)

Пухов Артем Александрович — заместитель директора государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент

Русецкий Олег Валерьевич — заместитель директора государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук

Герасимова Светлана Ивановна — главный специалист отдела криминологических исследований государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Касьянова Елена Васильевна — начальник отдела проблем укрепления законности в сфере экономической деятельности государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Коротич Елена Алексеевна — начальник отдела разработки мер противодействия организованной преступности и коррупции государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент (*научный редактор*)

Малахов Виталий Николаевич — начальник отдела организационно-финансового обеспечения и контроля проведения криминологических экспертиз государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Никитин Юрий Александрович — начальник отдела научно-методического обеспечения прокурорского надзора государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Сидоренко Дарья Олеговна — главный специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» (*технический редактор*)

Топорикова Ольга Олеговна — начальник отдела методологического обеспечения криминологических экспертиз государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Чуешов Кирилл Викторович — начальник отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

СОДЕРЖАНИЕ

1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ

Андрушко Т. И. Социальные и правовые предпосылки криминализации реабилитации нацизма	11
Бильдейко А. А. К вопросу о соучастии в совершении административного правонарушения	21
Васильченко К. В. Криминологическая характеристика преступности, связанной с осуществлением деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности	27
Винокуров С. И. О преодолении некоторых противоречий в теории предупреждения преступности	34
Герасимова С. И. Отдельные вопросы предупреждения домашнего насилия	41
Диканова Т. А. Проблемы борьбы с преступностью на транспорте	47
Дятлова В. О. О предупреждении использования авиамоделей в противоправных целях: направления совершенствования законодательства Республики Беларусь	57
Ладутько В. К. Роль административной деликтологии в борьбе с преступностью	64
Лапунина Т. А., Бабук А. В., Богинская Д. С. Недопущение реабилитации нацизма и отрицания геноцида белорусского народа: возможности судебной лингвистической экспертизы	73
Русецкий О. В. Противодействие пропаганде и рекламе наркотиков в системе мер антинаркотической деятельности	80
Сидоренко Д. О., Сидоренко Е. О. Отдельные аспекты защиты людей пожилого и старческого возраста: зарубежный опыт	90

Стаценко В. Г. О некоторых проблемных вопросах криминологического анализа уголовно-правовой статистики	97
Хлус А. М. Теоретические и прикладные аспекты профилактико-предупредительной деятельности в сфере противодействия коррупции	105
Худяков А. В. «Недобросовестное» посредничество	111
Чуешов К. В. К вопросу о совершенствовании правового регулирования противодействия рекламе и пропаганде наркотиков	118
Шаркова Е. А. Криминологические и правовые аспекты трансформации социальных отклонений в преступления	125
Шурпаев Ш. М. Криминологические особенности хищений бюджетных средств в сфере государственных и муниципальных закупок	131

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ (АНТИКОРРУПЦИОННОЙ) ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ ИЛИ ИХ ПРОЕКТОВ

Гультяева Н. Н. А автор — кто? Нейронные сети и сгенерированный контент как продукт интел- лектуальной собственности	138
Олейник А. В. О некоторых вопросах нормотворческой деятельности в сфере профилактики правонарушений	143
Судник Т. В. Возвратный лизинг как возможный способ ухода от налогов	149
Трипузова А. А. Обеспечение баланса публичных и частных интересов как основа конституционно-правовой защиты и развития конкуренции	155
Хакимов Т. Е. Инвестиции как способ возврата незаконно выведенных активов	163

Чмыга О. В.

Право членов парламента беларуси на законодательную инициативу:
особенности реализации и перспективы совершенствования
законодательного закрепления 168

Шуницкая О. Н.

Конституционный суд республики беларусь и развитие правоприменения 177

3. ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Богаревич Е. И.

Совершение изнасилования группой лиц:
вопросы квалификации 183

Бородулькина Е. С.

Перспективы установления уголовной ответственности
за репродуктивное клонирование человека в Республике Беларусь 188

Захилько К. С.

К вопросу о законодательном описании некоторых вариантов общественно
опасной деятельности «дропов» в ст. 222 Уголовного кодекса
Республики Беларусь 197

Израелян Г. В.

Необходимая оборона:
новые регламентации и проблемы совершенствования
в республике армения 205

Лобач Д. В.

Некоторые особенности имплементации норм о международных
преступлениях в российском уголовном законодательстве 212

Луговская Ю. В.

Применение амнистии на досудебных и судебных стадиях
уголовного процесса 220

Мартыненко И. Э.

Ответственность за нарушения законодательства об охране
историко-культурных ценностей: от теории к административной
и уголовной практике 227

Моисеева И. А.

Принудительные меры воспитательного характера и их значение
для предупреждения совершения несовершеннолетними новых
преступлений.....234

Павлова Л. В., Черкас А. В.

Искусственный интеллект как вызов для уголовного права:
понятие и основные подходы к общеправовой регламентации 242

Радевич А. С.

История развития уголовно-правовых норм, направленных на охрану
древесно-кустарниковой растительности 251

Рахманова Е. Н.

Конфликты юрисдикций киберпреступлений: проблемы установления 260

Серебренникова А. В.

Проблемы совершенствования уголовно-правовых средств в борьбе
с преступностью 267

Шаблинская Д. В.

Международный и зарубежный опыт обеспечения прав и свобод
осужденных в условиях цифровизации 275

4. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Гаврилов М. А.

Значение выездных судебных заседаний по уголовным делам для
повышения правовой культуры граждан 285

Камчатов К. В., Аристархов А. Л.

Особенности производства в отношении несовершеннолетних в российском
уголовном процессе 291

Карпиевич Н. Ф.

Материалы оперативно — розыскных мероприятий как источник
доказательств 298

Козел В. М.

О доказательственном значении информации при производстве
негласных следственных действий 306

Назырова Н. А.

Обеспечение законности в досудебном производстве при
расследовании незаконного образования юридического лица. 313

Седач А. В., Соркин В. С.

О разумных сроках досудебного уголовно-процессуального производства 321

Седых П. В.

Получение и использование информации
из даркнета в ходе предварительного расследования 328

Середа А. Е., Лузгин И. И.

Проспекция в системе криминалистической техники 336

5. ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Васько Н. О.

Некоторые аспекты осуществления прокурорского надзора за соблюдением
законодательства в сфере обращения с коммунальными отходами 345

Головки И. И.

Особенности взаимоотношения принципов организации и деятельности
прокуратуры 350

Меркурьев В. В., Игнатенко Е. А., Соколов Д. А.

Прокуратура как субъект обеспечения
национальной безопасности 357

Савчук Т. А.

Полномочия прокурора по устранению нарушений закона в досудебном
уголовном производстве Республики Беларусь 368

Скобелев В. П.

Об отдельных проблемах исчисления срока на принесение апелляционных
протестов по гражданским делам 375

Федорова А. С.

Деятельность прокурора по противодействию экстремизму в контексте
обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних 387

НАШИ АВТОРЫ 394

1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИИ

УДК 343.3/.7

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ КРИМИНАЛИЗАЦИИ РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА

Андрушко Т. И.

Ключевые слова: реабилитация нацизма, уголовная ответственность, фальсификация истории, социальная травма, социальные и правовые предпосылки криминализации

Введение

Активизация процессов миграции, экономические кризисы, нарастание праворадикальной активности в Европе, исламофобия — это далеко не весь перечень причин, способствующих эскалации насилия в современном мире.

Зачастую приверженцами такой эскалации в поисках теоретических обоснований ненависти осуществляется обращение к историческому прошлому. Я. З. Басин на примере ревизии Холокоста отмечает: «Несмотря на то, что антисемитизм по своей природе иррационален, его апологеты для оправдания своей деятельности ищут для него рациональное обоснование. Одним из мотивов такого обоснования является современная ревизия Холокоста» [1, с. 2]. Этот тезис допустимо распространить на весь исторический ревизионизм как способ «легализации» чужденоненавистических теорий.

Особенностью современного ревизионизма является его медийный характер и трансграничность, что обусловило принятие соответствующих правовых норм на международном уровне [2]. Вместе с тем каждому этапу развития данных международных правовых норм предшествовала некая социально-политическая детерминанта, проявлявшаяся в отдельных странах или регионах.

Для Республики Беларусь криминализация отдельных форм исторического ревизионизма, объединенных законодателем термином «реабилитация нацизма», также не определяется исключительно ее международными обязательствами. Существует ряд внутренних социальных и правовых предпосылок, обусловивших изменения в уголовном законе.

Социальная обусловленность криминализации реабилитации нацизма признается и обосновывается рядом авторов (А. В. Макаров, А. С. Романенко [3, с. 30], В. Меркурьев, Д. Рубцов [4, с. 98] и др.). Некоторые российские ученые посвящали данной проблеме отдельные научные публикации (А. В. Андреева [5], Е. Д. Ветошкина [6] и др.). Белорусскими исследователями социально-правовые предпосылки криминализации подобного деяния рассматриваются, в основном, лишь в качестве аспекта комплексного исследо-

вания правовых мер недопущения реабилитации нацизма (Э. А. Мартыненко [7] и др.).

Цель настоящей статьи — установить и проанализировать социальные и правовые предпосылки криминализации в Республике Беларусь реабилитации нацизма. Полагаем, подобное исследование будет способствовать правильному восприятию правоприменителем природы данного уголовно-правового запрета.

Основная часть

1. Для полноты и системности исследования социальной детерминанты уголовно-правового противодействия опасным формам исторического ревизионизма социальные предпосылки криминализации реабилитации нацизма предлагается разделить на два основных блока, характеризующих социальную обусловленность нововведений в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК) с разных сторон.

Первый блок предпосылок предлагаем обозначить как *блок социальной травмы*. Это предпосылки, обуславливающие негативное отношение общества к любым попыткам манипуляций и искажений сущности нацизма, способным послужить очагом социальной напряженности и конфликта.

Непринятие и отторжение вызвано глубокой социальной травмой, которой является для белорусского народа Великая Отечественная война. Исследования показывают, что 69,1 % населения страны наиболее значимым событием в истории народа считают победу в Великой Отечественной войне [8, с. 26]. Имеющийся временной разрыв между событием и негативными социальными последствиями, используемый некоторыми исследователями как обоснование критики любых запретительных норм [9, с. 878], характеризует сложный период осуществления ментального переноса исторической памяти через поколения [10, с. 82]. Сущность такого ментального переноса способна концептуально выразить теория социальной травмы, или социологическая теория культурной травмы.

Возможность использования теории социальной травмы в юридической науке ранее рассматривалась российскими учеными [11, с. 313]. В белорусских уголовно-правовых исследованиях данная теория широкого применения не получила, причиной чего видится лишь недавнее появление в уголовном праве норм мемориального характера.

Анализируя европейское законодательство с точки зрения теории социальной травмы, А. Ю. Дорский и Н. Н. Черногор приходят к выводу, что вербализация травмы может значительно отставать во времени от проявлений других травматических симптомов. Ссылаясь на теорию социолога П. Штомпки, авторы отмечают, что разные типы травматических симптомов, связанных одним историческим событием, могут быть значительно разнесены во времени, приводя в качестве примера Холокост. Как демографическая и политическая катастрофа он связан с 1930–1940-ми годами, но как культурная травма он стал переживаться значительно позже [11, с. 312, 313]. Именно на примере исследований Холокоста наиболее четко прослеживаются причины затянувшегося процесса распространения травматических

симптомов на белорусское общество, происходящего на фоне активизации травматического дискурса.

Позитивные тенденции в осмыслении Холокоста как трагедии в том числе белорусского народа, белорусских городов и деревень в отечественных исследованиях начали проявляться лишь в начале 2000-х годов. В это время появились работы таких исследователей, как И. П. Герасимова, С. М. Поперная [12], Э. Г. Иоффе [13] и др. Я. З. Басин в научной статье 2008 г. констатировал практически полное игнорирование белорусской историографией проблемы Холокоста и, как следствие, проблемы ревизионизма. Автор пришел к выводу, что данный процесс последователен и является продолжением советской политики «замалчивания» [1, с. 3]. Солидарен с мнением Я. З. Басина и А. В. Жабинский, отмечающий влияние политики «замалчивания» на осмысление белорусами трагедии Второй мировой войны [14, с. 391].

Начавшийся с 2000-х годов дискурс за прошедшие двадцать лет получил свое развитие, обусловленное в том числе ростом ревизионистских проявлений, способствующих пропаганде нацизма как внутри страны, так и за ее пределами. Проявления пропаганды нацизма и ревизии итогов Второй мировой войны составляют второй блок социальных предпосылок криминализации реабилитации нацизма. Данный блок видится целесообразным обозначить как *блок предпосылок, способствующих обострению дискурса*.

В первую очередь следует обратить внимание на статистику правоохранительных органов, характеризовавшую неонацистскую активность к моменту криминализации реабилитации нацизма. Так, в 2014 г. по всей стране было составлено лишь 7 протоколов по ст. 17.10 (пропаганда и (или) публичное демонстрация, изготовление и (или) распространение нацистской символики или атрибутики) Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21 апреля 2003 г. № 194-3 (далее — КоАП 2003 г.). В 2015 г. — 15 протоколов, в 2016 г. — 50. Кроме того, в 2016 г. за совершение различных преступлений 181 участник неонацистских объединений привлечен к уголовной ответственности, в 2017 г. более чем в два раза, в сравнении с 2016 г., увеличилось количество возбужденных уголовных дел по ст. 130 УК [15]. Соотношение названных цифр с данными 2003–2009 годов, указывает на существенный рост преступлений, связанных с разжиганием ненависти. Так, в 2003 г. по ст. 130 УК было осуждено 4 человека, а в 2008 и 2009 годах всего по 1 человеку [16, с. 11]. Всего же в 2008 г. зарегистрировано 63 случая противоправных действий (не по всем фактам возбуждены уголовные дела), совершенных на почве расовой и религиозной ненависти [17, с. 24], в 2009–72 [18, с. 112].

По мнению ОБСЕ, к всплеску подобного рода насилия ведут в том числе различные публичные выступления ревизионистского характера, а одним из важных инструментов пропаганды антисемитизма является отрицание Холокоста [19, с. 25, 69]. Как справедливо отмечает по этому поводу С. Аткинс, отрицание Холокоста постепенно стало одним из самых распространенных способов пропаганды ненависти, и оно болезненно переживается во многих обществах, переживших Вторую мировую войну [20, с. 108].

Из различных интернет-источников можно привести некоторые примеры судебной-следственной практики. Так, в 2017 г. Могилевским межрайонным отделом Следственного комитета окончено расследование уголовного дела в отношении трех граждан, обвиняемых в осквернении камня-памятника жертвам нацизма [21]. В 2018 г. в Российской Федерации по подозрению в создании националистического объединения возбуждено уголовное дело в отношении гражданина Беларуси, создавшего националистическое объединение Misanthropic Division, ячейки которого были открыты в 19 государствах [22]. Решением суда Центрального района г. Минска от 10 ноября 2016 г. ряд материалов, распространяемых Misanthropic Division, признаны экстремистскими [23].

Международный характер данной группировки заставляет обратить внимание на интернет-пространство в целом. К 2018 г. проблема пропаганды ненависти в социальных сетях уже стала предметом постоянного обсуждения в ООН [24, с. 8]. Белорусскими правоохранителями в период с 2015 по 2018 г. к материалам экстремистского характера отнесены более 100 информационных ресурсов в сети интернет, в том числе размещенных в социальных сетях «ВКонтакте», «Facebook» и на видеохостинге YouTube. Запрещенные материалы содержали информацию, призывающую к расово мотивированному насилию, пропаганде нацизма, прославляющую А. Гитлера. В том числе в 2016 г. экстремистскими признаны материалы ресурса «holokosta-nebylo.blogspot.com.by», содержащие антисемитскую и ревизионистскую информацию [23].

Способствовало активизации дискурса и распространение литературы ревизионистского характера, отмеченное еще в середине 1990-х годов. Особое место, по мнению Я. З. Басина, в ряду ревизионистской литературы занимает вышедшее в 2008 г. в Минске репринтное издание: «Исследование Холокоста. Глобальное видение» [1, с. 3]. В этом же году Решением суда Советского района г. Минска сборник отнесен к экстремистским материалам [23]. Всего же с 2008 по 2018 г. под запрет попало 10 печатных изданий, открыто пропагандирующих ненависть и ревизионизм. В анализируемый период времени экстремистской признавалась и различного рода продукция: стикеры, марки, значки и др., содержащая нацистскую символику [23]. Несмотря на уже имевшиеся к моменту криминализации запреты, нужно учитывать, что распространение материалов ревизионистского характера в указанный период можно было ограничить только в случае, если такие материалы содержали явную пропаганду ненависти и насилия.

«Культура» ревизионизма и нацистской пропаганды нашла свое проявление и в среде белорусских футбольных болельщиков. За распространение и демонстрацию нацистской символики в различное время привлекались болельщики ФК «Неман», ФК «Днепр», ФК «Белшина» и др. [15]. 28 апреля 2010 г. на стадионе «Дарида» фанаты одной из команд вывесили баннер с изображением образа человека, визуального схожего с образом Р. Гесса, датами его жизни и текстом: «Твоя жизнь для нас — это верности пример», отнесенный в последующем экспертом к проявлениям пропаганды нацизма.

Демонстрировалась нацистская символика болельщиками и на международных турнирах [25, с. 41–42]. Международные связи фан-клубов приводят к распространению в среде белорусских болельщиков атрибутики различных движений «ultras», использующих в качестве основы нацистскую символику. Решением суда Центрального района г. Минска от 16 июня 2016 г. экстремистской признана символика украинского фан-клуба Lutsk ultras [23].

2. Новая норма в уголовном законе имела под собой и *правовой фундамент*, выступая логически обоснованным звеном в развитии системы правовых норм, направленных на противодействие языку вражды и ненависти. Правовым фундаментом криминализации реабилитации нацизма выступили следующие конституционные нормы:

— положения ст. 5 Конституции Республики Беларусь 1994 г. с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г. и 17 октября 2004 г. (далее — Конституция в ред. 1996 г. и 2004 г.), о запрете создания и деятельности политических партий, а равно других общественных объединений ведущих пропаганду войны, социальной, национальной, религиозной и расовой вражды. Запрещенные законом формы исторического ревизионизма, равно как и открытая пропаганда национал-социализма, являются формами языка вражды;

— положения ст. 8 Конституции в ред. 1996 г. и 2004 г. о признании приоритета общепризнанных принципов международного права и обеспечении соответствия им законодательства. К моменту криминализации реабилитации нацизма международным сообществом был выработан ряд правовых норм и рекомендаций, направленных на противодействие историческому ревизионизму, положения которых фактически реализованы при внесении изменений в УК;

— положения ст. 15 Конституции в ред. 1996 г. и 2004 г. об ответственности государства за сохранение историко-культурного и духовного наследия, свободное развитие культур всех национальных общностей. Культивирование в обществе идей национал-социализма, равно как и исторического ревизионизма, посягает на каждую из названных ценностей.

Ограничение права на свободу мнений согласуется со ст. 23 Конституции в ред. 1996 г. и 2004 г., согласно которой ограничение прав и свобод личности допускается в том числе в интересах национальной безопасности. К основным угрозам национальной безопасности, Концепция национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 9 ноября 2010 г. № 575 (далее — Концепция), относит проявления религиозного, этнического экстремизма и расовой вражды, утрату значительной частью граждан традиционных нравственных ценностей и необъективного пересмотра истории (п. 27). Это позволяет отнести Концепцию национальной безопасности к правовым предпосылкам криминализации реабилитации нацизма.

Последовавшие в дальнейшем изменения конституционных норм в части закрепления обязанности государства обеспечивать сохранение исторической правды и памяти о подвиге белорусского народа [26, ст. 15], равно

как и положения проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, выделяющего защиту исторической памяти в качестве стратегического национального интереса [27, п. 8], только подтверждают необходимость и значимость криминализации реабилитации нацизма, формируя направления дальнейшего развития уголовного закона.

Предпосылки к противодействию ревизионизму содержат в себе и Закон Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» [28, ст. 1]. Несмотря на то, что в данном законе отсутствовало определение «нацизма», либо «национал-социализма», эти явления, по сути, определялись законодателем как действия экстремистской направленности, что позволяло частично ограничивать распространение как печатной продукции, так и соответствующего интернет-контента.

Факты соприкосновения общества с нацистской пропагандой и правонарушения на ее почве с учетом проанализированного выше контекста «социальной травмы» объясняют обострение антинацистского дискурса. Травма сохраняется в каждом последующем поколении, и то, каким образом каждое новое поколение с ней справляется, формирует его идентичность [29, с. 115]. Успешность процесса проработки травмы приводит к переходу к новой фазе процесса травматизации — институализации. По мнению Дж. Александера, в юридической сфере институализация травматического дискурса происходит путем появления возможности распределения вины и ответственности между участниками события [30, с. 287]. На этом этапе завершается процесс вербализации, осмысления обществом своей травмы, одним из способов которого, по мнению А. Ю. Дорского и Н. Н. Черногор, является принятие нормативного акта. Нормативный акт в данном случае выступает в качестве способа защиты привычных для общества «понятий и смыслов» [11, с. 313].

Заключение

Подводя итог изложенному, выделим следующее.

Криминализация в Республике Беларусь реабилитации нацизма обусловлена двумя блоками социальных предпосылок:

1. Блок предпосылок социальной травмы — это предпосылки, обуславливающие негативное отношение общества к любым попыткам манипуляций с историческими фактами относительно событий Великой Отечественной войны и искажений сущности национал-социализма. Посягая на сформировавшийся нарратив о важнейших исторических событиях, ревизионизм итогов Второй мировой войны воспринимается как посягательство на нравственный базис национальной идентичности.

2. Блок предпосылок обострения дискурса — это предпосылки, обусловившие активизацию политического дискурса о необходимости реформирования правовых норм борьбы с неонацизмом и принятия правовых мер противодействия историческому ревизионизму. К данным предпосылкам следует отнести рост правонарушений и преступлений с неонацистским подтекстом, произошедший в Беларуси со второй половины 2010-х годов, появление международных неонацистских группировок с участием белорусских граждан, формирование проблемы международного киберрасизма

и пропаганды ненависти в социальных сетях, обусловленной в том числе распространением ревизионизма, распространение литературы ревизионистского характера, распространение неонацистской и ревизионистской пропаганды в субкультурной среде футбольных болельщиков.

Помимо социальных предпосылок, криминализация реабилитации нацизма обусловлена и внутренним законодательством. К правовым предпосылкам криминализации следует относить нормы ст. 5, 8, 15, 23 Конституции Республики Беларусь (в ред. 1996 г. и 2004 г.), п. 5, 12, 27 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, ст. 1 Закона «О противодействии экстремизму» (в редакции Закона Республики Беларусь от 20 апреля 2016 г. № 358-З).

Запрос на защиту исторической справедливости, сформировавшийся в обществе к моменту криминализации реабилитации нацизма, является адекватной реакцией общества, проходящего через этап распространения травматических симптомов и стремящегося к посттравматической адаптации. Криминализация реабилитации нацизма в белорусском уголовном законе, основанная на системе имевшихся к ее моменту правовых норм, обеспечивающих противодействие языку вражды и ненависти, в данном случае выступила в качестве одного из способов вербализации, осмысления трагедии прошедшей войны и защиты национальной идентичности.

Список цитированных источников

1. Басин, Я. З. Холокост как предмет научного исследования: к вопросу о ревизии Холокоста в современной Беларуси / Я. З. Басин // Вестн. Брестск. гос. техн. ун-та. Гуманитарные науки. — 2009. — № 6. — С. 2–6.
2. Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости : док. ООН/RES/73/157 [Электронный ресурс] // Система официальной документации ООН. — Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/RES/73/157>. — Дата доступа: 27.02.2023.
3. Макаров, А. В. Уголовная ответственность за реабилитацию нацизма / А. В. Макаров, А. С. Романенко // Рос. следователь. — 2016. — № 5. — С. 29–33.
4. Меркурьев, В. Совершенствование уголовно-правовых средств противодействия фашизму и нацизму при нарастании угроз национальной безопасности России / В. Меркурьев, Д. Рубцов // Обозреватель. Междунар.-правов. науки. — 2022. — № 5–6. — С. 89–103.
5. Андреева, А. В. Социальная обусловленность установления уголовной ответственности за реабилитацию нацизма в РФ / А. В. Андреева // Вестн. Моск. ун-та МВД России. — 2015. — № 8. — С. 112–114.
6. Ветошкина, Е. Д. Отрицание Холокоста: социальная обусловленность и сравнительный анализ уголовно-правового запрета / Е. Д. Ветошкина // Lex russica. — 2020. — Т. 73. — № 11. — С. 129–138.

7. Мартыненко, И. Э. Правовые меры недопущения реабилитации нацизма: опыт Республики Беларусь / И. Э. Мартыненко // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Право. — 2022. — № 1(48). — С. 191–202.

8. Денисова, Н. Ф. Историческая память белорусов: социологический анализ / Н. Ф. Денисова, Н. М. Бровчук // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. — 2018. — Т. 63. — № 1. — С. 21–32.

9. Дяченко, А. В. Обоснованность криминализации реабилитации нацизма в свете ограничения права на свободу слова / А. В. Дяченко // Вопр. рос. юстиции. — 2020. — № 9. — С. 872–890.

10. Аникин, Д. А. Травмы культурной памяти: концептуальный анализ и методологические основания исследования / Д. А. Аникин, О. В. Головашина // Вестн. Томск. гос. ун-та. — 2017. — № 425. — С. 78–84.

11. Дорский, А. Ю. Вторая мировая война как социальная травма: сравнительный анализ российского и французского законодательства / А. Ю. Дорский, Н. Н. Черногор // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Право. — 2019. — Т. 10, вып. 2. — С. 311–331.

12. История Холокоста на территории Беларуси : библиографический указатель / сост. И. П. Герасимова, С. М. Паперная. — Витебск : УПП «Витебская областная типография», 2001. — 104 с.

13. Актуальные вопросы изучения Холокоста на территории Беларуси в годы немецко-фашистской оккупации : сб. науч. работ / редкол.: Э. Г. Иоффе [и др.]. — 2-е изд. — Минск : Ист. мастерская в Минске, 2006. — 305 с.

14. Жабинский, А. В. Осмысление феномена Холокоста в белорусской культуре / А. В. Жабинский // Национальные культуры в межкультурной коммуникации : II междунар. науч.-практ. конф., Минск, 12–13 апр. 2017 г. : сб. науч. ст. / БГУ ; редкол.: Э. А. Усовская [и др.]. — Минск, 2017. — С. 390–398.

15. Дементьевский, А. Тень свастики над могилами жертв [Электронный ресурс] / А. Дементьевский // СБ Беларусь сегодня. — Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/ten-svastiki-nad-mogilami-zhertv.html> — Дата доступа: 01.09.2018.

16. Комитет по ликвидации расовой дискриминации. 18 и 19 периодические доклады государств-участников, подлежавшие представлению в 2008 году. Беларусь: док. ООН CERD/c/BLR/18–19 [Электронный ресурс] // Система официальной документации ООН. База данных договорных органов. — Режим доступа: <http://surl.li/lbzqkq>. — Дата доступа: 27.02.2023.

17. Преступления на почве ненависти в регионе ОБСЕ: инциденты и меры реагирования / Годовой отчет за 2008 год. БДИПЧ ОБСЕ : док. ОБСЕ [Электронный ресурс] // Система документации БДИПЧ ОБСЕ. — Режим доступа: <https://www.osce.org/files/f/documents/7/1/75387.pdf>. — Дата доступа: 20.07.2023.

18. Преступления на почве ненависти в регионе ОБСЕ: инциденты и меры реагирования / Годовой отчет за 2009 год / БДИПЧ ОБСЕ : док. ОБСЕ

[Электронный ресурс] // Система документации БДИПЧ ОБСЕ. — Режим доступа: <https://www.osce.org/files/f/documents/9/7/82040.pdf> — Дата доступа: 20.07.2023.

19. Преступления на почве ненависти в регионе ОБСЕ: инциденты и меры реагирования / Годовой отчет за 2006 год / БДИПЧ ОБСЕ : док. ОБСЕ [Электронный ресурс] // Система документации БДИПЧ ОБСЕ. — Режим доступа: <https://www.osce.org/files/f/documents/7/3/26760.pdf> — Дата доступа: 20.07.2023.

20. Верховский, А. М. Уголовное право стран ОБСЕ против преступлений ненависти, возбуждения ненависти и языка вражды / А. М. Верховский. — М. : Центр «Сова», 2015. — 287 с.

21. Сообщение официального представителя УСК по Могилевской области / Официальный сайт Следственного комитета Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — 2018. — Режим доступа: <https://www.sk.gov.by/ru/news-usk-mogilev-ru>. — Дата доступа: 30.08.2018.

22. СКР возбудил дело об экстремизме против создателя организации Misanthropic Division / Официальный сайт Следственного комитета РФ [Электронный ресурс]. — 2018. — Режим доступа: <http://sledcom.ru/press/smi/item/1105056>. — Дата доступа: 30.08.2018.

23. Республиканский список экстремистских материалов [Электронный ресурс] // Министерство информации Республики Беларусь : документы. — Режим доступа: <http://mininform.gov.by/documents/respublikanskiy-spisok-ekstremistskikh-materialov/> — Дата доступа: 11.09.2023.

24. Доклад специального докладчика по вопросу современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости об осуществлении резолюции 68/150 Генеральной Ассамблеи : док. ООН A/HRC/26/50 [Электронный ресурс] // Система официальной документации ООН. — Режим доступа: <https://undocs.org/ru/A/HRC/26/50>. — Дата доступа: 27.02.2023.

25. Солодухо, А. С. Особенности проявления нацизма в субкультуре футбольных фанатов Беларуси / А. С. Солодухо // Философия и соц. науки. — 2010. — № 3. — С. 40–45.

26. Конституция Республики Беларусь 1994 года : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 фев. 2022 г. — Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2022. — 80 с.

27. О рассмотрении проекта новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь от 6 марта 2023 г., № 1 // ЭТАЛОН-ONLINE / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

28. О противодействии экстремизму [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2007 г., № 203-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 20.04.2016 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

29. Хлевнюк, Д. Бернارد Гизен. Триумф и травма. Социологическое обозрение / Д. Хлевнюк // Социолог. обозрение. — 2010. — Т. 9. — № 2. — С. 112–117.

30. Александер, Дж. Смыслы социальной жизни: культурсоциология / Дж. Александер. — М.: Пракс, 2013. — 640 с.

Аннотация. В статье проанализированы социальные и правовые предпосылки криминализации реабилитации нацизма с учетом положений социологической теории культурной травмы, имеющих статистических данных и иной информации о неонацистских и ревизионистских проявлениях в Республике Беларусь. В процессе исследования автором подтверждена социальная и правовая обусловленность установления уголовной ответственности за реабилитацию нацизма, выделены два блока социальных предпосылок криминализации: блок социальной травмы и блок предпосылок, способствующих обострению дискурса, а также определены правовые предпосылки криминализации. Автор приходит к выводу, что криминализация в Уголовном кодексе Республики Беларусь реабилитации нацизма представляет собой один из способов вербализации социальной травмы, осмысления трагедии прошедшей войны и защиты национальной идентичности.

SOCIAL AND LEGAL PREREQUISITES FOR CRIMINALIZING THE REHABILITATION OF NAZISM

Andrushko T. I.

Keywords: rehabilitation of Nazism, criminal liability, falsifications of history, social injury, social and legal prerequisites of criminalization.

Abstract. The article analyzes the social and legal prerequisites for criminalizing the rehabilitation of Nazism, taking into account the provisions of the sociological theory of cultural trauma, available statistical data and other information about neo-Nazi and revisionist manifestations in the Republic of Belarus. In the course of the research, the author confirmed the social and legal conditionality of establishing criminal responsibility for the rehabilitation of Nazism, identified two blocks of social prerequisites for criminalization: «the block of social trauma» and «the block of prerequisites contributing to the aggravation of discourse», and also identified the legal prerequisites for criminalization. The author comes to the conclusion that the criminalization of the rehabilitation of Nazism in the Criminal Code of the Republic of Belarus is one of the ways to verbalize social trauma, comprehend the tragedy of the last war and protect national identity.

УДК 342.92

К ВОПРОСУ О СОУЧАСТИИ В СОВЕРШЕНИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Бильдейко А. А.

Ключевые слова: административное правонарушение, административная ответственность, соучастие, субъект правонарушения

Введение

В настоящее время в белорусском административно-деликтном законе отсутствует такой институт, как соучастие в совершении административного правонарушения, ранее (до 01.03.2021) на протяжении 14 лет использовавшийся в Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП 2003 г.).

Как отмечается заместителем Главы Администрации Президента Республики Беларусь О. И. Чуприс, при разработке нового Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП 2021 г.) учтена точка зрения ученых, отмечавших перегруженность КоАП 2003 г. правовыми институтами, заимствованными из уголовного права [1, с. 5]. В описании проекта КоАП 2021 г. отказ от применения административной ответственности за соучастие в административном правонарушении обосновывался малоприменимостью данного института, а соответствующие деяния — тем, что они не причиняют существенного вреда охраняемым административным законом общественным отношениям [2].

Вместе с тем данный вывод не является абсолютно бесспорным, в связи с чем через год после вступления в силу КоАП 2021 г. представителем Академии МВД Республики Беларусь Д. П. Семенюком совершенно верно отмечена необходимость продолжения исследования проблем соучастия в науке административно-деликтного права [3, с. 34].

Основная часть

Как уже отмечалось выше, институт соучастия имелся в КоАП 2003 г. и представлял собой достаточно действенный инструмент для привлечения к административной ответственности тех, кто не являлся непосредственным исполнителем правонарушения, однако без которых такое правонарушение не было бы совершено. Соучастниками административного правонарушения наряду с исполнителями признавались организаторы и пособники.

Например, руководитель потребовал от членов комиссии по государственным закупкам отклонить предложение одного из участников, соответствующее конкурсным документам, что членами комиссии было исполнено. Данное отклонение не повлекло последствий, позволяющих расценить действие руководителя как уголовно-наказуемое деяние. В таком случае подлежат привлечению к административной ответственности по ч. 5 ст. 12.9 КоАП 2021 г. только члены комиссии, так как они приняли и подписали не-

законное решение. В вышеприведенной ситуации руководитель действовал как организатор правонарушения, он не совершил никаких действий, образующих объективную сторону состава административного правонарушения, предусмотренного ч. 5 ст. 12.9 КоАП 2021 г. (не являлся исполнителем). Наличие в КоАП 2021 г. нормы, аналогичной ч. 4 ст. 2.4 КоАП 2003 г., позволило бы привлечь подобного организатора (физическое лицо, организовавшее совершение административного правонарушения или руководившее его совершением) к ответственности наряду с исполнителями.

Также можно рассмотреть ситуацию, нередко встречающуюся на практике, когда представитель организации, продающей определенное оборудование (назовем его А.), составляет проект технического задания на государственную закупку, включающее такие технические характеристики, которым удовлетворяет только оборудование данной организации. В дальнейшем А. этот проект технического задания передает работнику организации, осуществляющей государственную закупку (заказчику), и именно работники заказчика на его основе разрабатывают и утверждают техническое задание с нарушением правил описания предмета государственной закупки (то есть «заточенное» под конкретного поставщика, чтобы после изучения и оценки предложений различных участников процедуры закупки именно данный поставщик был признан победителем, так как предложения других участников по каким-либо параметрам не соответствовали требованиям технического задания). В данном случае субъектами административной ответственности по ч. 3 ст. 12.9 КоАП 2021 г. являются только работники заказчика, а организатор (и потенциальный выгодополучатель от заключения с ним договора на государственную закупку) А. в рамках административно-деликтного закона остается безнаказанным.

По данному поводу правильно отмечено в научной литературе: если субъект не обладает признаками субъекта охраняемого общественного отношения, то он не может быть совершителем или исполнителем преступления данного вида [4, с. 23]. Именно для выхода из таких ситуаций еще много веков назад учеными-юристами разработан институт соучастия, предусматривающий ответственность не только за соисполнительство.

Подобных примеров можно привести и смоделировать огромное количество. Особенно важна норма о соучастии в случаях совершения противоправного деяния совместно со специальным субъектом (чаще всего должностным лицом) лицом, не являющимся таковым (данная тема подробно раскрыта в белорусской уголовно-правовой науке, например [5, с. 209–296; 6, с. 288–548; 7, с. 724–737], а также частично затронута применительно к административно-деликтному праву [8, с. 155–156]). Последний субъект в таких случаях не является соисполнителем и при отсутствии в административно-деликтном законе нормы об ответственности за соучастие в виде организатора, подстрекателя, пособника остается безнаказанным.

Справедливо отмечается, что отсутствие регламентации ответственности организатора не делает совершенное им деяние менее общественно вред-

ным, но освобождает его от административной ответственности. Так, при совершении группой лиц мелкого хищения у юридического лица исполнители будут привлечены к ответственности, а организатор, который ими руководил и координировал их действия, — нет [3, с. 32–33].

Изложенное свидетельствует о том, что действия соучастников (особенно организатора) могут причинить существенный вред охраняемым административным законом общественным отношениям.

По поводу второго аргумента, указанного в описании проекта КоАП 2021 г. как основание для отказа от применения административной ответственности за соучастие в административном правонарушении (малоприменимость), следует обратить внимание на следующие доводы, которые детально проработаны в науке уголовного права и с определенной адаптацией могут быть использованы в науке административного права.

Малоприменимость определенных административно-деликтных норм не всегда свидетельствует об отсутствии в них необходимости. Верен вывод о том, что редкое применение деликтных норм необязательно свидетельствует об их неэффективности и необходимости исключения из российского уголовного закона. Такие нормы обеспечивают решение задач, стоящих перед деликтным законом (в нашем случае — административно-деликтном), но только в крайне узких пределах правового регулирования [9, с. 42–43].

В юридической науке выделяют различные категории неприменяемых норм деликтного закона (помимо действительно «мертвых» норм, которые установлены преждевременно или ошибочно). Во-первых, это нормы, целесообразность и необходимость которых не может подвергаться сомнению, выполняющие важную предупредительную функцию, но не применяемые по причине объективно редкого, эпизодического совершения описанных в них деяний. Условно эти нормы можно назвать «спящими». Они успешно активируются лишь в редких случаях нарушения запрета. Во-вторых, это нормы, которые не применяются в силу субъективных причин, связанных с просчетами законотворческой или правоприменительной практики [10, с. 7–8].

Представляется, что административно-деликтные нормы, регламентирующие вопросы ответственности за соучастие, относятся именно к двум вышеуказанным категориям.

Во-первых, наличие норм об административной ответственности соучастников во многом будет дисциплинировать потенциальных правонарушителей. Например, часть руководителей, зная о наличии нормы об ответственности организатора административного правонарушения, не будет давать указания подчиненным работникам о совершении административных деликтов. В настоящее время административную ответственность несут конкретные работники-исполнители, выполнившие объективную сторону административного правонарушения по указанию руководителя, что укрепляет определенное чувство безнаказанности последних.

Во-вторых, нормы ст. 2.4 КоАП 2003 г. о соучастии применялись редко, представляется, именно из-за нежелания правоприменителей использовать

такую достаточно сложную для административно-деликтного права конструкцию. В административном процессе достаточно сложно и трудоемко собрать доказательства совместной деятельности ряда субъектов, задокументировать их общую противоправную деятельность с распределением ролей, правильно сформулировать в протоколе об административном правонарушении факты противоправного деяния. Гораздо проще определить исполнителей и «стандартным» образом оформить дело об административном правонарушении. Вместе с тем определенная пассивность должностных лиц, ведущих административный процесс, не должна являться основанием для отказа от в целом достаточно эффективного исследуемого правового института. Определенная методическая помощь вышестоящих органов, разъяснения и рекомендации Верховного Суда Республики Беларусь способны «убрать страх» правоприменителей применять редкий и непростой институт соучастия, о возможности «возвращения» которого идет речь в данной статье.

О недостаточной разработанности института соучастия свидетельствует смешение понятий «организатор», используемых в административно-деликтном праве и специальном законодательстве, регулирующем конкретную сферу правоотношений, охраняемых КоАП 2021 г.

Так, указывается, что понятие организатора как одного из видов соучастников в КоАП 2021 г. не закреплено, однако ответственность организатора предусмотрена в пяти статьях, в том числе за нарушение порядка осуществления государственных закупок (ст. 12.9). В этом случае организатор является не соучастником правонарушения, а исполнителем (специальным субъектом) [3, с. 32], то есть это не физическое лицо, организовавшее совершение административного правонарушения или руководившее его совершением (в понимании термина, используемого в теории административно-деликтного права), а юридическое лицо, выполняющее часть функций заказчика по организации и проведению процедур государственных закупок (данный термин раскрыт в абз. 9 ст. 1 Закона Республики Беларусь «О государственных закупках»). При этом законодатель при конструировании диспозиций частей ст. 12.9 КоАП 2021 г. более корректно было бы использовать термин «работник заказчика (организатора)» вместо «заказчик (организатор)», так как юридические лица (которыми в данном случае являются заказчики или организаторы в сфере государственных закупок, а никак не физическими лицами) не являются субъектами административных правонарушений, предусмотренных ст. 12.9 КоАП 2021 г.

Следует отметить, что нормы, посвященные институту соучастия, имеются в административно-деликтных законах отдельных стран постсоветского пространства. Так, в ст. 23(1) Кодекса Республики Таджикистан об административных правонарушениях регламентированы вопросы ответственности соучастников административного правонарушения, к которым наряду с исполнителем отнесены также организатор и пособник. В Кодексе Кыргызской Республики о проступках, действовавшем до ноября 2021 г., целая глава, состоявшая из 6 статей, была посвящена вопросам соучастия, где соучастниками проступка, наряду с исполнителями, признавались ор-

ганизаторы и подстрекатели. Российскими исследователями отмечается, что потребность в институте соучастия в российском административно-деликтном законе настоятельно ощущается в юрисдикционной практике [11, с. 14–15], и его введение представляется необходимым [12, с. 32] или даже неизбежным [13, с. 123].

Общепризнано, что с помощью института юридической ответственности государство указывает направление правового развития, вытесняя устаревшие общественные отношения, определяя виды неправомерного поведения [14, с. 398]. Установление ответственности за административные правонарушения, совершенные в соучастии, покажет стремление государства активно бороться с достаточно немалым пластом общественно вредных деликтов, остающихся в настоящее время без должной негативной оценки, что будет способствовать укреплению законности и правопорядка.

Таким образом, если вопрос об установлении административной ответственности пособника, перечень составов административных правонарушений, за соучастие в которых он несет ответственность, еще может вызывать какие-либо дискуссии в отечественной науке административного права, то вопрос о необходимости введения административной ответственности организатора правонарушения представляется очевидным, вызванным требованиями времени.

Заключение

По результатам исследования можно сформулировать предложение о дополнении КоАП 2021 г. ст. 2.6 «Соучастие в административном правонарушении», в которой регламентировать институт соучастия в редакции, аналогичной ст. 2.4 КоАП 2003 г., за исключением ч. 7, содержащей перечень статей Особенной части КоАП 2003 г., по которым предусматривалась административная ответственность пособника (данная часть должна быть сокращена и сформулирована с учетом особенностей КоАП 2021 г. и реальных потребностей правоприменительной практики с учетом мнения органов, ведущих административный процесс).

Список цитированных источников

1. Чуприс, О. И. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях 2021 года в разрезе отражения элементов административно-деликтной политики / О. И. Чуприс // Право.by. — 2021. — № 5. — С. 5–12.
2. Проект Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс] / Официальный сайт Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://house.gov.by/ru/zakony-ru/view/kodeks-respubliki-belarus-ob-administrativnykh-pravonarushenijax-980>. — Дата доступа: 03.09.2023.
3. Семенюк, Д. П. Соучастие в совершении административного правонарушения: ретроспективный и современный анализ / Д. П. Семенюк // Вестн. Академии МВД Респ. Беларусь. — 2022. — № 1. — С. 29–34.

4. *Бабий, Н. А.* О единстве взаимопределяющих признаков состава преступления и учении о соучастии: тезисы / Н. А. Бабий // Юстыцыя Беларусі — 2014. — № 7. — С. 17–23.

5. *Бабий, Н. А.* Множественность лиц в преступлении и проблемы учения о соучастии / Н. А. Бабий. — М. : Юрлитинформ, 2013. — 719 с.

6. *Бабий, Н. А.* Соучастие в преступлении: формы, виды, ответственность / Н. А. Бабий. — М. : Юрлитинформ, 2015. — 741 с.

7. Курс уголовного права : в 5 т. Общая часть. Т. 1. Учение о преступлении / С. В. Ананич [и др.] ; под ред.: И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. — Минск : Изд. центр БГУ, 2018. — 863 с.

8. *Сугак, И. А.* Соучастие: уголовное и административно-деликтное законодательство Республики Беларусь. Сравнительно-правовой анализ / И. А. Сугак // Право. Экономика. Социальное партнерство : сб. докладов Межд. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию учр. обр. Фед. профсоюзов Беларуси «Межд. ун-т «МИТСО», г. Минск, 26 марта 2020 г. : в 2 ч. / ред. кол.: В. В. Лосев (гл. ред.) [и др.]. — Минск : МИТСО, 2020. — Ч. 1. — С. 153–156.

9. *Курсаев, А. В.* Причины наличия «мертвых норм» в Уголовном кодексе Российской Федерации / А. В. Курсаев // Право: история и современность. — 2021. — № 1. — С. 37–44.

10. *Бабаев, М.* «Мертвые нормы» в Уголовном кодексе: проблемы и решения / М. Бабаев, Ю. Пудовочкин // Уголовное право. — 2010. — № 6. — С. 4–10.

11. Реформа административной ответственности в России / А. В. Кириин [и др.] ; под ред.: А. В. Кирина, В. Н. Плигина. — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2018. — 476 с.

12. *Стандзень, Л. В.* Административная ответственность за правонарушения в сфере лицензирования: некоторые материально-правовые и процессуально-правовые проблемы / Л. В. Стандзень // Административное право и процесс. — 2023. — № 4. — С. 30–33.

13. *Морозова, Н. А.* Соучастие в совершении административного правонарушения / Н. А. Морозова // Журн. рос. права. — 2014. — № 8. — С. 113–125.

14. *Сорокин, В. В.* Общее учение о государстве и праве переходного периода / В. В. Сорокин. — М. : Юрлитинформ, 2010. — 423 с.

Аннотация. Статья посвящена изучению вопросов соучастия в административно-деликтном праве Республики Беларусь. В новом Кодексе Республики Беларусь об административных правонарушениях данный правовой институт отсутствует. Автор на основании изучения научной литературы и правоприменительной практики приведены доводы о необходимости внесения изменений в Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях и введения ответственности за правонарушения, совершенные в соучастии.

TO THE QUESTION OF COMPLICITY IN THE COMMISSION OF AN ADMINISTRATIVE OFFENSE

Bildzeika A. A.

Keywords: administrative offense, administrative responsibility, complicity, subject of offense

Abstract. The article is devoted to the study of issues of complicity in the administrative and tort law of the Republic of Belarus. This legal institution is absent in the new Code of Administrative Offenses of the Republic of Belarus. Based on the study of scientific literature and law enforcement practice, the author presented arguments about the need to amend the Code of Administrative Offenses of the Republic of Belarus and introduce liability for offenses committed in complicity.

УДК 343.21

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПНОСТИ, СВЯЗАННОЙ С ОСУЩЕСТВЛЕНИЕМ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОЙ ИЛИ МЕЖДУНАРОДНОЙ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОЙ ПРИНЯТО РЕШЕНИЕ О ПРИЗНАНИИ НЕЖЕЛАТЕЛЬНОЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Васильченко К. В.

Ключевые слова: криминологическая характеристика преступности, нежелательная деятельность, неправительственные организации, иностранные и международные организации, уголовная ответственность, охрана основ конституционного строя

Введение

Осуществление деятельности иностранной или международной неправительственной организации (далее — ИННО (МО)), в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности, криминализировано российским законодателем в 2015 г. [1]. С введением понятия «нежелательной деятельности» параллельно в УК РФ и КоАП РФ включены запреты на осуществление данной деятельности. Административная ответственность ИННО (МО) установлена ст. 20.33 КоАП РФ (участие в деятельности ИННО (МО)), в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности), УК РФ был дополнен ст. 284.1 (осуществление деятельности ИННО (МО), в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности).

В последующей редакции объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 284.1 УК РФ [2], складывается из следующих действий: участие в деятельности организации, признанной нежелательной на территории РФ (ч. 1); предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг для такой организации (ч. 2); организация деятельности такой организации на территории РФ (ч. 3). При этом условием наступления уголовной ответственности по ч. 1 ст. 284.1 УК РФ является наличие административной преюдиции или судимости за совершение преступления, предусмотренного данной статьей.

Также разработан порядок принятия решения о признании нежелательной деятельности организации [3]. Нежелательной может быть признана деятельность ИННО (МО), которая представляет угрозу основам конституционного строя Российской Федерации, ее обороноспособности или безопасности, в том числе оказывающая влияние на проведение и итоги выборов или референдумов, а также организации, оказывающей посреднические услуги при проведении операций с имуществом, принадлежащим ИННО (МО), деятельность которой признана нежелательной на территории Российской Федерации.

Соответствующее решение в отношении ИННО (МО) принимается Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителями по согласованию с Министерством иностранных дел Российской Федерации. Министерство юстиции Российской Федерации (далее — Минюст России) осуществляет ведение и опубликование перечня данных организаций.

Таким образом, постановке вопроса о наличии в действиях лица состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 284.1 УК РФ, предшествует сначала решение Генерального прокурора Российской Федерации (его заместителя) о признании деятельности организации нежелательной (и опубликование данной информации на сайте Минюста России) и вступление в силу постановления о привлечении данного лица к административной ответственности по ст. 20.33 КоАП РФ или приговора суда за аналогичное преступление.

Изложенное позволяет говорить о том, что конструкция, примененная законодателем при разработке рассматриваемого уголовно-правового запрета, делает ст. 284.1 УК РФ первой статьей Особенной части УК РФ, осложненной бланкетной частью, которую составляет решение прокурора.

Основная часть

За период действия ст. 284.1 УК РФ Генеральной прокуратурой Российской Федерации приняты решения о признании нежелательной на территории России деятельности 92 ИННО (МО) [4]. Преимущественно это организации из США, Великобритании, Украины, Латвийской Республики, ФРГ и др.

Рассмотрение криминологического аспекта преступности, связанной с нежелательной деятельностью ИННО (МО), как и любого криминологического явления, следовало бы начать с уяснения и исследования количественных показателей. Измерение преступности ставится «во главу угла» в зарубежной криминологии [5; 6]. Однако в данном случае в силу отсутствия широкой эмпирической базы, применение классических статистических

методов не представляется эффективным, поскольку за период действия положений ст. 284.1 УК РФ с 2015 г. по настоящее время имеют место лишь единичные случаи вынесения приговоров за совершение предусмотренных ею преступлений.

Вместе с тем названные низкие количественные показатели не следует трактовать как маркер «неработающей» статьи. Напротив, можно говорить о качественной модели отечественного регулирования «нежелательной» деятельности ИННО (МО), которая гуманно и эффективно работает в рамках предупредительной функции уголовного законодательства. В данном случае важную роль играют не только устрашающие свойства уголовного наказания, гипотеза о наличии которых в доктрине уголовного права никем не опровергнута, но и системные свойства уголовного права и механизма административной преюдиции.

Во-первых, сам по себе уголовный запрет усиливает регулирующее воздействие предписаний федерального законодательства о деятельности ИННО (МО), представляющей угрозу основам конституционного строя Российской Федерации [3], в том числе о включении организации в перечень «нежелательных». О свойствах уголовного закона «придавать силу» иным законами говорили как философы прошлого, так и современные ученые. «Соединяясь в динамичные системы с нормами практически всех отраслей права, уголовное право, с одной стороны, включает их предписания в полную уголовно-правовую норму для детализации признаков общественно опасных деяний, определения границ между преступным и неправомерным, с другой, — само передает им часть своей юридической силы, присутствуя в качестве потенциальной угрозы применения уголовного наказания.» [7, с. 509–512].

Касаясь вопроса использования механизма административной преюдиции, нельзя не отметить, что доктринальная дискуссия о возможности ее применения в российской правовой системе сохраняется. Количество сторонников и противников административной преюдиции в научной среде остается высоким. Наряду с этим сложно отрицать бесспорные профилактические плюсы административной преюдиции, о которых неоднократно говорилось в отечественной научной литературе [8, с. 20]. Лицо, подвергнутое административно-правовому взысканию, более предметно представляет себе юридические последствия повторного совершения деяния. Оно официально предупреждено о возможности применения конкретной статьи УК РФ, с конкретной санкцией [7, с. 513].

На примат превентивных мер по отношению к наказанию указывает также Конституционный суд Российской Федерации, согласно правовой позиции которого «виды юридической ответственности и сопутствующие им наказания должны обладать разумным сдерживающим потенциалом, достаточным для соблюдения соответствующих запретов (ограничений); в противном случае их применение не будет отвечать предназначению государственного принуждения, которое, по смыслу статей 1 (часть 1), 2, 17 (часть 3), 18 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, заклю-

чается, главным образом, в превентивном использовании присущих ему юридических средств для защиты прав и свобод человека и гражданина, иных конституционно признаваемых ценностей гражданского общества и правового государства» [9].

Также следует иметь в виду, что фактически действия по осуществлению нежелательной деятельности производятся до ее признания нежелательной. После внесения организации в соответствующий перечень такая деятельность либо прекращается, либо возобновляется и продолжается, за что предусмотрена ответственность. В связи с этим состояние данного вида преступности следует рассматривать во взаимосвязи с динамикой принятия Генеральной прокуратурой РФ решений о признании деятельности ИННО (МО) нежелательной на территории РФ.

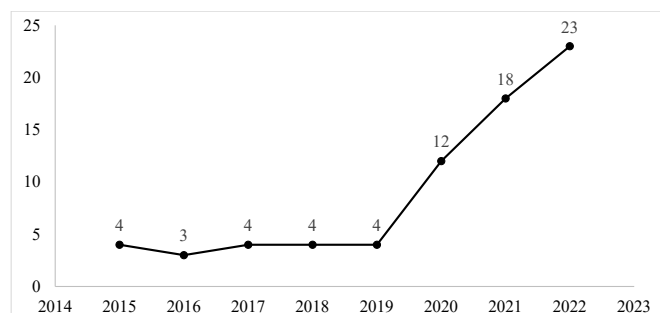

Рис. 1 Динамика принятия решений о признании деятельности ИННО (МО) нежелательной на территории РФ в период с 2015 г. по 2022 г.

Приведенный график наглядно демонстрирует, что, начиная с даты криминализации деяния до настоящего времени, активность организаций, осуществляющих нежелательную деятельность на территории РФ, существенно растет. Если в первые годы новеллы (2015–2019 гг.) Генеральной прокуратурой РФ выявлялась и признавалась нежелательная деятельность не более чем 4-х организаций в год, то в период с 2019 до 2022 гг. число таких решений возросло в 6 раз (с 4 до 23). За 6 мес. 2023 г. оно уже достигло 20.

Осуществление нежелательной деятельности ИННО (МО) направлено в первую очередь против государственной власти, против основ конституционного строя и имеет организованный, управляемый характер. На вопрос об «управляющем» такой деятельностью предстоит ответить.

Мировой опыт показывает, что во многих случаях за инспирированием социально-политической дестабилизации стоит территориальный, ресурсный либо иной интерес иностранного государства. Для этих целей используются механизмы вмешательства в национальную систему цен-

ностей, кризисные моменты и слабые стороны управленческой системы государства-мишени, инспирируется социально-политическая, экономическая или межэтническая напряженность в нем.

В подтверждение данной точки зрения высказываются также эксперты в области вооруженных конфликтов XXI века, по мнению которых, подавляющее большинство современных международных конфликтов начинаются и разворачиваются как политические, экономические или межэтнические противоречия в рамках одного государства [10, с. 10].

При таких обстоятельствах роль неправительственных объединений нельзя недооценивать. Еще в 70-х годах прошлого столетия отечественные исследователи говорили о международных неправительственных организациях как об арене политической и идеологической борьбы, частью исторического противоборства социализма с западными силами [11, с. 154]. Наиболее значимыми антиправительственными организациями современности являлись «Отпор» в Сербии, «Кмара» в Грузии, «Пора» на Украине, «Кел-Кел» и «Бирге» в Киргизии, «Кифайя» и «Молодежное движение 6 апреля» в Египте. Данные структуры были хорошо подготовлены, поскольку их активисты заранее проходили специальное обучение по тактике и стратегии ненасильственной борьбы под руководством западных кураторов [12, с. 217].

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что в основе детерминирующего комплекса нежелательной деятельности ИННО (МО) лежит попытка одной из сторон реализовать свой ресурсный, территориальный или иной интерес, что необходимо учитывать при разработке мер предупреждения данного вида преступности.

Рассматривая государственную систему профилактики преступности как совокупность трех элементов (общей, специальной и индивидуальной профилактики) в контексте предупреждения преступности, связанной с осуществлением нежелательной деятельности, представляется целесообразным отдать ключевую роль механизмам общей профилактики. Используем для последней определение, разработанное В. Н. Кудрявцевым: «совокупность мер, направленных на оздоровление общественных отношений, ликвидацию социальных пороков, повышение благосостояния общества» [13, с. 39]. Такое определение, несмотря на кажущуюся широту, представляется в данном случае наиболее подходящим и точным. Здоровое единство и согласие в общенациональных мировоззренческих установках, системе ценностей представляется залогом надежной защиты государства от внешних посягательств.

В конце XX в. российское общество столкнулось с мощным внедрением идей индивидуализма и материального благополучия как символа успеха и столкнулось с последствиями утраты ряда ценностных ориентиров, связанных с дружбой, взаимовыручкой, добротой, семьей, патриотизмом и др. К настоящему времени названные установки возвращаются в сознание российского общества. Это медленный национально-генетический процесс, который в то же время не должен оставаться без участия государства в той части, в которой это связано с охраной суверенитета и государственной безопасности.

Заключение

Опыт расцвета фашизма в середине XX в. и его подъема в современности показывает губительность временных внедренных национальных установок. В то время как крепкие, единые, исторически сложившиеся национальные ориентиры способны противостоять любому вмешательству в национальную систему ценностей, попыткам социально-политической дестабилизации и дискредитации государственной власти.

В связи с этим вероятнее всего приложение усилий власти к укреплению системы исторически сложившейся системы духовных ценностей, к возрождению общенациональных идеалов сильного и могущественного государства должно лежать в основе предупреждения преступности, связанной с осуществлением нежелательной деятельности ИННО (МО) на территории РФ.

Список цитируемых источников

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 23 мая 2015 г., № 129-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2023.
2. О внесении изменения в статью 284.1 Уголовного кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 1 июля 2021 г., № 292-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2023.
3. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 28 дек. 2012 г., № 272-ФЗ : в ред. Федер. закона от 13.06.2023, № 253-ФЗ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2023.
4. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://minjust.ru/ru/activity/nko/unwanted> — Дата доступа: 19.07.2023.
5. Criminology : A Contemporary Handbook / ed. Sheley, J. — Wadsworth : Thomson Learning, 2000. — Third ed. — P. 56–83.
6. Tierney, J. Criminology: Theory and Context. — Prentice Hall, Harvester Wheatsheaf, 1996. — P. 24–43.
7. Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества / П. В. Агапов [и др.] ; под общ. ред. Р. В. Жубрина. — Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. — М. : Проспект, 2016. — 655 с.
8. Цепелев, К. В. Проблемы квалификации преступлений с административной преюдицией : науч.-практ. пособие / К. В. Цепелев, С. М. Медунцова ; Ун-т прокуратуры Рос. Федерации. — М., 2021. — 90 с.
9. По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И. И. Дадина [Электронный ресурс] : постановление Конституционного Суда

Рос. Федерации, 10 февр. 2017 г., № 2-П // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2023.

10. Фоминых, А. Е. Международные конфликты в XXI веке : учеб. пособие для студентов направления подготовки 41.03.05 Международные отношения / А. Е. Фоминых. — Йошкар-Ола : Марийский гос. ун-т, 2021. — 143 с.

11. Коваленко, И. И. Международные неправительственные организации / И. И. Коваленко ; Ин-т мировой экономики и междунар. отношений АН СССР. — М. : Междунар. отношения, 1976. — 167 с.

12. Наумов, А. О. Роль неправительственных организаций в «цветных революциях» / А. О. Наумов // Государственное управление. Электронный вестник. — 2018. — № 71. — С. 207–225.

13. Криминология : учебник для сред. юрид. учеб. заведений / Г. А. Аванесов [и др.] ; под ред. В. Н. Кудрявцева. — М. : Юрид. лит., 1976. — 168 с.

Аннотация. Статья посвящена исследованию криминологических особенностей преступности, связанной с осуществлением деятельности иностранной или международной неправительственной организации, в отношении которой принято решение о признании нежелательной на территории Российской Федерации ее деятельности. Автором рассмотрены уникальные конструктивные особенности, примененные законодателем при разработке диспозиции ст. 284.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, раскрыты элементы детерминирующего комплекса данного вида преступности и сформулированы предложения по мерам ее предупреждения.

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF CRIME RELATED TO THE ACTIVITIES OF A FOREIGN OR INTERNATIONAL NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATION, IN RESPECT OF WHICH A DECISION HAS BEEN MADE TO RECOGNIZE ITS ACTIVITIES AS UNDESIRABLE ON THE TERRITORY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Vasilchenko K. V.

Keywords: criminological characteristics of crime, undesirable activities, non-governmental organizations, foreign and international organizations, criminal liability, protection of the foundations of the constitutional system.

Abstract. The article is devoted to the study of criminological features of crime related to the activities of a foreign or international non-governmental organization, in respect of which a decision was made to recognize its activities as undesirable on the territory of the Russian Federation. The author considers the unique design features applied by the legislator when developing the disposition of Article 284.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, reveals the elements of the deterministic complex of this type of crime and formulates proposals for measures to prevent it.

О ПРЕОДОЛЕНИИ НЕКОТОРЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ В ТЕОРИИ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Винокуров С. И.

Ключевые слова: преступность, общественно опасные деяния, преступления, предупреждение, предотвращение, пресечение.

Введение

Одной из актуальных проблем криминологии является разработка теоретических основ предупреждения преступности. Данный раздел должен стать ключевым в структуре данной науки, поскольку это обусловлено ее основным целеполаганием.

Вместе с тем углубленный анализ исходных положений теории предупредительной деятельности показывает наличие здесь значительных противоречий, спорных суждений, дискуссий относительно уяснения природы, содержательной сущности, границ и иных важных вопросов данной деятельности [1, с. 45–49].

Многие противоречия и неоднозначные оценки предупреждения преступности возникли в результате пробелов, двойственности подходов, нечеткости определений, других недостатков теории и законодательства в уголовно-правовой сфере. Для исправления отмеченных недостатков следует более внимательно, предметно и комплексно исследовать причины их возникновения и укоренения, а также пути и средства преодоления. В этой связи особый интерес представляет четкое уяснение двух базовых понятий: «преступность» и «предупреждение».

Основная часть

1. Прежде всего обращает на себя внимание неоднозначность толкования понятия «преступность» в уголовно-правовом контексте. Так, в ст. 3, 9, 10 УК РФ данный термин можно трактовать как синоним понятия «уголовная ответственность». Такое толкование обусловлено фактом криминализации конкретного общественно опасного деяния. Другой смысл вкладывается в термин «преступность деяния» в восьмой главе УК РФ (обстоятельства, исключаящие преступность деяния). Здесь (в ст. 37–42 этой главы) указанное понятие сводится к более частному — «преступление».

Еще труднее определить содержание термина «преступность» применительно к уголовному закону в целом. Здесь деяния отличаются разнообразием, качественной неоднородностью, различием вредоносных характеристик. Причем последние являются полярными: одни вызывают запрет, другие — позитивную оценку. Поэтому далеко не все отраженные в УК РФ вредоносные деяния могут претендовать на включение в содержание криминологического понятия «преступность».

Отсюда необходимо четко уяснить, разграничить и сгруппировать уголовные деяния в целях выделения из них общественно опасных, запрещенных уголовным законом. Решение данной задачи представляется исключительно важным, поскольку именно на упреждение общественно опасных деяний, а не только преступлений, должна быть нацелена теория предупреждения преступности, разрабатывающая пути и средства сдерживания, недопущения указанных деяний, минимизации причиняемого ими вреда.

Необходимо также указать, что предлагаемый широкий подход к содержанию уяснению понятия «преступность» важен прежде всего для утверждения более весомой роли и значимости личности потерпевшего в уголовно-правовой сфере.

В настоящее время в связи с недостаточным вниманием уголовного закона к личности потерпевшего доминирует узкое толкование преступности, выражаемое только всей совокупностью преступлений, лиц, их совершивших, и, в лучшем случае, потерпевших от данных посягательств. При этом остаются без внимания потерпевшие от тех общественно опасных деяний, которые ввиду отсутствия специально установленных уголовным законом юридических признаков (возраста, вменяемости и др.) преступлениями не признаются. Однако при этом общественная опасность (вредоносность) таких деяний сохраняется, явным подтверждением чему служит наличие здесь значительного числа потерпевших, причем не только от умышленных, но и от неосторожных деяний.

Вредоносные деяния, отраженные в УК РФ, можно подразделить на несколько групп. Среди них наиболее широким и объемным множеством являются «**общественно опасные деяния**». Они причиняют (способны причинить) **общественно опасный вред** охраняемым уголовным законом общественным отношениям, объектам (ценностям), индивидам. При этом под указанным вредом мы понимаем негативные изменения или реальную угрозу негативного изменения явлений, объектов, процессов внешнего мира, а равно физического или психического благополучия (состояния) человека.

Основной характеристикой данной категории вредоносных деяний является их общественная опасность (вредоносность) и, как юридическое следствие, их криминализация. УК РФ не раскрывает понятие «общественная опасность», не обуславливает его появление фактом (возможностью) причинения существенного вреда. Данный пробел порождает сложности и противоречия при анализе генезиса вредоносности деяния, стадий нарастания вреда, определения элементов и границ предупреждения преступности.

Принципиально важно указать, что причинение (опасность причинения) указанного вреда позволяет рассматривать «общественную опасность» как материальный (объективный) признак данных деяний, не зависящий от других, в том числе субъективных характеристик их участников. Следует также указать и еще на один важный признак общественно опасного деяния: его запрещенность уголовным законом, а следовательно, «противоправность».

Центральным по значимости следует рассматривать понятие «**преступление**». Его отличает особенно взвешенная, строго выверенная правовая

регламентация, проявившая себя в разработке дефиниции «преступление», данной в ч. 1 ст. 14 УК РФ. Согласно указанной формулировке преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное уголовным законом под угрозой наказания. Следовательно, основными признаками преступления являются «общественная опасность», «противоправность», «виновность» и «наказуемость». При этом необходимо иметь в виду, что «виновность» и «наказуемость» отграничивают «преступление» от иных общественно опасных деяний.

Можно упомянуть и о вредоносных деяниях, хотя формально и содержащих признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК РФ, но в силу малозначительности не представляющих общественной опасности, а следовательно, не являющихся преступлениями (ч. 2 ст. 14 УК РФ).

Особняком находятся и предусмотренные УК РФ социально полезные, правомерные деяния, которые внешне могут проявляться как вредоносные, однако в силу своей позитивной социальной направленности не являются преступлениями (необходимая оборона, крайняя необходимость и др.). Противоречивый характер такого рода деяний обусловлен двойственным характером вреда. С чисто объективной стороны вред как негативное изменение чего-либо (кого-либо) — явление деструктивное. Вместе с тем с юридической точки зрения оценка такого «вреда» может существенно различаться в зависимости от правомерности поведения взаимодействующих субъектов. Так, если обороняющийся причиняет вред посягающему (в установленных уголовным законом пределах), то такое причинение правомерно, а значит, позитивно. Следовательно, нет оснований говорить в таком случае о наличии здесь общественной опасности.

Таким образом, среди разнообразных вредоносных деяний, поименованных в уголовном законе, только общественно опасные, в том числе преступления, могут составлять содержание криминологического понятия «преступность», следовательно, быть предметом предупредительной деятельности.

Ориентация на предупреждение общественно опасных деяний имеет принципиальное значение, поскольку вступает в противоречие со сложившейся в настоящее время в криминологии практикой изучения, анализа и прогнозирования исключительно преступлений. Данное положение представляется не совсем корректным, порождающим благоприятные условия для ущемления прав и законных интересов потерпевших от общественно опасных деяний. Последние в соответствии с юридической конструкцией понятий «виновность» и «наказуемость» в разряд «преступлений» могут не попадать. Следовательно, если нет «преступления», то велик соблазн не обращать внимание и на нужды «потерпевшего», а потому высока вероятность игнорирования его нужд и потребностей.

2. Еще более заметные различия приобретает «преступность» в **криминологическом контексте**. Здесь в основу ее классификации могут быть положены как уголовно-правовые признаки (форма вины, объект правовой охраны, предмет посягательства и др.), так и криминологические (латент-

ность преступности, степень ее организованности, характер преступности и др.).

В этой связи полагаем, что криминологический анализ преступности (в статистическом измерении) должен включать в себя всю совокупность (сумму) зарегистрированных общественно опасных деяний, лиц, их совершивших, а также потерпевших от данных деяний и причиненный этими деяниями совокупный вред. Кроме того, с учетом данного подхода должны исследоваться в зависимости от характера преступности и иные криминологические ее виды (умышленная, неосторожная, насильственная, латентная и др.). В соответствии с этим должна строиться и теория предупреждения преступности, включающая в свое содержание не только преступления, но и иные типичные общественно опасные деяния.

3. Серьезной, неоднозначно решаемой проблемой теории предупреждения преступности является также четкое определение и самого понятия «предупреждение». От этого во многом зависит адекватное определение состава элементов и границ рассматриваемой предупредительной деятельности. Раскрывая природу и сущность «предупреждения преступности», следует обратить внимание на два важных обстоятельства.

Первое заключается в том, что данное понятие как цельная, неделимая категория реально не существует и должно восприниматься как собирательное, поскольку фактически представляет собой сложную, **составную** правовую конструкцию. Об этом может свидетельствовать хронологический анализ практики противодействия преступности. Он показывает, что система указанного противодействия применительно к предупредительной деятельности включает в себя несколько стадий, имеющих существенные различия.

Так, подавляющему большинству преступлений предшествуют разнообразные негативные факторы, обуславливающие преступность. Они образуют относительно самостоятельную **«криминогенную стадию»** преступности. Именно для упреждающего воздействия на нее и предназначена начальная предупредительная форма, именуемая **«профилактикой»**.

За «криминогенной стадией» сразу же последовательно друг за другом следуют применительно к умышленным преступлениям уголовно-правовые стадии **«приготовление к преступлению»** и **«покушение на преступление»**. При этом в качестве мер воздействия на данные криминальные проявления используются **«предотвращение»**, а затем и **«пресечение»** преступлений.

Таким образом, среди названных форм упреждающего реагирования на потенциальные или совершаемые преступления («профилактика», «предотвращение», «пресечение») нет отдельного (самостоятельного) места понятию «предупреждение преступлений». Следовательно, данное понятие представляет собой комплексную, собирательную, составную криминологическую конструкцию.

Второе обстоятельство характеризуется неоднородностью и существенными особенностями отдельных элементов «предупредительной

деятельности». Речь прежде всего о «профилактике». Она осуществляется в условиях, когда преступление еще не началось, а существует лишь обобщенная, реальная угроза его совершения. С учетом этого еще нет оснований для наступления уголовной ответственности и применения соответствующих юридических средств уголовно-правового воздействия.

В случае начала преступления уже возникают реальные повод и основание для применения к соответствующему правонарушителю необходимых средств уголовно-процессуального воздействия. Однако данное обстоятельство по-прежнему характеризуется приоритетом предупредительного начала, хотя и имеет определенные особенности и сложности в части уяснения целевого назначения разных форм предупредительной деятельности.

Для профилактики — это сдерживание, недопущение начала совершения преступления (общественно опасного деяния) как такового. Для предотвращения и пресечения преступлений (общественно опасных деяний) назначением является сдерживание, недопущение причинения возможного уголовно-правового вреда, что выражается в его снижении, минимизации, локализации.

Принципиально важно также обратить внимание на попытки некоторых специалистов сузить границы рассматриваемой предупредительной деятельности. В частности, сравнительно недавно в очередной раз была высказана точка зрения, согласно которой «при предотвращении приготовления к тяжким и особо тяжким преступлениям, пресечении покушений на преступления уже требуется уголовно-правовая оценка стадии совершения преступления, что не позволяет рассматривать эту деятельность как предупредительную» [2, с. 9].

Таким образом, сторонники высказанной научной позиции исключают предотвращение и покушение на преступления из числа элементов предупреждения преступлений (преступности), сводя фактически эту деятельность только к профилактике. Данная позиция представляется весьма спорной.

Во-первых, указанные авторы не учитывают, что приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести (а их значительное большинство) не требует уголовно-правовой оценки, а следовательно, ничто не препятствует в данном случае их предупреждению.

Во-вторых, данные ученые упускают из виду важный момент, связанный с уяснением генезиса вреда, его наращиванием в ходе последовательного движения (развития) стадий совершения преступления. При этом наивысшего уровня общественно опасный вред (применительно к умышленным преступлениям) достигает в момент причинения посягающим **целевого вреда**, т. е. в период окончания преступления. Под целевым вредом мы понимаем вред, к причинению которого стремился виновный или сознательно допускал его, а равно если данный вред был объективно обусловлен используемыми виновным обстановкой, механизмом или способом причинения вреда при безразличном его отношении к последствиям своего деяния.

Вместе с тем наращивание деструктивного потенциала вреда в процессе его генезиса может иметь место не только применительно к умышленным

общественно опасным деяниям (преступлениям), но и неосторожным. Применительно к последним речь может идти об истоках возникновения и развития общественно опасного вреда, например, в случае систематических нарушений правил техники безопасности на производстве, предшествующих промышленной аварии с тяжкими последствиями. При этом следует отметить, что указанными нарушениями была создана криминогенная стадия будущего неосторожного общественно опасного деяния.

В-третьих, исключение из предупредительной деятельности предотвращения преступлений и покушения на преступления фактически устраняет возможность стимулирования или побуждения нарушителей к добровольному отказу от преступления.

Поэтому считаем обоснованным рассматривать предотвращение и пресечение общественно опасных деяний (преступлений) в целях минимизации причиняемого ими вреда в качестве элементов предупредительной деятельности.

Заключение

Рассмотренные выше актуальные вопросы преодоления некоторых противоречий в теории предупреждения преступности не исчерпывают всего многообразия имеющихся здесь проблем. Работа в этом направлении должна быть продолжена. В частности, в целях развития криминологической теории предупреждения преступности и устранения имеющихся противоречий в качестве приоритетных вопросов комплексного научного исследования практики противодействия преступности можно определить следующие:

- генезис деструктивного развития общественно опасного вреда, определение его видов на различных криминогенных стадиях, поэтапная трансформация вреда из антиобщественного, а затем противоправного в общественно опасный (преступный);
- сущность и система криминологической классификации стадий предупредительной деятельности;
- устранение противоречий между предупреждением преступлений (преступности) и уголовной ответственностью;
- обусловленность и особенности трансформации предупредительной деятельности в отношении рецидивной преступности в более широкое криминологическое понятие «противодействие преступности».

Список цитированных источников

1. Мигущенко, О. Н. Система профилактики правонарушений в Российской Федерации: терминологическая бессистемность / О. Н. Мигущенко // Рос. следовател. — 2017. — № 8. — С. 45–49.
2. Теоретические основы предупреждения преступности на современном этапе развития российского общества : монография. — М., 2016.

Аннотация. Разработка теории предупреждения преступности обуславливает необходимость четкого уяснения неоднозначно трактуемых

специалистами понятий «преступность» и «предупреждение». Углубленное исследование понятия «преступность» предполагает обращение к анализу уголовного законодательства Российской Федерации, содержащего в себе определенный перечень вредоносных деяний, формально претендующих на включение в категорию «преступность». В статье обосновывается вывод, что из всего разнообразия терминов, включенных в УК РФ, в понятие «преступность» могут быть включены только общественно опасные деяния, в том числе преступления.

Еще более заметные особенности приобретает понятие «преступность» в криминологическом контексте, поскольку в основу классификации преступности могут быть положены как уголовно-правовые, так и криминологические признаки. В целом обосновывается вывод, что теория предупреждения преступности должна включать в свое содержание не только преступления, но и иные общественно опасные деяния. В ходе анализа понятия «предупреждение» основной акцент сделан на определении состава элементов и границ рассматриваемой предупредительной деятельности. Обосновывается вывод, что в качестве элементов предупредительной деятельности необходимо рассматривать предотвращение и пресечение общественно опасных деяний (преступлений).

ON OVERCOMING SOME CONTRADICTIONS IN THE THEORY OF CRIME PREVENTION

Vinokurov S. I.

Keywords: crime, socially dangerous acts, crimes, prevention, prevention, suppression.

Abstract. The development of the theory of crime prevention necessitates a clear understanding of the ambiguously interpreted concepts of «crime» and «prevention» by specialists. An in-depth study of the concept of «crime» involves an appeal to the analysis of the criminal legislation of the Russian Federation, which contains a certain list of malicious acts that formally claim to be included in the category of «crime». The article substantiates the conclusion that out of all the variety of terms included in the Criminal Code of the Russian Federation, only socially dangerous acts, including crimes, can be included in the concept of «crime». The concept of «crime» in the criminological context acquires even more noticeable features, since both criminal law and criminological signs can be used as the basis for the classification of crime. In general, the conclusion is substantiated that the theory of crime prevention should include in its content not only crimes, but also other socially dangerous acts. During the analysis of the concept of «prevention», the main emphasis is placed on determining the composition of the elements and boundaries of the considered preventive activity. The conclusion is substantiated that prevention and suppression of socially dangerous acts (crimes) should be considered as elements of preventive activity.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

Герасимова С. И.

Ключевые слова: домашнее насилие, жертвы домашнего насилия, профилактика, взаимодействие, восстановительный подход

Введение

Сегодня одним из приоритетных направлений социальной политики в Республике Беларусь является государственная семейная политика. Благополучие и стабильность семьи как важнейшего социального института общества является условием его социально-экономической и политической стабильности, гарантом внутренней безопасности любого государства.

Применение насилия в отношении физически слабых или социально незащищенных членов семьи разрушительно влияет на институт семьи и нравственное состояние общества в целом.

Основная часть

По сведениям МВД Республики Беларусь каждое 4-е убийство и причинение тяжких телесных повреждений в стране совершается совместно проживающими и близкими людьми [1]. Жертвы семейно-бытовых конфликтов составляют наиболее многочисленную группу среди погибших и пострадавших от преступлений.

Традиционно жертвами домашнего насилия становятся женщины (как правило, в возрасте от 26 до 45 лет) и дети. Насилие в семье над мужчинами распространено не столь широко, как над лицами женского пола [2, с. 577].

По данным опубликованным ВОЗ, примерно каждая третья женщина (30 %) в мире на протяжении своей жизни подвергается физическому и / или сексуальному насилию со стороны интимного партнера либо сексуальному насилию со стороны другого лица [3].

Российский ученый Д. А. Шестаков приводит данные, свидетельствующие о том, что среди членов семьи, ставших жертвой внутрисемейных преступлений, чаще всего встречаются жены преступников, затем следуют дети, родители (включая родителей супруга), мужа и иные родственники [4, с. 15].

Преступления в семейно-бытовой сфере опасны самой сутью посягательств. Они совершаются в отношении одних из наиболее уязвимых членов общества (женщин, детей), в тех отношениях, которые воспринимаются обществом как безопасные и должны обеспечивать поддержку и защиту.

Как правило, женщинам в результате насилия причиняется более серьезный вред. Насилие, к которому прибегают мужчины, отличается психологически, мотивационно и ситуационно, коренится в сложившихся культурных и исторических традициях. Мужчина может причинить больший физический вред, у него преобладает мотивация доминирования, контроля,

наказания. Женщине, как правило, не настолько важно покинуть ситуацию конфликта победительницей, для нее существует большая вероятность проявления эмоций (в отличие от агрессии), эмоциональной слабости (слезы). Женщины менее способны к причинению серьезных телесных повреждений, сексуальному принуждению и доведению ситуации до смертельного исхода.

Нарастающие гнев, раздражение, злоба, агрессивность при отсутствии защитных механизмов от насилия способны сами реализоваться в преступлении со стороны женщины, выступая своеобразной реакцией. В случаях противостояния потенциальной жертвы и потенциального насильника разрешение семейного конфликта возможно и за пределами семьи. Для насильственных преступлений против интересов женщин опасной тенденцией остается рост тяжести повреждений с каждым последующим посягательством [5, с. 177].

Данные исследований неблагоприятного детского опыта свидетельствуют, что женщины, столкнувшиеся в детстве с насилием и пренебрежительным отношением, в девять раз чаще подвергаются насилию со стороны интимных и сексуальных партнеров. Женщины, чьи матери в детстве на их глазах избивал партнер, значительно чаще становились жертвами домашнего насилия [6, с. 464].

Все вышесказанное указывает на глобальный и актуальный характер рассматриваемой проблемы. Противодействие обозначенному негативному явлению занимает одно из важнейших мест в системе проблем общественного уровня любой страны.

В литературе выделяют два подхода, используемых в борьбе с домашним насилием: первый — восстановительно-примирительный, который имеет целью сохранение и поддержание семьи путем урегулирования внутри-семейного конфликта, содержащий коррекционные программы медико-психологической помощи и медиативные технологии. Вторым — «карательный», который включает устранение механизма насилия путем прекращения отношений между конфликтующими членами семьи [7, с. 65].

Деление достаточно условное, только с помощью сочетания подходов возможно добиться значимого результата в предотвращении насилия в сфере семьи.

В мировой практике в противодействии домашнему насилию апробированы и активно используются следующие механизмы: функционирование специальных судов и спецподразделений полиции; применение специальных ограничивающих свободу субъекта домашнего насилия цифровых устройств, включая электронные браслеты; убежища для женщин; 24-часовые «горячие линии»; применение системы реагирования на случай домашнего насилия, позволяющей оценивать риски повторного совершения насильственных действий в семейно-бытовых отношениях; защитные предписания (защитные ордера, судебные приказы); обязательный арест лица, совершившего насилие; создание фонда поддержки женщин, пострадавших от насилия; использование медиативных технологий в случае семейного конфликта и т. п. [2, 8, 9, 10].

Особое внимание в большинстве стран уделяется осуществлению первичной профилактики домашнего насилия. Это позволяет разрешить и многие другие социальные и психологические проблемы в обществе (например, снижение уровня депрессии и самоубийств, насильственного поведения вне семьи).

В ряде стран накопленный опыт предупреждения изучаемого негативного явления привел к использованию технологий восстановительного правосудия, когда разрешение ситуаций семейного насилия не преследует цель поиска виновного и его жестокого наказания, не оправдание жертвы, а содействие исцелению жертвы, нормализации отношений жертвы и обидчика, активации участия правонарушителя в исправлении нанесенного им вреда и привлечению местных сообществ к разрешению насильственных ситуаций в семье [11, с. 287].

Система противодействия домашнему насилию в Республике Беларусь сочетает в себе различные механизмы.

Законодательство об административных правонарушениях и уголовное законодательство содержат ряд норм, предусматривающих правовые основания для привлечения к ответственности лиц, совершивших противоправные деяния в семейно-бытовой сфере.

Основные профилактические мероприятия общего и индивидуального характера по предупреждению домашнего насилия закреплены в Законе Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» (далее — Закон о профилактике). В данном Законе закреплено понятие домашнего насилия как умышленных противоправных либо аморальных действий физического, психологического или сексуального характера близких родственников, бывших супругов, граждан, имеющих общего ребенка (детей), либо иных граждан, которые проживают (проживали) совместно и ведут (вели) общее хозяйство, по отношению друг к другу, причиняющих физические и (или) психические страдания.

Последними существенными изменениями, внесенными в Закон о профилактике, меры индивидуальной профилактики были дополнены коррекционной программой, предполагающей проведение комплекса мероприятий по оказанию психологической помощи гражданину (агрессору), с целью коррективы его поведения, приобретения навыков ненасильственного общения и предотвращения повторного совершения домашнего насилия.

В рамках организации и оказания социальных услуг оказывается непосредственная помощь жертвам домашнего насилия. Спектр таких услуг достаточно широк: временный приют, консультационно-информационные услуги, социально-бытовые, социальный патронаж, социально-психологические услуги, социально-реабилитационные услуги и некоторые иные.

В Республике Беларусь «кризисные комнаты» создаются местными исполнительными и распорядительными органами применительно к условиям соответствующего населенного пункта. Этими же органами принимаются меры по обеспечению местами временного пребывания граждан, в отношении которых вынесено защитное предписание.

Вместе с тем отмечаются проблемы в системе оказания социальных услуг. Несмотря на имеющуюся правовую базу для работы общественных организаций в данной сфере отмечается низкая заинтересованность государственных органов в вовлечении в существующие механизмы оказания поддержки [12, с. 31].

Об актуальности проблемы домашнего насилия и необходимости принятия действенных мер, которые позволят уменьшить уровень проявления изучаемого негативного явления, свидетельствуют некоторые результаты криминологического исследования «Криминологическая и виктимологическая характеристика девиантного поведения женщин в Республике Беларусь» проведенного государственным учреждением «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь». В ходе исследования изучалось мнение работников субъектов профилактики, в том числе о состоянии и уровне эффективности работы с женщинами, ставшими жертвами преступлений.

Прежде всего результаты исследования подтвердили данные о том, что жертвами внутрисемейных преступлений в большинстве случаев становятся женщины. На вопрос, с какими категориями жертв преступлений вам чаще всего приходится работать, почти 70 % опрошенных отметили категорию «женщины в возрасте от 18 до 70 лет».

В целом степень эффективности помощи, которая оказывается жертвам преступлений на местном уровне положительно оценивается большинством (84 %) опрошенных специалистов, работающих с пострадавшими женщинами. Считают, что помощь оказывается, но она не дает необходимого эффекта 7 % экспертов, 1 % утверждают, что проводимая работа с жертвами противоправной деятельности не эффективна, 7,9 % затруднились в оценке эффективности.

В разрезе места работы опрашиваемых более половины работников каждого из участвующих в опросе подразделений органов внутренних дел считают оказываемую помощь достаточно эффективной. Такое же мнение у 40 % из всех опрошенных экспертов, работающих в органах по труду, занятости и социальной защите; столько же работников этой службы ответили, что помощь в целом оказывается. Больше всего респондентов, посчитавших работу не эффективной, оказалось среди работников суда.

Наряду с этим из обстоятельств, наиболее негативным образом влияющих на эффективность работы, 41 % респондентов определил недостатки в практической реализации существующего правового регулирования (в организации, управлении, координации и контроле за эффективностью оказания помощи женщинам, а также в отсутствии единых научно обоснованных подходов в деятельности субъектов по профилактике).

33 % опрошенных считают негативно влияющими обстоятельствами несовершенство нормативной правовой базы для работы с женщинами, ставшими жертвами преступлений, и отсутствие конкретной государственной программы (концепции) работы с данной категорией лиц. Еще 24 % видят

проблему в отсутствии единой государственной структуры, которая бы осуществляла в том числе и виктимологическую профилактику.

27 % опрошенных специалистов сообщили об отсутствии проблем и трудностей при работе с женщинами, ставшими жертвами преступлений. Остальные указали на наличие проблемных моментов, основными из которых являются: нехватка квалифицированных кадров, недостаток материальных и технических средств, недостаток личного опыта работы, проблемы взаимодействия с другими субъектами профилактики. Проблема нехватки квалифицированных кадров как самый частый вариант ответа преобладает во всех регионах.

9 % респондентов в качестве меры, которая смогла бы уменьшить количество женщин-жертв, считают необходимым создание специализированных структур, занимающихся работой с пострадавшими женщинами на местном уровне.

В ходе криминологического исследования респонденты поделились мнением о положительных результатах комплексной групповой работы с мужчинами-агрессорами, проводимой работниками районного ТЦ-СОН. Высказана точка зрения о проблеме, кроющейся в несовершенстве имеющихся программ по оказанию помощи, в которых заложена модель изоляции жертвы насилия и агрессора друг от друга, что ведет к полному развалу семьи и к возможному повторению причинения насилия. Решение проблемы предлагалось посредством изменения программ по оказанию помощи, а именно: их направленность на сохранение семьи, семейных ценностей, на проведение работы по оказанию помощи одновременно с жертвой и агрессором.

В ходе опроса отмечена также незначительная эффективность оказания помощи (в случае работы с агрессором) сотрудниками органов внутренних дел по причине невозможности достижения полного доверия между правоохранителем и правонарушителем.

Заключение

Таким образом, несмотря на предпринятые меры, проблема предотвращения домашнего насилия является актуальной и требующей реализации дополнительных мероприятий по направлениям, связанным с развитием комплексных целенаправленных межведомственных предупредительно-профилактических программ взаимодействия правоохранительных органов и общественных организаций, широким внедрением восстановительных технологий, имеющих целью сохранение и восстановление семьи в деятельности органов и организаций, осуществляющих профилактическую деятельность.

Список цитированных источников

1. Как не допустить домашнего насилия. Об этом рассказали в доме прессы [Электронный ресурс] / МВД Республики Беларусь. — Режим доступа: mvd.gov.by/ru/news/9238/. — Дата доступа 06.09.2023

2. Симагина, Н. Домашнее насилие в странах Европы и способы борьбы с ним / Н. Симагина // Человек: преступление и наказание. — 2022. — Т. 30 (1–4). — № 4. — С. 575–583.

3. World health organization Violence against women. — Режим доступа: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/violence-against-women>. — Дата доступа: 12.09.2023

4. Шестаков, Д. А. Семейная криминология: Криминофамилика / Д. А. Шестаков. — 2-ое изд. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2003. — 389 с.

5. Щеголева, А. Н. Виктимогенные факторы насилия в отношении женщин / А. Н. Щеголева // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. — 2018. — № 3. — С. 176–182.

6. Колк, Бессел ван дер. Тело помнит все. Какую роль психологическая травма играет в жизни человека и какие техники помогают ее преодолеть / Бессел ван дер Колк. — М. : Эксмо, 2021. — 464 с.

7. Харламов, В. С. Домашнее насилие. Отечественные и зарубежные средства криминологической защиты домохозяев / В. С. Харламов // Вестн. Калининград. филиала Санкт-Петербург. ун-та МВД России. — 2017. — № 1 (47). — С. 65–68.

8. Акимжанов, Е. С. О перспективах оценивания вероятности повторного совершения домашнего насилия: международный опыт административно-правовой защиты / Е. С. Акимжанов // Труды Акад. управления МВД России. — 2023. — № 1 (65). — С. 138–144.

9. Лысова, А. В. Системы реагирования на домашнее насилие: опыт США / А. В. Лысова, Н. Г. Щитов // Социологический журнал. — 2003. — № 3. — С. 99–116. — С. 105;

10. Гончаренко, О. К. Международное и национальное право и практика защиты женщин от домашнего насилия / О. К. Гончаренко // Женщина в рос. обществе. — 2020. — № 3. — С. 53–64.

11. Репецкая, А. Л. Технологии восстановительного правосудия как мера специально-криминологического предупреждения насильственных преступлений в отношении несовершеннолетних членов семьи / А. Л. Репецкая, Ю. В. Зырянова // Актуальные проблемы экономики и права. — 2014. — № 4. — С. 286–292.

12. Подвойский, А. О недостатках и нарушениях в области охраны семьи и детства от насилия / А. Подвойский // Законность и правопорядок. — 2020. — № 3. — С. 30–33.

Аннотация. В статье рассматривается домашнее насилие как распространенная форма агрессии, осуществляемая преимущественно в отношении женщин. Изложены некоторые механизмы, используемые в борьбе с домашним насилием в мировой практике. Проанализирована система защиты от противоправных посягательств в семейно-бытовой сфере в Рес-

публике Беларусь. Отражено мнение работников субъектов профилактики о состоянии и уровне эффективности работы с женщинами, ставшими жертвами преступлений, полученное в ходе проведения криминологического исследования. Изложены предложения о необходимости тесного взаимодействия государственных органов, осуществляющих профилактику домашнего насилия с включением в данную работу общественных организаций, о внедрении восстановительных технологий, направленных на восстановление и сохранение семьи в деятельность органов и организаций, осуществляющих профилактическую деятельность.

CERTAIN QUESTION OF PREVENTING DOMESTIC VIOLENCE

Gerasimova S. I.

Key words: domestic violence, victims of domestic violence, prevention, interaction, restorative approach.

Abstract. Domestic violence is considered as a common form of aggression, carried out mainly against women. Some mechanisms used in the fight against domestic violence in world practice are outlined. The system of protection against unlawful attacks in the family and domestic sphere in the Republic of Belarus is analyzed. The opinion of employees of prevention subjects about the state and level of effectiveness of work with women who have become victims of crime, obtained during a criminological study, is reflected. Proposals are outlined on the need for close interaction between government bodies involved in the prevention of domestic violence with the inclusion of public organizations in this work, on the introduction of restorative technologies aimed at restoring and preserving the family in the activities of bodies and organizations carrying out preventive activities.

УДК 343.16

ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ НА ТРАНСПОРТЕ

Диканова Т. А.

Ключевые слова: преступление, транспорт, состояние преступности, расследование, экспертиза, прокурорский надзор

Введение

В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК РФ) имеется глава 27 «Преступления против безопасности движения и эксплуатации транспорта», которая входит в раздел 9 УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Глава включает составы преступлений о нарушениях правил безопасности движения и эксплуатации транспорта, транспортной (антитеррористической) безопасности, о наруше-

ниях правил ремонта транспортных средств, приведении их в негодность, угоны транспортных средств (далее — ТС) и др. По оценке специалистов в области уголовного права, это законодательство в последние годы подверглось существенным изменениям, связанным с попыткой усилить роль уголовно-правовых средств в противодействии преступлениям данного вида посредством дальнейшей дифференциации уголовной ответственности; актуализации специальных составов; перейти от формулирования материальных составов транспортных преступлений к сочетанию материальных и формальных составов; предусмотреть квалифицирующие признаки, характеризующие посткриминальное поведение субъекта преступления, которое не находится в причинной связи с причиненными общественно опасными последствиями [1, с. 87–92].

Основная часть

Начало корректировки норм гл. 27 УК РФ [2, с. 16–20; 3, с. 11–14; 4, с. 67–71] ученые связывают с уточнением вида ТС, о которых идет речь в ст. 263 УК РФ. Название статьи «Нарушение правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта» дополнено словом «метрополитена». В эту статью включены новые альтернативные признаки состава в виде незаконного отказа работников, связанных с движением ТС, от работы. Возвращен ранее используемый квалифицирующий признак — причинение крупного ущерба.

Ужесточена ответственность за ряд преступлений против безопасности на транспорте. УК РФ дополнен ст. 267¹ «Действия, угрожающие безопасности движения транспортных средств», предусматривающей ответственность за действия «зацеперов», бросание камней в ТС и др.

Вместе с тем отношение специалистов в области уголовного права к ряду новелл неоднозначное, о чем говорят названия научных статей (например: «Транспортные преступления: исправление ошибок или движение по кругу?» [5, с. 48–58]), в особенности относительно квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, законодательной техники и пенализации неосторожных транспортных преступлений [6].

Так, ст. 263 УК РФ дополнена ч. 1.1 об ответственности за нарушение правил безопасности движения и эксплуатации воздушного, морского и внутреннего водного транспорта лицом, управляющим легким (сверхлегким) воздушным судном или маломерным судном. Суть новшеств заключается, как отмечается в юридической литературе, в трех моментах: 1) по видам транспорта — действие нормы ограничено воздушным и водным транспортом; 2) в ч. 1 ст. 263 УК РФ говорится о транспорте, т. е. комплексе, включающем в себя и ТС, в ч. 1.1 — о ТС определенного вида: легких (сверхлегких) воздушных и маломерных судах; 3) по субъекту преступления.

Отмечается, в ч. 1.1 ст. 263 УК РФ законодатель исходит из того, что в собственности частных лиц могут быть лишь легкие (сверхлегкие) ТС, однако в этой собственности могут быть и суда большего тоннажа и иной классификации. Возникает вопрос: как квалифицировать нарушения правил безопасности лицом, управлявшим транспортным средством, не относящимся

к легким (сверхлегким) или маломерным? Отмечается также, что включение новой части в ст. 263 усилило конкуренцию норм этой части и ч. 1 ст. 263 УК РФ.

Также обращено внимание на неустранение законодателем в ст. 263¹ УК РФ «Нарушение требований в области транспортной безопасности» ошибки при установлении соучастия в неосторожном преступлении.

Что касается субъектов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 263 УК РФ (в статье говорится о «лицах, в силу выполняемой работы или занимаемой должности обязанных соблюдать правила безопасности движения и (или) эксплуатации железнодорожного, воздушного, водного транспорта, метрополитена»), то некоторые авторы считают: субъектами могут быть только **работники транспорта**, деятельность которых связана с организацией безопасности функционирования транспорта, с его движением или эксплуатацией, то есть лица, зачисленные на работу и совершившие деяние во время исполнения своих обязанностей. В противном случае содеянное квалифицируется по статьям УК РФ о преступлениях против личности [7, с. 559; 8, с. 858; 9, с. 205]. Другие авторы не видят оснований для такого подхода и полагают, что субъектом преступления может быть любое лицо, **фактически** управляющее или эксплуатирующее ТС [5, с. 48–58].

Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ в ст. 211 УК РФ «Угон судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава» введена часть 4, предусматривающая ответственность за сопряженность этого преступления с террористическим актом либо иным осуществлением террористической деятельности.

В юридической литературе отмечается недостаточность теоретических работ, а также разъяснений со стороны Верховного Суда Российской Федерации относительно квалификации преступлений, предусмотренных ст. 211 УК РФ. Сложности возникают при квалификации угонов маломерных судов. Часть правоведов предлагает квалифицировать угоны маломерных судов водного транспорта по ст. 166 УК РФ «Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон)». Другие считают, что «на сегодняшний день по УК РФ действия, выразившиеся в неправомерном завладении маломерными водными судами без цели хищения, не являются преступлениями». Ряд ученых считают что содеянное с маломерными судами следует квалифицировать по ст. 211 УК РФ [10, с. 367–376].

Также высказывается точка зрения, что в связи с принятием Федерального закона от 29 декабря 2017 г. № 442-ФЗ «О внеуличном транспорте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» необходимо криминализировать нарушения этого законодательства [11, с. 16–19].

В юридической литературе рассматривается вопрос о криминализации нарушений правил движения и эксплуатации при использовании беспилотных ТС (БТС). Есть предложения о введении в УК новых составов [12, с. 335–342] или о включении в имеющиеся составы БТС. Обсуждаются вопросы об объекте и субъекте новых преступлений и в целом их месте в системе

Особенной части УК РФ, внесении корректировок в положения Общей части. В ряде статей отмечается, что в главе 27 УК РФ предусматриваются некоторые виды ответственности, связанной с БТС, например, за разработку программного обеспечения для БТС и ненадлежащую их эксплуатацию (ст. 263¹ УК РФ), за использование воздушного пространства Российской Федерации без разрешения в случаях, когда такое разрешение обязательно, если это повлекло по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью или смерть человека (ст. 271¹ УК РФ — нарушение правил использования воздушного пространства Российской Федерации).

Высказывается мнение о том, что блокирование транспортных коммуникаций представляет собой самостоятельный уголовно-правовой феномен, который не вписывается в содержание нормы об ответственности за приведение в негодность транспортных средств или путей сообщения, и потому это деяние должно быть исключено из диспозиции нормы, предусмотренной ст. 267 УК РФ. В частности, указывается на связанность этого преступления с деянием, предусмотренным ст. 268 УК РФ «Нарушение пассажиром, пешеходом или другим участником движения правил, обеспечивающих безопасную работу транспорте» [13, с. 29–31].

Что касается криминологического аспекта транспортных преступлений, то подавляющее большинство их совершается на железнодорожном транспорте и относится к общим, не специфичным для транспорта преступлениям. По данным Главного управления на транспорте (ГУТ) МВД России из общего числа преступлений, совершенных на всех объектах общественного транспорта, 38,6 тыс. преступлений, 30 тыс. совершено на железнодорожном транспорте, в основном в поездах, электричках и на вокзалах (данные 2018 г.) [14]. Это преступления против собственности: кражи, грабежи, разбои, мошенничество, а также незаконный оборот наркотиков и оружия и др.

Отмечается специфика преступности, свойственной отдельным видам транспорта. Наиболее специфичны для железнодорожного транспорта хищения грузов, топлива, запчастей ТС и объектов транспортной инфраструктуры. Хищения нередко совершаются организованными преступными группами. Например, Север-Западная транспортная прокуратура утвердила обвинительное заключение по уголовному делу в отношении 9 участников преступного сообщества — машинистов локомотивного депо, занимавшихся хищением топлива (ч. 4 ст. 160 УК РФ, ч. 2 ст. 210 УК РФ). Орудуют и группы несовершеннолетних. Имели место аварийные происшествия. Например, нарушения правил приема, отправления и пропуска поездов, повлекшие столкновения поездов с гибелью людей [15]. Одно из крушений произошло из-за отсутствия промежуточных рельсовых креплений в количестве 29 штук подряд на протяжении 14,5 метра. Некоторые прокуроры, анализируя преступность на этом транспорте, отмечают рост числа преступлений, совершенных иностранцами и в отношении иностранцев [16, с. 50–53].

Происходили авиакатастрофы, которые обычно сопровождаются целым «букетом» нарушений. 22 сентября 2021 г. самолет-лаборатория совершал

тестовый полет для проверки качества связи и пропал с радаров. Выяснилось, что он врезался в склон горы Хребтовой, экипаж погиб. Расследованием установлено: штурман-инструктор с колоссальным опытом дал неожиданную команду совершить разворот вправо, чтобы не попасть в воздушное пространство Китая, что оказалось для экипажа неожиданностью. Система предупреждения о скором столкновении была отключена, так как до этого она постоянно выдавала ложные предупреждения. Полет проходил в условиях плохой видимости. «Отличились» и директор по организации летной работы, не сообщивший экипажу, состоящему из неместных летчиков, какую высоту в зоне хабаровского аэропорта следует считать безопасной, и руководитель полетов аэропорта, который ограничился короткой беседой с пилотами по телефону, хотя должен был провести очный личный инструктаж [17]. Зафиксированы авиакатастрофы из-за игнорирования экипажем нелетной погоды. Поскольку нередко используется иностранная авиатехника и в связи с предположениями, что в аварии виноват неисправный технический узел ТС, МАК отправлял его к производителю в США, который заявлял о его исправности.

Особенно распространены катастрофы в так называемой авиации общего назначения. Нередко эти легкие и сверхлегкие самолеты принадлежат частным лицам и в нарушение установленных правил используются для оказания платных услуг, фактически представляющих опасность для жизни и здоровья людей. В юридической литературе указывается повсеместное оказание таких незаконных услуг. Единый подход к квалификации содеянного в подобных случаях отсутствует. Некоторые следователи возбуждают дело по ст. 263 УК РФ, а другие — по ст. 238 УК РФ «Производство, хранение или перевозка в целях сбыта либо сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности».

По оценке транспортных прокуроров, анализу состояния преступности на транспорте препятствуют недостатки уголовной статистики. В настоящее время выделяются огромные бюджетные средства на развитие транспорта, однако статистика не содержит данных о преступности, связанной с реализацией программ и планов модернизации транспорта (данные о хищениях, коррупции растворены в ряде других показателей отчетности), не выделяются кибератаки на транспорте (ст. 272, 274¹ УК РФ).

В последние годы активизировалось внимание практиков и ученых к проблемам расследования транспортных преступлений [18, с. 290–293], судебно-экспертной деятельности и ее методического обеспечения [19, с. 25–28; 20, с. 12–16; 21, с. 31]. Отмечается недостаточный профессиональный опыт самих следователей, включая отсутствие необходимых знаний в области эксплуатации и ремонта транспортной техники, недостаточное количество высококвалифицированных и независимых специалистов для привлечения их к участию в осмотре места происшествия и других следственных действиях, а также для производства экспертиз. Зачастую следователи не представляют необходимых материалов для производства экспертиз (например, документов, в которых отражается техническое состо-

яние воздушного судна, организация, подготовка и обеспечение полетов, уровень подготовки летного и технического персонала, состояние здоровья членов экипажа и т. д.).

Как известно, транспортные преступления влекут гибель и травмирование людей, уничтожение имущества, причинение вреда природе. В этой связи у следователей возникает необходимость рассмотреть вопрос о гражданском иске в уголовном деле. По утверждению следователей здесь возникает ряд вопросов в связи с пробелами в УПК РФ, и необходимы разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации по этим вопросам: замены ненадлежащего гражданского ответчика, процессуального соучастия на стороне ответчика, уменьшения и увеличения исковых требований, разграничения случаев отказа в удовлетворении исковых требований и оставления иска без рассмотрения [22, с. 8–12].

Следователи указывают на ряд факторов объективного характера, снижающих эффективность их расследования. Так, по аварийным происшествиям проводится служебное (ведомственное) расследование, и первоначально выемка документов, осмотр места происшествия, сбор вещественных доказательств, назначение экспертиз проводится в рамках этого расследования. Лишь после его завершения следователи получают доступ к документам, вещественным доказательствам, имеют возможность назначить судебные экспертизы, а зачастую вынуждены ограничиваться версией, изложенной в заключении служебного расследования. «Специальные экспертизы», которые поручаются специалистам в рамках служебного задания руководителем комиссии по расследованию транспортных происшествий либо руководителем территориального органа Ространснадзора, не являются исследованиями, проводимыми в рамках УПК РФ. С помощью этих видов исследований устанавливаются преимущественно технические причины транспортного происшествия, которые носят форму суждений в вероятной форме. Кроме того, исследования проводятся на основе первоначальных данных, полученных главным образом в ходе осмотра места происшествия. Очевидно, что УПК РФ требует от следствия установления полного предмета доказывания, следствие проводит осмотр документов и других вещественных доказательств, выемки, допросы, экспертизы: авиационно-технические, трасологические, идентификационные, судебно-медицинские, взрывотехнические, молекулярно-генетические, криминалистические, судебно-психологические, судебно-психиатрические и др. [23, с. 2–8].

На наш взгляд, требуется совместная работа комиссии служебного расследования и предварительного следствия по делам о транспортных происшествиях. Иное означает потерю времени для предварительного следствия и значительное дублирование и удорожание расследования. Необходима переработка документов о служебном расследовании в этом направлении и возможно внесение корректив в УПК РФ.

Следователи и прокуроры отмечают недостатки деятельности органов внутренних дел (далее — ОВД) на транспорте по предупреждению преступ-

ности, прежде всего экономической, чему способствуют: отсутствие должной материально-технической базы; слабая подготовленность сотрудников подразделений по борьбе с экономическими преступлениями к этой работе, отсутствие соответствующего взаимодействия между службами и подразделениями ОВД на транспорте и территориальными ОВД, контрольными и контрольно-ревизионными органами; текучесть кадров ОВД и, как следствие, снижение профессионализма их сотрудников.

В юридической литературе указываются также недостатки экспертных исследований и факторы им способствующие, в частности отсутствие должного межведомственного взаимодействия [21, с. 31].

Уделяется внимание и прокурорскому надзору за расследованием транспортных преступлений [24, с. 40–43]. Транспортные прокуроры выявляют нарушение сроков регистрации сообщений о преступлении, их укрытие от учета, необоснованную пересылку материалов о преступлениях по подследственности, неоднократные отмены процессуальных решений и нарушение сроков предварительного расследования, что приводит к незаконному привлечению к уголовной ответственности, нарушению прав участников уголовного процесса. Распространены необоснованные прекращения и приостановления производства по уголовным делам. Прокуроры отмечают значительный рост этих показателей, основные причины они связывают с низким качеством первоначальных следственных действий и прежде всего осмотра места происшествия, осуществляемого при отсутствии специалистов (включая ревизоров по безопасности движения); нарушениями при изъятии, упаковке и дальнейшем хранении вещественных доказательств; поверхностным опросом очевидцев и участников происшествия; несвоевременным назначением экспертизы и неверной постановкой перед экспертами вопросов для исследования; отсутствием ОРД по раскрытию преступлений прошлых лет, особенно по делам, по которым предварительное расследование не обязательно; игнорированием возможности использования криминалистических, розыскных и экспертно-криминалистических учетов при расследовании преступлений; волокитой и ненадлежащим ведомственным процессуальным контролем за расследованием, а также отсутствием следственного опыта, методических рекомендаций и других материалов для рассмотрения конкретных следственных ситуаций [25; 26; 23, с. 3].

Что касается криминологического аспекта рассматриваемых преступлений в литературе отмечается, что незначительное количество зарегистрированных преступлений отчасти можно объяснить высокой степенью латентности, обусловленной наличием теневой экономики, оцениваемой в сфере транспортных услуг примерно в 30,3%. Вместе с тем нельзя не признать объективные причины: сложность расследования транспортных преступлений, в частности установления предмета доказывания при совершении преступления во время движения ТС, — ограниченным временем для производства осмотра места происшествия в связи с необходимостью в кратчайшие сроки восстановить движение после аварии.

Заключение

Подводя итог вышеизложенному, нужно отметить необходимость дальнейшего совершенствования российского уголовного законодательства об ответственности за транспортные преступления, разъяснений Пленума Верховного суда Российской Федерации по вопросам уголовно-правовой квалификации, предъявления исков и ряду других, повышения уровня квалификации следственных кадров, совершенствования методического обеспечения и взаимодействия экспертных учреждений. Необходимо усиливать борьбу с нарушениями правил безопасности и экономическими преступлениями на транспорте, усилить профилактическую деятельность ОВД на транспорте. Важнейшей гарантией соблюдения законности расследования рассматриваемых преступлений остается надзор транспортных прокуроров, который нуждается в методиках надзора, отражающих его специфику по делам о транспортных преступлениях.

Список цитированных источников

1. Пикуров Н. И. Основные тенденции развития законодательства об ответственности за транспортные преступления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 4. С. 87–92.
2. Чучаев А. И., Маликов С. В. Нравственные и правовые аспекты ответственности за причинение вреда беспилотными транспортными средствами // Транспортное право. 2022. № 3. С. 16–20.
3. Медведев Е. В. Беспилотные (автономные) транспортные средства в уголовно-правовом измерении // Транспортное право. 2021. № 4. С. 11–14.
4. Маслакова Е. А., Приходько Н. Ю. Уголовно-правовая регламентация неправомерного использования беспилотных летательных аппаратов (беспилотных воздушных судов) как потенциальной угрозы транспортной безопасности в национальном и зарубежном законодательстве // Российский следователь. 2020. № 6. С. 67–71.
5. Коробеев А. И., Чучаев А. И. Транспортные преступления: исправление ошибок или движение по кругу? // Уголовное право. 2019. № 5. С. 48–58.
6. Федеральный закон от 17.06.2019 № 146-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации».
7. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части. М., 2014. С. 559.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации для работников прокуратуры (постатейный). М., 2015. С. 858.
9. Павлов В. Г. Квалификация преступлений со специальным субъектом. СПб., 2011. С. 205.
10. Краев Д. Ю. Некоторые вопросы квалификации угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава

(статья 211 Уголовного кодекса Российской Федерации) // Сибирское юридическое обозрение. 2020. № 3. С. 367–376.

11. Сидачова А. А. Предмет нарушения правил безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена // Транспортное право. 2022. № 2. С. 16–19.
12. Куфлева В. Н., Соболев Д. В., Фирсов В. В. Проблемные аспекты квалификации преступлений с использованием беспилотного транспортного средства // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1–4). № 3. С. 335–342.
13. Медведев Е. В., Гришин В. И. Блокирование транспортных коммуникаций в системе транспортных преступлений по российскому Уголовному кодексу // Транспортное право. 2019. № 1. С. 29–31.
14. Российская газета [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://rg.ru/2019/02/07/v-mvd-nazvali-samyj-kriminalnyj-vid-transporta.html>. — Дата доступа: 23.08.2023.
15. Западно-Сибирская транспортная прокуратура. 29.07.2020 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://genproc.gov.ru/smi/news/archive/news-1883776/>. — Дата доступа: 23.09.2020.
16. Филиппова Е. О. Предупреждение преступности на железнодорожном транспорте // Российская юстиция. 2019. № 9. С. 50–53.
17. Виноваты все: Международный комитет завершил расследование крушения Ан-26 в хабаровском заповеднике [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://finance.rambler.ru/business/50180763/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink. — Дата доступа: 23.08.2023.
18. Мелихов С. Ю. О некоторых критериях безопасности потребителей в ст. 238 УК РФ // Оптимизация предварительного следствия: сборник материалов Международной научно-практической конференции (Москва, 19 мая 2016 г.) / под ред. А. И. Бастрыкина. М.: Академия Следственного комитета Российской Федерации. 2016. С. 290–293.
19. Яковлев Д. Ю. К вопросу о повышении эффективности судебно-экспертной деятельности при расследовании преступных нарушений правил безопасности движения и эксплуатации воздушного транспорта // Российский следователь. 2022. № 1. С. 25–28.
20. Ильин Н. Н. Проблемные вопросы назначения и использования результатов транспортно-технических судебных экспертиз при расследовании преступлений, совершенных на объектах транспорта. — Российский следователь. 2020. № 5. С. 12–16;
21. Волынский А. Ф. Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений: дис. ... докт. юрид. наук в форме науч. доклада. М., 1999. С. 31.

22. Сойников М. А. Отдельные процессуальные аспекты возмещения вреда, причиненного транспортными преступлениями // Российский судья. 2019. № 4. С. 8–12.

23. Елинский В. И., Коткин П. Н. Особенности производства первоначальных следственных действий по уголовным делам об авиационных происшествиях // Российский следователь. 2009. № 19. С. 2–8.

24. Бабенко С. В. Особенности прокурорского надзора за расследованием преступлений на железнодорожном транспорте // Российская юстиция. 2021. № 1. С. 40–43.

25. Шапошников В. В., Озеров И. Н. Проблемы первоначального этапа расследования преступлений, совершаемых на железнодорожном транспорте [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-pervonachalnogo-etapa-rassledovaniya-prestupleniy-sovershaemyh-na-zheleznodorozhnom-transporte>. — Дата доступа: 23.08.2023.

26. Бегалиев Б. А. К проблеме совершения преступлений на железнодорожном транспорте [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://articlekz.com/article/9990>. — Дата доступа: 25.08.2023.

Аннотация. Статья посвящена комплексу вопросов, связанных с борьбой с транспортными преступлениями. Рассматриваются последние изменения в российском уголовном законодательстве об этих преступлениях, анализируется состояния преступности на транспорте, уделено внимание актуальным проблемам предварительного расследования и прокурорского надзора за его законностью.

PROBLEMS OF COMBATING CRIME IN TRANSPORT

Dikanova T. A.

Keywords: crime, transport, state of crime, investigation, expertise, prosecutor's supervision.

Abstract. The article is devoted to a complex of issues related to the fight against transport crimes. The latest changes in the Russian criminal legislation on these crimes are considered, the state of crime in transport is analyzed, attention is paid to the current problems of preliminary investigation and prosecutorial supervision of its legality.

УДК 343.9

О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ АВИАМОДЕЛЕЙ В ПРОТИВОПРАВНЫХ ЦЕЛЯХ: НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Дятлова В. О.

Ключевые слова: предупреждение преступности, авиамодель, правовое регулирование в сфере использования авиамodelей, зарубежный опыт

Введение

Анализ законодательства в сфере оборота и использования на территории Республики Беларусь авиамodelей показывает, что правовое регулирование в данной сфере в контексте предупреждения противоправных деяний требует совершенствования по ряду направлений. Такой подход, в частности, обусловлен следующим.

Международный опыт свидетельствует, что определенный класс современных авиамodelей, изготовленных с использованием новейших технологий, в случае использования их в противоправных целях может создавать потенциальную и реальную угрозу национальной и общественной безопасности. Так, данные объекты обладают «привлекательными» для использования в преступных целях свойствами: доступность; возможность причинения вреда целям, которые затруднительно поразить с помощью иных средств, и общеполасным способом; скрытность подготовки для использования в противоправных целях и широкие возможности в выборе места для запуска; возможность использования различных технических решений для достижения большей дальности и точности; относительная низкая стоимость; возможность создания сильного психологического эффекта и др.

Следует также учитывать тот факт, что установление принадлежности объекта из-за отсутствия его какой-либо предварительной идентификации крайне затруднено или вовсе невозможно.

Основная часть

В настоящее время правовое регулирование в рассматриваемой сфере включает:

определение понятия «авиамодель» и отграничение таких объектов от беспилотных летательных аппаратов и иных воздушных судов. Так, авиамодель — летательный аппарат без человека на борту, управление полетом которого возможно только при условии визуального контакта с ним, а также неуправляемый свободнолетающий аппарат (подп. 1.1. п. 1 Указа Президента Республики Беларусь от 25 февраля 2016 г. № 81 «Об использовании авиамodelей», ст. 1 Воздушного кодекса Республики Беларусь). Несколько иное определение содержится в п. 7 Авиационных правил полетов в воздушном пространстве Республики Беларусь, утвержденных постановлением Госу-

дарственного комитета по авиации Республики Беларусь, Министерства обороны Республики Беларусь от 1 июня 2004 г. № 7/30, согласно которому под авиамodelью понимается малоразмерный летательный аппарат тяжелее воздуха, с двигателем или без него, не способный поднять человека, который используется для спортивных соревнований или развлечения, но не для коммерческих, научно-исследовательских или военных целей;

регламентацию порядка использования авиамodelей, а также порядка пресечения действий, нарушающих установленные законом требования. Акты, устанавливающие данный порядок, включают: Указ Президента Республики Беларусь от 25 февраля 2016 г. № 81 «Об использовании авиамodelей», постановление Совета Министров Республики Беларусь от 16 августа 2016 г. № 636 «О некоторых вопросах использования авиамodelей в Республике Беларусь», которым утверждены Правила использования авиамodelей в Республике Беларусь (далее — Правила); постановление Министерства обороны Республики Беларусь от 22 августа № 18 «Об установлении перечня зон, запрещенных для использования авиамodelей в Республике Беларусь», Закон Республики Беларусь от 8 мая 2009 г. № 16-З «О государственной охране», поскольку Правилами установлено, что запрещается использование авиамodelей в случаях, определяемых Службой безопасности Президента Республики Беларусь в соответствии с указанным Законом, а также Указ Президента Республики Беларусь от 5 июня 2019 г. № 215 «О пресечении полетов авиамodelей и беспилотных летательных аппаратов». Кроме того, отдельные положения постановления Совета Министров Республики Беларусь от 4 ноября 2006 г. № 1471 «Об утверждении Правил использования воздушного пространства Республики Беларусь» также коррелируют с актами законодательства в рассматриваемой сфере;

установление ответственности за нарушение правил использования авиамodelей. В частности, ее предусматривают нормы ст. 18.35 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях.

Нормативные установления, регламентирующие сферу оборота авиамodelей, также содержатся в актах таможенного законодательства и законодательства в области информации, информатизации, информационной безопасности, связи и телекоммуникаций.

Так, в примечании к позиции 19.1.3 перечня оборудования, материалов и технологий, применяемых при создании ракетного оружия, и иных средств доставки ядерного, химического, бактериологического (биологического) и токсинного оружия, утвержденного постановлением Государственного военно-промышленного комитета Республики Беларусь, Государственного таможенного комитета Республики Беларусь от 28 декабря 2007 г. № 15/137 «Об установлении перечней специфических товаров (работ, услуг)», указывается, что по данной позиции не контролируются авиамodelи, специально разработанные для досуга или спортивных соревнований.

Кроме того, в примечании к Группе 88 «Летательные аппараты, космические аппараты, их части» Решения Совета Евразийской экономической комиссии № 80 от 14 сентября 2021 г. «Об утверждении единой Товарной

номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза и Единого таможенного тарифа Евразийского экономического союза, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых решений Совета Евразийской экономической комиссии» определено, что в данной группе выражение «беспилотный летательный аппарат» означает любой летательный аппарат, кроме указанных в товарной позиции 8801, предназначенный для полетов без пилота на борту. Такие аппараты могут быть предназначены для перевозки полезных грузов или оснащены стационарными цифровыми камерами или другим оборудованием, позволяющим им выполнять утилитарные функции в процессе полета. При этом выражение «беспилотный летательный аппарат», однако, не включает *летающие игрушки, предназначенные исключительно для развлечений* (товарная позиция 9503).

В свою очередь, необходимо также отметить, что квадрокоптер, представляющий собой четырехвинтовой летательный аппарат, оснащенный либо не оснащенный фото- и видеооборудованием или иным оборудованием, имеющий встроенные приемники навигационных систем (GPS, ГЛОНАСС и др.), управляемый оператором дистанционно с земли или с другого летательного аппарата, а также способный к автоматизированному полету (автоматические взлет и посадка, следование по заранее запрограммированному маршруту без вмешательства в управление полетом), используемый для различных целей, в соответствии с Основным правилом интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности 1 классифицируется в товарной позиции 8806 (Беспилотные летательные аппараты) единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза. А квадрокоптер, представляющий собой четырехвинтовой летательный аппарат, не оснащенный фото- и видеооборудованием или иным оборудованием, управляемый оператором дистанционно и контролируемый путем визуального наблюдения, не способный к автоматизированному полету, используемый для развлечений, в соответствии с Основным правилом интерпретации Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности 1 классифицируется в товарной позиции 9503 00 единой Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза.

Таким образом, действующее законодательство в таможенной сфере относит авиамodelи к категории игрушек и, соответственно, предъявляет требования по ввозу в Республику Беларусь в соответствии с требованиями, предъявляемыми к ним (Группа 95 — **Игрушки, игры и спортивный инвентарь; их части и принадлежности**).

В развитие вышеуказанного возможно также дополнить, что в соответствии с постановлением Министерства связи и информатизации Республики Беларусь от 14 июня 2013 г. № 7 «Об установлении перечня радиоэлектронных средств и (или) высокочастотных устройств, не подлежащих регистрации» радиоуправляемые игрушки, соответствующие техническим характеристикам, установленным соответствующими решениями о выделении полос радиоча-

стот, радиочастотных каналов или радиочастот, принятыми в установленном законодательством порядке, включены в перечень радиоэлектронных средств и (или) высокочастотных устройств, не подлежащих регистрации.

Вместе с тем, как было указано выше, современные авиамodelи могут обладать весьма «опасными» свойствами и являются — по своей сути — весьма специфическими техническими устройствами. В этой связи полагаем, что все звенья системы использования авиамodelей должны выстраиваться с учетом критерия общественной безопасности.

Особого внимания в данном контексте требует система выявления или идентификация собственника (пользователя) авиамodelей. Правила использования авиамodelей в Республике Беларусь содержат в этой части лишь требования о запрете использования авиамodelей общей массой более 0,5 килограмма без соответствующей обязательной маркировки, в рамках которой на авиамodelи в обязательном порядке указываются сведения о владельце авиамodelей (фамилия, собственное имя, отчество (если таковое имеется), адрес места жительства физического лица (индивидуального предпринимателя) или наименование юридического лица и его место нахождения). При этом для авиамodelей, используемых при проведении спортивных соревнований, вместо маркировки может применяться специальное обозначение в соответствии с требованиями Международной авиационной федерации. Кроме того, указанные Правила также устанавливают, что авиамodelи государственной регистрации не подлежат.

В этой связи интересен опыт Российской Федерации. В частности, российское законодательство использует термин «авиамodelь» исключительно в контексте правил авиамodelьного спорта. Применительно к объектам, которые классифицируются в белорусском законодательстве как авиамodelи, законодательство Российской Федерации оперирует термином «беспилотные гражданские воздушные суда» и предусматривает государственный учет в отношении таких судов в случае, если их максимальная взлетная масса составляет от 0,15 до 30 килограммов. Так, подп. 3.2 п. 3 ст. 33 Воздушного кодекса Российской Федерации установлено, что беспилотные гражданские воздушные суда с максимальной взлетной массой от 0,15 килограмма до 30 килограммов, ввезенные в Российскую Федерацию или произведенные в Российской Федерации, подлежат государственному учету федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в сфере гражданской авиации, в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

В свою очередь, в постановлении Правительства Российской Федерации от 25 мая 2019 г. № 658 «Об утверждении Правил государственного учета беспилотных гражданских воздушных судов с максимальной взлетной массой от 0,15 килограмма до 30 килограммов, ввезенных в российскую федерацию или произведенных в российской федерации» детально регламентируется порядок осуществления Федеральным агентством воздушного транспорта учета беспилотных воздушных судов в стране.

В частности, в указанных Правилах предусматривается, что для постановки беспилотного воздушного судна на государственный учет владелец беспилотного воздушного судна представляет — по общему правилу в течение 10 дней после его приобретения или ввоза — соответствующее заявление, содержащее в том числе информацию:

о беспилотном воздушном судне и его технических характеристиках (тип беспилотного воздушного судна (наименование, присвоенное изготовителем); серийный (идентификационный) номер беспилотного воздушного судна (при наличии); количество установленных на беспилотном воздушном судне двигателей и их вид (электрический двигатель, газотурбинный двигатель, двигатель внутреннего сгорания); максимальная взлетная масса беспилотного воздушного судна;

об изготовителе беспилотного воздушного судна;

сведения о владельце беспилотного воздушного судна, включающие номер телефона (телефакса), адрес электронной почты; для юридического лица — полное наименование, основной государственный регистрационный номер (для филиалов, представительств иностранных юридических лиц — номер записи об аккредитации в государственном реестре аккредитованных филиалов, представительств иностранных юридических лиц), идентификационный номер налогоплательщика, адрес и место нахождения; для индивидуального предпринимателя — фамилия, имя, отчество (при наличии), основной государственный регистрационный номер записи о государственной регистрации индивидуального предпринимателя, идентификационный номер налогоплательщика, адрес места жительства; для физического лица, не являющегося индивидуальным предпринимателем, — фамилия, имя, отчество (при наличии), дата и место рождения, страховой номер индивидуального лицевого счета, номер, серия и дата выдачи документа, удостоверяющего личность, адрес места жительства.

В случае положительного рассмотрения заявления беспилотному воздушному судну присваивается учетный номер, который должен быть нанесен до начала выполнения полетов.

При этом в Правилах дополнительно указано, что при утере или хищении беспилотного воздушного судна владелец беспилотного воздушного судна, указанный в его учетной записи, подает в Федеральное агентство воздушного транспорта заявление о внесении изменений в учетную запись в связи с утерей (хищением) беспилотного воздушного судна.

Таким образом, выстроенная система позволяет с достаточной долей достоверности в случае необходимости оперативно и точно идентифицировать собственника.

Кроме того, в настоящее время, согласно сообщениям СМИ, Федеральное агентство воздушного транспорта рассматривает предложение об обязательном оснащении всех беспилотных воздушных судов, в том числе массой от 0,15 до 30 килограммов, оборудованием, позволяющим дистанционно идентифицировать данные аппараты, получать данные об их плановых и фактических маршрутах, а также принудительно прекращать полеты в случае от-

существования разрешения. Техническое решение вопроса, по мнению экспертов, состоит либо в оснащении соответствующими трекерами, транспондерами, либо, что по мнению ряда специалистов, экономически более выгодно для пользователя, в использовании сим-карт, когда положение объекта может определяться по данным встроенного GPS-приемника, а далее передаваться на землю по сотовой связи [1].

Действующее законодательство Европейского союза содержит схожие требования. В частности, в соответствии с общими правилами регистрации подлежит не сам объект («дрон» в терминологии текста нормативного правового акта), а его оператор либо владелец. Лицо регистрируется единожды, независимо от количества дронов, которые он использует в какой-либо категории. Регистрация является действительной в период времени, определенный уполномоченным органом по гражданской авиации страны — члена Европейского союза, и по ее истечению она должна быть продлена. Также каждая страна определяет территории (места), где возможно использование дронов, и порядок регистрации в качестве оператора.

При этом необходимо обратить внимание на общее требование, что лицо не регистрируется в случае, если:

дрон весит менее 250 грамм и не имеет камеры или другого датчика (системы), позволяющего обнаруживать (собирать) персональные данные;

дрон весит менее 250 грамм, оборудован камерой или другим датчиком (системы), позволяющими обнаруживать (собирать) персональные данные, но является игрушкой. Последнее означает, что его документация показывает, что он соответствует требованиям Директивы Европейского союза 2009/48/ЕС «Об игрушках». Кроме того, в отношении отдельных категорий дронов требуется прохождение сертификации [2].

Схожее правовое регулирование, базирующееся на регистрации именно пользователя в зависимости от веса принадлежащего ему дрона и наличия на нем камеры, установлено в Великобритании. Срок действия регистрации, по общему правилу, определен в один год, далее ее необходимо продлевать. Дополнительным требованием является необходимость пройти тест и получить идентификацию (flyer ID) в случае, если вес дрона превышает 250 грамм [3].

В США система контроля использования авиамodelей и иных аналогичных объектов (в терминологии американского законодательства применяются термины «дрон» или «беспилотное воздушное судно») построена на соблюдении двух обязательных принципов — безопасности и защищенности. При этом отмечается, что удаленная идентификация, включающая возможность идентифицировать владельца и местоположение дрона (Remote ID), имеет для обеспечения реализации данных принципов решающее значение.

Также согласно информации, размещенной на сайте Федерального управления гражданской авиации США (Federal aviation administration), с 16 сентября 2023 г. все дроны или беспилотные воздушные суда в стране должны быть оснащены удаленными идентификаторами, которые, по сути, являются удаленным удостоверением личности владельца (оператора) и предостав-

ляют соответствующим компетентным органам не только идентификационную информацию, но и сведения о месторасположении объекта. Исключение планируется сделать в случае их использования в специальных одобренных зонах, спонсируемых общественными организациями или школами [4].

Заключение

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

авиамodelи являются объектом, который в силу своих характеристик обладает весьма «опасными» свойствами с позиции возможности причинения вреда здоровью граждан, общественным интересам и национальной безопасности;

с целью минимизации рисков совершения противоправных деяний правовое регулирование использования авиамodelей, на наш взгляд, должно включать, как минимум, систему их учета и систему учета (идентификации) их собственников (пользователей);

международный опыт как государств-соседей, так и стран дальнего зарубежья свидетельствует о необходимости ведения в стране таких систем учета;

элементы рассмотренных выше систем могут быть использованы в законодательстве Республики Беларусь;

дальнейшее развитие национального законодательства возможно осуществлять в направлении установления требований об обязательном оснащении авиамodelей техническими устройствами, разрешающими их дистанционную идентификацию, отслеживание и принудительное прекращение их использования в устанавливаемых законом случаях.

Список цитированных источников

1. Дроны хотят показать диспетчерам. Установку трекеров на беспилотники предлагают сделать обязательной [Электронный ресурс] // Коммерсант. — Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/5941133>. — Дата доступа: 15.05.2023.

2. Do I need to register my drone [Электронный ресурс] // EASA. — Режим доступа: <https://www.easa.europa.eu/en/faq/116454> — Дата доступа: 15.05.2023.

3. Rules-and-categories-of-drone [Электронный ресурс] // CAA. — Режим доступа: <https://www.caa.co.uk/drones/rules-and-categories-of-drone-flying/introduction-to-drone-flying-and-the-uk-rules> — Дата доступа: 15.05.2023.

4. FAA. UAS Remote Identification [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.faa.gov/uas/getting_started/remote_id — Дата доступа: 15.05.2023.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы предупреждения противоправных действий с использованием авиамodelей. Осуществлен анализ законодательства в рассматриваемой сфере, а также связанных с ней отраслей права. Кроме того, в рамках исследования проблемы изучен за-

рубежный опыт, который может быть релевантным для применения в Республике Беларусь, и сформулированы предложения по совершенствованию системы предупреждения противоправных действий с использованием авиамodelей.

ON PREVENTION THE USE OF AIRCRAFT MODELS FOR UNLAWFUL PURPOSES: DIRECTIONS FOR IMPROVING THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

Dziatlava V. O.

Keywords: crime prevention, aircraft model, legal regulation of the use of aircraft models, foreign experience.

Abstract. The article deals with the issues of legal regulation in the field of air craft models use in the Republic of Belarus. The legislation in this sphere is analized. Problematic aspects of prevention of unlawful acts are also considered. The experience of foreign countries, which may be relevant for Belarus, is studied. On this basis, proposals are made to adjust the system of prevention of lawful acts in this area.

УДК 342.92

РОЛЬ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ДЕЛИКТОЛОГИИ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Ладутько В. К.

Ключевые слова: административная деликтология, борьба с административными правонарушениями и преступностью

Введение

Административные правонарушения как наиболее распространенные противоправные деяния негативно влияют на социально-экономическое развитие, посягают на законные интересы и права граждан, юридических лиц, общества и государства. Криминологи называют данное явление «питательной средой» преступности, а также указывают на наличие прямой взаимосвязи между уровнем и динамикой преступности и административных правонарушений. Учитывая указанную взаимосвязь, предупреждение и профилактика административных правонарушений играет существенную роль в борьбе с преступностью.

В этом аспекте первостепенное значение имеет четкая стратегия государства при определении перспективных направлений совершенствования правоохранительной политики и в первую очередь предупреждения административных правонарушений, повторное совершение которых влечет уголовную ответственность.

Значительное количество правонарушений, практика привлечения к административной ответственности ставят задачу перед научным сообществом о необходимости проведения научного анализа не только количественных, но и качественных показателей деликтности, в том числе причин и условий совершения административных правонарушений, личности правонарушителей, системы мер предупреждения и профилактики административных правонарушений. Это привело к появлению и развитию нового научного направления — административной деликтологии.

Проблемы административной деликтологии стали предметом научных дискуссий среди российских и белорусских ученых, в частности, исследовались в работах А. П. Шергина, Е. В. Додина, Ю. Н. Старилова, А. А. Гришкова, М. И. Никулина, А. Н. Дерюги, О. И. Чуприс, А. В. Денисевича и др.

В данной статье будут затронуты важные аспекты, касающиеся возможностей и достижений нового научного направления — административной деликтологии как средства предупреждения преступности, включая вопросы предупреждения и профилактики правонарушений и управления административной деликтностью.

Основная часть

Еще много лет назад ученые констатировали факт, что «вопросы состояния, динамики, структуры и других проявлений административной деликтности, по которым отчетливо просматриваются целесообразность и результативность административно-правового регулирования, не находят своего места ни в науке административного права, ни в криминологии, ни в каких-либо иных отраслях юридического знания» [1].

Первое упоминание о появлении нового научного направления, получившего наименование «административная деликтология», относится к 70-м годам прошлого столетия. Основным идейным вдохновителем данного научного направления принято считать В. И. Ремнева, который в 1979 г. опубликовал свою работу «Актуальные вопросы административной деликтологии» [2]. Эту идею подхватили российские ученые, итогом научной работы которых стали диссертационные исследования по данной проблематике. Однако дальше доктринальных изысканий в области административной деликтологии экспериментальная проверка достоверности выводов не была проведена, что не дает возможности ее применения в практической деятельности, в том числе по предупреждению административной деликтности [3, с. 212; 4, с. 6]. В современной Беларуси комплексный теоретико-методологический анализ проблем административной деликтологии в отечественной литературе отсутствует.

Административная деликтология тесно связана с другими науками, например, с криминологией, уголовным, административно-деликтным правом и даже иными отраслями научных знаний — социологией, статистикой, экономикой и др. Административно-деликтное право, исследуя административные правонарушения, является для административной деликтологии важнейшим источником количественной и качественной информации о структуре и динамике административной деликтности. Криминология

как наука, изучающая преступность, ее количество, динамику, структуру преступности, личность преступника, а также причины и условия, порождающие и способствующие совершению преступлений, может помочь развивающейся административной деликтологии в методологическом плане использовать накопленный опыт. Некоторые причины и условия административных правонарушений совпадают с причинами и условиями преступлений, например, в случаях так называемых пограничных составов: мелкое хищение и кража, мошенничество; мелкое хулиганство и хулиганство, неуплата сумм налогов и уклонение от уплаты сумм налогов и т. д. В целом анализ Особенной части Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3 (далее — КоАП) и Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-3 (далее — УК) показывает наличие достаточного количества составов административных правонарушений, смежных с преступлениями.

В административно-деликтологических исследованиях, направленных на выявление причин правонарушений, изучение личности делинквента, особое значение приобретает статистическая информация. На основе анализа подходов к отражению статистических данных о преступности и административной деликтности можно увидеть некоторые отличия в расчетах коэффициентов преступности и административной деликтности. Криминологами он рассматривается через определение интенсивности преступлений (количество выявленных преступлений) или преступной активности населения (количество выявленных лиц, совершивших преступление). Для криминологов это имеет значение, поскольку институт соучастия в преступлении предусматривает возможность расследования в рамках одного уголовного дела двух и более преступлений, совершенных как одним, так и несколькими лицами. В то же время институт соучастия при привлечении к административной ответственности исключен новым КоАП, а при расчете коэффициента административной деликтности учитывается совокупность административных правонарушений, совершенных не только физическими, но и юридическими лицами, т. к. КоАП предусматривает возможность за одно противоправное деяние привлекать и физическое, и юридическое лицо.

Административные правонарушения в Республике Беларусь являются самыми распространенными противоправными деяниями. В этой связи система знаний о динамике и структуре административных правонарушений должна опираться на фундаментальные и прикладные основы нового научного направления — административной деликтологии, главной целью которого, по мнению ученых, является достижение устойчивого снижения количества административных правонарушений [5, с. 5]. В большей степени можно было бы согласиться с данным тезисом, однако не всегда уменьшение количества административных правонарушений свидетельствует об эффективности и результативности административно-деликтологического нормотворчества и правоприменения.

В 2021 г. вступил в силу КоАП, который предусмотрел новые подходы к дифференциации административных правонарушений, установил меры

профилактического воздействия, направленные на усиление профилактической функции административной ответственности, в том числе при освобождении от административной ответственности. В частности, ст. 8.3 КоАП предусматривает основания освобождения от административной ответственности с вынесением предупреждения в отношении лица, совершившего административный проступок, при одновременном соблюдении следующих условий: оно признало факт совершения им правонарушения и в течение одного года до совершения административного проступка на лицо не налагалось административное взыскание и лицо не освобождалось от административной ответственности за такое же нарушение. На основании данной статьи в прошлом году были освобождены от административной ответственности за совершение административного проступка с вынесением предупреждения свыше 1 млн субъектов. Однако данные субъекты также совершили административные проступки, но при соблюдении условий были освобождены от административной ответственности, и в этой связи эти лица по статистическим данным не попали в количество правонарушений, по которым вынесены постановления о наложении административного взыскания.

Тем самым, по своей сути, данное новшество в КоАП позволит в краткосрочной перспективе снизить статистику административных правонарушений, но в то же время мы не можем с уверенностью сказать, что это повлияет на число противоправных деяний и снизит их количество в дальнейшем. В этом аспекте следует все усилия правоприменительных органов направить на профилактику и предупреждение правонарушений, устранение причин и условий их совершения.

Особое внимание должно уделяться развитию административно-деликтной статистики. При наличии достоверной статистической информации можно прогнозировать тенденции административной деликтности в целом, отдельных ее видов, территории распространения.

В нашей стране в соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 909 создана и функционирует единая государственная система регистрации и учета административных правонарушений и преступлений. Однако срок хранения сведений об административных правонарушениях в едином государственном банке данных о правонарушениях составляет:

3 года после даты окончания исполнения основного и дополнительного административных взысканий или освобождения лица от административной ответственности с вынесением предупреждения;

не свыше 10 лет после даты вступления в законную силу постановления о наложении административного взыскания, которое не исполнено.

По истечении сроков хранения сведения о правонарушениях удаляются. Более того, сведения о правонарушениях, сроки хранения которых в единой базе истекли, уничтожаются путем автоматического удаления с магнитных (электронных) носителей информации способом, препятствующим их последующему восстановлению.

Таким образом, действующее законодательство не позволяет провести анализ и оценку статистической информации об административных правонарушениях в динамике в разрезе видов правонарушений, типологии деликventов, что усложняет проведение административно-деликтологических исследований. А если говорить о применении новых инструментов административно-деликтного прогнозирования, в частности, об оценке фактического воздействия административно-деликтных норм и правоприменительной практики, то такая возможность отсутствует. Эффективность частнопредупредительного воздействия административных взысканий невозможно установить. По нашему мнению, в научных целях доступ к статистической информации должен быть обеспечен на непрерывной и постоянной основе, поскольку особое значение имеет анализ и оценка результатов правоприменительной деятельности по делам об административных правонарушениях в различные исторические периоды, влияние на такие результаты проводимых административных реформ и происходящих событий.

Для того, чтобы процесс учета и хранения в государственном банке данных о правонарушениях не превращался в техническое действие, возможно создание структурных подразделений в правоприменительных органах для анализа количественных и качественных показателей административной деликтности. На сегодняшний день учет правонарушений осуществляют учетные подразделения, однако сотрудники данных структур должны обладать также знаниями и умениями по анализу и оценке деликтологической информации, что потребует их обучению соответствующим методикам. Это позволит анализировать динамику и структуру административных правонарушений, а также разрабатывать меры профилактического и предупредительного воздействия для отдельных видов административных правонарушений или в отношении конкретного типа правонарушителей.

Ввиду высокого уровня административной деликтности следует остановиться на таком важном аспекте, как управление административной деликтностью, т. е. целенаправленной деятельности государственных органов, в том числе по реализации функций предупреждения административных правонарушений, законотворчества и правоприменения в данной сфере.

Для проведения согласованной правоохранительной политики существенное значение приобретает управленческий подход к координации органов, осуществляющих борьбу с административными правонарушениями и профилактику их совершения. Этому также должна способствовать планомерная работа, основанная на документах стратегического характера и программно-целевого планирования. Главным вопросом при организации управления административной деликтностью является наделение конкретного органа государственной власти полномочиями по координации субъектов правоприменительной деятельности.

На сегодняшний день борьба с административными правонарушениями, в сравнении с преступлениями, не носит унифицированного характера в деятельности органов, наделенных полномочиями контроля (надзора) и привлечения к административной ответственности. Каждый орган занимается

сферой, в которой он наделен определенным объемом полномочий, отсутствует единая методическая работа по предупреждению и профилактике административных правонарушений, в том числе в разрезе видов правонарушений.

Законом Республики Беларусь от 4 января 2014 г. «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» установлено, что координация деятельности по профилактике правонарушений в пределах компетенции осуществляется Генеральным прокурором Республики Беларусь и нижестоящими прокурорами территориальных и транспортных прокуратур, в том числе посредством организации работы координационных совещаний по борьбе с преступностью и коррупцией. При этом деятельность органов прокуратуры сконцентрирована в большей степени на борьбу с преступностью и коррупцией.

С точки зрения воздействия административных правонарушений на формирование в дальнейшем уголовно наказуемого поведения лиц, ранее привлекаемых к административной ответственности, необходимо отметить наличие негативных факторов по увеличению количества административных правонарушений для формирования преступной среды, недооценку влияния административных правонарушений на состояние защищенности жизненно важных интересов общества и государства и необходимость разработки комплексного стратегического плана борьбы не только с преступлениями, но и с административными правонарушениями. Наибольшие усилия сосредоточены именно на борьбу и предупреждение преступлений, в связи с чем на государственном уровне принимаются соответствующие программы.

Обратим внимание на программные документы республиканского значения в сфере борьбы с преступностью и коррупцией, в частности, Программу по борьбе с преступностью и коррупцией на 2020–2022 годы (далее — Программа) и Комплексный план по борьбе с преступностью и коррупцией на 2023–2025 годы (утвержден решением республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией 23.12.2022 № 25).

В качестве мероприятия Программы был закреплен анализ практики работы в сфере предупреждения правонарушений против общественного порядка. В Комплексном плане по борьбе с преступностью и коррупцией на 2023–2025 годы предусмотрены мероприятия по анализу практики привлечения лиц к административной ответственности за управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления (ст. 18.14 КоАП), за потребление наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов в общественном месте (ст. 19.3 КоАП), за передачу незаконного вознаграждения от имени или в интересах юридического лица (ст. 24.59 КоАП).

Как мы видим, с одной стороны, на уровне программных документов признана роль административных правонарушений против общественного порядка, безопасности транспорта в формировании в дальнейшем уголовно наказуемого поведения лиц, совершивших данные правонарушения. Однако, с другой стороны, Программа и Комплексный план ограничиваются только

анализом работы субъектов профилактики данной категории правонарушений. Остальные виды административных правонарушений и профилактическая работа по ним не нашли отражения в данных республиканских программных документах.

В этой связи представляется целесообразной в дальнейшем разработка единой программы (плана) не только по борьбе с преступностью и коррупцией, но и с административными правонарушениями, которую следует наполнить мероприятиями, направленными на предупреждение и профилактику административных правонарушений, в том числе повторное совершение которых влечет уголовную ответственность.

В научной литературе поднимается вопрос о криминализации (декриминализации), административной деликтолизации (деделиктолизации) противоправных деяний и установлении санкций за их совершение [6, с. 9]. Необходимо рассмотрение проблем правоохранительной политики с позиции признания деяния административно или уголовно наказуемым, определение критериев отнесения деликтов к различным видам юридической ответственности и соответственно негативных последствий различного характера при привлечении к административной или уголовной ответственности. В литературе присутствует мнение о формировании новой системы науки деликтологии, которая может быть представлена: общей деликтологией (общие деликтологические проблемы генезиса и детерминированности преступлений и административных деликтов); криминологией; административной деликтологией [7, с. 14]. Данное суждение, по нашему мнению, может получить дальнейшее развитие в условиях необходимости комплексного изучения правонарушений как основания привлечения к уголовной или административной ответственности.

В настоящее время на законодательном уровне отсутствуют критерии административной деликтолизации, т. е. необходимости и целесообразности введения или отмены административного запрета, признания деяния правонарушением или преступлением. Введение новых или отмена административных запретов должны быть согласованы с правоохранительной политикой государства. Более того, теория административной деликтолизации еще находится на уровне постановки проблемы и не подвергнута обстоятельной научной дискуссии.

Подходы органов государственной власти к вопросам деликтивизации или деделиктивизации, наравне с криминализацией или декриминализацией, должны иметь методологическую основу, опирающуюся на определенные критерии, факторы, условия признания деяния административным правонарушением или преступлением. Например, в новом КоАП ряд ранее установленных административных правонарушений был исключен. Одной из причин необходимости исключения некоторых составов административных правонарушений на стадии обсуждения планируемых изменений в КоАП называлось отсутствие статистики по привлечению к административной ответственности. Возникает вопрос: является ли отсутствие статистических данных по тому или иному составу основанием для деделиктивизации.

Думается, что, помимо статистики, при признании нарушения законодательства административным правонарушением необходимо анализировать иные показатели, способствующие его возможному совершению и др. Либо иная ситуация: произошла декриминализация ряда деяний, из УК были исключены составы преступлений и отнесены к административным правонарушениям, которые получили свое закрепление в КоА П. Здесь также возникает вопрос: какие причины были положены в обоснование декриминализации.

Данное рассуждение предполагает необходимость исследования в совокупности вопросов административной деликтивизации, деделиктивизации, криминализации и декриминализации деяний. Изучение данных элементов системы деликтов способствует повышению степени эффективности организационно-правового воздействия как на административную, так и уголовную деликтивность.

Заключение

На основании проведенного исследования борьба с административными правонарушениями, их предупреждение и профилактика как составляющие правоохранительной политики государства, достоверные знания в области административной деликтологии как нового научного направления позволяют делать обоснованные выводы о развитии административно-правового регулирования и практики правоприменения, создании действенной системы охраны и защиты общественных отношений в различных сферах жизнедеятельности. Предупреждение и профилактика административных правонарушений играет существенную роль в борьбе с преступностью.

Для проведения согласованной правоохранительной политики важное значение приобретает управленческий подход к административно-правовому воздействию. Эффективность функционирования системы управления административной деликтивностью зависит от множества факторов, анализ которых должен иметь теоретико-методологическую основу.

При разработке программ (планов) по борьбе с преступностью и коррупцией необходимо дополнять их мероприятиями, направленными на предупреждение и профилактику административных правонарушений, повторное совершение которых влечет уголовную ответственность.

Дальнейшие исследования в совокупности вопросов административной деликтивизации, деделиктивизации, криминализации и декриминализации деяний, элементов системы деликтов способствуют повышению степени организационно-правового воздействия как на административную, так и уголовную деликтивность.

Список цитированных источников

1. Гензюк, Э. Е. Административная деликтология : автореф. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Э. Е. Гензюк ; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. — М., 2001. — 38 с.

2. Ремнев, В. И. Актуальные вопросы административной деликтологии в современный период / В. И. Ремнев // Актуальные проблемы административной деликтологии : сб. науч. тр. — Киев : НИИРИО КВШ МВД СССР, 1984. — С. 3–16.

3. Попугаев, Ю. И. К вопросу об административно-деликтной политике / Ю. И. Попугаев // Вестн. эконом. безопасности. — 2021. — № 3. — С. 212–215.

4. Мышляев, Н. П. Теоретические и прикладные основы административной деликтологии : автореф ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Н. П. Мышляев ; Моск. ун-т МВД РФ. — М., 2004. — 46 с.

5. Дерюга, А. Н. Задачи административной деликтологии на современном этапе / А. Н. Дерюга // Государство и право. — 2010. — № 2. — С. 5–12.

6. Реформа административной ответственности в России / под общ. ред. А. В. Кирина, В. Н. Плигина. — М. : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2018. — 478 с.

7. Денисович, В. В. Административная деликтология как наука / В. В. Денисович // Вестн. Челябинск. гос. ун-та. Серия : Право. 2016. — Т. 1. — Вып. 2. — С. 12–17.

Аннотация. В данной статье исследованы направления использования достижений административной деликтологии в борьбе с преступностью. Предупреждение и профилактика административных правонарушений играет существенную роль в борьбе с преступностью. Для проведения согласованной правоохранительной политики важное значение приобретает управленческий подход к административно-правовому воздействию. При разработке программ по борьбе с преступностью и коррупцией необходимо дополнять их мероприятиями, направленными на предупреждение и профилактику административных правонарушений, повторное совершение которых влечет уголовную ответственность. Сделан вывод, что дальнейшие исследования в совокупности вопросов деликтизации, деделиктизации, криминализации и декриминализации деяний, элементов системы деликтов будут способствовать повышению степени организационно-правового воздействия как на административную, так и уголовную деликтность.

THE ROLE OF ADMINISTRATIVE DELICTOLOGY IN THE FIGHT AGAINST CRIME

Ladutko V. K.

Keywords: administrative delictology, fight against administrative offenses and crime.

Abstract. This article examines the directions of using the achievements of administrative delictology in the fight against crime. Prevention of administrative offenses plays a significant role in the fight against crime. For the implementation of a coordinated law enforcement policy, a managerial approach to administrative and legal influence is of great importance. When developing programs to combat crime and corruption, it is necessary

to supplement them with measures aimed at preventing and preventing administrative offenses, the repeated commission of which entails criminal liability. It is concluded that further research in the aggregate of issues of delictization, dedelictization, criminalization and decriminalization of acts, elements of the system of torts will contribute to increasing the degree of organizational and legal impact on both administrative and criminal delict.

УДК 343.148:81'33

НЕДОПУЩЕНИЕ РЕАБИЛИТАЦИИ НАЦИЗМА И ОТРИЦАНИЯ ГЕНОЦИДА БЕЛОРУССКОГО НАРОДА: ВОЗМОЖНОСТИ СУДЕБНОЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Лапунина Т. А., Бабук А. В., Богинская Д. С.

Ключевые слова: реабилитация нацизма, отрицание геноцида белорусского народа, положительная оценка, обоснование допустимости, аргументация, судебная лингвистическая экспертиза

Введение

Недопущение реабилитации нацизма является одной из приоритетных задач деятельности правоохранительных органов Республики Беларусь. Это обусловлено тем, что в некоторых странах в настоящее время наблюдается повышенный интерес к возрождению нацистской идеологии, предпринимаются попытки оправдания нацистских преступников и их пособников. В информационном пространстве Республики Беларусь также имеется литература, интернет-публикации, видеофильмы, которые содержат оправдание практики нацизма, одобрение или отрицание преступлений против мира и безопасности человечества, совершенных нацистами в годы Второй мировой войны, героизацию нацистских преступников и их пособников, отрицание геноцида белорусского народа и т. д. В связи с этим государственное учреждение «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз» (далее — Центр) разработало методические рекомендации по проведению судебной лингвистической экспертизы (далее — СЛЭ) по материалам и делам, связанным с реабилитацией нацизма и отрицанием геноцида белорусского народа.

Сущность методического материала заключается в описании подходов и алгоритмов решения диагностических задач по установлению в спорном тексте смысловых компонентов, соотносимых с понятиями, отраженными в Законе Республики Беларусь от 14 мая 2021 г. № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма» [3], Законе Республики Беларусь от 14 мая 2021 г. № 104-З «Об изменении законов по вопросам противодействия экстремизму» [4], ст. 130–1, ст. 130–2 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК), иных правовых актах: положительная оценка лица (лиц) и /

или его (их) действий, обоснование допустимости действий / деятельности, отрицание фактов.

Основная часть

Согласно методическим рекомендациям объектами СЛЭ по материалам и делам, связанным с реабилитацией нацизма и отрицанием геноцида белорусского народа, являются тексты на русском / белорусском языках (устные, письменные, поликодовые): книги, статьи, интервью, обзоры, хроники, рецензии, видеоролики и т. д., а также различные тексты интернет-коммуникации (посты, репосты, комментарии, фрагменты интернет-переписки и т. д.). Как правило, не являются объектами исследования тексты, созданные в иной культурно-исторический период и не соотносящиеся с современной ситуацией (например, книга А. Гитлера «Майн кампф»); художественные тексты; некоторые вторичные тесты, к которым относятся прежде всего переводные при отсутствии документов, свидетельствующих об их аутентичности, и др. Большие публицистические тексты ограничиваются конкретными высказываниями или абзацами, подлежащими исследованию.

Назначение и проведение СЛЭ по материалам и делам, связанным с реабилитацией нацизма и отрицанием геноцида белорусского народа, как правило, включает стадию предварительного консультирования инициатора с экспертом. Кроме того, до назначения экспертизы существует необходимость проверки инициатором наличия или отсутствия представляющего интерес текста в республиканском списке экстремистских материалов, размещенном на сайте Министерства информации Республики Беларусь, т. е. наличие материала в данном списке свидетельствует о том, что проведение экспертизы нецелесообразно.

В ходе СЛЭ по материалам и делам, связанным с реабилитацией нацизма и отрицанием геноцида белорусского народа, решаются следующие типовые вопросы:

1. *Имеется ли в предоставленном тексте положительная оценка лица (лиц) и / или его (их) действий / деятельности? Если да, то имеется ли обоснование этой оценки?*

2. *Имеется ли в предоставленном тексте обоснование допустимости действий / деятельности лица (лиц), структур, организаций и др. (конкретизируются инициатором)?*

3. *Имеются ли в предоставленном тексте высказывания, в которых выражено отрицание того, что (действия нацистов, события и обстоятельства, связанные с ними, конкретизируются инициатором)? Какова модальная форма высказываний?*

4. *Имеются ли в предоставленном тексте высказывания, в которых выражено отрицание того, что в годы ВОВ в отношении белорусского народа (белорусов) лицами (лицом) / формированием были осуществлены следующие действия: (нацисты и / или их пособники, националистические формирования, их действия конкретизируются инициатором)?*

Поскольку предметом речи согласно действующему законодательству могут быть не любые лица и действия, а только те, что зафиксированы до-

кументами Международного военного трибунала в Нюрнберге и другими трибуналами, отмеченными в Законе, инициатор должен проводить отбор материалов, предоставляемых на исследование, строго в соответствии с этим требованием. В компетенцию эксперта-лингвиста не входит поиск прямого соответствия между фактами, отраженными в документах Нюрнбергского трибунала, и фактами, которые содержатся в предоставленных на экспертизу текстах. Поэтому перед назначением СЛЭ инициатору (следователю или суду) необходимо обратиться к специалистам в области истории, которые могли бы установить это соответствие. В российской практике это военные академии Министерства обороны Российской Федерации, историко-архивные учреждения, институты РАН, соответствующие кафедры вузов и т. д. Информация о признании лица, являющегося предметом речи в представленном на исследование тексте, нацистским преступником либо пособником нацистских преступников должна быть в обязательном порядке отражена в постановлении, иных предоставляемых материалах (протоколе осмотра предметов / документов / компьютерной информации, проведенного с участием специалиста-историка, и др.).

Все вопросы, ставящиеся перед экспертом-лингвистом, решаются путем выявления и анализа речевых средств, выражающих соответствующий смысловой компонент. Так, решение вопроса о положительной оценке осуществляется через исследование *оценочного* и (в случае необходимости) *аргументативного* компонентов текста. Оценочный компонент представляет собой совокупность разнообразных языковых средств, объединенных оценочной семантикой [2, с. 5]. В ходе исследования в тексте устанавливаются репрезентанты положительной оценки лица (лиц), его (их) действий / деятельности (отдельные слова, словосочетания, высказывания или текст в целом), например: *«Гитлер стал живой легендой для своего народа <...> он даже был назван человеком года в тысяча девятьсот тридцать восьмом году. <...> Это не восхищение народным лидером, это поклонение национальному герою, который спас свою страну от полного деспотизма и деградации. <...> Нет, это не действия злого человека. Это человек, который любит свою страну и любит людей в своей стране»*.

Следует отметить также, что такие речевые акты, как прославление («Слава Гитлеру! Да здравствует национал-социализм!»), приветствование («Приветствуем тебя, Адольф!»), а также высказывания, формально адресованные нацистским преступникам, их пособникам, но фактически направленные на побуждение к продолжению их деятельности («Пусть результаты твоих стараний, Адольф, только множатся!» «Адольф, проснись, жида борзее!»), «Очень жаль, Адольф, что тебя сейчас нет с нами!»), в случае отсутствия в тексте средств-репрезентантов положительной оценки квалифицируются только как выражающие *положительное отношение* к соответствующему предмету речи, о чем указывается в выводах.

Вопрос о наличии в спорном тексте обоснования допустимости действий / деятельности лиц (нацистов), нацистских структур, организаций и др. решается посредством поиска утверждений о правильности, желательности,

справедливости, целесообразности, пользе и т. д. этих действий и подразумевает их оценку с позиций ценностных установок (норм этики, морали, религии и пр.), с позиции конкретного лица, авторитетного для группы, объединенной по установленному признаку, и т. д.

Для обоснования допустимости совершения действий, связанных с насилием, опасностью, причинением вреда, в тексте применяются различные доводы, в числе которых: *апелляция к модели* (идеализируемой личности, образ действия которой служит предметом подражания или побуждает к определенной оценке поступка, идеи, человека); *апелляция к опыту* (тезис обосновывается прецедентом решения, который заведомо содержит положительный результат); *аргумент к невыносимости* («надо что-то предпринять», так как состояние предмета невыносимо для адресата); *апелляция к оптимуму* (решение в сложившихся обстоятельствах оптимально); *апелляция к долженствованию* («так велит долг»); *аргументы к пользе, выгоде; к цели и средствам* [1] и др. Например:

- «Гитлер принял решение [о нападении на СССР] лишь когда увидел, что Россия достигла часа готовности выступить против Германии в тот момент, когда в Восточной Пруссии у нее было лишь три дивизии, и там же были дислоцированы 22 советские дивизии. Постепенно немецкое командование получало доказательства, что на рубежах Германии строился один аэродром за другим, и там же одно за одной собирались дивизии гигантской советской армии. Тогда у Гитлера возникло обязательство забеспокоиться, потому что история не дает оправдания халатности ... Он возглавлял Рейх, и поэтому был в ответе за настоящее германского народа и за его будущее» (аргумент к долженствованию);

- «Для покоренных народов свобода нацистами планировалась наиполнейшая — говори что хочешь, пиши что хочешь — хоть на голове стой. Кроме того, в армии служить не надо, даже альтернативной службы нести не надо (служба только для немцев); в школу ходить не надо; церкви, секты — любые; улицы, дома можно не убирать; прививки можно не делать, можно даже не лечить. Если бы наши люди покорились тогда, получили бы полную свободу!» (аргумент к пользе).

Обоснование допустимости действий / деятельности нацистов, нацизма как доктрины может быть реализовано посредством и более сложной аргументации, ср.:

- «<...> Союзники осуждают жидовское гетто, и в то же время оно не может сравниться с множеством черных гетто в Америке, в стране, где незров по-прежнему линчуют и вешают на деревьях. <...> История соблюдает так называемое право человека. В Британии множество ее колоний точно так же жестоко основаны на расизме. <...> Никто так и не ответил за преступления против человечности в Индии, Африке и Австралии, за массовую наркотизацию населения Китая во время опиумных войн. <...> Восточная Пруссия с ее лесами и озерами была первой частью предвоенной германской территории, на которую вторглась Красная Армия. <...> Во время отступления мы обнаружили 20 [немецких] солдат, убитых

в самой зверской бесчеловечной манере. У них были отрезаны уши, выколоты глаза, отрезаны гениталии <...> Согласно оценочным данным, солдаты Красной Армии изнасиловали вплоть до двух млн германских женщин <...>».

В приведенных фрагментах спорного текста факт преступлений нацистской Германии не отрицается, но они рассматриваются в контексте аналогичных событий мирового уровня. Посредством использования приема, суть которого сводится к описанию объекта, противопоставляемого объекту оправдывания, в таком же или более интенсивном отрицательном ключе (с одной стороны, Германия, Гитлер, с другой — США, Британия, СССР) гитлеровская Германия как предмет речи приобретает как минимум нейтральную оценочность.

Необходимо также отметить, что далеко не все тексты, содержащие упоминание о нацистских преступниках в положительном ключе, содержат криминалистически значимую информацию в свете представленных выше вопросов. Так, например, в высказываниях «Гитлер был прав в том, что Германия после Первой мировой была унижена и разорена и ее нужно было поднимать из руин»; «Если мы выиграем несколько выборов, мы все равно проиграем, если не завоюем сердца и умы наших детей. Это битва. Гитлер был прав в одном. Он сказал: “У того, у кого есть молодежь, есть будущее”» речь не идет о взглядах, соотносимых с предметом исследования и признаваемых другими недопустимыми (ответ по типовому вопросу 2 — отрицательный). В высказывании «Гитлер делал хорошее дело: он боролся со взяточничеством среди немцев, но поощрял коррупцию среди покоренных народов» дается положительная оценка деятельности А. Гитлера. Однако данная характеристика могла бы относиться и к любому другому правителю, т. е. именно нацистская специфика в высказывании не проявлена (ответ по вопросу 1 — отрицательный). Также в практике проведения СЛЭ имеют место тексты, где коммуникативной целью является отрицательная оценка властей Республики Беларусь, а нацизм и нацисты выступают тем информационным фоном, на котором разворачивается основной тезис: «Гейббельс говорил, что для управления массами нужно поощрять слабость и коррупцию. Теперь понятно, почему власть нашей страны не хочет бороться с коррупцией, а всячески поддерживает ее» (ответ по вопросу 2 — отрицательный).

При решении вопроса о наличии отрицания преступлений нацистов, осужденных Нюрнбергским трибуналом, нацизма в целом выявляются лексико-грамматические и риторические средства, в качестве которых могут использоваться отрицательные частицы не и ни; маркеры сомнения якобы, будто и др.; существительные типа миф, легенда, выдумка, небылица, сказка, вымысел, ложь и т. д.; прилагательные мнимый, воображаемый, ложный, призрачный, иллюзорный, кажущийся, фантомный, порожденный (созданный) воображением (фантазией), фантастический, фиктивный, эфемерный, зыбкий, несуществующий, подставной и т. п., риторические вопросы типа Кто сказал, что Гитлер — убийца евреев?, кавычки и многое другое.

Отрицание преступлений нацистов чаще всего сопровождается привлечением различного рода аргументов, использованием текстовых маркеров логического вывода: *поэтому; объясняется тем, что; я это пишу к тому, что; логика цитаты показывает, что (...); тем самым; это ничто иное как; представляется совершенно нелогичным что; вывод, доказательство, факт, основание, предпосылка, база; действительно, фактически, на самом деле, в реальности; известно, допустим..., что, предположим, сделаем опыт, а теперь посмотрим, отсюда следует вывод, оказывается; ясно, понятно, очевидно; предпосылка, необходимое основание, порождающий (предопределяющий) фактор, побочный (сопутствующий) фактор, подтверждение, доказательство, довод, предопределенность, посылка, повод, предлог, стимул, прямое или косвенное свидетельство, мотивировка и др.*

Наибольшее распространение среди всех видов отрицания получило отрицание Холокоста как в виде доктрины нацистов в целом, так и в виде отдельных преступлений против еврейского населения в частности:

- «Никакого плана по физическому истреблению евреев не было!» (Ю. Граф «Миф о холокосте: правда о судьбе евреев во второй мировой войне»¹);

- «Что история о „газовых камерах“ является наглым и примитивным обманом, можно прекрасно показать на примере самой известной из всех мнимых „нацистских газовых камер“, расположенной в базовом лагере Освенцим I» (Ю. Граф «Ревизионизм Холокоста»);

- «Пережившим холокост» было позволено давать волю их извращенному воображению, а их „фактическим сообщениям“ был придан статус высшей достоверности» (Ю. Граф «Миф о холокосте: правда о судьбе евреев во второй мировой войне»).

Исследование по вопросу об отрицании геноцида белорусского народа проводится с обязательным учетом следующих смысловых параметров высказываний, релевантных действующему законодательству:

события, отраженные в тексте, имели место в отношении белорусского народа (белорусов) в 1941–1945 гг. и осуществлялись с участием немецко-фашистских захватчиков (нацистов), а также их пособников в виде действий, направленных на:

- а) лишение белорусов жизни;
- б) причинение им тяжких телесных повреждений;
- в) создание жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение;
- г) насильственное перемещение (угон) женщин и детей в Германию и другие страны для работы и т. д.

Первый параметр является обязательным; по отношению к остальным возможны варианты: в СТ присутствует либо один, либо несколько, либо полная их совокупность, которая и составляет предмет речи в высказываниях, предоставляемых на исследование.

¹ Решением суда Центрального района г. Минска от 16 мая 2016 г. источник занесен в Республиканский список экстремистских материалов.

Заключение

В заключение сформулируем следующие выводы.

1) В связи с попытками в некоторых странах оправдания практики нацизма, отрицания или одобрения совершенных нацистами и их пособниками преступлений, а также возрождения нацистской идеологии, недопущение реабилитации нацизма является одной из важнейших текущих задач деятельности правоохранительных органов Республики Беларусь.

2) Поиск решения проблемы реабилитации нацизма и отрицания геноцида белорусского народа в спорных текстах побудил к внесению изменений в действующее законодательство Республики Беларусь, в соответствии с которыми возникла необходимость проведения судебной лингвистической экспертизы, для чего Центром были созданы методические рекомендации.

3) Проведение качественного судебно-экспертного исследования в соответствии с разработанными Центром методическими рекомендациями по проведению судебной лингвистической экспертизы по материалам и делам, связанным с реабилитацией нацизма и отрицанием геноцида белорусского народа, будет способствовать ограничению деструктивных информационных воздействий, повышению информационной безопасности страны, а также укреплению законности и правопорядка в Республике Беларусь.

Список цитированных источников

1. Волков, А. А. Теория риторической аргументации / А. А. Волков. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 2009. — 398 с.

2. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. — изд. 2-е, доп. — М. : Едиториал УРСС, 2002. — 280 с.

3. О недопущении реабилитации нацизма : Закон Респ. Беларусь от 14 мая 2021 г., № 103–3 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

4. О противодействии экстремизму : Закон Респ. Беларусь от 4 янв. 2007 г., № 203–3 : в ред. от 14.05.2021, № 104–3 / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

Аннотация. В данной статье раскрываются возможности исследования текстов, связанных с реабилитацией нацизма и отрицанием геноцида белорусского народа, в рамках судебной лингвистической экспертизы. В работе описываются особенности назначения и проведения данной экспертизы; приводятся типовые вопросы, на которые может отвечать эксперт-лингвист, не выходя за пределы своей компетенции; перечисляются различные языковые способы и средства выражения соответствующих смысловых компонентов. Статья содержит большое количество иллюстративного материала, наглядно отображающего заявленные тезисы.

NAZISM PREVENTION REHABILITATION AND THE DENIAL OF THE GENOCIDE OF THE BELARUSIAN PEOPLE: THE OPPORTUNITIES FOR FORENSIC LINGUISTIC EXAMINATION

Lapunina T. A., Babuk A. V., Boginskaya D. S.

Keywords: nazism rehabilitation, the denial of the genocide of the Belarusian people, positive estimation, admissibility justification, argumentation, forensic linguistic examination.

Abstract. This article reveals the possibilities of studying texts related to the rehabilitation of Nazism and the denial of the genocide of the Belarusian people, within the framework of forensic linguistic examination. The paper describes the features of the appointment and conduct of this examination; typical questions for an expert-linguist that who answer without going beyond his competence; various linguistic ways and means of expressing the corresponding semantic components are listed. The article contains a large amount of illustrative material that clearly reflects the stated points.

УДК 351.761

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРОПАГАНДЕ И РЕКЛАМЕ НАРКОТИКОВ В СИСТЕМЕ МЕР АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Русецкий О. В.

Ключевые слова: антинаркотическая деятельность, пропаганда и реклама наркотиков, Интернет-ресурсы, антинаркотическая пропаганда.

Введение

Проблема наркоэкспансии не знает национальных границ и наносит существенный вред человеческой популяции. Основными негативными последствиями распространения наркотиков являются наркотизация и криминализация общества, влекущие существенное снижение потенциала его нормального функционирования и воспроизводства. Распространение наркотиков существенно влияет на общественную безопасность. Результаты научных исследований свидетельствуют о том, что наиболее уязвимыми в плане риска наркотизации, алкоголизации являются несовершеннолетние и молодежь, что обусловлено социально-статусными и возрастными особенностями данных социально-демографических групп. Учитывая это, следует говорить об отнесении данного негативного явления к реальной угрозе глобального социального развития, от минимизации которой зависит не только снижение числа опасных преступных проявлений, но и в целом здоровье и жизнеспособность населения нашей планеты.

Причины распространения наркотиков имеют комплексный характер, который обусловлен взаимосвязанными, применяемыми в науке и меж-

дународной практике понятиями «спроса» и «предложения», первое из которых рассматривается как массовое проявление девиантного поведения, связанного с немедицинским потреблением наркотиков, второе — как криминальный бизнес по их производству и распространению. Обеспечивая предложение наркотиков, вовлекая в среду криминальной деятельности законопослушных граждан, наркопреступность проникает в различные сферы жизнедеятельности человека, задевает для своего развития прогрессивные технологии и тем самым наносит существенный ущерб обществу. В современном мире трансграничные структуры наркобизнеса используют прогрессивные экономические инструменты и технологии продвижения запрещенного товара для достижения корыстных противоправных целей. К таким инструментам относятся реклама и пропаганда наркотиков.

Основная часть

Наркобизнес непрерывно развивается, что отражается на ситуации в области незаконного оборота наркотиков и на национальном уровне. После значительного роста (31 %) в 2021 г. числа регистрируемых наркопреступлений, обусловленного в том числе и активизацией работы правоохранителей по данному направлению, в 2022 г. количество таких деяний незначительно снизилось (–3,4 %). Вместе с тем в 2022 г. увеличилось число выявленных преступлений, совершенных группой лиц, в составе организованной группы.

Динамика связанных с наркотиками преступлений несовершеннолетних (при существенном снижении интенсивности) по итогам 2022 г. осталась негативной. В данной сфере обозначилась особенность, связанная с вовлечением подростков в организованную криминальную деятельность (насильственное «выбивание» долгов с наркокурьеров). В 2022 г. уголовные дела по данным фактам возбуждены в отношении более 15 несовершеннолетних. По обоснованному мнению начальника отдела по надзору за исполнением законодательства о несовершеннолетних и молодежи Генеральной прокуратуры В. А. Финевич, основными причинами сложившейся ситуации являются доступность приобретения наркотиков через сеть Интернет, вовлечение детей в их распространение под предлогом «легкого заработка», отсутствие родительского контроля, семейное неблагополучие, незанятость подростков в свободное от учебы время, а также недостаточная работа субъектов профилактики правонарушений [1].

Антинаркотическая политика каждого государства строится с учетом исторических традиций, внешних и внутренних особенностей социально-экономического развития и геополитического положения, а также многих других факторов. Основными условиями эффективности реализуемой в стране антинаркотической деятельности являются системность и непрерывность мер по снижению спроса на наркотики и по противодействию их незаконному предложению. Данная деятельность должна быть гармоничной (спрос / предложение) и комплексной, а также надлежаще обеспеченной в организационном и правовом планах.

В структуре предупредительной деятельности, наряду с мерами непосредственного выявления и пресечения связанных с наркотиками престу-

плений, значимые позиции призваны занимать меры профилактики, в том числе направленные на устранение создаваемых распространителями наркотиков условий повышения их спроса — пропаганда и реклама незаконного, немедицинского потребления наркотиков, образа жизни и ощущений, а также условий вовлечения в криминальную деятельность новых участников — пропаганда и реклама легкого, безопасного и высокого дохода от незаконного оборота наркотиков.

В словарных изданиях под рекламой (франц. *reclame*, от лат. *reclamo* — выкрикиваю) понимается информация о потребительских свойствах товаров и видах услуг с целью популяризации, создания спроса на них. Пропаганда (от лат. *propaganda* — подлежащее распространению) распространение каких-либо идей в обществе с целью формирования у широких масс населения определенных взглядов [2]. В обоих случаях речь идет о целенаправленном информационном воздействии, объектом которого является население.

Данную особенность подчеркивают и определения рассматриваемых терминов в национальном и международном (модельном) законодательстве.

В модельном законе «О наркотических средствах, психотропных веществах и их прекурсорах» (ст. 49)² реклама наркотических средств и психотропных веществ определяется как деятельность физических и юридических лиц по распространению и размещению в любой форме, с помощью любых средств информации, которая формирует или поддерживает интерес к наркотическим средствам, психотропным веществам и прекурсорам. В данном законе пропаганда наркотиков также связана с целенаправленной деятельностью любых субъектов по формированию (производство) и распространению различных видов информации, содержащей сведения о способах, методах разработки, изготовления и использования, местах приобретения наркотических средств и психотропных веществ, преимуществах использования отдельных наркотиков, а также об их использования в медицинских целях, подавляющих волю человека либо отрицательно влияющих на состояние его психического или физического здоровья.

Анализируя иное законодательство можно обратить внимание на ряд особенностей в определении рассматриваемых терминов.

Закон Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З «О рекламе» (далее — Закон о рекламе) указывает, что реклама — это информация об объекте рекламирования, размещаемая (распространяемая) в любой форме с помощью любых средств, направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и (или) его продвижение на рынке.

² Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ № 27–6 «О работе Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ по гармонизации национального законодательства государств Содружества в сфере безопасности и о ходе реализации межгосударственных программ СНГ по борьбе с терроризмом и иными проявлениями экстремизма, преступностью, незаконным оборотом наркотиков, психотропных веществ и их прекурсоров» (Принято в г. Санкт-Петербурге 16.11.2006)

В постановлении Министерства образования Республики Беларусь от 27 декабря 2013 г. № 141 «Об утверждении, введении в действие образовательных стандартов высшего образования» подчеркивается не персонифицированная направленность рекламы, присущее ей свойство убеждения.

В Соглашении о сотрудничестве государств — участников Содружества Независимых Государств в сфере регулирования рекламной деятельности (заключено в г. Москве 19.12.2003), в модельном законе «О трансграничном спутниковом телевизионном и радиовещании и международном спутниковом информационном обмене»³ к объектам рекламирования относятся физические или юридические лица, товары, идеи или начинания.

В модельном законе «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»⁴ пропаганда антиобщественных и противоправных действий это распространение информации, направленное на формирование в сознании детей установок антиобщественного и противоправного поведения. Статьи 123 и 342–1 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) подчеркивают любые формы и целенаправленность распространения информации в ходе пропаганды войны и суицида (взглядов, идей или призывов). Также в ст. 342–1 УК происходит отграничение пропаганды от предусмотренных ст. 145 и 146 УК (доведение и склонение к самоубийству) составов.

По мнению исследователей, *реклама* выступает средством воздействия на психику человека, используя разного рода манипуляции. Она может быть как явной, так и в скрытом виде, по-разному влияя на психологию ее потребителя. Скрытая реклама опасна в первую очередь тем, что она способна оказывать на потребителя не осознаваемое им влияние и принуждать его к определенным поступкам. Скрытая реклама воздействует на подсознание человека и манипулирует его поведением, наносит вред (вводит в заблуждение, дезориентирует, оказывает скрытое влияние). Скрытые приемы в рекламе (например, текст на грани восприятия, использование отрицания, цветовое акцентирование, реклама под видом информационного, редакционного или авторского материала и др.) являются действенными методами психологического воздействия [3]. На это обращено внимание белорусского законодателя. В соответствии со ст. 26 Закона о рекламе использование или размещение (распространение) скрытой рекламы, которая оказывает не осознаваемое потребителем рекламы воздействие на его восприятие любыми способами, запрещаются.

Способы манипулирования в современных условиях дополняются техническими возможностями информационных технологий. Кроме публикаций на страницах интернет-изданий сведений, содержащих непосредственную рекламу (например, наркотических средств), она может быть различных видов: контекстная реклама (как поиск, так и рекламные сети); поисковая

³ Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств № 11–11 (принято в г. Санкт-Петербурге 15.06.1998)

⁴ Принят в г. Санкт-Петербурге 03.12.2009 постановлением 33–15 на 33-ем пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников СНГ

оптимизация (SEO); реклама в социальных сетях (SMM); баннерная реклама; видеореклама; e-mail-маркетинг; нативная реклама; вирусный маркетинг. Все они имеют свои особенности взаимодействия с аудиторией.

Пропаганда, массово воздействуя на сознание населения, ставит своей целью коррекцию и даже трансформацию убеждений, ориентационных жизненных установок личности, которые формируются в данном случае не благодаря рациональному наблюдению и логическому мышлению, а через ассоциативную память. Распространение информации, пропагандирующей позитивное отношение к наркотикам, материальным выгодам от их продажи, соответствующему образу жизни, эмоциональным состояниям эйфории, перспективам изменения реальности и др., может происходить через отечественную и зарубежную музыкальную культуру, кинофильмы и литературу, уличную инфраструктуру, публичное выражение мнения о наркотиках, реализацию различных товаров и продукции, ношение одежды и аксессуаров с наркотической символикой, демонстрацию на теле изображений и т. д. При этом, по справедливому мнению российских исследователей, условия информатизации создают благоприятную основу деструктивной пропагандистской деятельности. Наиболее незащищенной категорией граждан в данном отношении и основным потребителем информационного продукта являются, как правило, дети и подростки в возрасте 7–18 лет, которые в процессе своего формирования в значительной степени подвержены влиянию внешней среды [4].

В соответствии с представлениями современных криминологов детерминация девиантного поведения (в том числе потребления наркотиков) представляет собой сложный и протяженный по времени процесс взаимодействия личности и общества, в результате которого под воздействием неопределенного числа негативных факторов, в благоприятных условиях формируются непосредственные причины наркопотребления, наркопреступности. Причины и условия девиаций могут находиться в обществе, и в личности девианта, и в процессах деструктивного личностно-социального взаимодействия.

В соответствии с результатами научных исследований в числе причин и условий потребления психоактивных веществ в молодежной среде называются:

деформации в социальном и духовном развитии личности;

доминирование в сознании личности жизненных ценностей и социальных позиций индивидуалистического, эгоистического, гедонистического, потребительского, корыстного, конформистского, социально безответственного характера;

отсутствие целостного ценностно-целевого комплекса, собственных представлений о смысле своего существования, предполагающих, в том числе рациональную позитивную программу выхода из сложных жизненных ситуаций;

затрудненность самореализации, обусловленная неопределенностью жизненных перспектив, несоответствием возможностного потенциала уровню потребностей личности, влекущая девальвацию ценности трудовых созидательных усилий [5].

На формирование данных детерминант опосредованно влияет реклама и пропаганда, оказывая массовое деструктивно ориентирующее либо дезориентирующее воздействие, в том числе используя возможности информационного пространства социальных сетей и интернета в целом.

В числе социальных и, в частности, культурных детерминант наркопотребления в молодежной среде следует обозначить непосредственно связанные с развитием в социуме, особенно в подростковой среде, негативных стереотипов поведения, формирующихся под воздействием глобальной и коммерческой информатизации (интернет, кино-, видеопродукция и др.), значимой, если не преобладающей, составляющей которой является рекламная и информационно-пропагандистская деятельность.

Изучение правоприменения показывает, что реклама и пропаганда наркотиков являются реальной проблемой белорусского общества.

В ходе надзорной деятельности органов прокуратуры выявляются нарушения и проблемы, связанные с неприятием исполкомами мер по предупреждению пропаганды наркотиков. В частности, в отчетных материалах прокуратуры Брестской области (по итогам второго полугодия 2022 г.) указаны сведения Барановичской межрайонной прокуратуры о том, что в городе по-прежнему распространены факты размещения надписей («трафареты») на стенах жилых домов с адресами интернет-магазинов по продаже наркотических средств. Надлежащие меры по их уничтожению со стороны коммунальных служб не принимаются, хотя эта проблема ранее обсуждалась в рамках рассмотрения внесенного 10.05.2022 межрайонной прокуратурой в Барановичский горисполком представления.

По имеющимся в открытом доступе документам судебной практики⁵ можно судить о том, что рассматриваемые явления выявляются в процессе привлечения лиц к уголовной ответственности, однако надлежащей уголовно-правовой оценки не имеют. Так, приговор Суда Первомайского района г. Витебска от 23 мая 2022 г. содержит сведения о привлечении к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 328 УК, в частности о криминальной деятельности участников организованной группы, которые: рекламировали созданный в сети Интернет сайт, реализуемые наркотические средства и психотропные вещества в сети Интернет, в том числе на указанном сайте; выполнили действия, направленные на возбуждение интереса у целевой группы потенциальных потребителей к приобретению и употреблению наркотических средств и психотропных веществ, заведомо понимая и скрывая от данных лиц причиняемый в результате употребления указанных веществ вред здоровью и опасность для жизни; проводили анализ спроса и предложений наркотических средств и психотропных веществ в различных регионах Республики Беларусь. В резолютивной части приговора данные деяния обвиняемых не фигурируют ввиду отсутствия установленной УК ответственности.

⁵ Источник: Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «Юр-Спектр». — Минск, 2023.

Еще один приговор (Суд Волковысского района, 20 сентября 2022 г.) вынесен по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 328 и ст. 341 УК. Судом установлено, что обвиняемый из корыстных побуждений, связанных с получением для личного потребления психотропных веществ, с единым умыслом и целью, направленными на порчу имущества в иных общественных местах, наносил изображения и надписи на зданиях и иных сооружениях, что повлекло их порчу без признаков более тяжкого преступления. Посредством переписки в сети Интернет в Telegram-канале он достиг договоренности с неустановленным лицом о приобретении психотропного вещества в качестве оплаты за нарисованное ранее граффити. На разных сооружениях (здания, заборы) он учинял граффити, рекламирующие интернет-магазин по продаже наркотиков и психотропных веществ. За эту работу он получал оплату в виде психотропных веществ. Обвиняемый признан виновным в порче имущества в иных общественных местах при отсутствии признаков более тяжкого преступления и по ст. 341 УК, а также виновным в незаконном без цели сбыта приобретении, хранении и перевозке психотропных веществ и по ч. 1 ст. 328 УК. В соответствии с ч. 2 ст. 72 УК путем поглощения менее строгого наказания более строгим окончательно назначено наказание в виде лишения свободы сроком на два года шесть месяцев.

В системе правового регулирования и соответственно организации антинаркотической деятельности в нашей стране противодействие рекламе и пропаганде наркотиков представлено фрагментарно и не в полной мере связано с сущностью соответствующих негативных явлений.

Статья 10 Закона о рекламе содержит запрет рекламы наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров в целях незаконного их использования, аналогов наркотических средств, психотропных веществ, информация о которых размещена на официальном сайте Министерства внутренних дел в сети Интернет. Нарушение данного запрета влечет административную ответственность по ч. 1 ст. 13.9. Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях, предусматривающей штраф в размере от пяти до десяти базовых величин (на физическое лицо), от десяти до двадцати пяти (на индивидуального предпринимателя), от двадцати до пятидесяти базовых величин (на юридическое лицо).

Статьей 38 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-3 «О средствах массовой информации» сведения, пропагандирующие потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических и других одурманивающих веществ, а также сведения о способах и методах разработки, изготовления, использования и местах приобретения наркотиков отнесены к информации, распространение которой в средствах массовой информации, на Интернет-ресурсах запрещено. Данным законом предусмотрены меры реагирования на такие факты, связанные с приостановлением, прекращением выпуска СМИ, ограничением доступа к интернет-ресурсу, сетевому изданию.

Вопросы организации противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров, аналогов профилак-

тики потребления наркотиков регламентируются ст. 23, главой 4 и иными положениями Закона Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 408-3 «О наркотических средствах, психотропных веществах, их прекурсорах и аналогах». Однако данными нормами, а также положениями ст. 5 данного акта (о государственной антинаркотической политике) такое направление как противодействие «пронаркотическому» информационному воздействию на население не выделяется. В соответствии с данным Законом антинаркотическая пропаганда (как «антипод» пропаганде наркотиков) включает в себя распространение и разъяснение информации, направленной на профилактику потребления наркотиков.

Статья 18 Закона Республики Беларусь от 4 января 2014 г. № 122-3 «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», регламентирующая основные профилактические мероприятия по предупреждению правонарушений, совершаемых гражданами, находящимися в состоянии алкогольного опьянения либо в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ также не предусматривает какой-либо предупредительной деятельности по рассматриваемому направлению.

Уголовный кодекс Республики Беларусь, предусматривающий ряд составов преступлений, связанных с пропагандой деструктивной идеологии (войны, терроризма, нацизма, суицида) о пропаганде наркотиков умалчивает. Следует отметить, что по мнению исследователей склонение к потреблению наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, которое криминализировано в ст. 331 УК, не может охватывать пропаганду их потребления, поскольку склонение подразумевает воздействие на конкретное лицо (лиц), а пропаганда обращается к неопределенному кругу лиц [6].

Таким образом, следует констатировать, что в системе антинаркотической деятельности, значимым элементом которой является установление и реализация ответственности за связанные с наркотиками правонарушения и преступления, не имеется специальной административной практики, направленной на выявление фактов рекламы и пропаганды наркотиков, не в полной мере используются возможности уголовно-правовой превенции в данной сфере.

Следует отметить, что в законодательстве Российской Федерации данные вопросы урегулированы в значительно большей мере. Статья 6.13. Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ устанавливает ответственность за пропаганду либо незаконную рекламу наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, и их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества либо их прекурсоры, а также новых потенциально опасных психоактивных веществ. Пропаганда закиси азота («веселящий газ») влечет административную ответственность по ст. 6.13.1 указанного Кодекса.

Введенная в 2017 г. ст. 151.2. Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ предусматривает ответственность за склонение

или иное вовлечение несовершеннолетнего в совершение противоправных действий, заведомо для виновного представляющих опасность для жизни несовершеннолетнего. В качестве квалифицирующего признака данного состава указано совершение рассматриваемого деяния в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая Интернет). В ст. 172, 173 УК Республики Беларусь, посвященных вовлечению несовершеннолетних в совершение преступления, антиобщественное поведение такие признаки не предусмотрены.

Заключение

Подытоживая изложенное, следует отметить, что в целях повышения системности и комплексности реализуемой в стране антинаркотической работы следует рассматривать рекламу и пропаганду наркотиков в числе значимых причин и условий совершения связанных с наркотиками преступлений, вовлечения несовершеннолетних и молодежи в наркобизнес, потребление наркотиков. В сложившихся условиях необходимо устранить пробелы как правового, так и организационного характера и с учетом сущности рассмотренной деструктивной деятельности сформировать механизмы эффективного противодействия рекламе и пропаганде наркотиков в Республике Беларусь.

Список цитированных источников

1. *Финевиц, В.* Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков и потребление психоактивных веществ — сфера повышенного внимания органов прокуратуры / Виктория Финевиц // *Законодательство и право*. — 2023. — № 1. — С. — 27–29.
2. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова ; Российская академия наук, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова. — 4-ое изд., доп. — М.: ИТИ Технологии, 2008. — 944 с.
3. *Бурбыка, М. М.* Особенности противодействия скрытой рекламе наркотических средств / М. М. Бурбыка, А. Н. Кулиш, О. Н. Резник, А. В. Солонярь // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. — 2015. — Т. 9, № 2. — С. — 334–342.
4. *Анисифорова, М. В.* Неочевидные формы пропаганды наркотиков в молодежной среде и административно-правовые средства противодействия им / М. В. Анисифорова // *Научный портал МВД России*. — 2021. — № 1 (53). — С. 103–108.
5. *Русецкий, О. В.* Криминология наркотизма / О. В. Русецкий ; Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь. — Минск, 2019. — 228 с.
6. *Лосев, В. В.* Предложения по совершенствованию криминализации отдельных деяний, схожих с соучастием в преступлении [Электронный

ресурс] : [по состоянию на 20.05.2019 г.] / В. В. Лосев // *КонсультантПлюс. Беларусь* / ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

Аннотация. Эффективность антинаркотической деятельности зависит от системности и непрерывности предпринимаемых государством мер, в том числе связанных с противодействием создаваемым наркобизнесом маркетинговым механизмам распространения наркотиков. Изучение правоприменения показывает, что реклама и пропаганда наркотиков являются реальной проблемой белорусского общества. Вместе с тем в системе правового регулирования и соответственно организации антинаркотической деятельности в нашей стране противодействие рекламе и пропаганде наркотиков представлено фрагментарно и не в полной мере связано с сущностью соответствующих негативных явлений.

В связи с этим в статье раскрыта криминологическая сущность рекламы и пропаганды наркотиков (как причин и условий совершения связанных с наркотиками преступлений, вовлечения несовершеннолетних и молодежи в наркобизнес), обосновано мнение о необходимости устранения пробелов правового регулирования в данной сфере.

COUNTERING DRUG PROPAGANDA AND ADVERTISING IN THE SYSTEM OF ANTI-DRUG MEASURES

Rusetsky O. V.

Keywords: anti-drug activities, drug propaganda and advertising, Internet-resources, anti-drug propaganda.

Abstract. Efficiency of antinarcotic activity depends from measures, undertaken by the state, including connected with counteraction by created narcobusiness to marketing mechanisms of spread of drug addiction. Advertising and propagation of drugs are a real problem of the Belarus society. At the same time in system of legal regulation and the organization of antinarcotic activity in our country counteraction is presented advertising and propagation of drugs fragmentary and not to the full connected with essence of the corresponding negative phenomena.

In this connection in article it is opened essence of advertising and propagation of drugs (as reasons and conditions of fulfilment of the crimes connected with drugs, involving of minors and youth in narcobusiness), the opinion on necessity of elimination of blanks of legal regulation in the given sphere is proved.

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЗАЩИТЫ ЛЮДЕЙ ПОЖИЛОГО И СТАРЧЕСКОГО ВОЗРАСТА: ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

Сидоренко Д. О., Сидоренко Е. О.

Ключевые слова: пожилой возраст; долгосрочный уход; насилие в отношении лиц пожилого возраста; профилактика преступлений

Введение

Обращаясь к теме проявления насилия к людям пожилого и старческого возраста, необходимо отметить, что данная проблема содержит правовой и моральный аспект.

Согласно имеющимся данным, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) делит людей на следующие возрастные группы и категории [1]:

Возраст	Возрастной период
18–44 лет	Молодость
44–60	Средний возраст
60–75	Пожилой человек
75–90	Старческий период
90+ лет	Долгожитель

Известно, что по мере старения люди с большей вероятностью могут страдать различными заболеваниями. Одной из основных болезней, приводящей к зависимости от посторонних людей для лиц пожилого и старческого возраста, во всем мире признана деменция — синдром, при котором происходит деградация памяти, способности мыслить, ориентироваться, рассуждать и т. д., а самой распространенной причиной деменции выступает болезнь Альцгеймера. По прогнозам ВОЗ общее число людей с деменцией составит около 82 млн человек в 2030 г. и 152 млн. — к 2050 г. Такой рост будет происходить в значительной мере за счет роста числа людей с деменцией в странах с низким и средним уровнем дохода [2]. Помимо деменции с возрастом возрастает количество людей, страдающих сердечно-сосудистыми и онкологическими заболеваниями, остеоартритом, потерей зрения, слуха и т. д. Все это ограничивает их мобильность, может оказывать негативное влияние на психологическое, эмоциональное состояние, а зачастую приводит к снижению социального статуса и финансового благополучия в обществе. При наличии серьезных проблем со здоровьем таким людям требуется та или иная форма долгосрочного ухода.

Основная часть

В резолюции Парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ), принятой в мае 2017 г. отмечено, что, несмотря на растущую в последние годы тенденцию к усилению защиты прав пожилых людей, эта группа по-прежнему остается уязвимой и страдает от широко распространенных негативных стереотипов, которые приводят к дискриминации по признаку возраста и социальной изоляции. Жестокое обращение с пожилыми людьми, сложности доступа к качественному медицинскому обслуживанию и долгосрочному уходу является серьезной проблемой [3]. Человек в позднем периоде своей жизни становится уязвим перед криминальным миром, а также перед жестоким отношением со стороны общества, а порой и членов своей семьи. Известны случаи проявления насилия в домах престарелых, в семьях по отношению к людям престарелого возраста, это характерно для всех стран без исключения.

Например, в своем монографическом исследовании «Уголовно-правовая дифференциация возраста» А. А. Байбарин затронул проблему, с которой столкнулись правоохранительные органы. В частности, в 90-е гг. XX в. в России было создано и до сих пор функционирует большое количество частных организаций, которые в обмен на переход к ним права собственности на принадлежащее пожилому лицу жилое помещение после его смерти обеспечивают последнего продуктами питания, медикаментами, предоставляют ежемесячно определенную сумму денег. Договоры ренты (пожизненного содержания с иждивением) могут заключаться одинокими пенсионерами с соседями, иными частными лицами. В каждом таком случае контрагенты собственника жилого помещения рассчитывают на то, что жизнь подопечного не продлится слишком долго. Если же их планы не реализуются быстро, то для ускорения получения имущества некоторые из них прибегают к убийству пожилых или незаконному помещению их в психиатрический стационар [4].

С проблемой «серых зон» в сфере ухода за пожилыми людьми столкнулось правительство Германии. Нехватка рабочей силы в Германии привела к дефициту кадров в домах престарелых, что снизило качество ухода. Многие престарелые желали доживать свои последние года дома, но введение минимальной заработной платы в Германии в 2015 г. повлекло повышение стоимости услуг по уходу. В результате пожилые немцы были вынуждены заключать полулегальные соглашения на работу по тарифу «неполной занятости» либо нелегальные соглашения по фиктивному статусу «самостоятельного предпринимателя» с выходцами из Восточной Европы. Немецко-польский центр общественного права и экологических сетей GPPLEN установил, что не существует ни каких-либо правовых стандартов, ни стандартных контрактов, которые могли бы обеспечить юридическую безопасность немецких клиентов, а также агентств по подбору персонала и наемных работников. В результате возникает «серая зона» между законом и беззаконием» [5].

В последние несколько лет уязвимость пожилых людей еще более увеличилась в связи с мировой пандемией коронавирусной инфекции COVID-19.

Так, широкой огласке в прессе подвергся факт сокрытия возросшей смертности пациентов домов престарелых в США в штате Нью-Йорк в 2020 г. Одной из главных причин возросшей смертности послужил изданный 25 марта 2020 г. губернатором штата приказ о том, что все дома престарелых должны принимать жителей, которые являются стабильными с медицинской точки зрения и «ни одному резиденту не должно быть отказано в повторном приеме или приеме в дом престарелых исключительно на основании подтвержденного или подозреваемого диагноза COVID-19» [6].

По данным от 21 мая 2020 г. Associated Press, более 4 500 пациентов, которые выздоравливали от COVID-19, были отправлены в дома престарелых штата Нью-Йорк [7], в результате они стали своеобразными эпицентрами пандемии. В январе 2021 г. Генеральным прокурором Нью-Йорка был опубликован доклад, в котором говорится о занижении числа смертей, связанных с COVID-19 в государственных домах престарелых на 50 процентов [8]. Дело в том, что многие жители домов престарелых умирали от COVID-19 в больницах после перевода из своих домов престарелых, что не было отражено в опубликованных общих данных о смертности в домах престарелых.

Статистика жестокого обращения с пожилыми людьми в большинстве стран не всегда содержит достоверные сведения, что обусловлено различными факторами: низким приоритетом, который уделяется работе, связанной с пожилыми людьми, физическими и умственными способностями потерпевших, которые не осознают факт проявления жестокости либо не имеют возможности обратиться в правоохранительные органы и социальные службы; также не стоит сбрасывать со счетов распространенную среди пожилых людей, страдающих деменцией, проблему ложных обвинений лица, осуществляющего уход, в воровстве либо в попытке отравления.

Необходимо отметить, что во многих странах наблюдается рост преступности в отношении лиц престарелого возраста. Чаще всего престарелые люди становятся жертвами ограблений. Многие криминалисты сходятся во мнении, что склонность грабителей нападать на самых беспомощных объясняется морально-нравственной деградацией, вызванной длительным употреблением наркотиков. Наркоманы, как правило, боятся физического сопротивления, наряду с этим пожилым людям обычно трудно описать приметы нападавшего. Также во многих странах пенсионеры имеют привычку откладывать деньги на «черный день» и хранить их дома, что привлекает злоумышленников, которые входят в доверие выдавая себя за работников социальных служб, совершают хищения.

Все перечисленное позволяет сделать вывод о том, что люди по мере старения нуждаются в дополнительных гарантиях защиты со стороны государства. Помимо социальных служб, общественных объединений важное место занимают органы прокуратуры и осуществляемая ими профилактическая и надзорная деятельность. По нашему убеждению, возраст как фактор виктимности заслуживает особого внимания, в связи с чем наличие в уго-

ловном законе нормы об ответственности за жестокое обращение с лицами пожилого возраста является превентивной мерой против совершения преступлений в отношении данной возрастной группы.

В США были приняты соответствующие законы в каждом штате отдельно. Например, в 2012 г. Законодательной Ассамблеей штата Нью-Йорк был принят целый пакет законов, касающихся насилия и мошенничества в отношении престарелых. Согласно принятым законам данные преступления рассматриваются как тяжкие преступления класса D: нападение на граждан старше 65 лет, совершенные лицами, которые на 10 лет младше пострадавших, расценивается уже не как правонарушение класса A (class A misdemeanor), а как тяжкое преступление класса D (class D felony). Мошенники, обманувшие сразу нескольких пожилых людей, осуждаются не за правонарушение класса A, а уже за тяжкое преступление класса E [9]. Также в США на государственном уровне разработана система сообщений о случаях насилия по отношению к лицам пожилого возраста, активно ведут работу в данном направлении некоммерческие организации, такие как «Национальный комитет по предупреждению геронтологического насилия», «Национальная ассоциация служб защиты взрослых».

Конкретные и эффективные меры по защите пожилых людей приняты в Канаде. Территориальные органы Канады наряду с тренингами подготовили учебные материалы, включая практические пособия для прокуроров (Crown Prosecutor), сотрудников системы исправительных заведений и правоохранительных органов по вопросам предотвращения насилия в семье. В провинции Альберта в 1998 г. был принят Акт защиты от насилия в семье, который берет под защиту всех членов семьи — женщин, мужчин, детей, пожилых людей. В соответствии с этим Актом действуют три формы защиты:

1. Охранный ордер (когда требуется немедленная помощь);
2. Королевский судебный ордер защиты;
3. Ордер, дающий право на вход в жилище [10].

С 1988 г. в провинции Онтарио, в частности, в крупнейшем городе провинции — Торонто — действует Система немедленного реагирования на проявления домашнего насилия (Domestic Violence Emergency Response System (DVERS)). Учредителями этой системы стали Канадская Служба безопасности (ADT), службы поддержки жертв и полиция г. Торонто. ADT бесплатно предоставляет жертвам насилия портативную сигнальную аппаратуру и обеспечивает круглосуточную ее работу. Член семьи, которому угрожает опасность, может с помощью этой аппаратуры подать сигнал, который немедленно передается в полицию как звонок особой важности [10].

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК) заведомо престарелые лица выделяются в качестве самостоятельной категории потерпевших (п. 2 ч. 1 ст. 64). Кроме того, законодательно определен престарелый возраст. Так, под престарелым понимается лицо, которое на день совершения преступления достигло возраста семидесяти лет (п. 9 ст. 4 УК) [11]. В ряде статей Особенной части УК предусмотрены квалифицирующие признаки, связанные с совершением преступлений (убийство, умышленное причи-

нение тяжкого телесного повреждения, истязание) в отношении заведомо престарелого, влекущие более строгое наказание.

15 июня 2022 г. в Женеве в контексте ежегодного Всемирного дня осведомленности о жестоком обращении с пожилыми людьми партнерскими организациями была опубликована книга «Борьба со злоупотреблением пожилыми людьми: пять приоритетов десятилетия здорового старения ООН 2021–2030 гг.». В новом ракурсе изложены ключевые приоритеты по предотвращению и реагированию на жестокое обращение с пожилыми людьми и, следовательно, содействию улучшению их здоровья, благополучия и достоинства [12]. Эти приоритеты направлены на повышение осведомленности общества о проблемах людей пожилого возраста на основании более качественных данных, поиска эффективных экономических решений и мобилизации финансовых ресурсов.

Заключение

Учет интересов пожилых людей в том числе при реализации уголовной политики может способствовать их большей независимости и лучшей интеграции в социуме. Важно средствами прокурорского надзора своевременно пресекать посягательства на жизнь престарелого лица или инвалида, тщательно выяснять, оказывалась ли ранее этим гражданам необходимая медицинская и социальная помощь, принимались ли органами внутренних дел меры по защите их жизни и здоровья. Необходимо проводить разъяснительную работу с родственниками данной категории лиц, обязанными по законодательству содержать нетрудоспособных граждан, выявлять причины и условия, способствовавшие совершению преступлений против данной категории лиц, особое внимание уделять повышению уровня профилактики пьянства и алкоголизма. Осуществление надлежащего прокурорского надзора за качественным и своевременным рассмотрением заявлений и сообщений по фактам семейно-бытового насилия, применение оперативно-розыскных возможностей в предупреждении и пресечении убийств и тяжких телесных повреждений на стадии их подготовки и покушения позволит существенно сократить уязвленное положение престарелых. Считаем целесообразным использовать систему мониторинга для наблюдения за состоянием общественной безопасности в целях обеспечения общественного порядка, профилактики, выявления (раскрытия) и пресечения правонарушений, расследования преступлений, розыска лиц, их совершивших, и лиц, без вести пропавших. Оснащение жилья или местонахождения престарелых лиц локальными системами видеонаблюдения, фиксирующими обстановку (и осуществление мониторинга), которые могут либо ранее уже подвергались насилию (жестокому обращению), видится эффективным средством профилактики преступности и повышения их социальной защищенности.

Список цитированных источников

1. Возрастная классификация Всемирной организации здравоохранения. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://agesecrets.ru/vozrast/>

vozrastnaya-klassifikatsiya-vsemirnoj-organizatsii-zdravoohraneniya?ysclid=I6g70sc6uy993539792. — Дата доступа: 05.08.2023.

2. Деменция. Всемирная организация здравоохранения. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/dementia> — Дата доступа: 09.08.2023.

3. Резолюция парламентской ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) Права человека пожилых людей и их всесторонняя забота. Докладчик: Лорд Джордж Фоулс. Соединенное королевство. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://assembly.coe.int/nw/xml/XRef/Xref-XML2HTML-en.asp?fileid=23538&lang=en>. — Дата доступа: 10.08.2023.

4. Байбарин, А. А. Уголовно-правовая дифференциация возраста [Текст]: монография / А. А. Байбарин. М.: Высшая школа. 252 с.: 2009. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://lawbook.online/ugolovnoe-pravo-rosskniga/vozrast-kak-kvalifitsiruyuschiy-priznak-28325.html>. — Дата доступа: 09.06.2023.

5. Elderly care in Germany: gray areas, fraudulent schemes / [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://learnrgerman.dw.com/en/Aged-care/%D1%83%D1%85%D0%BE%D0%B4-%D0%a-45040855>. — Дата доступа: 09.09.2023.

6. New York State Department of Health (March 25, 2020) / Advisory: Hospital Discharges and Admissions to Nursing Homes (PDF) [Электронный ресурс] — Режим доступа: https://coronavirus.health.ny.gov/system/files/documents/2020/03/doh_covid19-nhadmissionsreadmissions_-032520.pdf. — Дата доступа: 01.04.2023.

7. Mustian, Jim; Peltz, Jennifer; Condon, Bernard (May 22, 2020). “AP count: Over 4,500 virus patients sent to NY nursing homes”. Associated Press. [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://apnews.com/article/health-us-news-ap-top-news-weekend-reads-virus-outbreak-5ebc0ad45b73a899efa81f098330204c>. — Дата доступа: 08.08.2023.

8. Andrew Cuomo faces a reckoning for a pandemic-related cover-up / The Economist/ February 20, 2021 [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.economist.com/united-states/2021/02/20/andrew-cuomo-faces-a-reckoning-for-a-pandemic-related-cover-up>. — Дата доступа: 16.07.2023.

9. Пучков П. В., Пучков О. П. Институционализация борьбы с геронтологическим насилием: анализ зарубежного опыта // Социологический журнал. 2012. № 3. С. с. 80–94.

10. Забелина Т. Ю. Канада и проблемы насилия в семье / Т. Ю. Забелина, Е. В. Израелян, Н. А. Шведова / [Электронный ресурс] — Режим доступа: <http://www.owl.ru/win/research/kanada.htm>. — Дата доступа: 11.08.2023.

11. Уголовный кодекс Республики Беларусь : Кодекс Респ. Беларусь, 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одоб. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 //

Консультант Плюс : Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2022.

12. New WHO resource highlights five priorities for ending abuse of older people [Электронный ресурс] — Режим доступа: <https://www.who.int/news/item/15-06-2022-new-resource-abuse-of-older-people>. — Дата доступа: 08.08.2023.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с особенностями преступлений в отношении лиц пожилого возраста, характерными для ряда Европейских стран, США, Российской Федерации, Республики Беларусь.

Анализ преступности позволит выявить проблемы современной криминогенной обстановки по делам, где потерпевшими от преступления являются люди пожилого возраста. В статье затронута роль прокурорских работников, осуществляющих надзорную деятельность, направленную на защиту прав и законных интересов одной из наиболее уязвимой части общества, в том числе на предотвращение осуществления любых форм насилия и негуманного обращения в местах проживания (пребывания) лиц пожилого возраста, нуждающихся в уходе.

CERTAIN ASPECTS OF THE PROTECTION OF THE ELDERLY AND SENILE PEOPLE: FOREIGN EXPERIENCE

Sidorenko D. O., Sidorenko E. O.

Keywords: elderly; long-term care; violence against elderly; crime prevention.

Abstract. The article deals with the issues connected with peculiarities of crimes against elderly people, typical for a number of the European countries, the USA, the Russian Federation, the Republic of Belarus.

The analysis of crime trends reveals modern crime trends in cases where elderly people are victims of crime. The article also describes the role of prosecutors in the process of supervision, which aim is the protection of rights and legal interests one of the most vulnerable parts of society, including prevention of any forms of violence and inhuman treatment in places of residence (stay) of elderly people in need of care.

УДК 343.97

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМНЫХ ВОПРОСАХ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА УГОЛОВНО- ПРАВОВОЙ СТАТИСТИКИ

Стаценко В. Г.

Ключевые слова: уголовная статистика, убийства, уровень убийств, латентность убийств, покушение на убийство, умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, повлекшее смерть по неосторожности

Введение

К числу базовых статистических показателей в оценке общего уровня физической безопасности населения в том или ином государстве или регионе в соответствие с методологией исследования Управления Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности (УНП ООН) относится показатель уровня «преднамеренных убийств», который определяется как число умышленных убийств за год в расчете на 100 тысяч населения. Понятие «преднамеренное убийство» определяется в соответствии с международной классификацией преступлений для статистических целей (МКПС) УНН ООН как «незаконное причинение смерти лицу с намерением вызвать смерть или тяжкие телесные повреждения [1, с. 17]. В сравнительных межгосударственных исследованиях убийством (intentional homicide) признается «осознанное причинение физического вреда человеку, повлекшее его смерть». Статистика убийств считается относительно надежной и достоверной как на национальном уровне, так и для лонгитюдных и межнациональных сравнений [2, с. 7].

Являясь особо тяжким преступлением против жизни и здоровья человека, убийство относится к категории наименее латентных преступлений и характеризуется относительно стабильной динамикой. Как полагают исследователи, именно эти их особенности позволяют рассматривать умышленные убийства в качестве важнейших индикаторов криминальной ситуации на конкретной территории, а динамика их показателей позволяет судить о состоянии преступности в целом [3, с. 90].

Необходимо отметить при этом, что указанная характеристика убийств как наименее латентных преступлений отражает лишь сравнительно оценочное содержание. Более низкая латентность данных преступлений в сравнении с другими нуждается в особой криминологической оценке и анализе.

Достоверность статистики убийств зависит от различий в определениях, а также в процессах отчетности и регистрации. Так, например, в ряде стран в статистику преднамеренных убийств включаются покушения на убийства, в то время как в других государствах этот показатель может вообще не учитываться.

Целью исследования в статье является анализ используемых в криминологических исследованиях уголовно-статистических показателей убийств, выявление связанных с этим проблем и формулирование предложений по совершенствованию системы учета преступлений и официальной уголовно-правовой статистики.

Основная часть

Показатель числа и уровня умышленных убийств зачастую рассматривается как отражение уровня насилия в обществе в целом, хотя на статистику уровня смертности от убийств значительно влияет качество медицинской помощи и другие факторы. Кроме того, определение преднамеренного убийства существенно разнится от страны к стране.

В правовой и криминологической доктрине многие годы, начиная с 60-х годов XX в. и по настоящее время, продолжаются дискуссии о юридическом и криминологическом различии умышленных и непредумышленных убийств. Современными исследователями, в частности, высказывается мнение о том, что «для международных сравнений и для понимания криминальной ситуации в обществе, для выстраивания уголовной политики важно именно знание о количестве смертей, ставших результатом насилия. При этом не столь важно, будет ли это «изнасилование, повлекшее смерть», собственно «убийство» или «нанесение тяжких телесных повреждений, повлекшее смерть». Именно информация о количестве смертей, ставших результатом преступного насилия, критически важна для современного криминологического анализа» [4, с. 96].

Следует учитывать также, характеризуя уровень убийств как наиболее репрезентативный показатель состояния преступности в стране, наличие неучтенных официальной статистикой криминальных смертей, связанных с наличием неопознанных трупов, а также с фактами безвестного исчезновения граждан. Так, если в 2000 г. в Республике Беларусь не было разыскано 990 человек, то на 1 января 2019 г. без вести пропавшими значились 2673 граждан. При этом, как показывают исследования, динамика числа пропавших граждан свидетельствует об устойчивой тенденции их роста: 2011 г. — 2403, 2012 г. — 2374, 2013 г. — 2450, 2014 г. — 2525, 2015 г. — 2512, 2016 г. — 2572, 2017 г. — 2637, 2018 г. — 2673 [5, с. 1]. Кроме того, как замечает справедливо А. Л. Репецкая, «массив данных о без вести пропавших и найденных имеет многослойную структуру. Он состоит из достаточно четко определенного массива зарегистрированных лиц, пропавших без вести, заявленных в розыск, и реально пропавших, но в розыск не заявленных и, соответственно, не зарегистрированных. Этот «слой» пропавших является объективно латентным, он количественно не определен, его границы являются в основном результатом экспертных оценок, которые варьируют в широких пределах» [6, с. 56].

Повышает уровень латентности убийств также фиксация статистикой данных о смерти от «иных внешних причин», в которых причина смерти лиц официально зарегистрирована как естественная (смерть, наступившая от болезни, в результате некриминальной травмы или несчастного случая

либо наступившая от повреждений «с неустановленными намерениями»). Эти данные практически не исследуются на предмет выявления скрытых криминальных смертей, хотя и здесь может скрываться значительное число не выявленных убийств, например, среди лиц, причина смерти которых официально зарегистрирована как результат некриминальных травм или несчастных случаев [7, с. 85]. По экспертным данным, в группе лиц, причина смерти которых официально считается естественной (ненасильственной), доля скрытых убийств составляет не менее 0,5 %, а среди лиц, ставших жертвами так называемых «повреждений с неопределенными намерениями» она значительно выше (до 10 %). Сравнительный анализ статистики различных стран показывает, что если в РФ большая часть смертей данного массива — убийства, то в других странах (например, в Португалии) — суициды [6, с. 63].

Для определения годового объема массива латентных убийств А. Л. Репецкая предлагает использовать совокупный показатель, включающий в себя доли латентных убийств в массивах: неопознанных трупов; лиц, пропавших без вести и найденных; лиц, пропавших без вести, не заявленных в розыск; самоубийств; смертельных некриминальных травм и несчастных случаев; повреждений с неопределенными намерениями, приведшими к смерти; естественными причинами смерти (болезнь, старость) [6, с. 65].

Правоприменительная практика свидетельствует также о том, что достаточно часто возникают проблемы, связанные с необходимостью надлежащего разграничения убийств и умышленного причинения тяжкого телесного повреждения со смежными составами преступлений. Так, например, необходимо отграничивать убийство от умышленного причинения тяжкого телесного повреждения, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего.

При убийстве умысел виновного направлен на лишение потерпевшего жизни, а при совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 147 УК Республики Беларусь, — умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, повлекшее смерть по неосторожности — отношение виновного к наступлению смерти потерпевшего выражается в неосторожности.

Грань между двумя составами преступлений очень тонкая и не всегда очевидная. Не следует забывать, что умысел на убийство может быть и косвенным, когда обвиняемый не желал, но допускал наступление смерти либо относился безучастно.

Устанавливая умысел, следствие и суд должны исходить из совокупности всех обстоятельств содеянного и учитывать способ и орудие совершения преступления, количество, характер и локализацию ранений, причины прекращения преступных действий и иные обстоятельства, а также предшествующее поведение виновного и потерпевшего, их взаимоотношения, характер действий виновного после совершения преступления (например, вызвал ли он скорую либо попытался скрыть следы преступления).

Также достаточно сложно отграничивать на практике умышленное причинение тяжкого телесного повреждения, повлекшее смерть потерпевшего, от причинения смерти по неосторожности (ст. 144 УК Республики Беларусь). В таких ситуациях нужно учитывать, что причинение смерти по неосто-

рожности предполагает отсутствие умысла у виновного на причинение телесного повреждения, а также на причинение смерти, тогда как при умышленном причинении тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть, умысел лица направлен на причинение потерпевшему такого повреждения.

В силу указанных обстоятельств, анализ официальной уголовной статистики не позволяет достаточно объективно оценить соотношение умышленных убийств, причинения тяжких телесных повреждений и причинения смерти по неосторожности.

Сложность проблемы усугубляется еще и тем, что в официальной статистике убийства объединены с покушениями на убийство, а данные о числе случаев умышленного причинения тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть потерпевшего, вообще отсутствуют.

Попробуем проанализировать официальные статистические данные МВД [8] с целью разграничения данных показателей.

В 2021 г. зарегистрирован 321 пострадавший в результате убийства (ст. 139–141, 362). Из них 225 погибших. Следует предположить, что остальные 96 человек (включая 8 раненых) — это лица, признанные пострадавшими в результате покушения на убийство, но оставшиеся живыми.

В том же году зарегистрировано 723 пострадавших в результате причинения тяжких телесных повреждений (ст. 147 УК), из которых 87 — погибшие, отраженные в графе «часть 3 ст. 147».

Сравним эти данные с соответствующими показателями 2019 и 2020 гг. (Табл. 1)

Табл. 1. Сравнительные данные показателей убийств, причинения тяжких телесных повреждений и числа пострадавших от этих преступлений (ст. 139–141, 362; 147)

Показатели	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Убийство (с покушениями на убийство)	305	312	308
Пострадавшие в результате убийства (с покушениями на убийство)	330	338	321
Погибшие в результате убийства	225	239	225
Умышленное причинение тяжких телесных повреждений	719	685	703
Пострадавшие в результате причинения тяжких телесных повреждений	732	762	723
Погибшие в результате умышленного причинения тяжкого телесного повреждения	77	116	87

Данные, приведенные в таблице, позволяют сформулировать следующие соображения.

1. В криминологической доктрине принято исходить из того, что показатель числа зарегистрированных убийств обладает наименьшей латентно-

стью и, как следствие, является наиболее репрезентативным при оценке состояния преступности. Исходя из того, что в официальной статистике число убийств объединено с покушениями на убийство, по нашему мнению, для более адекватной оценки ситуации следует использовать *показатель числа погибших в результате убийства*, а не вышеуказанный показатель убийств.

2. К этому же выводу приводит сравнительная оценка числа зарегистрированных убийств, пострадавших от убийств и погибших в результате убийства. Число убийств всегда меньше числа пострадавших (потерпевших), поскольку потерпевшими от убийства и покушения на него могут быть признаны не один, а несколько человек. Факт убийства конкретного лица, таким образом, не совпадает со статистическим показателем убийств.

Проводя сравнительные криминологические исследования, отечественные авторы опираются на официальные данные числа убийств, учитывая, таким образом, не число убитых, а число фактов (эпизодов), в то время как уголовная статистика Японии, США и других стран показывает именно число убитых. В результате, как например, отмечает В. Е. Квашис, может возникнуть ситуация, когда «по одному эпизоду убито пять человек, в статистике учитывается лишь одно убийство» [9, с. 90], что искажает анализ и приводит к неверным выводам.

Следует также отметить, что в отличие, например, от УПК РФ, который четко определяет (ч. 8 ст. 42) [10], что «по уголовным делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть лица, права потерпевшего, предусмотренные настоящей статьей, переходят **к одному** (выделено мной — В.С.) из его близких родственников и (или) близких лиц, а при их отсутствии или невозможности их участия в уголовном судопроизводстве — **к одному** из родственников», УПК Республики Беларусь (ч. 4 ст. 49) содержит более неопределенную формулировку: «По делам о преступлениях, последствием которых явилась смерть потерпевшего, права и обязанности, предусмотренные УПК, осуществляют члены его семьи, близкие родственники или законные представители» [11].

Таким образом, по букве данной нормы потерпевшими в этом случае может быть признано и несколько человек. Включаются ли они в число пострадавших официальной статистикой, остается неясным.

Число зарегистрированных убийств при этом, как уже отмечалось, больше числа погибших, поскольку включает в себя показатель покушений на убийство.

3. Одним из методов, применяемых для выявления латентности показателя убийств в криминологических исследованиях, является проведение сравнительного анализа (по годам) соотношения числа регистрируемых убийств и числа умышленного причинения тяжких телесных повреждений. Установлено, что данное соотношение (в пропорции, примерно, 1 к 2,5) является устойчивым, а его резкое нарушение может свидетельствовать о повышении уровня искусственной латентности убийств. Считается, что неверная (преднамеренная) квалификация убийства как умышленного тяжкого телесного повреждения, повлекшего по неосторожности смерть

потерпевшего, и наоборот, позволяет манипулировать со статистикой и, по каким-то причинам, в одни временные периоды показывать увеличение количества убийств, а в другие — их уменьшение. В качестве примера исследователи приводят, в частности, официальные данные МВД Республики Беларусь за 2008 г., когда, при снижении регистрации убийств на 18,5% по сравнению с 2007 г., на 21,3% произошел рост зарегистрированных умышленных тяжких телесных повреждений, повлекших по неосторожности смерть потерпевшего, что может являться косвенным свидетельством искусственного уменьшения количества реально совершенных убийств [12, с. 16].

Поскольку, как уже отмечалось выше, в современной официальной статистики отсутствуют данные о числе случаев умышленного причинения тяжкого телесного повреждения, повлекшего смерть потерпевшего, следует использовать, по нашему мнению, для проведения сравнительного анализа не соотношение показателей убийств и причинения тяжких телесных повреждений, а *соотношение показателей числа погибших в результате убийств и числа погибших в результате умышленного причинения тяжкого телесного повреждения*.

Приведем подобный анализ на основе статистических данных более широкого хронологического ряда (Табл. 2).

Табл. 2. Сравнительные данные показателей числа погибших в результате убийств и числа погибших в результате умышленного причинения тяжкого телесного повреждения (2008–2021 гг.) [5]

Показатели	2008 г.	2010 г.	2012 г.	2014 г.	2017 г.	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Погибшие в результате убийства (ст. 139–141, 362)	552	401	340	340	240	225	239	225
Погибшие в результате умышленного причинения тяжкого телесного повреждения (ст. 147)	266	221	148	97	71	77	116	87
Соотношение показателей	2,1	1,8	2,3	3,5	3,4	2,9	2	2,6

Анализ данных Табл. 2 показывает, что соотношение показателей погибших в результате убийства и погибших в результате причинения тяжких телесных повреждений за период 2008–2021 гг. в среднем составило 2,6 к 1 в пользу первого. В целом, соотношение данных показателей стабильно (от 2 к 1 до 3 к 1), что может расцениваться как закономерность. Резких отклонений от средних показателей в пользу показателя погибших в результате причинения тяжких телесных повреждений статистика не фиксирует, что может быть свидетельством ее достоверности и неочевидности искусственной латентности показателя погибших в результате убийства, которая предполагалась, как отмечалось выше, в результате сравнения показателя убийств и показателя причинения тяжких телесных повреждений.

Закключение

Для объективной оценки уровня безопасности в стране необходимо уточнить систему учета преступлений и официальную статистику в направлении ее большей открытости и конкретизации понятия убийства.

Результат проведенного анализа позволяет предположить, что исследование динамики соотношения статистических показателей погибших в результате убийства и погибших в результате причинения тяжких телесных повреждений может быть более объективным методом выявления латентности таких наиболее опасных преступлений против жизни и здоровья, как убийства и причинение тяжких телесных повреждений.

Список цитированных источников

1. УНП ООН. Международная классификация преступлений для статистических целей. Вариант 1.0. Март 2015 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/statistics/crime/ICCS/Russian_iccs_2016_web.pdf. — Дата доступа: 15.08.2023
2. Global study on homicide. Executive summary. United Nations Office on Drugs and Crime, July 2019 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/gsh/Booklet1.pdf>. — Дата доступа: 10.08.2023
3. Гилинский, Я. И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль / Я. И. Гилинский. — СПб. : Юридический центр Пресс, 2009. — 504 с.
4. Манифест новой количественной криминологии «Уголовная политика с опорой на данные» // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2018. — Т. 9, Вып. 1. — С. 91–101 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: / file:///C:/Users/Admin/Desktop/В%20работе/Сборник%20РЦ/Манифест.pdf. — Дата доступа: 16.08.2023
5. Гигевич, А. И. Методика расследования безвестного исчезновения граждан : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / А. И. Гигевич ; Учреждение

образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». — Минск, 2019. — 25 с.

6. Репецкая, А. Л. Убийства в России: методика определения латентного массива / А. Л. Репецкая // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2019. — № 32. — С. 55–68

7. Корсантия, А. А. Латентность убийств в современной России / А. А. Корсантия // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2011. — № 20. — С. 73–86.

8. Сведения о регистрации и предварительном расследовании преступлений по Республике Беларусь за 2008–2021 год / МВД Республики Беларусь — Информационно-аналитическое управление. — Минск, 2009–2022.

9. Квашиш, В. Е. Сравнительный анализ латентной преступности в России и зарубежных странах: проблемы и перспективы / В. Е. Квашиш. // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — № 5–2016. — С. 89–93.

10. Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18.12.2001 года [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/20f6bcf74bc2d04ca21619cb67cb7d3c528cb5a9/. — Дата доступа: 01.08.2023.

11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь, 6 июля 1999 г. № 295-3 // Эталон-Беларусь [Электронный ресурс] / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

12. Криминологическая характеристика умышленных убийств, совершенных в Республике Беларусь в 1999–2008 гг. / Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной Прокуратуры Республики Беларусь. — Минск, 2009. — 149 с.

Аннотация. Убийство относится к категории наименее латентных преступлений и характеризуются относительно стабильной динамикой. Это позволяют рассматривать умышленные убийства в качестве важнейших индикаторов криминальной ситуации на конкретной территории. Более низкая латентность данных преступлений в сравнении с другими, нуждается в особой криминологической оценке и анализе.

Достаточно часто возникают проблемы, связанные с необходимостью надлежащего разграничения убийств и умышленного причинения тяжкого телесного повреждения со смежными составами преступлений.

Для проведения сравнительного анализа следует использовать соотношение показателей числа погибших в результате убийств и числа погибших в результате умышленного причинения тяжкого телесного повреждения.

Объективная оценка уровня безопасности в стране требует усовершенствования системы учета преступлений и официальной уголовно-правовой статистики в направлении ее большей открытости и конкретизации понятия убийства.

ON SOME PROBLEM QUESTIONS OF CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF CRIMINAL LEGAL STATISTICS

Statsenko V. G.

Keywords: criminal statistics, homicides, homicide rate, homicide latency, attempted homicide, intentional infliction of grievous bodily harm resulting in negligent death

Abstract. Murder belongs to the category of the least latent crimes and is characterized by relatively stable dynamics. This allows us to consider intentional homicides as the most important indicators of the criminal situation in a particular territory. The lower latency of these crimes in comparison with others requires a special criminological assessment and analysis.

Quite often there are problems associated with the need to properly distinguish between murders and intentional infliction of grievous bodily harm with related offenses.

To conduct a comparative analysis, the ratio of the number of deaths due to homicide and the number of deaths due to intentional infliction of grievous bodily harm should be used.

An objective assessment of the level of security in the country requires the improvement of the system of recording crimes and official criminal law statistics in the direction of its greater openness and specification of the concept of murder

УДК 343.98

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКО-ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

Хлус А. М.

Ключевые слова: коррупция, коррупционные преступления, профилактика, предупреждение

Введение

В современной Беларуси ведется активная борьба с коррупцией, о чем свидетельствуют меры, принимаемые по совершенствованию национального антикоррупционного законодательства.

Важнейшими направлениями противодействия коррупции представляются ее профилактика и предупреждение связанных с ней негативных проявлений, среди которых особое внимание уделяется коррупционным преступлениям.

Профилактике и предупреждению преступлений посвятили свои научные труды многие белорусские ученые: В. А. Ананич, В. И. Берестень, В. Н. Бибило, Г. А. Василевич, И. Р. Веренчиков, М. А. Городецкая, С. Е. Данилюк, А. В. Дулов, В. Ф. Ермолович, А. М. Клим, Т. С. Масловская, Д. Г. Мороз, А. С. Рубис, В. М. Хомич, В. Б. Шабанов, Д. В. Шаблинская, В. П. Шиенок и др.

В научных работах указанных и многих иных авторов преимущественно акцентировано внимание на проблемах общей профилактики преступности и преступлений. В меньшей степени разработаны проблемы профилактики коррупции и предупреждения коррупционных преступлений.

Одной из проблем теории (в дальнейшем она преломляется в практическую сферу) является отсутствие общего понимания схожих научных понятий и терминов. Например, не все ученые принимают во внимание различие между понятиями «профилактика преступлений» и «предупреждение преступлений». В аспекте нашего исследования представляют интерес используемые учеными и практиками понятия «профилактика коррупции» и «предупреждение коррупции», «профилактика коррупционных преступлений» и «предупреждение коррупционных преступлений». Несмотря на внешнюю схожесть, они не являются тождественными.

На неопределенность понятийного и терминологического аппарата как теоретическую проблему криминалистического предупреждения преступлений обратили внимание И. М. Комаров и Е. И. Ян [1, с. 184–185].

Проблемой является и то, что авторы вкладывают различное содержание в одноименные понятия. В связи с этим А. Г. Лекарь отметил, что «... понятия будут различными или тождественными по содержанию только в том случае, если различными или тождественными являются мероприятия, которые они отражают» [2, с. 17].

Целью данной статьи является рассмотрение направлений реализации предупредительно-профилактических мер, основываясь на сравнительном анализе понятий «профилактика коррупции» и «предупреждение коррупционных преступлений».

Основная часть

Объективное сравнение содержания понятий «профилактика коррупции» и «предупреждение коррупционных преступлений» позволяет обратить внимание на их различие. Этому будет способствовать анализ понятия «коррупция».

По нашему мнению, понятие «коррупция» не может ограничиваться формулировкой, содержащейся в Законе Республики Беларусь «О борьбе с коррупцией» (далее — Закон о борьбе с коррупцией) [3, ст. 1], где данное негативное социальное явление представлено в аспекте криминальных деяний. Известно, что коррупционная противоправность проявляется не только в сфере уголовно-правовых, но и иных отношений, за нарушение которых предусмотрена гражданско-правовая, административно-деликтная и дисциплинарная ответственность. Это в полной мере дает основание для понимания различий между понятиями «профилактика коррупции» (как явления в целом) и «предупреждение коррупционных преступлений» (как отдельных, с повышенной степенью опасности, проявлений коррупции) и соответствующей направленности профилактико-предупредительного воздействия.

Профилактика коррупции должна предшествовать каким-либо ее проявлениям: проступкам либо преступлениям коррупционного характера. Это

предполагает наличие в системе профилактики антикоррупционного воспитания как ключевого направления деятельности должностных лиц государственных органов и учреждений, т. к. «... люди суть продукты обстоятельств и воспитания (курсив мой — А. Х.)» [4], содержание которого определяет их мировоззрение, отношение к жизни и нормам (правилам) поведения.

Вне всякого сомнения человек — главный источник происхождения коррупции, т. е. причины коррупции имеют внутренний характер, всегда связаны с личностными свойствами и качествами субъекта, совершающего коррупционное деяние. Именно особенности личности субъекта составляют внутреннюю основу, определяющую возникновение коррупционных отношений. Связь причин коррупции с личностью субъекта позволяет определить направления противодействия негативному явлению и роль общества в формировании антикоррупционного сознания молодого поколения.

Первое представление о правилах поведения, в том числе и в условиях коррупционных отношений, складывается в рамках семьи. Но основанием возникновения этих отношений служит система правил, сложившихся в определенной социальной группе и влияющих на процесс воспитания.

Воспитательная работа достаточно сложная и одновременно важнейшая составляющая в любом процессе деятельности. Она осуществляется по различным направлениям: интеллектуальное, гражданско-патриотическое, профессионально-трудовое, духовно-нравственное, спортивно-оздоровительное, культурно-массовое и эстетическое [5, с. 868]. Следует указать на потребность времени в антикоррупционном воспитании, формирующем у молодежи антикоррупционное сознание. Результативность такого направления воспитания находится в прямой зависимости от наличия его базовых основ, заложенных в рамках семейных отношений.

Одна из причин, порождающих коррупцию, — «желание людей обогатиться любым способом, в том числе противозаконным» [6, с. 89]. Это внутреннее желание, присущее для человека с доминирующим в сознании стремлением к достатку. Степень его сформированности находится в зависимости от содержания воспитания, которое заложено, главным образом, на уровне семьи. Неоспорим тот факт, что основы нравственного поведения ребенка определяют его родители. В дальнейшем реализация заложенных желаний и стремлений человека будет зависеть от условий, обстоятельств и возможностей, сложившихся в определенной сфере его деятельности. В связи с этим представляется необходимым повышение роли духовно-нравственных ценностей в развитии общественного сознания, формирование на уровне семьи высоких моральных качеств и чувства ответственности у подрастающего поколения. Также требуется обеспечивать дальнейшее развитие и закрепление всего позитивного у молодежи в учреждениях образования различного уровня, в том числе в аспекте антикоррупционного образовательного процесса. Ранее нами было высказано мнение о том, что «антикоррупционный образовательный процесс должен начинаться с дошкольных учреждений образования, за год-два до прихода в школу, т. е. в возрасте детей 5–6 лет. На это же обращают внимание в некоторых учебных

заведениях Российской Федерации. Например, Министерством образования и науки Республики Татарстан разработаны методические рекомендации по антикоррупционному воспитанию, согласно которым работа по формированию антикоррупционного мировоззрения воспитанников дошкольных образовательных организаций включает следующие составляющие: 1) анализ практик семейного воспитания по данному вопросу; 2) уточнение представлений детей о таких понятиях, как «честность», «порядочность», «правдивость», «справедливость», «ответственность», «долг», «правила», и противоположных им понятий — «ложь», «коррупция», «проступок», «преступление»; 3) расширение первоначальных детских представлений, накопление новых знаний о правилах поведения в социуме» [7, с. 59].

Результат воспитания детей в пределах семьи всецело зависит от родителей (иных близких родственников), т. е. взрослых, сформировавшихся людей, которые сами прошли или находятся в состоянии процесса воспитания, усвоивших для себя все позитивное, соответствующее нравственным и правовым нормам, и готовых передать это подрастающему поколению.

Воспитательные меры могут быть реализованы и в ином направлении. Оно связано с организацией «антикоррупционного обучения государственных должностных лиц ...» [3, ст. 5]. Воспитательные меры антикоррупционного содержания должны осуществляться в отношении лиц, обучающихся в учреждениях образования (школы, гимназии и т. д.), о чем также упоминается в Законе о борьбе с коррупцией.

Обучение и воспитание — обязательные части образовательного процесса. Соответственно, и антикоррупционное обучение следует рассматривать в единстве с антикоррупционным воспитанием.

Прошедшие антикоррупционное обучение и воспитание люди в меньшей степени проявляют склонность к совершению коррупционных действий. Они способны отрицательно оценивать возможность развития коррупционных отношений в определенных условиях и имеют теоретические знания о противодействии коррупции.

Закон о борьбе с коррупцией содержит главу 3 «Предупреждение коррупции», в которой перечислены требования к порядку принятия отдельных решений государственными органами (организациями) в сфере экономики; обязательства государственных должностных лиц, лиц претендующих на занятие должности государственного должностного лица; ограничения для государственных и приравненных к ним должностных лиц и другие меры, направленные на недопущение коррупционного поведения должностных лиц [3, ст. 15–25]. В данном Законе фактически речь идет о мероприятиях, направленных на профилактику, т. е. недопущение всех негативных проявлений, связанных с коррупцией: гражданско-правовых проступков, административных деликтов, криминальных деяний.

Профилактика коррупции возможна после реализации мер предупреждения коррупционных преступлений. Последнее зависит от субъекта, расследовавшего уголовное дело о коррупционном преступлении, который в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Беларуси (далее УПК)

обязан выявить причины и условия, способствовавшие совершению преступления (ст. 90 УПК). Дальнейшее процессуальное действие по их ликвидации предполагает внесение представления в соответствующие организации или должностному лицу о принятии мер, направленных на их устранение (ст. 199 УПК). Но, с другой стороны, УПК предоставляет органу предварительного преследования право действовать по своему усмотрению в случае выявления причин и условий совершения преступления (ст. 199 УПК).

Это нормативное несоответствие целесообразно устранить путем внесения в УПК изменений. В ст. 199 УПК необходимо отразить *обязанность* органа уголовного преследования по внесению в соответствующие организации или должностному лицу представления о принятии мер, устраняющих нарушения закона, причины и условия, способствовавшие совершению преступления в случае их выявления.

Обозначенная проблема явилась предметом рассмотрения российских ученых [9], которые указали на необходимость совершенствования практики внесения представлений об устранении причин и условий совершения преступлений.

Должностные лица следственных подразделений могут быть задействованы в ином направлении, где основная роль в реализации мер профилактической направленности возлагается на специализированное подразделение Следственного комитета. Это направление деятельности имеет профилактический характер и предполагает сочетание действий следователя и структурного подразделения Следственного комитета, организующего комплексное осуществление мер профилактики. Действия следователя в таком случае связаны с обобщением и предварительным анализом выявленных в ходе расследования криминальных условий, способствовавших совершению коррупционного преступления.

Результаты обобщения и анализа аккумулируются в Следственном комитете, иницилирующем профилактическую работу по определенному направлению в системе организаций конкретной сферы деятельности. Представляется, что это может быть одной из функций специализированного подразделения Следственного комитета.

Заключение

На основании изложенного для обсуждения предлагаются следующие выводы.

1. Термины «профилактика» и «предупреждение» в сочетании со словом «коррупция» образуют тождественные понятия в случае, если тождественны мероприятия, которые отражают их содержание.

2. Направление воздействия и содержание профилактико-предупредительных мер составляют основу для различия между понятиями «профилактика коррупции» и «предупреждение коррупционных преступлений».

3. В системе профилактики коррупции воспитание приобретает особую значимость, т. к. способствует формированию правил антикоррупционного поведения.

4. Антикоррупционные мероприятия, реализуемые в период предшествующий каким-либо коррупционным проявлениям, а также после совершения различных коррупционных деяний, особенно криминального характера, следует считать профилактическими.

5. Предупреждение коррупционных преступлений возможно путем реального устранения условий, способствовавших их совершению.

6. Орган уголовного преследования в ходе расследования либо по итогам его проведения обязан принимать конкретные меры, направленные на устранение выявленных причин и условий совершения коррупционных преступлений.

Список цитированных источников

1. Комаров, И. М. Понятие, содержание, методология и задачи криминалистического предупреждения преступлений / И. М. Комаров, Е. И. Ян // Вестн. Восточ.-Сибирск. ин-та МВД России. — 2019. — № 2(89). — С. 182–192.

2. Лекарь, А. Г. Некоторые вопросы деятельности органов МООП по предупреждению преступлений / А. Г. Лекарь // Вопр. предупреждения преступности. — 1965. — Вып. 1. — С. 15–25.

3. О борьбе с коррупцией : Закон Респ. Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З. — Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=h11500305>. — Дата доступа: 12.09.2023.

4. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. энгельс. — М., 1955. — Т. 3. — Режим доступа: <https://www.uaio.ru/marx/03.htm>. — Дата доступа: 12.09.2023.

5. Шириева, З. III. Основные направления планирования воспитательной работы со студентами в ВУЗе / З. III. Шириева // Известия Самарск. науч. центра Рос. академии наук. — 2015. — Т. 17, № 1(4). — С. 866–869.

6. Добродей, А. И. О мерах борьбы со взяточничеством как наиболее опасной формой коррупции / А. И. Добродей // Промышленно-торговое право. — 2018. — № 2(184). — С. 88–92.

7. Хлус, А. М. Меры общей профилактики коррупции и взяточничества в Республике Беларусь / А. М. Хлус // Вестн. Карагандинского ун-та им. Е. А. Букетова. Серия «Право». — 2021. — № 2(102). — С. 52–63.

8. См. напр. : Угольников, А. В. Установление и устранение обстоятельств, способствовавших совершению преступления / А. В. Угольников // Вестн. Московского ун-та МВД России. — 2010. — № 3. — С. 159–160; Ширшов, И. Е. Внесение представления об устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений, как одно из направлений профилактической деятельности при расследовании уголовных дел / И. Е. Ширшов // Отечественная юриспруденция. — 2018. — № 7. — С. 115–117 и др.

Аннотация. Краткий анализ понятий «профилактика коррупции» и «предупреждение коррупционных преступлений» позволяет обратить внимание на различие направленности реализуемых мер профилактико-

предупредительного воздействия. Показана важность семейного воспитания, его особая значимость для формирования будущей личности. Предлагается закрепить на уровне закона обязанность следователя принимать меры реагирования в каждом случае выявления причин и условий совершения коррупционных преступлений. Самостоятельным направлением профилактики коррупции автор предлагает организацию совместной профилактической деятельности, участниками которой выступают следователи, расследовавшие уголовные дела о коррупционных деяниях, и специализированное подразделение Следственного комитета.

THEORETICAL AND APPLIED ASPECTS OF PREVENTIVE ACTIVITIES IN THE FIELD OF ANTI-CORRUPTION

Khlus A. M.

Keywords: corruption, corruption crimes, prevention, prevention

Abstract. A brief analysis of the concepts of “prevention of corruption” and “prevention of corruption crimes” allows us to draw attention to the difference in the focus of the implemented preventive measures. The importance of family education and its special significance for the formation of a future personality are shown. It is proposed to enshrine at the legal level the investigator’s obligation to take response measures in each case of identifying the causes and conditions for the commission of corruption crimes. The author proposes the organization of joint preventive activities as an independent direction in the prevention of corruption, the participants of which are investigators who investigated criminal cases of corruption and a specialized unit of the Investigative Committee.

УДК 343

«НЕДОБРОСОВЕСТНОЕ» ПОСРЕДНИЧЕСТВО

Худяков А. В.

Ключевые слова: коррупция, товаропроводящая сеть, закупки, недобросовестное посредничество

Введение

«Недобросовестное» посредничество ежегодно наносит серьезный ущерб республиканскому бюджету. При всей значимости данной темы она не стала предметом научных изысканий. В статье раскрывается сущность «недобросовестного» посредничества как правового феномена и предлагаются способы по его недопущению.

Основная часть

На сегодняшний день одной из значимых проблем для мировых производителей является не только выпуск продукции, но и ее реализация ко-

нечному потребителю. С этой целью создаются обширные дилерские сети, включающие и посредников, которые помогают поставлять товары конечным потребителям в кратчайшие сроки и по конкурентным ценам.

Нередко в подобные цепочки по незнанию или осознанно включают посреднические структуры, использующие сомнительные алгоритмы. Манипуляции с ценами, которые могут значительно превышать реальную стоимость товаров, позволяют посредникам получать сверхприбыль, которая утаивается от налогообложения. Подобное посредничество ведет к росту себестоимости товаров и снижению доходов предприятий и, в конечном итоге, в виде необоснованно завышенных цен ложится на рядовых покупателей.

Отечественный законодатель на сегодняшний день не дает разъяснение понятия «недобросовестное» посредничество. Следовательно, каждый конкретный субъект может вкладывать свое понимание соответствующего явления.

Оценивая данное явление, исходя из его «общих характеристик», можно предположить, что речь идет о том, может (не может) белорусский потребитель (производитель) приобретать (реализовывать) чужие (свои) товары (услуги) на конкретном рынке без привлечения посредников.

В случае, если белорусский потребитель (производитель) может вообще не прибегать к услугам посредников для приобретения (реализации) товара (услуги) на соответствующем рынке, то товар (услуга) должен реализовываться на нем без посредников, которые и образуют «недобросовестное» посредничество.

Проблема «недобросовестного» посредничества затрагивает как внутренних потребителей, так и экспортеров.

Основным нормативным правовым актом, регламентирующим вопросы посредничества при реализации отечественными производителями своей продукции за рубежом, является постановление Совета Министров Республики Беларусь от 24 февраля 2012 г. № 183 «Об утверждении положения о товаропроводящей сети белорусских организаций за рубежом, классификатора видов поставок товаров, подлежащих учету при осуществлении экспортных операций, и признании утратившими силу некоторых постановлений Совета Министров Республики Беларусь».

Белорусский производитель (его агент) принимают первоначальное решение о реализации товаров на конкретном товарном рынке посредством создания и (или) использования уже существующей товаропроводящей сети. Появление посредников, включенных в товаропроводящую сеть, допускается в нескольких случаях: без посредника товар белорусского производителя на определенном товарном рынке не может быть реализован; его реализация будет затруднена; объемы реализации товара без посредника будут ниже, чем с посредником.

Если продвижение продукции с помощью субъектов своей товаропроводящей сети является экономически выгодным, чем использование иных посредников, то включение их в схему реализации товаров без использования собственной товаропроводящей и будет образовывать «недобросовестное» посредничество».

С зарубежными посредниками, включенными в товаропроводящую сеть отечественных предприятий, также не все однозначно. Зная рынок лучше субъектов товаропроводящей сети либо будучи более расторопными, они способны лишить белорусского производителя определенной части дохода. При определенных условиях посредник может продавать белорусскую продукцию дешевле отечественного производителя: приобретение товара не в сезон, скидка, помощь в распространении товаров, выгода на транспортировке. Тем самым посредник лишает производителя части выручки.

Рассмотрим «недобросовестное посредничество» при закупке товаров, работ и услуг. Подавляющее большинство государственных организаций (с долей государства) соблюдают установленный в республике порядок приобретения товаров (работ, услуг) и реализации продукции. Вместе с тем при проверках выявляются отдельные случаи его умышленного или неумышленного нарушения, квалифицируемые как противоправные деяния конкретных лиц.

Основными нормативными правовыми актами, регламентирующими приобретение товаров (работ, услуг) являются: Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)»; Указ Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2013 г. № 590 «О некоторых вопросах государственных закупок товаров (работ, услуг)»; постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 июня 2019 г. № 395 «О реализации Закона Республики Беларусь «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Беларусь «О государственных закупках товаров (работ, услуг)»; постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 марта 2012 г. № 229 «О совершенствовании отношений в области закупок товаров (работ, услуг) за счет собственных средств»; постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17 марта 2016 г. № 206 «О допуске товаров иностранного происхождения и поставщиков, предлагающих такие товары, к участию в процедурах государственных закупок»; постановление Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь от 21 января 2019 г. № 7 «Об утверждении Положения о комиссии по государственным закупкам»; постановление Министерства антимонопольного регулирования и торговли Республики Беларусь от 12 апреля 2019 г. № 30 «О проведении процедуры закупки из одного источника».

В частности, в Закон Республики Беларусь от 13 июля 2012 г. № 419-З «О государственных закупках товаров (работ, услуг)» законодатель включил нормы, применение которых должно снизить риск возникновения недобросовестного посредничества: формирование уполномоченным государственным органом списков квалифицированных поставщиков; формирование списков поставщиков, которые на определенный период будут лишаться права участия в процедурах государственных закупок; запрет на участие в закупках аффилированных лиц.

Нарушения норм вышеуказанных нормативных правовых актов, приводящие к возникновению фактов «недобросовестного» посредничества, выявляются правоохранительными и контролирующими органами практически во всех сферах хозяйственной деятельности в стране.

Одной из первопричин возникновения подобного феномена является несоблюдение порядка определения ориентировочной цены закупки и формальное изучение конъюнктуры цен на закупаемые товары.

Обязательное изучение рынка путем проведения маркетинговых исследований — это прямое требование законодательства о государственных закупках. Вместе с тем многие государственные предприятия к подобным процедурам относятся формально. В свою очередь, это и приводит к внедрению в производственные цепочки излишних посреднических структур.

Привлечение необоснованных посредников в хозяйственные отношения чаще всего связано с проведением формальных процедур закупок с участием в них взаимосвязанных структур. В такой схеме в тендере участвуют несколько поставщиков, которые на самом деле не конкурируют между собой, а все подконтрольны одной группе лиц.

Тендерная документация оформлена так, что у посторонних почти нет шансов получить заказ в рамках данной процедуры закупок. Если же не включенный в «схему» поставщик все же побеждает в тендере, то со стороны государственного предприятия могут возникнуть препятствия в оплате за поставленные товары или оказанные услуги.

Произвольный порядок проведения торгов создает условия для лоббирования заказчиком интересов конкретных поставщиков, в том числе через прописывание в тендерной документации требований под конкретные торговые организации. Имеют место факты подготовки поставщиками товаров для заказчиков технических условий под собственные предложения.

Закупка товаров и услуг проводится через аффилированные структуры. Так, организация оказывала сельскохозяйственным предприятиям услуги по ремонту техники. Часть запчастей руководитель приобретал по завышенной стоимости у фирмы, директором которой была его супруга. При этом сельскохозяйственное предприятие имело возможность закупки запчастей напрямую у производителя. Появление посреднического звена привело к удорожанию деталей на 30 %.

Встречаются и криминальные схемы, когда посредники поставляют товар, приобретенный заведомо преступным путем, либо ненадлежащего качества. Так, в Борисове завод при закупках калиброванного металла привлёк коммерческую структуру для поставок необходимого сырья. С помощью этого посредника была организована фиктивная поставка металла, который в действительности работники завода похищали из остатков, образовавшихся в процессе производства.

Одной из причин проявления недобросовестного посредничества является ненадлежащий контроль со стороны органов государственного управления за деятельностью подведомственных предприятий и организаций.

Так, отсутствие владельческого надзора со стороны одного из концернов за деятельностью подведомственного предприятия привело к необоснованному участию посреднических структур в его снабжении. В свою очередь это привело к увеличению стоимости закупки сырья на 20 %.

Нередки случаи, когда к сотрудничеству с необоснованными посредниками приводит безответственное отношение руководителей и специалистов к своим должностным обязанностям. Так, один из молочных комбинатов приобрел на сумму в 1,5 млн рублей у коммерческой структуры более 400 наименований товаров. При этом должностные лица предприятия не провели конкурентные процедуры закупки. Товары, реализованные молочному комбинату, коммерческая фирма закупала у других посредников. В результате сформированной цепочки посредников цены в два раза превысили цены производителей. Ряд товаров, приобретенных через посреднические структуры, молочный комбинат, в свою очередь, продал хозяйствам области. Это отрицательно отразилось на финансовых результатах работы комбината и нанесло ущерб экономическим интересам ряда хозяйств Гомельской области.

Таким образом, приведенные выше примеры и другие случаи из практики свидетельствуют о наличии разнообразных причин, которые ведут к потере бюджетных средств и средств предприятий и организаций при проведении тендеров.

Все многообразие причин, способствующих возникновению такого феномена, как «недобросовестное» посредничество, можно условно объединить в три группы: халатность и отсутствие исполнительской дисциплины, недостатки подготовки специалистов по закупкам, желание получить неправомерную выгоду.

К первой группе относятся: неучастие самих производителей в объявленных процедурах; отсутствие изучения конъюнктуры цен на закупаемые товары; нарушения, связанные с составлением годового плана закупок; слабый контроль за проведением закупок вышестоящими органами; ненадлежащая внутренняя регламентация корпоративных процедур закупок.

Ко второй группе относятся: полное отсутствие знаний и компетенций у лица, ответственного за проведение тендера; наличие пробелов в знаниях.

К третьей группе относятся: проведение формальных процедур закупок с участием в них взаимосвязанных структур; прописывание в тендерной документации требований под конкретных поставщиков; участие аффилированных структур; установление организаторами сроков, не реальных для выполнения работ, указанных в тендере; формирование крупного заказа таким образом, чтобы «чужой» участник тендера не смог его выполнить.

Способствует развитию института «недобросовестных» посредников нежелание заказчика привлекать к ответственности поставщиков, которые не выполнили предусмотренные договорами обязательства, поставили некачественный товар или иным образом не исполнили условия сделки, выиграли в процедурах закупок на основании документов, содержащих недостоверные сведения.

Следует отметить, что посредничество бывает разным. Имеют место случаи, когда без него сложно обойтись. Так, к категории посредников относятся и базы системы государственного агросервиса. За оказание своих

услуг они берут 5–7 %. Это оправданно, потому что хранение товара и его доставка потребителю должны оплачиваться. Вместе с тем почему предприятия агропромышленного комплекса, как и других отраслей народного хозяйства, порой готовы в разы переплачивать бюджетные средства при покупке оборудования и запчастей?

К созданию схем «недобросовестного» посредничества бывают причастны не только поставщики товаров и услуг, но и лица, ответственные за организацию и проведение закупок. Последние зачастую напрямую заинтересованы в нарушении законодательства, что обусловлено стремлением незаконного обогащения. Вместе с тем нарушение государственным должностным или приравненным к нему лицом установленного законодательством порядка проведения процедур закупок является правонарушением, создающим условия для коррупции, и влечет за собой дисциплинарную, материальную, административную и уголовную ответственность.

Преступления, совершаемые в этой сфере, в большинстве случаев квалифицируются по ст. 424, 426, 430 Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Противоправные деяния легче предотвратить, чем выявить. Для недопущения появления «недобросовестных» посредников возможно принятие определенных мер организационного и практического характера:

1. Для снижения возможности сговора между участниками тендера, нередко достаточно распределить между разными специалистами обязанности по подготовке проведения процедуры закупки.

2. Для закупки сложного и дорогостоящего оборудования необходимо создание коллегиального органа из числа специалистов в конкретной сфере, которые будут определять технические, экономические и потребительские характеристики товара.

3. Установить персональную ответственность лиц, принимающих участие в закупках, и обеспечить документальное оформление принятых решений.

4. Организовать своевременное и надлежащее реагирование руководителей предприятий (организаций) на жалобы, поступающие от участников закупок или иных заинтересованных лиц.

5. Создать реестр основных поставщиков, с которыми приходится чаще всего работать.

6. Уполномочить работников на проверку информации по новым поставщикам: название, адрес, телефон, УНП. Имея эти данные, компанию можно проверить по открытым сервисам и базам, принадлежащим судебным и налоговым органам, органам юстиции.

Должностные лица предприятия (организации) для предотвращения появления недобросовестных посредников, при подготовке к торгам среди прочего должны обращать внимание на следующие аспекты: обоснованность составления годового плана закупок; соответствие законодательству порядка выбора процедуры закупок; степень изученности конъюнктуры рынка для определения ориентировочной стоимости предмета закупки; соблюдение требований законодательства при описании предмета закупки в документах, предоставляемых для подготовки предложения; обоснован-

ность установления для подтверждения квалификационных данных участников тендера перечня документов и сведений, которые ограничивают добросовестную конкуренцию; обоснованность отклонения либо допуска предложения к участию в процедуре закупки; обоснованность требований, ограничивающих участие в процедуре закупок.

Заключение

В статье раскрывается сущность и содержание «недобросовестного» посредничества как правового феномена. Автором определены три группы причин, способствующих его появлению (халатность и отсутствие исполнительской дисциплины, подготовка специалистов по закупкам, желание получить неправомерную выгоду). Предлагаются практические меры по недопущению возникновения «недобросовестного» посредничества.

Список цитированных источников

1. Бенсман, М. В. Исследование рынка при закупках за счет собственных средств / М. В. Бенсман // Промышленно-торговое право. — 2016. — № 10. — С. 11.

2. Копелев, А. Мошенничество на тендерах. Как с ним бороться / А. Копелев // Директор. — 2017. — № 2. — С. 40.

3. Топорикова, О. О. Требования к участникам закупок как средство минимизации рисков / О. О. Топорикова // Промышленно-торговое право. — 2015. — № 8. — С. 12–13.

Аннотация. «Недобросовестное» посредничество ежегодно наносит серьезный ущерб бюджету Республики Беларусь. В статье раскрывается сущность и содержание «недобросовестного» посредничества, как правового феномена, определяются условия и причины, способствующие его появления, предлагаются способы по его недопущению.

«UNFAIR» MEDIATION

Khudyakov A. V.

Keywords: corruption, distribution network, procurement, unfair mediation.

Abstract. «Unfair» mediation causes serious damage to the budget of the Republic of Belarus every year. The article reveals the essence and content of «unfair» mediation as a legal phenomenon, defines the conditions and causes that contribute to its appearance, and suggests ways to prevent it.

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РЕКЛАМЕ И ПРОПАГАНДЕ НАРКОТИКОВ

Чуешов К. В.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, пропаганда наркотических средств, психотропных веществ, незаконная реклама наркотических средств, психотропных веществ

Введение

Наркотизация населения негативно сказывается не только на демографической безопасности государства, но и на уровне криминализации общества. Формирование негативного отношения к наркотическим средствам и психотропным веществам, их аналогам (далее — наркотики) являются неотъемлемой частью работы по профилактике правонарушений.

Распространение наркотиков является универсальной и экстерриториальной проблемой. Направленность «наркобизнеса» на получение постоянных доходов и их увеличение обуславливает намеренное стимулирование спроса соответствующей пропагандой и незаконной рекламой вплоть до использования экономических инструментов продвижения наркотиков.

Правоохранительными органами констатируется увеличение спроса на услуги т. н. «рекламщиков», которые занимаются маркетинговым продвижением интернет-магазинов, осуществляющих торговлю наркотиками. Вместе с тем имеются объективные сложности с привлечением таких лиц к ответственности, в том числе по причине отсутствия непосредственного факта сбыта ими наркотиков [1, с. 29].

В зоне особого риска вовлечения не только в потребление наркотиков, но и в противоправную деятельность в целом находятся несовершеннолетние, которые в силу возраста и отсутствия соответствующих знаний зачастую не могут адекватно оценить степень опасности наркотиков. Более того, в силу доступности в Интернете практически любой информации их под предлогом легкого и быстрого заработка часто вовлекают в противоправную деятельность, связанную с распространением наркотиков [2, с. 27–28].

В части реализуемых в настоящее время государством мер по предупреждению и пресечению преступлений, связанных с наркотиками, можно отметить проработку в 2023 г. рядом государственных органов и организаций вопроса об установлении ответственности за пропаганду и незаконную рекламу наркотиков, что предусмотрено подп. 5.3.4 п. 5 Комплексного плана по борьбе с преступностью и коррупцией на 2023–2025 годы, утвержденного решением республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией [3].

Основная часть

Законодательство Республики Беларусь не содержит понятий пропаганды и незаконной рекламы наркотиков. Сравнительный анализ положений ч. 1 ст. 123 и ч. 1 ст. 342–1 Уголовного кодекса Республики Беларусь позволяет сделать определенный вывод об общей сущности понятия «пропаганда», которая опосредуется умышленным распространением в любой форме информации в целях возбуждения у индивидуально-неопределенного круга лиц решимости совершить определенное деяние. В свою очередь, Закон Республики Беларусь от 10 мая 2007 г. № 225-З «О рекламе» в абзаце пятом ст. 2 определяет понятие «ненадлежащая реклама», к которой в числе прочего относится реклама, при производстве и (или) размещении (распространении) которой допущены нарушения законодательства. Согласно абзацу четвертому п. 10 ст. 10 данного Закона не допускается реклама наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров в целях незаконного их использования, аналогов наркотических средств, психотропных веществ, информация о которых размещена на официальном сайте Министерства внутренних дел в сети Интернет.

Отсутствие в законодательстве определения понятий пропаганды и незаконной рекламы наркотиков делает актуальной их выработку как для целей отграничения от смежных категорий (например, склонение), так и для установления мер ответственности за соответствующие деяния.

Анализ зарубежного опыта противодействия незаконной рекламе и иным действиям, направленным на стимулирование потребления наркотиков, свидетельствует о применении в законодательстве отдельных государств понятий «пропаганда» (например, ст. 6.13 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), «склонение» (ст. 230 Уголовного кодекса Российской Федерации)).

Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» разъяснено, что склонение может выражаться в любых умышленных действиях, в том числе однократного характера, направленных на возбуждение у другого лица желания их потребления (в уговорах, предложениях, даче совета и т. п.), а также в обмане и других действиях с целью принуждения к потреблению наркотиков лицом, на которое оказывается воздействие.

В свою очередь, понятие пропаганды конкретизируется, например, в определении Верховного Суда РФ от 15.08.2012 № 1-АПГ12-11 «Об оставлении без изменения решения Архангельского областного суда от 22.05.2012», которым отказано в удовлетворении заявления о признании недействующими отдельных положений областного Закона Архангельской области от 15 декабря 2009 г. № 113-9-ОЗ «Об отдельных мерах по защите нравственности и здоровья детей в Архангельской области» и областного Закона Архангельской области «Об административных правонарушениях». В данном случае пропаганда трактуется как деятельность физических и (или) юриди-

ческих лиц по распространению информации, направленной на формирование в сознании установок и (или) стереотипов поведения либо имеющая цель побудить или побуждающая лиц, которым она адресована, к совершению каких-либо действий или к воздержанию от их совершения.

Кроме того, модельный закон о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию, принятый на 33-ем пленарном заседании МПА СНГ, в ст. 3 содержит аналогичное определение пропаганды.

Законодательство Республики Казахстан прямо определяет понятия пропаганды и незаконной рекламы наркотиков. Так, в соответствии с примечанием к ст. 423 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях:

под пропагандой наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров в настоящей статье следует понимать деятельность физических и юридических лиц, направленную на распространение сведений о способах, методах разработки, изготовления и использования, местах приобретения наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров, а также производство и распространение книжной продукции, продукции средств массовой информации, распространение в сетях телекоммуникаций указанных сведений или совершение иных действий в этих целях;

под незаконной рекламой наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров в настоящей статье следует понимать деятельность физических и юридических лиц по распространению и размещению в любой форме, с помощью любых средств любой информации, которая оказывает неосознаваемое воздействие на восприятие и инстинкты человека, формирует или поддерживает его интерес к наркотическим средствам, психотропным веществам и прекурсорам.

Полагаем, что законодательное закрепление указанных категорий способствует уяснению случаев правопослушного поведения, например, распространения соответствующих сведений в специализированных изданиях, рассчитанных на медицинских и фармацевтических работников (по аналогии с примечанием к ст. 6.13 КоАП РФ).

Помимо Российской Федерации и Республики Казахстан, законодательством отдельных государств — участников СНГ предусмотрена административная ответственность за пропаганду наркотиков (например, Таджикистан, Туркменистан), а также их незаконную рекламу (например, Туркменистан).

В государствах Западной Европы соответствующие запреты также закреплены в законодательстве:

в Австрии подлежат привлечению к ответственности лица, которые в печатном издании, по радио или иным способом, доступным для широкой общественности, призывают к совершению деяния, за которое предусмотрено уголовное наказание;

в Испании уголовно наказуемым деянием признается побуждение, содействие или обеспечение иным способом незаконного потребления токсичных веществ, наркотических средств или психотропных веществ; законодательством о рекламе определено, что соответствующие вещества

могут рекламироваться только в случаях, формах и условиях, установленных специальными регулирующими нормами (правилами);

в Нидерландах запрещена реклама гашиша и марихуаны в СМИ, а также демонстрация имеющегося ассортимента за пределами так называемых «кофешопов»;

во Франции установлена уголовная ответственность за подстрекательство к употреблению наркотиков через СМИ, аудиовизуальные и иные источники;

на Кипре уголовно наказуемыми деяниями являются поощрение, пропаганда или организация незаконного потребления контролируемых веществ посредством производства фотографий, кинофильмов, видеопленок или любых других средств проецирования или рекламы, а также предоставление информации по их изготовлению, поставке или распространению пробных образцов независимо от количества этих веществ с целью незаконной рекламы [4, с. 75–76].

Таким образом, можно констатировать несколько подходов к законодательному разрешению рассматриваемого вопроса:

наличие общих норм о запрете рекламы или пропаганды тех предметов и веществ, оборот которых уже находится под запретом;

установление прямых запретов на рекламирование и (или) пропаганду, иную популяризацию наркотиков.

Исследователями-компаративистами подчеркивается, что «запрет на пропаганду наркотиков законодательно закреплён в большинстве иностранных государств лишь с тем отличием, что за него предусматриваются неоднобразные меры юридической ответственности:

исключительно уголовная (например, Испания, Франция, Кипр, Сингапур);

исключительно административная (например, Таджикистан);

как уголовная, так и административная (например, Азербайджан, Афганистан);

отсутствие мер ответственности при наличии соответствующих законодательных запретов (например, Узбекистан, Кыргызская Республика)» [5, с. 169–170].

Российскими авторами выделяются несколько разновидностей пропаганды и незаконной рекламы наркотиков:

акт непосредственного исполнителя (например, размещение соответствующей символики на одежде и т. п.);

скрытая пропаганда молодежной субкультуры наркотиков и эффекта от их воздействия в узких коллективах;

незаконная реклама и пропаганда наркотиков в сети Интернет [6, с. 90].

В каждой из таких разновидностей пропаганда и (или) незаконная реклама приобретают конкретную форму, вариантами которой согласно российской практике являются:

продукты питания (настойка «Конопляная» и пиво с добавлением цветов конопли);

предметы одежды (футболки, напульсники, кепки и головные повязки) с изображением листьев конопли и надписями на иностранном языке соответствующего содержания, например, «Marijuana», «Just Try» («просто попробуй»), «God made grass — man made booze» («Бог создал траву — человек создал наркотик»), «Fresh air quality» («воздух высшего качества») и др.;

предметы бижутерии и сувенирная продукция с аналогичными изображениями и надписями;

полиграфическая продукция, в том числе наклейки для автомобилей, аппликации для футболок;

иные товары, например, ароматические палочки «Cannabis»;

сборники фильмов (например, «Растаман», «Наркота», в том числе на съемных носителях [7, с. 86].

Кроме того, пропаганда и незаконная реклама наркотиков может носить скрытый характер ввиду применения лингвистического (лексического, метафорического и др.), экономического, психологического и иного инструментария. Так, например, надписи «мука» или «соль» могут маскировать предложения о продаже наркотиков под рекламные объявления, в которых информация не содержит ничего противозаконного [8, с. 191].

Следует обратить внимание, что пропаганда наркотиков может усматриваться в продукции, которая введена в гражданский оборот легально. Особенно актуально это для аудиовизуальных произведений.

Также в зоне риска с позиций затрудненного контроля за содержанием и качеством контента находятся общедоступные (как с точки зрения просмотра, так и с точки зрения размещения материалов) интернет-порталы, выполняющие функции хостингов [9, с. 130–131]. Зачастую усилий, принимаемых их владельцами (фильтрация контента, возрастные метки, «дисclaimer»-предупреждения и др.), объективно недостаточно.

В целом отличительной особенностью приобретающих популярность преступных схем является распространение наркотиков так называемым «бесконтактным» способом. Это обеспечивается задействованием возможностей информационно-коммуникационных технологий и глобальной компьютерной сети Интернет [1, с. 28].

Следует отметить, что положениями подп. 1.2 п. 1 ст. 38 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З «О средствах массовой информации» к информации, распространение которой в средствах массовой информации, на интернет-ресурсах запрещено, относятся сведения, пропагандирующие потребление наркотиков, а также о способах и методах их разработки, изготовления, использования и местах приобретения. В числе правовых последствий распространения такой информации законодательством предусматривается ограничение доступа к соответствующему интернет-ресурсу (подп. 2.2 п. 2 статьи 51–1 данного Закона). Вместе с тем следует признать, что такое ограничение доступа является лишь мерой, которая временно технически затрудняет продолжение осуществления противоправной деятельности, поскольку все упирается лишь в необходимость создания так называемого

интернет-сайта — «зеркала». В совокупности с отсутствием реальных мер ответственности за пропаганду и рекламу наркотиков эффективность названной меры кратно снижается.

Таким образом, установленные законодательством запреты пропаганды и рекламы наркотиков далеко не во всех случаях обеспечивают как прекращение осуществления противоправной деятельности, так и возможность привлечения виновных лиц к ответственности. Вопросы установления административной и (или) уголовной ответственности широко обсуждаются в научных кругах и в среде юристов-практиков. Предлагаемые подходы отличаются многообразием: от сохранения существующей практики до введения как уголовной, так и административной ответственности.

Динамика развития «наркобизнеса» объективно требует реагирования со стороны законодателя. Вместе с тем принимаемые меры должны быть постепенными и последовательными. В этой связи полагаем возможным солидаризироваться с позицией белорусского юриста В. П. Гринько о приоритете введения изначально административной ответственности за совершение рассматриваемых деяний. Впоследствии практика реализации соответствующей нормы (при недостаточности принятых мер) может актуализировать вопрос о криминализации таких деяний (например, с учетом установления административной преюдиции) [1, с. 29].

Заключение

Пропаганда и реклама наркотиков характеризуются повышенной общественной опасностью, поскольку являются катализаторами наркотизации и криминализации общества. В белорусском законодательстве оба термина не определены, что, в частности, затрудняет квалификацию соответствующих деяний и в принципе препятствует привлечению к ответственности лиц, осуществляющих данные деяния.

Применяемые методы воздействия на потенциальных наркопотребителей отличаются разнообразием: прямые и опосредованные; открытые и скрытые; овеществленные и неовеществленные; экономические, культурно-массовые, семантические и т. д. Анализ зарубежного опыта правового регулирования свидетельствует о практике установления мер уголовной и (или) административной ответственности за совершение различных деяний, имеющих целью пропаганду или рекламу наркотиков.

Важным направлением совершенствования национального законодательства может стать установление ответственности (как представляется, на первом этапе — административной) за пропаганду и незаконную рекламу наркотиков. Вместе с тем для решения этого вопроса необходимо законодательное определение названных терминов.

Список цитированных источников

1. Гринько, В. П. К вопросу об ответственности за пропаганду и рекламу наркотиков / В. П. Гринько // Законность и правопорядок. — 2023. — № 3 (67). — С. 28–29.

2. *Финевич, В. А.* Предупреждение вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков и потребление психоактивных веществ — сфера повышенного внимания органов прокуратуры / В. А. Финевич // Законность и правопорядок. — 2023. — № 1 (65). — С. 27–29.

3. Комплексный план по борьбе с преступностью и коррупцией на 2023–2025 годы, утвержденный решением республиканского координационного совещания по борьбе с преступностью и коррупцией. [Электронный ресурс] // *Белгоспищепром*. — Режим доступа: <https://bgr.by>. — Дата доступа: — 15.09.2023.

4. *Анисифорова, М. В.* Европейское законодательство в области противодействия пропаганде и незаконной рекламе наркотиков / М. В. Анисифорова // Вестн. Урал. юрид. ин-та МВД России. — 2021. — № 4. — С. 73–76.

5. *Анисифорова, М. В.* Административное предупреждение пропаганды наркотиков за рубежом / М. В. Анисифорова // Вестн. ВГУ. Серия: Право. — 2022. — № 3. — С. 168–175.

6. *Газизов, Д. А.* Административная ответственность за пропаганду наркотических средств / Д. А. Газизов, Т. Г. Газизова // Право и практика. — 2013. — № 1. — С. 88–94.

7. *Воронов, А. А.* Об опыте работы по выявлению и пресечению правонарушений, связанных с пропагандой и незаконной рекламой наркотиков / А. А. Воронов, // Вестн. Сибир. юрид. ин-та ФСКН России. — 2012. — № 1 (10). — С. 84–91.

8. *Кобленков, А. Ю.* Пропаганда употребления наркотиков: завуалированная реальность окружающей действительности / А. Ю. Кобленков // Вестн. Нижегород. акад. МВД России. — 2020. — № 1 (49). — С. 190–193.

9. *Лебедева, А. К.* Об особенностях судебной лингвистической экспертизы по делам о пропаганде наркотиков на примере видеохостинга Youtube / А. К. Лебедева // Вестн. Ун-та имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2022. — № 2. — С. 124–132.

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы противодействия пропаганде и незаконной рекламе наркотиков. На основе зарубежного опыта и научно-практических исследований делается вывод о необходимости определения данных терминов в законодательстве и целесообразности установления ответственности за пропаганду и незаконную рекламу наркотиков.

THE ISSUES OF IMPROVING LEGAL REGULATION OF COMBATING ADVERTISING AND PROMOTION OF NARCOTIC DRUGS

Chuyeshou K. V.

Keywords: narcotic drugs; psychotropic substances; promotion of narcotic drugs, psychotropic substances; illegal advertising of narcotic drugs, psychotropic substances

Abstract. The article is devoted to the problems of combating promotion and illegal advertising of narcotic drugs. On basis of foreign legal regulation and scientific-practical researches analysis the necessity of legal definition of these terms as well as establishing liability for appropriate acts is justified.

УДК 316.624

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ОТКЛОНЕНИЙ В ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Шаркова Е. А.

Ключевые слова: социальные отклонения, социально-негативные явления, отклоняющееся поведение, дезорганизация населения, национальная безопасность

Введение

Для стабильного существования государства как многоступенчатого социального образования, складывающегося в результате взаимодействия и взаимовлияния всех его членов, важным является высокоорганизованная деятельность правовых структур по ликвидации постоянно возникающих социально-негативных явлений.

По мнению белорусского криминолога И. П. Дикун, причины негативных явлений имеют социальный характер и кроются в существующих противоречиях экономического и культурного развития общества [1, с. 200].

Однако в одних и тех же экономических и психологических условиях приходится наблюдать существенные различия в поведении граждан, потому что общие объективные и субъективные предпосылки определяют лишь возможную вероятность отклоняющегося поведения, но не являются их непосредственными причинами.

Девиантное (отклоняющееся) поведение имеет деструктивную направленность вразрез от доминирующих в обществе норм [2].

В сообществах с небольшим числом индивидов девиантное поведение его членов легко контролируется и купируется, а в сложной социальной системе, которым является государство, проблема отклонений от общепринятого поведения требует повышенного внимания.

Как правило, поведение человека должно быть законопослушным, но при совершении им какого-либо асоциального действия оно переходит в девиантное или в противоправное поведение. Одним из отрицательных факторов может выступать спровоцированная дезорганизация населения, проявляющаяся в отклоняющемся от социальных норм поведении некоторых людей, что расценивается государством как правонарушение.

Все проявления преступности, т. е. действий, направленных против установленных юридических норм, — это крайняя степень отклоняющегося по-

ведения, при котором само существование цивилизованного государства оказывается под угрозой.

Известный белорусский криминолог профессор А. В. Ананич считает, что девиантное поведение, проявляющееся в неприятии ценностей общества, может быть результатом отклонения в развитии личности [3, с. 162]. Таких же взглядов придерживается российский юрист профессор Ю. В. Трунцевский, определяющий социальное отклонение как устойчивое искажение ценностной ориентации лица [4, с. 81]. Российский ученый О. В. Бобрикович утверждает, что социальные отклонения возникают тогда, когда процесс проходимой индивидом социализации не удачен, и это сказывается на внутренней структуре личности, не воспринимающей одобряемые нормы общества [5, с. 45].

Когда отклоняющееся поведение отдельных личностей нарушает установленный порядок в обществе, то у всех законопослушных граждан теряется чувство уверенности в своей безопасности.

Несмотря на определенное сходство, социальные отклонения отличаются от отклоняющегося поведения личности. В первом случае имеет место социальный феномен, а во втором — психологический.

Оптимальное функционирование государства можно считать успешным, если в обществе полностью обеспечен правопорядок, а также нет предпосылок для угрозы национальной безопасности.

Основная часть

На современном этапе необходимо постоянно контролировать все критерии социальной нормы поведения граждан, выход за которые влечет признание проступков отклонением, которые требуют соответствующего воздействия. Для решения этого вопроса следует учитывать, что в понятие социальной нормы входят два компонента: объективная характеристика определенного вида поведения и субъективная оценка с точки зрения полезности или вредности для общества. Именно такого рода учет служит внешним выражением границ социальной нормы, за пределами которой лежит область социальных отклонений.

Рассматриваемое противоправное поведение тесно связано с разнообразными нарушениями норм, установленных законом. Так называемый механизм преступного поведения человека зависит от возникающих конкретных причин.

Большая часть социально-негативных явлений представляет собой нарушение нравственных норм, которые при соответствующих неблагоприятных условиях могут перерасти в правонарушения. Их характеризует общественная опасность, наличие устойчивой антиобщественной установки, отрицательное отношение к закону. Поведенческие девиации могут группироваться по нарушаемым нормам, например, пьянство, аморальное поведение, бродяжничество, хулиганство, деструктивные культы, самоубийство.

Отклоняющееся поведение можно определить в рамках социально-правового подхода, где, в свою очередь, выделяются социологическое и правовое направления. В зависимости от нарушенной нормы права социально-

негативные явления подразделяют, во-первых, на деяния, связанные с аморальными поступками, во-вторых, на правонарушения. Конкретные проступки реальных личностей получают соответствующую оценку. Данная оценка воплощается в норме права, в которой отражено описание поведенческого акта (диспозиция нормы), отклонение от нормы (гипотеза нормы) и вид правового реагирования (санкция нормы). Оценка нормы, выраженная в императивной форме, становится мерой поведения для индивида и мерой оценки поведения для государства.

Если субъект знает требования нормы и согласен с ними, то он усваивает их в качестве собственных принципов, и норма осознается человеком как целесообразное, выгодное, желаемое поведение и исполняется [6, с. 97].

Сознание развивается в ходе достаточно активного взаимодействия человека с социальной средой, при этом может не быть достигнуто полного соответствия между нормативными установками личности и гражданскими требованиями социальных норм. Склонному к социальным отклонениям субъекту бывают гораздо ближе свои, индивидуальные интересы, чем благо всего общества. Асоциальная девиация может стать началом преступного поведения.

Критическая ситуация иногда возникает в процессе чрезмерного разрастания личных проблем конкретного индивида, что часто становится причиной преступного поведения. Отклонение может выражаться в агрессивном социальном протесте, когда девиация выступает как индивидуальный акт. Социально-негативные явления и социальные отклонения представляются здесь почти тождественными понятиями.

Факт совершения лицом преступления против государства вследствие неудовлетворенности личной жизнью предстает ярким свидетельством перехода из состояния отклоняющегося поведения к преступлению. Особенностью механизма такого преступного поведения является переключение с житейских, обыденных проблем на более глобальные, которые, по мнению индивида, стали причинами личных неудач.

Отклоняющееся поведение предполагает различные варианты типологии. К одному из типов относят противоправное поведение, которое связано с плохой социализацией отдельных лиц. Это поведение представляет собой защитную реакцию для нестабильной личности в сложной ситуации.

Известно, что далеко не все и не в полной мере знают содержание установленных государством правовых норм. В ряде случаев для такого знания нет необходимости, а в других случаях это трудно обеспечить даже при повседневном информировании населения. Сложности возникают по ряду причин, к которым относятся следующие:

- незнание правовых норм;
- пренебрежение рядом норм по тем или иным причинам, а также несогласие с ними в силу несовпадения требований норм с личными интересами;
- частое изменение правовых норм, за которыми трудно уследить;
- сложное содержание нормы, получаемое различную интерпретацию, что может быть связано с наличием избыточной информации или просто с неясностью нормы.

В тоже время для правомерного поведения стопроцентное знание законов не является определяющим фактором, потому что человек, как правило, ориентируется на свои внутренние убеждения и ценности.

Нравственные нормы в целом у населения достаточно стабильны и общеприняты, но жизненный опыт у конкретного лица личный. Криминологическими исследованиями доказано, что усвоение индивидом нравственных норм проходит ряд последовательных стадий, и на каждом этапе в сознании индивида могут возникать различные противоречия вследствие как объективных, так и субъективных причин.

Соотношение между требованиями норм общества и личными установками — это важный аспект влияния нормы на поведение лица. Именно соотношение общественных норм с интересами конкретной личности является центром принятия решения как в конфликтной, так и в обычной ситуации при планировании поведения.

Общество будет функционировать стабильно, если большинство его членов принимает устоявшиеся нормы. Каждый член общества должен быть спокоен за свою безопасность. При наличии в обществе многочисленных случаев социальных отклонений люди утрачивают чувство уверенности в завтрашнем дне, происходит дезорганизация социального порядка, рост преступности.

Делинквентное поведение противоречит существующим правовым нормам и угрожает социальному порядку и благополучию окружающих людей [7, с. 33].

В праве под делинквентным поведением понимается все, что не соответствует принятым в настоящее время правовым нормам и запрещено под угрозой наказания. Это поведение можно охарактеризовать в рамках правового подхода, где нарушаемые нормы приводят к разным видам преступности, включающим любые действия или бездействия согласно законодательству. Указанные противоправные деяния подрывают основу конституционного строя страны.

Ведущим критерием правовой оценки преступных действий является их общественная опасность, которая может нарушать социально-экономическую и политико-правовую систему государства, безопасность, внутреннюю и внешнюю стабильность, суверенитет [8, с. 87].

Несогласие с официально проводимой государственной политикой может быть весьма разнообразным по своему содержанию и сферам действия: в области экономической политики, политического курса в отношении некоторых государств, в области национальных отношений, трактовки иных положений [9, с. 163].

Среди многочисленных социально-негативных явлений следует выделить те, которые тесно связаны с преступлениями против основ государства.

В главе 32 «Преступления против государства» Уголовного кодекса Республики Беларусь сосредоточены уголовно-правовые нормы, определяющие основание уголовной ответственности за общественно опасные деяния,

направленные на подрыв или ослабление основ конституционного строя, политической и экономической системы, национальной безопасности государства.

Белорусский профессор Э. Ф. Мичулис [10, с. 3] дает свою трактовку понятия преступления против государства, когда признаются общественно опасные деяния, посягающие на основные устои государства и его конституционный строй.

Таким образом, отклоняющееся поведение нарушает порядок и предсказуемость поведения граждан. Противоречия общественного развития возникают при нарушении взаимодействия личности с социальной средой, что приводит эту личность к негативному поведению, социальным отклонениям и, в конечном итоге, к преступлениям, угрозе национальной безопасности государства.

Заключение

В заключении сформулируем следующие выводы и предложения:

1. Под отклоняющимся от социальной нормы поведением понимают поведение, угрожающее благополучию общества. Социальные отклонения — это нарушения социальных и юридических норм, установленных государством. Отклоняющееся поведение является результатом недостаточной социализации индивида, деформации его убеждений.

2. Социально-негативные явления, представляющие собой специфические акты поведения людей, невозможно рассматривать изолированно от событий, происходящих в государстве. Некоторые негативные социальные отклонения одновременно являются и отклоняющимся поведением личности (алкоголизм, наркомания, иждивенчество, проституция и т. п.).

3. Успешное функционирование социальных структур можно считать эффективным только при полном обеспечении правопорядка. Совершенствование уголовного законодательства имеет важное политическое и предупредительное значение.

4. Прогностический анализ сложных социальных процессов позволит заранее определить негативные аспекты и своевременно реагировать на них, предупреждать социальные отклонения во всех сферах.

Список цитированных источников

1. Дикун, И. П. Криминология : учеб. пособие / И. П. Дикун. — 2-е изд., перераб. и доп. — Минск : ГИУСТ БГУ, 2008. — 312 с.

2. Девиантное поведение: Виды, классификации и уровни социальных отклонений [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://studme.org/385032/psihologiya/deviantnoe_povedenie. — Дата доступа: 25.07.2023.

3. Энциклопедический словарь по общей и пенитенциарной криминологии / авт.-сост.: В. А. Ананич, А. М. Клим ; под общ. ред. В. А. Ананича ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел. Респ. Беларусь». — Минск : Акад. МВД, 2020. — 303 с.

4. Трунцевский, Ю. В. Социальные отклонения как факторы совершения преступлений и их нейтрализация / Ю. В. Трунцевский // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2008. — № 1(4). — С. 80–89.

5. Бобрикович, О. В. Виды социальных отклонений / О. В. Бобрикович // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2007. — № 4. — С. 39–43.

6. Социальные отклонения. Введение в общую теорию / В. Н. Кудрявцев, В. С. Нерсисянц, Ю. В. Кудрявцев. — М. : Юрид. лит., 1984. — 320 с.

7. Змановская, Е. В. Девиантология: (психология отклоняющегося поведения) : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е. В. Змановская. — 2-е изд., испр. — М. : Издательский центр «Академия», 2004. — 288 с.

8. Кузнецов, А. П. Понятие, общая характеристика преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства / А. П. Кузнецов // Социально-политические науки. — 2017. — № 4. — С. 86–90.

9. Дьяков, С. В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства: уголовно-правовое и криминологическое исследование. — СПб. : Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2009. — 267 с.

10. Мичулис, Э. Ф. Преступления против государства, порядка управления и интересов службы : учеб. пособие / Э. Ф. Мичулис, А. А. Шардаков, И. С. Яцута. — Минск : Ин-т нац. безопасности Респ. Беларусь, 2013. — 279 с.

Аннотация. В статье основное внимание уделяется социальным отклонениям. Рассмотрены мнения ведущих специалистов в этом направлении. Обозначены границы социальных норм, выход за пределы которых признается отклонением от общепринятых правил. Установлена общественная опасность девиации, которая может привести к дестабилизации порядка в стране. Изучены предпосылки девиантного поведения людей, а также различные условия и факторы, способствующие появлению социально-негативных отклонений личности, позволяющих спровоцировать нарушение норм законодательства и подталкивающих к дезорганизации. Социальные отклонения формируют противоправное поведение человека, квалифицируемое как преступление. Необходима активная законопослушная социализация личности, позволяющая избежать делинквентности поведения, приводящего к совершению преступлений. Своевременное выявление негативных явлений, приводящих к радикальным поступкам, дает возможность быстро отреагировать на них, тем самым предотвратить наступление необратимых последствий. Правовая грамотность граждан и профилактическая работа среди населения Республики Беларусь смогут уберечь на ранних этапах от зарождения социальных отклонений, способствовать положительному развитию и функционированию общества.

CRIMINOLOGICAL AND LEGAL ASPECTS OF THE TRANSFORMATION OF SOCIAL DEVIATIONS INTO CRIMES

Sharkova E. A.

Keywords: social deviations, socially negative phenomena, deviant behavior, disorganization of the population, national security.

Abstract. The article focuses on social deviations. The opinions of leading experts in this area are considered. The boundaries of social norms are outlined, going beyond which is recognized as a deviation from generally accepted rules. The public danger of deviation has been established, which can lead to the destabilization of order in the country. The prerequisites of deviant behavior of people, as well as various conditions and factors contributing to the appearance of socially negative personality deviations, allowing to provoke a violation of the norms of legislation and pushing to disorganization, are studied. Social deviations form illegal human behavior, qualified as a crime. An active law-abiding socialization of the individual is necessary to avoid delinquency of behavior leading to the commission of crimes. Timely detection of negative phenomena leading to radical actions makes it possible to react quickly to them, thereby preventing the onset of irreversible consequences. Legal literacy of citizens and preventive work among the population of the Republic of Belarus will be able to protect at an early stage from the emergence of social deviations, contribute to the positive development and functioning of society.

УДК 343.9

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ХИЩЕНИЙ БЮДЖЕТНЫХ СРЕДСТВ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ ЗАКУПОК

Шурпаев Ш. М.

Ключевые слова: государственные закупки, муниципальные закупки, хищения, бюджетных средства, криминологические особенности

Введение

Риски в бюджетной сфере, в том числе связанные с хищениями бюджетных средств в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд (далее — сфера закупок), в последние годы включаются в число основных рисков экономической безопасности России [1]. Надзор за исполнением законодательства о закупках и противодействие коррупционным проявлениям в данной сфере — одно из приоритетных направлений прокурорской деятельности последних лет. По поручению Генерального прокурора Российской Федерации И. В. Краснова сфера закупок поставлена на особый контроль как одна из самых бюджетоемких. Повышенная уязвимость сферы

закупок коррупционным проявлениям, в том числе связанным с хищениями бюджетных средств, подтверждается результатами деятельности правоохранительных органов.

Вопросам противодействия хищениям бюджетных средств уделено внимание в работах А. В. Архипова [2], И. В. Григорьевой [3], Д. В. Гука [4], В. Д. Ларичева [5], Д. С. Назаровой [6], Д. В. Паршина [7], А. В. Шмониной [8] и других. Во многих работах фрагментарно исследованы и криминологические особенности хищений бюджетных средств, совершаемых в рамках закупочных процедур.

Цель настоящего исследования — обобщение криминологических особенностей хищений бюджетных средств в сфере государственных и муниципальных закупок.

Основная часть

Хищения бюджетных средств в сфере закупок совершаются в основном путем мошенничества (ст. 159 УК РФ), присвоения или растраты (ст. 160 УК РФ) участниками контрактных отношений в данной сфере с использованием своего служебного положения. Устройство механизма преступного поведения при хищениях бюджетных средств в сфере закупок в значительной мере определяется особенностями правового регулирования данной сферы и содержит элементы, которые можно отнести к типичным:

1. Особый субъектный состав, включающий, как правило, две стороны контрактных отношений:

- представителей государственных (муниципальных) заказчиков (далее — заказчиков);
- представителей контрагентов (поставщиков, подрядчиков, исполнителей).

Субъектный состав хищений может расширяться за счет участников, формально не имеющих отношения к сторонам контракта, но содействующих реализации преступных схем, либо являющихся их организаторами. Хищения бюджетных средств в сфере закупок во многих случаях имеют групповой характер, но могут совершаться и единолично — представителями заказчика или поставщика.

2. Характерные для данной сферы модели преступного поведения представителей заказчиков и (или) контрагентов, реализующих преступный умысел с использованием своего служебного положения. Поскольку предметом хищений в сфере закупок в большинстве случаев являются бюджетные средства, в структуре моделей преступного поведения преобладают нарушения принципов обеспечения конкуренции, эффективности осуществления закупок и эффективности использования бюджетных средств. Нарушение принципов обеспечения конкуренции становится обязательным элементом в механизме хищений при обеспечении участниками преступных схем победы в конкурентных процедурах аффилированным лицам. Нарушение эффективности осуществления закупок выражается в завышении стоимости цены контрактов и дальнейшего хищения части или всей суммы бюджетных средств, ассигнованных на закупку.

3. Характерные для данной сферы средства совершения преступления, использование которых в полной мере определяется особенностями правового регулирования данной сферы. Для хищения бюджетных средств в сфере закупок, как правило, используются фирмы-однодневки, номинальные фирмы-посредники, аффилированные с заказчиками юридические и физические лица. Представители контрагентов, реализуя преступный умысел, направленный на хищение бюджетных средств, могут использовать номинальных руководителей юридических лиц, расчетные счета которых используются для совершения преступлений. Изготовление и использование подложных документов на всех этапах закупочной деятельности (планирования, определения поставщиков (подрядчиков, исполнителей), заключения, изменения и исполнения контракта) — также является характерной особенностью механизма совершения данных преступлений.

Всю совокупность хищений бюджетных средств в сфере закупок можно разделить в зависимости от степени организованности их участников на:

1. Групповые (совершенные группой лиц по предварительному сговору или организованными группами). В зависимости от правового статуса участников группового хищения, данный вид можно разделить на:

1.1. Групповые «многосторонние». Участниками таких групп являются представители стороны заказчика, контрагента и третьи лица, содействующие реализации или организующие преступную схему. Как правило, в таких случаях реализуются сложные преступные схемы и причиняется значительный ущерб бюджетам бюджетной системы Российской Федерации.

1.2. Групповые «двусторонние», участниками которых являются представители заказчика и контрагента.

1.3. Групповые «односторонние», участниками которых являются только представители заказчика или представители контрагента по контракту.

2. Совершаемые единолично. Данный вид преступлений можно также разделить в зависимости от статуса его исполнителей:

2.1. Совершаемые представителями заказчика.

2.2. Совершаемые представителями контрагента.

Одной из типичных схем совершения групповых преступлений является организация хищения бюджетных средств путем умышленного завышения начальной (максимальной) цены контракта (далее — НМЦК) и последующего противоправного завладения бюджетными средствами участниками преступной схемы.

Завышение стоимости закупаемых заказчиком товаров (работ, услуг) в большинстве случаев совершается путем нарушения установленного порядка при применении методов определения НМЦК; в меньшей части случаев может иметь место использование полностью вымышленных сведений, положенных в основу формирования цены контракта. Среди типичных проявлений нарушения установленного порядка определения НМЦК:

- выбор неприоритетных методов определения цены контракта;
- использование недостоверных данных при анализе цен на аналогичную продукцию;

- использование коммерческих предложений взаимозависимых лиц или лиц, аффилированных участникам преступной схемы;
- использование при обосновании цен предложений лиц, не обладающих опытом поставки аналогичных товаров (выполнения работ, оказания услуг);
- включение в проектно-сметную документацию недостоверных сведений о статьях затрат, образующих себестоимость продукции и влекущих ее завышению и др.

Завышению цены контракта может сопутствовать ряд иных характерных действий, обеспечивающих организационные, правовые, экономические и технические условия для завладения участниками преступной схемы бюджетными средствами (таблица).

Характерные действия участников контрактных отношений в сфере закупок, сопутствующие совершению хищений бюджетных средств организованными группами путем завышения цены контракта

Представители заказчика	Представители контрагента (поставщика, подрядчика, исполнителя)
изготовление подложных документов обоснования цены контракта (например, подложных коммерческих предложений, результатов анализа цен, проектно-сметной документации и др.); подготовка конкурсной документации на основании подложных документов, изготовленных представителями контрагента или работниками заказчика; подготовка документации под заранее определенного победителя; обеспечение заключения контракта с подставным лицом без проведения конкурентных процедур; организация победы в конкурсных процедурах аффилированного лица; заключение дополнительных соглашений к контрактам при отсутствии оснований для этого и последующего завладения бюджетными средствами в размере завышения стоимости контракта; обеспечение должностным лицом заказчика подписания документов о приемке непоставленных товаров (невыполненных работ, неоказанных услуг);	изготовление технической документации для ее использования представителями заказчика при определении и обосновании цены контракта и вида закупаемой продукции; подготовка заявок на участие в конкурсных процедурах от имени подставных лиц, аффилированных с участниками преступной схемы; изготовление подложных документов приемки (актов приемки выполненных работ, справок об их стоимости, счетов, счетов-фактур и др.) с включением в них ложных сведений об объеме поставленных товаров (выполненных работ, оказанных услуг); противоправное распоряжение контрагентом бюджетными средствами, перечисленными в качестве аванса в рамках контракта.

создание условий для перечисления со счетов заказчика бюджетных средств при фактическом неисполнении условий контракта контрагентом.	
--	--

В качестве примера можно привести дело о хищении участниками организованной группы бюджетных средств в размере более 297 млн руб., выделенных на строительство системы технологической водоподготовки по очистке подземных вод. Участники организованной группы признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 159 УК РФ (мошенничество, совершенное организованной группой и в особо крупном размере). Руководитель организации — заказчика также осужден по ч. 1, 3 ст. 285 УК РФ (злоупотребление должностными полномочиями). Разработанная и реализованная участниками организованной группы схема хищения бюджетных средств заключалась в умышленном завышении необходимой суммы для строительства группового водопровода путем формирования ее на основании недостоверных данных, положенных в основу определения сметной стоимости строительства, с использованием в целях конспирации подставных коммерческих предприятий, от имени которых разрабатывалась проектно-сметная документация и обеспечивалось освоение бюджетных средств, выделенных в завышенной сумме относительно реальной потребности на строительство объекта путем перечисления под видом оплаты стоимости выполненных работ заказчиком на счета подставных коммерческих организаций с последующим их обналичиванием [9, 10].

Другой пример группового преступления в сфере закупок: Б.П.С. осужден за получение взятки в крупном размере в составе организованной группы и за растрату вверенного имущества с использованием служебного положения организованной группой, в особо крупном размере. Взятка была получена за содействие в заключении контракта стоимостью 274 441 303,50 руб. В строку расходов незаконно была включена «корректировка» в целях возмещения взяткодателю расходов на дачу взятки, в связи с чем было растрчено 32 804 100 руб. в особо крупном размере [11].

В отличие от групповых хищений, в хищениях совершаемых участниками контрактных отношений единолично, как правило, реализуется относительно несложная совокупность действий. К таким действиям, например, можно отнести: «дробление» контрактов и последующее хищение бюджетных средств; обеспечение победы аффилированного лица и последующее хищение бюджетных средств; подписание фиктивных актов приемки при невыполненных контрагентом условиях контракта.

Таким образом, хищения бюджетных средств в сфере закупок имеют характерные криминологические особенности, проявляющиеся в особенностях механизма совершения преступлений и его составляющих элементов. Характерными являются способы преступного взаимодействия участников схем, направленных на противоправное безвозмездное обращение бюджетных средств в пользу виновных.

Список цитированных источников

1. Годовые отчеты. Федеральная служба по финансовому мониторингу : официальный сайт. URL: <https://www.fedsfm.ru/activity/annual-reports> (дата обращения: 10.08.2023).
2. Архипов, А. В. Некоторые проблемы квалификации хищений, совершаемых в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд / А. В. Архипов // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2022. — № 3 (89). — С. 76–80.
3. Григорьева, И. В. Уголовно-правовые меры противодействия хищениям бюджетных средств : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И. В. Григорьева. Москва, 2019. — 250 с.
4. Гук, Д. В. Использование «фирм-однодневок» для целей хищения денежных средств, выделенных на государственные закупки / Д. В. Гук // Труды Института государства и права Российской академии наук. — 2012. — № 2. — С. 75–85.
5. Ларичев, В. Д. Противодействие преступлениям, совершаемым в сфере освоения бюджетных средств, выделяемых на развитие сельского хозяйства : монография / В. Д. Ларичев. — Москва : Юрлитинформ, 2023—142 с.
6. Назарова, Д. С. Вопросы криминализации мошенничества в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд / Д. С. Назарова // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. — 2016. — Т. 26, № 3. — С. 117–122.
7. Паршин, Д. В. Совершенствование методики расследования хищений бюджетных средств, предназначенных для реализации приоритетных направлений развития сельского хозяйства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.12 / Д. В. Паршин. — Иркутск, 2018. — 196 с.
8. Шмонин, А. В. Организация расследования хищений бюджетных средств, совершаемых при реализации национальных проектов: учебное пособие / А. В. Шмонин. — Москва : Акад. Упр. МВД России, 2014. — 186 с.
9. Апелляционное определение Верховного суда Республики Калмыкия от 29.10.2021 по делу № 22–419/2021. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. В Калмыкии суд вынес приговор по уголовному делу о хищении 300 млн рублей, выделенных на прокладку водопровода и очистных сооружений. Генеральная прокуратура Российской Федерации : официальный сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/news-state-main?item=62904819> (дата обращения: 15.08.2023).
11. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 29.03.2017 по делу № 22–1898/201. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Аннотация. В статье обобщены криминологические особенности хищений бюджетных средств в сфере государственных и муниципальных закупок. Охарактеризованы типичные элементы механизма совершения хищений в сфере закупок для обеспечения государственных и муниципальных нужд. Дана характеристика субъектному составу хищений в сфере закупок. Выделены особенности характерных для сферы закупок моделей преступного поведения представителей заказчиков и (или) контрагентов, реализующих преступный умысел с использованием своего служебного положения. Дана характеристика некоторым типичным для данной сферы средствам совершения преступления, использование которых в полной мере определяется особенностями правового регулирования данной сферы. Предложена классификация хищений бюджетных средств в сфере закупок в зависимости от степени организованности их участников. Обобщены характерные действия участников контрактных отношений в сфере закупок, сопутствующие совершению хищений бюджетных средств организованными группами путем завышения цены контракта.

CRIMINOLOGICAL FEATURES OF THEFT OF BUDGET FUNDS IN THE FIELD OF PUBLIC PROCUREMENT

Shurpaev Sh.M.

Keywords: government procurement, municipal procurement, theft, budget funds, criminological features

Abstract. The article summarizes the criminological features of embezzlement of budget funds in the field of state and municipal procurement. Typical elements of the mechanism of committing embezzlement in the field of public procurement are characterized. The characteristic of the subject composition of embezzlement in the field of procurement is given. The features of the models of criminal behavior of representatives of customers and (or) contractors who carry out criminal intent using their official position characteristic of the procurement sphere are highlighted. The characteristic of some typical means of committing a crime for this sphere is given, the use of which is fully determined by the peculiarities of the legal regulation of this sphere. The classification of embezzlement of budgetary funds in the field of procurement is proposed, depending on the degree of organization of their participants. The characteristic actions of participants in contractual relations in the field of procurement, accompanying the commission of embezzlement of budget funds by organized groups, are summarized.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ (АНТИКОРРУПЦИОННОЙ) ЭКСПЕРТИЗЫ НОРМАТИВНЫХ ПРАВОВЫХ АКТОВ ИЛИ ИХ ПРОЕКТОВ

УДК 347.77

А АВТОР — КТО? НЕЙРОННЫЕ СЕТИ И СГЕНЕРИРОВАННЫЙ КОНТЕНТ КАК ПРОДУКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Гультяева Н. Н.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейросети, контент, промпт, авторское право, смежные права, интеллектуальная собственность

Введение

В настоящее время широко обсуждается вопрос использования искусственного интеллекта (нейросетей) для создания контента. Искусственный интеллект уже сегодня может создавать не только хорошие тексты, изображения, дизайнерские решения, но и новые компьютерные программы, находить новые научно обоснованные концепции, создавать иные объекты авторских прав, находить патентоспособные решения.

Вместе с тем использование искусственного интеллекта для создания результатов интеллектуальной деятельности в настоящее время вызывает ряд вопросов, связанных с правовой неопределенностью оформления прав на результаты такой деятельности.

Одним из таких вопросов является оформление и учет интеллектуальных прав, в том числе исключительных, авторских либо смежных, на результаты деятельности, полученные с использованием искусственного интеллекта.

Основная часть

В Республике Беларусь, как и в Российской Федерации, вопрос авторского права по отношению к контенту, созданному искусственным интеллектом, не регулируется.

Кроме того, в законодательстве Республики Беларусь не определен субъект авторского права. Законодателем предусмотрена исключительно сфера действия авторского права, объекты авторского права, уточняются произведения, являющиеся объектами авторского права. При этом в п. 4 ст. 992 Гражданского кодекса Республики Беларусь указано, что авторское право не распространяется на собственно идеи, методы, процессы, системы, способы, концепции, принципы, открытия, факты.

Согласно п. 1 ст. 1228 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть четвертая) автором результата интеллектуальной деятельности признается

гражданин, творческим трудом которого создан такой результат. Не признаются авторами результата интеллектуальной деятельности граждане, не внесшие личного творческого вклада в создание такого результата, в том числе оказавшие его автору только техническое, консультационное, организационное или материальное содействие, или помощь либо только способствовавшие оформлению прав на такой результат или его использованию, а также граждане, осуществляющие контроль за выполнением соответствующих работ.

Как эти обе законодательные трактовки могут быть соотношены с понятием «промпт»? Промпт (от англ. prompt — побуждать) — запрос, подсказка, или инструкция, вводные данные, которые набирает человек, когда общается с нейросетью. От правильно введенного промпта (запроса) зависит насколько будет корректной, релевантной информация, полученная от нейросети на выходе. Зачастую, чтобы получить корректную, новую или уникальную информацию от нейросети, необходимо обладать специальными знаниями, техническими навыками, вводить информацию, основанную на предыдущих исследованиях в какой-то определенной области.

Если взять определение российского законодателя, то нейросеть не может быть признана субъектом авторского права, поскольку по определению она не может внести личный творческий вклад в создание такого результата, а только оказывает техническое содействие, а человек, который вводит корректный промпт, считается автором полученного с помощью нейросети результата.

Белорусский же законодатель, напротив, устанавливает, что авторское право не распространяется на собственно идеи, методы, способы, процессы, системы, концепции, принципы и т. д., к которым, по большому счету, можно отнести и промпт-запросы для нейросети.

Мировая практика в данной сфере складывается противоречиво.

Так, в 2020 г. суд Шэньчжэня (КНР) постановил, что статьи, написанные искусственным интеллектом, защищаются авторским правом. Компания скопировала текст, написанный искусственным интеллектом, указав, что контент не имеет автора, поскольку он был создан в автоматическом режиме. Однако суд обязал компанию удалить текст со своих официальных источников и выплатить компенсацию владельцу искусственного интеллекта как правообладателю [1].

Европейское патентное ведомство, наоборот, признало, что изобретателем может быть только физическое лицо. Машины не имеют правосубъективности, а потому не могут иметь никаких прав. На этом основании при рассмотрении патентной заявки было указано, что искусственный интеллект не может считаться автором изобретения, контента, произведения, компьютерной программы и т. д. [2].

По мнению автора, результаты интеллектуального труда, созданные с применением искусственного интеллекта, также являются творческой деятельностью человека, возможно, опосредованной творческой деятельностью. Вместе с тем один человек (группа людей) создали программу искусственного интеллекта, другая группа людей (человек единолично) поставили

перед искусственным интеллектом задачу, ввели исходные данные, в результате чего получили совместный творческий результат.

Такие авторы, как Козлова Н. В., Суханова Н. В., Ворожевич А. С., Алешковский И. А., считают, что исключение результата деятельности человека как пользователя нейросети из объектов интеллектуальной собственности снижает интерес к использованию в исследованиях и разработках технологий искусственного интеллекта. При отсутствии перспектив получения исключительных прав применение искусственного интеллекта окажется невыгодным, что негативно скажется на научном прогрессе, поэтому в интересах цифровой трансформации следует признавать результаты, полученные с использованием искусственного интеллекта, охраноспособными результатами интеллектуальной деятельности [3].

Савина В. С. ставит вопрос более прагматично. Подлежат ли вообще охране объекты, созданные искусственным интеллектом, если да, то какой? Ведь результаты такой работы, по мнению Савиной В. Н., нельзя в полной мере назвать новыми объектами. Лишенная воображения машина воспроизводит категории и образы, заложенные в нее человеком, поэтому подлинного творчества, создания чего-то абсолютно нового не происходит. Автор в своей публикации предполагает, что генерируемая искусственным интеллектом информация может быть защищена в качестве объекта смежных прав, если соответствует признакам охраноспособности (например, база данных для ЭВМ или сборник). В то же время Савина В. С. считает, что цифровые технологии, действительно, могут помочь в обработке современного массива информации, но только как инструмент, который находится в умелых руках автора и служит реализации его творческого замысла [4].

В большинстве публикаций, в том числе рассмотренных выше, лидирует мнение о том, что для результатов интеллектуальной деятельности, созданных при участии искусственного интеллекта и человека как автора (пользователя нейросети), может быть установлен специфический режим правового регулирования. Можно признать авторами (соавторами) результата интеллектуальной деятельности группу физических лиц, например: 1) разработчика алгоритма искусственного интеллекта (нейросети); 2) субъекта, который предоставил алгоритму данные, необходимые для его обучения и решения поставленных задач (пользователь, который вводит промпт, запрос для нейросети). Возможно, в качестве соавтора следует рассматривать и лицо, которое контролирует конкретную систему искусственного интеллекта, когда она создает результат интеллектуальной деятельности по запросу пользователя, но этот вопрос остается дискуссионным, поскольку предполагается, что автором не может быть признано лицо, осуществляющее контроль за выполнением соответствующих работ.

Важно, чтобы имущественные права на результаты интеллектуальной деятельности изначально предоставлялись субъектам, которые способны обеспечить их эффективную коммерциализацию. На нормативном уровне следует установить, что правообладатель алгоритма (нейросети) и организатор создания результата интеллектуальной деятельности (пользователь)

должны иметь возможность предусмотреть в лицензионном договоре (онлайн договоре) условие, согласно которому если лицензиат использует алгоритм (искусственный интеллект, нейросеть) для создания нового результата интеллектуальной деятельности, то исключительное право на этот результат будет принадлежать лицензиату и лицензиару [3]. Кроме того, необходимо установить, что на такие результаты интеллектуальной деятельности не возникают личные неимущественные права, в том числе право на неприкосновенность сгенерированного контента. Также результаты интеллектуальной деятельности должны отвечать признакам охраноспособности, например, компьютерные программы, медицинские научные исследования, математическое моделирование, междисциплинарные гуманитарные исследования и т. д.

Данный подход к использованию результатов интеллектуального труда, созданных с использованием искусственного интеллекта, заслуживает более пристального внимания законодателя.

Однако есть и обратная сторона использования искусственного интеллекта для получения результатов интеллектуальной деятельности. Применение в своей творческой, научной и другой деятельности искусственного интеллекта (нейросетей) создает возможность нарушения интеллектуальных прав третьих лиц. Ведь для обучения машин (роботов) искусственному интеллекту разработчики используют информацию не всегда санкционированно. По мнению ряда авторов, таких как Козлова Н. В., Суханова Н. В., Ворожевич А. С., Алешковский И. А., в подобных случаях субъектом ответственности должен выступать пользователь системы искусственного интеллекта (нейросети). С этим очень трудно согласиться, поскольку, несмотря на сформированный запрос (промпт) пользователя к нейросети, искусственный интеллект будет выдавать ответ на запрос не только с учетом данных этого запроса (промпта), но и с учетом данных, заложенных в него разработчиком.

Показательный пример был в США, когда писатели Сильверман, Голден и Кадри выступили против нейросетей Open AI и Meta за использование их книг в целях обучения ChatGPT и ряда других AI. Нейросети свободно используют данные с просторов Интернета для обучения искусственного интеллекта — это не является секретом. Вопрос в том, где проходит граница дозволенного? Истцы заявили, что не давали разрешения, а значит, их авторские права нарушены. Авторы также поднимают вопрос об использовании пиратских материалов в обучении нейросетей искусственному интеллекту. Если авторы одержат победу, возможности AI по обучению моделей будут ограничены, а также большие штрафы будут даны разработчикам [5].

Заключение

Решение вопроса об ответственности за нарушение интеллектуальных прав третьих лиц при использовании искусственного интеллекта для получения результата в научной, творческой и другой деятельности должно быть дифференцированным, по мнению автора. Здесь нужно разбираться в каждом конкретном случае отдельно, в том числе изучать вводные данные пользователя, его запрос (промпт), обращенный к нейросети. Если в таком запросе нет плагиата, нет незаконного использования произведений, научных открытий,

трудов, формул и другой информации, которая является интеллектуальной собственностью третьих лиц, то за нарушение прав третьих лиц при создании контента с использованием нейросети должен нести ответственность разработчик искусственного интеллекта, который обучал машину при помощи незаконного использования результатов творческой деятельности третьих лиц.

Список цитированных источников

1. Polydor, S. Chinese Dreamwriter Decision: a Dream Come True for AI-generated Works? / S. Polydor, M. Czapska, K. Roberts. — Режим доступа: <https://www.connectontech.com/2020/04/20/chinese-dreamwriter-decision-a-dream-come-true-for-ai-generated-works>. — Дата доступа: 25.10.2023.
2. Режим доступа: <https://register.epo.org/application?documentId=E4B63SD62191498&number=EP18275163&lng=en&npl=false>. — Дата доступа: 25.10.2023.
3. Козлова, Н. В. Цифровая трансформация в контексте приоритетов государственной научно-технической политики и вопросы совершенствования правового регулирования цифровой экономики в Российской Федерации (по состоянию на апрель 2020 г.) / Н. В. Козлова, Н. В. Суханова, А. С. Ворожнич, И. А. Алешковский [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Комментарий Законодательства Российский Выпуск. — М., 2023.
4. Савина, В. С. Искусственный интеллект и современное искусство: проблемы и перспективы (по состоянию на март 2021 г.) [Электронный ресурс] / В. С. Савина // КонсультантПлюс: Комментарий Законодательства Российский Выпуск. — М., 2023.
5. Режим доступа: <https://vc.ru/marketing/835474-a-avtor-kto-sudebnye-iski-za-kontent-sozdannyy-neyrosoetyami>. — Дата доступа: 25.10.2023.
6. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Законодательство Белорусский Выпуск. — Минск, 2023.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации, часть четвертая [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: Законодательство Российский Выпуск. — М., 2023.

WHO IS THE AUTHOR? NEURAL NETWORKS AND GENERATED CONTENT AS A PRODUCT OF INTELLECTUAL PROPERTY

Hultsiaeva N. N.

Key words: artificial intelligence, neural networks, content, prompt, copyright, related rights, intellectual property.

Abstract. The article discusses the issues of ownership of intellectual rights to content generated by a neural network: texts, images, computer programs, computer databases, scientific collections and more. The author notes that for the effective use of artificial intelligence in the creative and scientific fields, legal certainty of national legislation in this area of public relations is necessary.

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Олейник А. В.

Ключевые слова: нормотворческая деятельность, криминологическая экспертиза, риски криминогенного характера, обязательная юридическая экспертиза

Введение

Нормотворческая деятельность представляет собой организационно оформленную процедурную деятельность государства и его структур по созданию правовых норм, а также важнейшую форму государственного управления, позволяющую осуществлять результативное, целенаправленное правовое воздействие на общественные отношения. Надлежащая организация работы по приданию управленческим решениям правовой формы, проведению координационных и практических мероприятий в сфере нормотворчества напрямую связана с эффективностью системы государственного управления, обеспечением авторитета государственной власти и степенью общественного доверия к институтам государства, поскольку по результатам нормотворческой деятельности судят о социальной направленности государства, степени его независимости и демократичности. Названная деятельность является специфическим творческим процессом, требующим применения познаний как в соответствующих отраслях законодательства, так и непосредственно в области законодательства, регулирующего организационные, практические и технические аспекты придания подготавливаемым документам статуса правовых актов. Охватывая многоступенчатую систему подготовки, экспертизы, принятия (издания), корректировки и толкования правовых актов, нормотворческая деятельность требует выработки системных и сбалансированных подходов к ее постоянному совершенствованию, а вопросы оптимизации нормотворческого процесса должны находиться в центре постоянного внимания государства и его органов [1, с. 1].

Являясь одним из этапов нормотворческого процесса в Республике Беларусь, а также одним из элементов системы мер, направленных на предупреждение правонарушений, криминологическая экспертиза проектов нормативных правовых актов, проводимая государственным учреждением «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь» (далее — Центр), на стадии подготовки проекта нормативного правового акта позволяет устранить дефекты норм права, применение которых в практической деятельности может повлечь возникновение рисков криминогенного характера.

Основная часть

В соответствии со ст. 22 Закона Республики Беларусь от 4 апреля 2014 г. № 122-З «Об основах деятельности по профилактике правонарушений», ст. 5 Закона Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 305-З «О борьбе с коррупцией» проведение криминологической экспертизы проектов правовых актов и ранее принятых (изданных) правовых актов относится к мерам общей профилактики правонарушений, а также к мерам по противодействию коррупции.

Криминологическая экспертиза проводится Центром в целях исследования содержания проекта нормативного правового акта (нормативного правового акта) на предмет выявления в нем норм, применение которых может повлечь (повлекло) возникновение негативных (криминогенных) последствий в различных сферах общественных отношений в связи с наличием рисков криминогенного характера.

Криминологическая экспертиза проекта нормативного правового акта (нормативного правового акта) осуществляется Центром после проведения его обязательной юридической экспертизы, если иное не определено Президентом Республики Беларусь (ч. 2 п. 2 ст. 49 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» (далее — Закон)).

Планировалось, что проведение обязательной криминологической экспертизы будет основываться на использовании возможностей Министерства юстиции Республики Беларусь и других государственных органов, осуществляющих обязательную юридическую экспертизу проектов нормативных правовых актов, поскольку при проведении юридической экспертизы в определенной степени просчитываются и криминологические последствия принятия правовых актов [1, с. 20].

В настоящее время в соответствии с ч. 1 п. 8 Положения о порядке проведения криминологической экспертизы, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 29 мая 2007 г. № 244, проведение криминологической экспертизы проектов нормативных правовых актов Президента Республики Беларусь осуществляется перед их внесением в установленном порядке на рассмотрение Главы государства после их согласования с заинтересованными государственными органами и иными организациями и до проведения обязательной юридической экспертизы.

В отношении проектов нормативных правовых актов, внесенных на рассмотрение Президента Республики Беларусь, обязательная юридическая экспертиза проводится главным государственно-правовым управлением Администрации Президента Республики Беларусь (абз. 2 ч. 2 п. 1 ст. 47 Закона). Министерство юстиции Республики Беларусь проводит их согласование (подп. 6.4 п. 6 Положения о Министерстве юстиции Республики Беларусь, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 31 октября 2001 г. № 1605).

Вместе с тем в ходе проведения криминологических экспертиз нередко выявляются случаи, когда после осуществления согласования с государственными органами, в том числе с Министерством юстиции Республики

Беларусь, в проектах нормативных правовых актов Президента Республики Беларусь усматриваются: несогласованность с действующим законодательством; непоследовательность и незавершенность изложения нормативного материала; противоречия как внутри проекта правового акта, так и с учетом совокупности с другими нормативными правовыми актами; неполнота правового регулирования; употребление неоднозначной и неединообразной терминологии; несоблюдение иных нормотворческих требований.

В качестве примера ненадлежащей подготовки проектов указов, поступающих для проведения криминологической экспертизы, можно назвать проект Указа Президента Республики Беларусь «О признании задолженности безнадежным долгом и ее списании», который был подготовлен в целях совершенствования регулирования отношений при признании задолженности безнадежным долгом и ее списании с учетом практики применения Указа Президента Республики Беларусь от 13 июня 2008 г. № 329 «О некоторых вопросах признания задолженности безнадежным долгом и ее списания».

Абзацем 5 подп. 1.2 п. 1 проекта Положения о признании задолженности безнадежным долгом и ее списании (далее — проект Положения) предлагалось списывать задолженность белорусских организаций, в том числе в случае отсутствия оснований, предусмотренных законодательными актами, для привлечения собственников имущества организации, ее учредителей (участников) к субсидиарной ответственности.

Вместе с тем, например, в соответствии с п. 25 Положения о ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования, утвержденного Декретом Президента Республики Беларусь от 16 января 2009 г. № 1, к субъектам, солидарно несущим субсидиарную ответственность отнесены в том числе и председатель ликвидационной комиссии (ликвидатор), допустившие нарушения требований законодательных актов, регулирующих порядок ликвидации юридического лица, в результате которых юридическое лицо было исключено из Единого государственного регистра юридических лиц и индивидуальных предпринимателей без применения процедуры экономической несостоятельности (банкротства) по обязательствам ликвидированного юридического лица в размере неудовлетворенных требований кредиторов. Нормой п. 2 ст. 65 Гражданского кодекса Республики Беларусь предусмотрено, что при преобразовании хозяйственного товарищества в хозяйственное общество каждый полный товарищ, ставший участником (акционером) общества, в течение двух лет несет субсидиарную ответственность всем своим имуществом по обязательствам, перешедшим к обществу от товарищества. Отчуждение бывшим товарищем принадлежавших ему долей (акций) не освобождает его от такой ответственности.

Таким образом, норма абз. 5 подп. 1.2 п. 1 проекта Положения не согласовывалась с нормами Положения о ликвидации (прекращении деятельности) субъектов хозяйствования, утвержденного Декретом Президента Республики Беларусь от 16 января 2009 г. № 1, Гражданского кодекса Республики Беларусь, для целей списания задолженности необоснованно сужала круг

субъектов гражданско-правовой ответственности, предусмотренной законодательными актами.

Исключение из правового регулирования надлежащих субъектов правовых отношений могло повлечь за собой принятие решения о списании задолженности без применения необходимых мер по привлечению к субсидиарной ответственности лиц ее несущих, неисполнение обязательств по уплате платежей в бюджет, что создавало благоприятные условия для мотивации противоправного поведения, возникновения коррупционных соглашений с целью избежать выполнения обязанности субсидиарного должника по погашению задолженности.

С позиции криминологической экспертизы вышеуказанный недостаток рассматривался в качестве риска криминогенного характера, связанного с созданием условий для злоупотребления правом должностными лицами государственных органов.

Приведенный пример свидетельствует о некачественной подготовке некоторых проектов указов, представленных для проведения криминологической экспертизы, в части несоответствия их другим актам более высокой или равной юридической силы, необоснованности, противоречивости правового регулирования, иной дефектности правовых норм.

При этом полагаем, что при формировании системно согласованного правового регулирования криминологическая экспертиза не может и не должна выполнять функции юридической экспертизы.

В соответствии с ч. 1 п. 2 ст. 47 Закона основными критериями оценки проекта нормативного правового акта при проведении обязательной юридической экспертизы являются: соответствие Конституции Республики Беларусь, нормативным правовым актам Президента Республики Беларусь, законам и иным нормативным правовым актам большей юридической силы; совместимость с нормативными правовыми актами одинаковой юридической силы по отношению к проекту нормативного правового акта; соблюдение требований нормотворческой техники; соответствие международным договорам и иным международно-правовым актам и т. д.

Кроме того, необходимо отметить, что с 15 марта 2022 г. указы Президента Республики Беларусь не должны противоречить законам (ч. 2 ст. 85 Конституции Республики Беларусь).

С учетом изложенного, требование об оценке предлагаемых норм в совокупности с другими нормативными правовыми актами является особо актуальным для целей проведения криминологической экспертизы, поскольку в случае выявления указанных несоответствий и противоречий, нормы проекта нормативного правового акта могут быть признаны криминогенно опасными.

Критериями оценки проекта нормативного правового акта при проведении криминологической экспертизы в связи с несоответствием проекта нормативного правового акта действующему законодательству, создающего возможность произвольного выбора норм, будут являться: дискреционность (свобода усмотрения) полномочий государственных органов и иных органи-

заций (должностных лиц), которая выражается в возможности злоупотребления правом; неопределенность и несбалансированность интересов, прав и обязанностей субъектов правоотношений, а также порядка их реализации и исполнения, которые обеспечиваются соблюдением баланса законных интересов участников правоотношений, в том числе и посредством исключения взаимопротиворечащих норм и т. п.

В этой связи следует обратить внимание и на зарубежный опыт стран Содружества Независимых Государств. Например, в России, Узбекистане и других странах специализированное исследование, направленное на выявление коррупционных факторов, проводится в том числе в рамках правовой (юридической) экспертизы [2, с. 7].

Безусловно, как отмечает Н. П. Алешковой, подвергающиеся антикоррупционной экспертизе правовые акты должны одновременно проверяться на их соответствие законодательству. В противном случае у эксперта не будет полного представления о качестве данного правового акта, и, следовательно, невозможно будет составить объективное и полное заключение по результатам его экспертизы [3, с. 25].

Не менее важное значение для целей проведения криминологической экспертизы имеет необходимость соблюдения требований нормотворческой техники при подготовке проектов нормативных актов.

Основными требованиями нормотворческой техники в соответствии со ст. 28 Закона являются в том числе следующие: полнота правового регулирования нормативным правовым актом соответствующих общественных отношений (обеспечивается комплексным регулированием общественных отношений, относящихся к предмету правового регулирования этого акта, исключая пробелы в правовом регулировании и излишние отсылочные и бланкетные нормы, точным определением предмета правового регулирования, а также субъектов, на которых распространяется его действие); единство терминологии в законодательстве, единообразие и однозначность терминологии нормативного правового акта (обеспечивается недопущением закрепления полномочий, предусматривающих наделение нескольких нормотворческих органов (должностных лиц) правами и обязанностями по решению аналогичных вопросов и т. п.).

Несоблюдение указанных требований влечет за собой неопределенность правовых предписаний, которая является определяющим (основным) критерием для оценки содержания норм проектов нормативных правовых актов на предмет выявления недостатков, влекущих возникновение рисков криминогенного характера, связанных с несоответствием методов и способов правового регулирования сфере и предмету правового регулирования, его целям и принципам, отсутствием компетенции нормотворческого органа, неустановлением четких пределов реализации нормотворческих полномочий, в том числе для ведомственного и локального нормотворчества, необоснованным использованием бланкетных, отсылочных норм и оценочных понятий, выступающих в качестве оснований или условий возникновения или прекращения правоотношений, а также наличием пробелов и иных

предпосылок, снижающих возможность применения норм согласно целям правового регулирования.

Заключение

Проведенное исследование позволяет прийти к выводу, что институт юридической экспертизы имеет особое значение для оценки потенциальной криминогенности положений проектов нормативных правовых актов.

Полагаем, что проведение юридической экспертизы проектов нормативных правовых актов Президента Республики Беларусь до криминологической экспертизы поможет создать надлежащие условия для реализации основной задачи криминологической экспертизы по объективному и всестороннему прогнозированию возможности возникновения рисков криминогенного характера в процессе применения указанных нормативных правовых актов, усовершенствует работу по предупреждению (профилактике) правонарушений, поможет улучшить ее качество, позволит сократить сроки подготовки нормативных правовых актов и оптимизирует нормотворческий процесс.

Список цитированных источников

1. Кузуров, Д. В. Актуальные вопросы нормотворческой деятельности в Республике Беларусь : по сост. на 01.04.2012 [Электронный ресурс] / Д. В. Кузуров // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2023.

2. Рочева, Е. А. Правовые основы организации и проведения криминологической (антикоррупционной) экспертизы в странах Содружества Независимых Государств. Объект и субъект проведения экспертизы (часть 3) : по сост. на 26.05.2015 [Электронный ресурс] / Е. А. Рочева // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2023.

3. Алешкова, Н. П. Антикоррупционная экспертиза проектов нормативных правовых актов как обязательная часть качественного правотворческого процесса / Н. П. Алешкова // Рос. юстиция. — 2012. — № 10. — С. 25.

Аннотация. В статье рассматривается значимость выводов обязательной юридической экспертизы для целей проведения криминологической экспертизы проектов указов Президента Республики Беларусь.

Результаты проведенного исследования показывают, что процедура подготовки нормативных правовых актов Президента Республики Беларусь может быть усовершенствована в целях повышения эффективности и качества издаваемых нормативных правовых актов, объективного и всестороннего прогнозирования возможности возникновения рисков криминогенного характера в процессе их применения.

ON SOME ISSUES OF NORM-SETTING ACTIVITIES IN THE FIELD OF CRIME PREVENTION

Oleinik A. V.

Keywords: rule-making activity, criminological expertise, risks of a criminogenic nature, obligatory legal expertise.

Abstract. The article deals with the findings of mandatory legal expertise for the purposes criminological expertise of draft decrees of the President of the Republic of Belarus.

The results of the conducted research show that the President of the Republic of Belarus can be improved in order to improve the efficiency and quality of the issued normative legal acts, objective and comprehensive forecasting of the possibility of criminogenic risks in the process of their application.

УДК 347

ВОЗВРАТНЫЙ ЛИЗИНГ КАК ВОЗМОЖНЫЙ СПОСОБ УХОДА ОТ НАЛОГОВ

Судник Т. В.

Ключевые слова: возвратный лизинг, предмет лизинга, лизингодатель, лизингополучатель, лизинговые платежи, налоги, уклонение от налогообложения

Введение

Возвратный лизинг представляет собой эффективный способ привлечения в организацию дополнительных средств, что в настоящее время весьма актуально. Его эффективность связана с очевидными преимуществами для всех участников лизинговой сделки по сравнению с другими вариантами привлечения денежных средств.

Основная часть

В современных экономических условиях инвестиционные потребности организаций не могут в полном мере удовлетворяться исключительно за счет собственных ресурсов и банковских кредитов. В Республике Беларусь возвратный лизинг как один из видов финансовой аренды (лизинга) приобретает все большее распространение и значение, поскольку в настоящее время многие организации страны нуждаются в пополнении оборотных средств. Использование возвратного лизинга поможет отдельным организациям решить проблемы, связанные с их финансовым положением.

Понятие возвратного лизинга содержится в таких международных документах, как: Конвенция о межгосударственном лизинге (заключена в г. Москве 25 ноября 1998 г.), Концепция развития лизинга сельскохозяйственной техники, машин и механизмов в государствах — участниках СНГ, утвержденная Решением Экономического совета СНГ (принято в г. Москве 3 декабря 2004 г.), и Соглашение о создании благоприятных правовых, эко-

номических и организационных условий для расширения лизинговой деятельности в Содружестве Независимых Государств (заключено в г. Москве 12 октября 2005 г.). В национальном законодательстве такое понятие закреплено в Правилах осуществления лизинговой деятельности, утвержденных постановлением Правления Национального банка Республики Беларусь от 18 августа 2014 г. № 526.

По мнению большинства исследователей, белорусским производителям и предпринимателям нужно создать такие условия, при которых они стремились бы развивать данный вид деятельности. Для этого следует в первую очередь разрабатывать и внедрять методики планирования возвратного лизинга на отечественных предприятиях. Ведь именно такие мероприятия будут содействовать реальным инвестициям в экономику и повышать эффективность возвратного лизинга в Республике Беларусь.

В зарубежных странах опыт применения возвратного лизинга насчитывает не одно десятилетие. В частности, страны Евразийского экономического союза на протяжении многих лет успешно практикуют возвратный лизинг и тем самым обеспечивают гибкость в финансовых взаимоотношениях участников рынка. Схема возвратного лизинга активно используется большим количеством компаний в самых разных отраслях. Например, авиационные компании с целью сокращения долговой нагрузки часто продают собственные самолеты лизинговой компании по указанной схеме.

В Республике Беларусь механизм возвратного лизинга представляет интерес для организаций, которые имеют максимальную эффективность производства и заинтересованы в расширении своего бизнеса. Используя по прямому назначению свои средства производства, проданные лизингодателю, продавец и он же лизингополучатель, с одной стороны, зарабатывает деньги за счет ведения своей производственной деятельности, с другой — имеет дополнительные средства, полученные от лизингодателя, которые может направить на развитие своей компании.

С экономической точки зрения возвратный лизинг отличается от других его видов. Это, скорее, не форма финансирования инвестиций, а рефинансирование, имеющее целью не совершение новых инвестиций, а закрытие разрывов в финансовых потоках. По своей логике возвратный лизинг обычно сопровождается обратным выкупом, т. е. ограничивается чисто финансовыми операциями, не влекущей за собой реальное движение активов [1, с. 76].

По договору возвратного лизинга лизингополучатель является одновременно продавцом предмета лизинга, т. е. имущество, приобретенное лизингодателем у первоначального собственника по договору купли-продажи, затем передается в рамках лизингового договора этому же собственнику, который выступает уже в роли лизингополучателя. Возвратный лизинг является финансовым инструментом, который можно использовать как альтернативу банковскому кредиту. Зачастую операция возвратного лизинга имеет преимущество по отношению к кредитному финансированию, и, как правило, она применяется в ситуации, когда субъекту хозяйствования необходимо получить денежные средства на решение возникших у него времен-

ных трудностей. При этом продавец-лизингополучатель сразу же получает выручку от продажи имущества покупателю-лизингодателю, сохраняя право на его использование [2, с. 102].

Помимо сказанного, важными преимуществами возвратного лизинга для субъекта хозяйствования являются:

- привлечение денежных средств за счет продажи имущества при сохранении права пользования этим имуществом;

- отсутствие расходов на поставку, монтаж предмета лизинга;

- отсутствие необходимости проверять техническое состояние предмета лизинга;

- отсутствие риска невыполнения продавцом обязательства по передаче предмета лизинг;

- наличие возможности оптимизировать налогообложение:

- лизинговые платежи можно отнести к расходам организации, что позволяет уменьшить налогооблагаемую базу;

- для объекта лизинга действует ускоренная амортизация, что существенно уменьшает размер налога на прибыль;

- налог на добавленную стоимость, присутствующий в лизинговых платежах, является зачетным;

- по окончании срока лизинга предмет лизинга переходит обратно в собственность организации, и налог на недвижимость платится с остаточной стоимости либо вообще не платится в случае, если полностью амортизируется.

Сделки, связанные с возвратным лизингом, привлекательны с точки зрения налогообложения, однако не всегда экономически оправданны и в отдельных случаях сопровождаются получением необоснованной налоговой выгоды.

Реальная цель сделки возвратного лизинга заключается в привлечении субъектами хозяйствования денежных средств для расширения своей деятельности или для финансирования текущей деятельности. Оптимизация налогов является вторичным фактором при заключении такой сделки, т. е. ее следствием.

В российской практике выделяются два факта, сдерживающих развитие возвратного лизинга и использование его большим количеством хозяйствующих субъектов. Во-первых, это отсутствие полноценной законодательной базы, регулирующей сделки возвратного лизинга. Во-вторых, проблемой, вытекающей из недостаточной проработанности законодательной базы по данному типу лизинговых операций, возникшей в практике применения возвратного лизинга российскими компаниями, выступают риски, связанные с налогообложением операций [3, с. 1321]. Вместе с тем на практике существуют попытки придать договору возвратного лизинга роль инструмента налоговой минимизации. Так, имеются случаи, когда сделка возвратного лизинга «прикрывает» истинную волю участников возвратного лизинга, поскольку лизингополучатель реально не нуждается во владении и пользовании имуществом, получаемым в лизинг. Основной целью данной сделки

является уменьшение размера налоговых обязательств, которое приводит к неуплате причитающихся сумм налогов. Иного экономического смысла в сделке фактически нет, к тому же в этих сделках участвуют взаимозависимые лица. Со стороны налоговых органов уделяется пристальное внимание факту, связанному с наличием в сделках возвратного лизинга признаков недобросовестности плательщиков налогов.

В качестве общих признаков недобросовестности можно выделить:

- подписание всех договоров в один день;
- поступление предмета лизинга к лизингополучателю раньше заключения договора лизинга;
- отсутствие предпринимательской деятельности у лизингодателя;
- чрезмерно короткий срок лизинга по сравнению со сроком эксплуатации оборудования;
- лизингодатель и лизингополучатель взаимозависимые (аффилированные) лица;
- осуществление расчетов по лизинговым платежам в неденежной форме (вексель, взаимозачеты и т. п.);
- отсутствие документов на совершение лизинговых операций и др. [4, с. 121].

Также к одним из признаков недобросовестности можно отнести наличие отклонений в части стоимости имущества, передаваемого в лизинг, в меньшую или большую сторону. Так, возвратный лизинг, при котором имущество, проданное лизингополучателем, предоставляется ему в лизинг, может использоваться субъектами хозяйствования как способ ухода от налогов, поскольку позволяет лизингополучателю минимизировать налогообложение дважды: за счет сниженной цены продажи имущества, которое будет передано ему в лизинг, и завышенной цены договора лизинга, что будет негативно отражаться на доходах государственного бюджета в виде недополученных налоговых поступлений.

Важным элементом схем уклонения от налогообложения при возвратном лизинге является неадекватный и невзаимоувязанный размер обязательств сторон сделки, содержащий стоимостные перекосы за счет необоснованно большого дохода (прибыли) лизингодателя, включенного в стоимость предмета лизинга, и (или) вознаграждения лизингодателя по сравнению с ценой, по которой предмет лизинга был продан лизингодателю.

Следовательно, получается, что некоторые субъекты хозяйствования могут принимать участие в сделке возвратного лизинга исключительно с целью снижения уплачиваемых налогов в бюджет.

Налоговыми органами предпринимаются попытки для борьбы с фиктивными лизинговыми схемами, проделывается довольно большая работа по сбору и доказательству фактов, указывающих на фиктивность операций возвратного лизинга, но как показывает практика, суды часто встают на сторону субъектов хозяйствования по причине недостаточности доказательств, подтверждающих, что целью сделки возвратного лизинга являлось получение необоснованной налоговой выгоды. Суды исходят из того, что

указанные операции законны, имеют разумные хозяйственные мотивы и соответствуют действительному экономическому смыслу возвратного лизинга, а деловая цель таких операций очевидна: получение дополнительных средств для развития бизнеса и возврата долгов, не прибегая к банковскому кредиту. В судебной практике Российской Федерации в начале двухтысячных годов было рассмотрено множество исков от налоговой службы по сделкам возвратного лизинга. Попытка признать подобные соглашения не отвечающими требованиям законодательства редко увенчивалась успехом для налоговых органов, поскольку правовые основы лизинга утверждены гражданским законодательством, а также отсутствует ограничение на возможность совпадения двух ролей (продавца и лизингополучателя) в рамках одного договора.

Заключение

С целью решения проблем, связанных с осуществлением субъектами хозяйствования схем ухода от налогов при возвратном лизинге, предлагается закрепить на уровне актов законодательства механизмы, позволяющие минимизировать указанные риски, например, путем определения порядка формирования стоимости предмета возвратного лизинга в части установления предельного размера дохода (прибыли) лизингодателя, привязки вознаграждения лизингодателя к размеру инвестиционных расходов и т. п.

Разработка данного порядка позволит: устранить субъектов хозяйствования, использующих вышеуказанные схемы, и пробелы в законодательстве, провоцирующие таких субъектов на совершение налоговых правонарушений и преступлений; исключить злоупотребления и недобросовестную практику на рынке лизинговых услуг; обеспечить условия функционирования гармоничных налоговых отношений государства и предпринимательского сектора.

Список использованных источников

1. Овсейко, С. С. Возвратный лизинг: юридическая форма, бухгалтерский и налоговый учет / С. С. Овсейко // Главный бухгалтер. — 2017. — № 22. — С. 76–78.
2. Штеле, Е. А. Эффективность возвратного лизинга как источник финансирования: практические и теоретические аспекты применения / Е. А. Штеле, К. О. Кондаурова // Вестник Сибирского института бизнеса и Информационных технологий. — 2016. — № 3 (19). — С. 101–106.
3. Федулова, Е. А. Организационно-экономические аспекты обоснования концепции развития возвратного лизинга в Российской Федерации / Е. А. Федулова, Н. А. Вакутин // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2017. — № 7. — С. 1320–1332.
4. Попов, А. Н. Проблемы налогообложения лизинговых операций в России / А. Н. Попов, Н. Н. Попова // Пробелы в российском законодательстве. — 2010. — № 4. — С. 120–122.

5. Кравчук, С. В. Возвратный лизинг — эффективный инструмент выхода из кризиса [Электронный ресурс] / С. В. Кравчук // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2023.

6. Новикова, С. И. Разбираем ситуацию: возвратный лизинг с выкупом — есть ли льгота по НДС, если лизингополучателем является физическое лицо [Электронный ресурс] / С. И. Новикова // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2023.

7. Рябченко, А. Н. Денег лишних не бывает, или возвратный лизинг [Электронный ресурс] / А. Н. Рябченко, Л. А. Скопп // Консультант Плюс: Беларусь. Технология Проф ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2023.

8. Кокурин, А. В. Возвратный лизинг, аргументы «за» / А. В. Кокурин // Российское предпринимательство. — 2010. — № 2 (1). — С. 61–66.

9. Вакутин, Н. А. Налоговые аспекты развития возвратного лизинга как инструмента управления корпоративными финансами / Н. А. Вакутин // Вестник КемГ У. — 2019. — № 4 (1). — С. 50–54.

Аннотация. В статье рассмотрена сущность возвратного лизинга, его отличительные особенности и экономический смысл. Выделена основная проблема ухода от налогообложения с использованием данного финансового инструмента, а также представлены предложения по совершенствованию национального законодательства с целью устранения схем по уклонению от налогов.

RETURN LEASING AS A POSSIBLE WAY TO AVOID TAXES

Sudnik T. V.

Keywords: leaseback, leased asset, lessor, lessee, lease payments, taxes, tax evasion.

Abstract. The article considers the essence of leaseback, its distinctive features and economic meaning. The main problem of tax evasion using this financial instrument is highlighted, and proposals are presented for improving national legislation in order to eliminate tax evasion schemes.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БАЛАНСА ПУБЛИЧНЫХ И ЧАСТНЫХ ИНТЕРЕСОВ КАК ОСНОВА КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ И РАЗВИТИЯ КОНКУРЕНЦИИ

Трипузова А. А.

Ключевые слова: Конституция, публичные и частные интересы, баланс интересов, конституционно-правовая защита, развитие конкуренции, монополистическая деятельность

Введение

Уровень экономического развития государства, особенно в условиях экономических санкций, во многом зависит от эффективности конституционно-правовой защиты и развития конкуренции, при регулирующем воздействии государства на соответствующие отношения в целях обеспечения важнейших публичных интересов. В Директиве Президента Республики Беларусь от 31 декабря 2010 г. № 4 «О развитии предпринимательской инициативы и стимулировании деловой активности в Республике Беларусь» в качестве главного принципа закреплено положение: конкуренция — везде, где возможно, государственное регулирование — там, где необходимо. Согласно п. 1 Декрета Президента Республики Беларусь от 23 ноября 2017 г. № 7 «О развитии предпринимательства» взаимодействие государственных органов, иных государственных организаций, их должностных лиц с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями основывается на принципах презумпции добросовестности субъектов хозяйствования; саморегулирования бизнеса и минимизации вмешательства государственных органов, их должностных лиц в предпринимательскую и иную экономическую деятельность субъектов хозяйствования.

Конституционно-правовые аспекты соотношения публичных и частных интересов освещались в трудах судей Конституционного Суда Республики Беларусь П. П. Миклашевича, Т. В. Вороновича, С. Е. Данилюка и др.; судей Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькина, Н. С. Бондаря, Г. А. Гаджиева; ученых Т. Т. Алиева, А. А. Кондрашева, И. В. Преснякова, Ю. А. Тихомирова и др.

Однако в доктрине конституционного права остаются недостаточно раскрытыми вопросы обеспечения баланса публичных и частных интересов в качестве основы конституционно-правовой защиты и развития конкуренции.

Исследование очерченного вопроса и стало целью данной статьи.

Основная часть

Конституционно-правовая защита конкуренции в самом общем виде включает противодействие монополистической деятельности и не-

добросовестной конкуренции, а развитие конкуренции предполагает конституционно-правовую поддержку конкуренции [1, с. 130–131].

В юридической литературе отмечается, что, регулируя экономические отношения, публичная власть преследует различные цели: как защиту интересов общества в целом, а равно защиту прав потребителей, так и защиту предпринимателей друг от друга. При этом, естественно, публичная власть вынуждена прибегать к ограничениям прав субъектов экономической деятельности, в том числе конституционных [2, с. 14]. В то же время такое ограничение будет отвечать целям конституционно-правовой защиты и развития конкуренции лишь при обеспечении соответствующего баланса публичных и частных интересов.

Установление оптимального баланса публично-правовых и частноправовых интересов в сфере конкуренции имеет ключевое значение не только для развития экономических отношений, но и для обеспечения гражданского согласия и достижения общественного благополучия в целом. В свою очередь, поддержание должного и социально одобряемого баланса интересов человека, общества и государства возможно лишь на основе соблюдения конституционных принципов и норм и нахождения справедливого равновесия между конституционными правами и обязанностями всех граждан [3, с. 167].

Исследование данных вопросов требует краткого рассмотрения содержательной сущности этих базовых категорий.

Понятия «публичный интерес», «частный интерес», «баланс интересов» не раскрываются в законодательстве, а получают осмысление в рамках доктринальных исследований и решениях Конституционного Суда Республики Беларусь (далее — Конституционный Суд). Наличие или отсутствие баланса интересов выступает в качестве критерия, применяемого достаточно широко также в практике судов общей юрисдикции для оценки поведения субъектов хозяйствования, содержания договора, включая сущность взаимных обязательств сторон и др.

Под частными интересами в научной литературе понимают совокупность интересов физических и юридических лиц, а под публичным интересом — признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит условием и гарантией ее существования и развития, взаимообусловленные интересы общества и государства, которым в конкретный исторический момент времени придается нормативное содержание [4, с. 65].

При этом отметим дискуссионность понятия «публичный интерес».

Так, белорусский конституционалист Е. С. Данилюк одним из наиболее удачных определений публичного интереса считает дефиницию, предложенную Ю. А. Тихомировым, согласно которой «публичный интерес — это «признанный государством и обеспеченный правом интерес социальной общности, удовлетворение которого служит условием и гарантией ее существования и развития» [5, с. 55].

Однако, по мнению российских исследователей А. А. Кондрашева и В. В. Терешковой, «из данного определения не совсем понятно, каким об-

разом частные интересы преобразуются в публичные и есть ли место в этой системе самостоятельным государственным интересам». Ученые полагают неправильным сводить публичный интерес к государственному, отмечая, что государственные интересы должны отражать интересы общества, учитывая, что собственно государственных интересов не существует [6, с. 55].

В свою очередь, заслуженный юрист Республики Беларусь Т. В. Воронович одним из основополагающих конституционных принципов, на котором должно основываться правовое регулирование общественных отношений, называет обеспечение такого баланса между публичными и частными интересами, когда публичные интересы включают в себя потребности, от которых зависит существование и развитие общества, а частные интересы признаются и гарантируются государством [7, с. 55].

На основании изложенного можно сделать вывод о важности применения данного подхода при государственном регулировании конкуренции, для ее конституционно-правовой защиты и развития.

Значимость обеспечения государством баланса частных и публичных интересов, защиты конкуренции признавал еще Г. Ф. Шершеневич, указывая, что «юридическое предположение свободной конкуренции заключается в институте частной собственности и свободе договора. Торговые предприятия, чтобы успешно бороться на почве соперничества, должны быть свободны в соглашениях по вопросу о средствах борьбы и обеспечены в твердости и исполнении таких соглашений. С другой стороны, борьба возможна лишь при том условии, если государство обеспечивает за каждым торговым предприятием произведенные им продукты и приобретенные им товары.» [8, с. 108].

Однако при отсутствии эффективных конституционно-правовых механизмов противодействия монополистической деятельности отдельные субъекты хозяйствования получают возможность диктовать условия реализации товаров, создавать входные барьеры на товарный рынок, ценовую дискриминацию, заключать антиконкурентные соглашения. Подобные действия, как обоснованно указывают исследователи, ведут к неоправданному росту цен, увеличению издержек обращения, расходам бюджета, и, как правило, к падению эффективности экономики [9, с. 377].

Таким образом, свобода конкуренции также имеет свои пределы осуществления, данная свобода не является абсолютной. Она может и должна быть ограничена государством для предупреждения (устранения) нарушения прав и законных интересов иных участников экономических отношений, в том числе потребителей, и необходимости защиты внутреннего рынка в интересах экономической безопасности.

Конституционный Суд в решении от 4 декабря 2013 г. № Р-862/2013 «О соответствии Конституции Республики Беларусь Закона Республики Беларусь «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» отметил, что законодатель при осуществлении правового регулирования экономических отношений должен исходить из обязанности государства поддерживать конкуренцию, противодействовать ее недопуще-

нию, ограничению, устранению со стороны государственных органов, иных организаций, предупреждать и пресекать монополистическую деятельность и недобросовестную конкуренцию.

Г. А. Гаджиев справедливо указывает, что в целях создания экономического публичного порядка государство вправе вводить ограничения основных экономических прав. Возможность несовпадения частных интересов субъектов хозяйствования с публичными — это реальность, которая продиктовала необходимость включения в Конституцию положений, определяющих конституционно-правовые рамки и возможности по ограничению экономических прав. Однако вмешательство государства в сферу экономики не должно быть чрезмерным [10, с. 74].

Конституционные основы защиты и развития конкуренции на основе принципа обеспечения баланса публичных и частных интересов в данной сфере определяются положениями Конституции Республики Беларусь, которые, гарантируя равенство различных форм собственности, свободу предпринимательства и равную защиту экономических прав и свобод (ст. 13), допускают ограничение прав и свобод личности (ст. 23).

Обеспечение справедливого баланса частных и публичных интересов зависит от определения оснований и пределов ограничения прав и свобод личности, а также правомерности установления запретов [7, с. 224].

О принципах и критериях, определяющих пределы ограничения конституционного права на конкуренцию, высказался Конституционный Суд в названном выше решении от 4 декабря 2013 г. № Р-862/2013, отметив, что «с учетом принципа пропорциональности правовые ограничения, какими бы ни были основания для их установления, должны обеспечивать должный баланс интересов граждан и государства. В то же время ограничения конституционных прав должны быть юридически допустимыми, социально оправданными, отвечать требованиям справедливости и являться адекватными, соразмерными и необходимыми для защиты других конституционно значимых ценностей. В случаях, когда конституционные нормы позволяют законодательно установить ограничения прав и свобод, эти ограничения не должны искажать реальную сущность конституционных прав и свобод.»

В целях ограничения избыточного влияния государства Конституцией Республики Беларусь установлены определенные требования и пределы ограничений и запретов, действующие в том числе в сфере конкурентных отношений.

Так, в силу ст. 23 Конституции Республики Беларусь ограничение прав, а соответственно и права на конкуренцию, допускается при наличии одновременно двух условий: только на уровне закона и в определенных целях: в интересах национальной безопасности, общественного порядка, защиты нравственности, здоровья населения, прав и свобод других лиц. Кроме того, конституционные нормы о государственном регулировании экономической деятельности в интересах человека и общества, обеспечении направления и координации государственной и частной экономической деятельности

в социальных целях (ст. 13) отражают приоритетность общественных интересов в регулировании конкурентных отношений.

Названные конституционные положения выступают универсальным инструментом установления баланса между принципами свободы экономической деятельности и ее государственного регулирования, что предполагает добросовестность субъектов хозяйствования, а также что действия государства по ограничению экономических прав и свобод, в том числе права на конкуренцию (свободу конкуренции), считаются оправданными при удовлетворении их требованиям, установленным в ст. 23 Конституции Республики Беларусь [1, с. 138–139].

В связи с этим подчеркнем, что в силу конституционного принципа справедливости свобода конкуренции должна быть уравновешена требованием к хозяйствующим субъектам, особенно занимающим доминирующее положение, ответственного отношения к правам и свободам всех, кого затрагивает такая деятельность. Данные требования обязаны обеспечиваться соответствующими антимонопольными ограничениями и запретами, однако их установление не может посягать на само существо конкуренции и экономических прав, приводить к утрате их реального содержания [1, с. 140]. Разделяем мнение белорусских цивилистов Н. Л. Бондаренко и **Ю. Г. Конаневича о том, что** поиск оптимального баланса государственных, общественных и частных интересов при регулировании взаимоотношений государства и субъектов хозяйствования может быть осуществлен только посредством эффективного правового регулирования [11, с. 36].

Обеспечение в государственном регулировании баланса интересов государства, общества и бизнеса (согласованность интересов) закреплён в качестве одного из ключевых принципов государственной политики Республики Беларусь в сфере развития малого и среднего предпринимательства. Для активизации частной предпринимательской инициативы, содействия стабильному росту эффективности предпринимательской деятельности и улучшения отраслевой структуры экономики предусматривается в том числе противодействие монополистической деятельности и формирование конкурентной среды (постановление Совета Министров Республики Беларусь от 17 октября 2018 г. № 743 «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства «Беларусь — страна успешного предпринимательства» на период до 2030 года»).

Известный российский конституционалист Г. А. Гаджиев отмечает, что конституционный принцип соразмерности (пропорциональности) содержит правила, запреты, адресованные прежде всего законодателю. Принципиальная возможность ограничения основных экономических прав обычно связывается со зрелостью, сознательностью предпринимателей, которые, обладая капиталом, собственностью, должны учитывать, что собственность не только дает право, но и порождает многочисленные обязанности перед обществом» [10, с. 73].

Конституционно-правовая защита конкуренции обеспечивается реализацией конституционных норм в антимонопольном законодательстве,

прежде всего в Законе Республики Беларусь от 12 декабря 2013 г. № 94-З (далее — Закон № 94-З) «О противодействии монополистической деятельности и развитии конкуренции» (в редакции Закона от 8 января 2018 г. № 98-З), а также в нормах, содержащихся в других актах законодательства, в том числе кодифицированных (гражданском, налоговом, уголовном кодексах, кодексе об административных правонарушениях), в постановлениях Правительства Республики Беларусь.

В свою очередь, на отраслевом уровне, защита конкуренции обеспечивается в том числе посредством установления антимонопольных запретов на злоупотребление хозяйствующим субъектом своим доминирующим положением; на ограничивающие конкуренцию соглашения, согласованные действия хозяйствующих субъектов; на такие соглашения, действия (бездействие) государственных органов и ограничивающих конкуренцию акты (ст. 18, 20, 21, 23 Закона № 94-З).

В целом антимонопольное законодательство считается ярким примером поиска разумного баланса между публичными и частными интересами. Обеспечение такого баланса имеет важное значение для дальнейшей конституционализации конкурентных отношений.

Например, в числе актуальных мер конституционно-правовой защиты и развития конкуренции в условиях цифровой экономики видится адаптация антимонопольного законодательства к цифровым инновациям, определение специальных критериев оценки и регулирования «цифровых рынков», а также разработка действенных правовых механизмов реагирования на «цифровые» антиконкурентные посягательства. При этом нужно адекватно оценивать баланс преимуществ и рисков, интересов государства, потребителей и бизнес-сообщества. Противодействие антимонопольным нарушениям, совершенным с использованием цифровых технологий, не должно препятствовать их эффективному использованию в бизнесе и экономике в целом.

Заключение

В заключение сформулируем следующие выводы.

1. Конституционно-правовая защита конкуренции предполагает обеспечение государством, законодателем и правоприменителем баланса публичных и частных интересов, которые должны гармонично сочетаться и уравновешиваться. В свою очередь, такой баланс интересов в сфере конкуренции предполагает учет интересов государства, хозяйствующих субъектов (их групп) и потребителей, что не исключает выделения особо значимых интересов, имеющих приоритетную защиту.

2. Гарантом реализации частных и публичных интересов в сфере конкуренции выступает государство.

3. Обеспечение справедливого баланса различных сил и интересов является необходимым условием развития конкурентной среды и осуществляется различными средствами и способами. Данный баланс достигается в том числе посредством установления правил поведения хозяйствующих субъектов на товарном рынке, антимонопольных запретов и правовых огра-

ничений для хозяйствующих субъектов и государственных органов, а также ответственности за их нарушение.

4. При установлении таких ограничений и запретов законодатель обязан обеспечивать баланс между конституционно защищаемыми ценностями, частными и публичными интересами на основе конституционных принципов соразмерности (пропорциональности), справедливости, социальной оправданности, а также требований допустимости и необходимости.

5. В целом при поиске справедливого баланса в рамках конституционно-правовой защиты и развития конкуренции необходимо учитывать в комплексе следующие конституционные ценности и установки: перечень публично значимых целей, закрепленных в ст. 23 Конституции Республики Беларусь; принцип свободы предпринимательской деятельности (соответственно, и свободы конкуренции); конституционный принцип социальной направленности регулирования экономической деятельности (ст. 13).

Список цитированных источников

1. Трипузова, А. А. Конституционные основы государственной политики в сфере противодействия монополистической деятельности и развития конкуренции в Республике Беларусь / А. А. Трипузова // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. — 2022. — № 3. — С. 130–155.

2. Очерки Конституционной экономики. 23 октября 2009 года / отв. ред. Г. А. Гаджиев. — М. : Юстицинформ, 2009. — 280 с.

3. Данилюк, Е. С. Баланс публично-правовых и частноправовых интересов / Е. С. Данилюк // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. — 2019. — № 3. — С. 151–169.

4. Дорохин, С. В. Денежные права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект / С. В. Дорохин. — М. : Волтерс Кливвер, 2006. — 136 с.

5. Тихомиров, Ю. А. Публичное право: учебник / Ю. А. Тихомиров. — М. : БЕК, 1995. — 496 с.

6. Кондрашев, А. А., Терешкова, В. В. Баланс частных и публичных интересов в контексте международных стандартов и конституционного законодательства Российской Федерации / А. А. Кондрашев, В. В. Терешкова // Государство и право. — 2018. — № 3. — С. 52–63. DOI: 10.31857/S013207690001513-6.

7. Воронович, Т. В. Конституционно-правовые аспекты обеспечения баланса частных и публичных интересов / Т. В. Воронович // Весн. Канстытуц. Суда Рэсп. Беларусь. — 2021. — № 1. — С. 210–226.

8. Шершеневич, Г. Ф. Курс торгового права / Г. Ф. Шершеневич. — М. : Статут, 2003. — Т. 2. — 543 с.

9. Тетеркина, А. М. Инструменты антимонопольного регулирования реализации эффективной финансовой политики / А. М. Тетеркина, В. М. Недвецкий [и др.] // Белорусская социально-экономическая модель: теория

и практика / под науч. ред. В. Г. Гусакова ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т экономики. — Минск : Беларуская навука, 2022. — С. 376–396.

10. *Гаджиев, Г. А.* Конституционные принципы рыночной экономики (Развитие основ гражданского права в решениях Конституционного Суда Российской Федерации). — М. : Юрист, 2002. — 284 с.

11. *Бондаренко, Н. Л.* Принципы равенства и баланса интересов как основные начала законодательства, регулирующего осуществление хозяйственной деятельности / Н. Л. Бондаренко, Ю. Г. Конаневич // Сборник научных статей. — Гродно: ГрГУ, 2020. — С. 31–39.

Аннотация. Статья посвящена проблематике обеспечения баланса публичных и частных интересов в качестве основы конституционно-правовой защиты и развития конкуренции. Базируясь на анализе положений Конституции Республики Беларусь, правовых позиций Конституционного Суда Республики Беларусь, нормативных правовых актов, научных взглядов, автор раскрывает роль и содержание конституционного принципа баланса публичных и частных интересов в сфере конституционно-правовой защиты и развития конкуренции, обосновывает его значимость для дальнейшей конституционализации конкурентных отношений, выделяет критерии достижения справедливого баланса указанных интересов. Аргументирует отдельные предложения, направленные на совершенствование антимонопольного законодательства.

ENSURING A BALANCE OF PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS AS A BASIS FOR CONSTITUTIONAL AND LEGAL PROTECTION AND DEVELOPMENT OF COMPETITION

Trypuzava A. A.

Keywords: Constitution; public and private interests; balance of interests; constitutional and legal protection, development of competition; monopolistic activity.

Abstract. The article is devoted to the problems of ensuring a balance of public and private interests as the basis for constitutional and legal protection and the development of competition. Based on the analysis of the provisions of the Constitution of the Republic of Belarus, the legal positions of the Constitutional Court of the Republic of Belarus, normative legal acts, scientific views, the author reveals the role and content of the constitutional principle of the balance of public and private interests in the field of constitutional and legal protection and development of competition, justifies its importance for the further constitutionalization of competitive relations, identifies criteria for achieving a fair balance of these interests. Argues for individual proposals aimed at improving antitrust laws.

УДК 343.711.61

ИНВЕСТИЦИИ КАК СПОСОБ ВОЗВРАТА НЕЗАКОННО ВЫВЕДЕННЫХ АКТИВОВ

Хахимов Т. Е.

Ключевые слова: возврат активов, инвестиции, международное право, преобразование, легализация, конвертирование

Введение

Возврат незаконно выведенных активов — проблемная сфера у государственного аппарата. На сегодняшний день в странах постсоветского пространства не имеется четкого и верного алгоритма процесса возврата, что обусловлено следующими основными причинами.

Во-первых, при возврате активов должна учитываться позиция иностранного государства, в юрисдикцию которого были незаконно выведены активы, в рамках международного права и законодательства иностранного государства. В большинстве случаев иностранное государство, в чью экономику были влиты эти активы, не изъявляет особого рвения вернуть эти средства. Вполне справедливо сторона иностранного государства на наши аргументы будет заявлять следующие контраргументы:

- 1) на самом ли деле активы были незаконно выведены, что потребует от нашей стороны предъявить неопровержимые и достоверные доказательства;
- 2) если активы были выведены незаконно, почему наше государство заблаговременно не установило барьеры для вывода активов из страны;
- 3) активы уже влиты в экономику иностранного государства и вывод этих средств одномоментно невозможен; как мы знаем, у каждого государства имеется свой бюджет, в котором по пунктам прописываются статьи расходов, при этом возврат активов не присматривается;
- 4) сторона иностранного государства не собирается возвращать активы, ссылаясь на отсутствие международного двухстороннего соглашения между государствами;
- 5) поступит предложение обратиться в международный суд, и в рамках международного процесса решить вопрос возврата или невозврата активов.

Во-вторых, в международном праве нет ни одного пакта, соглашения или конвенции, прямо регулирующей сферу возврата незаконно выведенных активов; имеются лишь международные документы, косвенно регулирующие подобного рода международных отношения, такие как Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» (Венская конвенция 1988 г.) [1, с. 1], 40 рекомендаций ФАТФ 1990 г. [2, с. 1], Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г. [3, с. 1], Международная конвенция по борьбе с финансированием терроризма 1999 г. [4, с. 1], Резолюция Совета Безопасности ООН № 1267 1999 г. [5, с. 1], Конвенция

ООН против транснациональной организованной преступности 2000 г. [6, с. 1], Резолюция Совета Безопасности ООН № 1373 2001 г. и Конвенция ООН против коррупции 2003 г. [7, с. 1]. Все указанные международные документы ратифицированы Республикой Казахстан.

В-третьих, отсутствие в законодательстве Республики Казахстан, равно как и Республики Беларусь, специального правового акта, регулирующего сферу возврата активов. В настоящее время имеется лишь Закон Республики Казахстан о возврате государству незаконно приобретенных активов от 12 июля 2023 г. № 21-VIII ЗРК. [8, с. 1]. Данный Закон в интересах нынешнего и будущего поколений казахстанцев регулирует общественные отношения по выявлению и возврату государству незаконно приобретенных активов в целях восстановления нарушенных прав народа Казахстана, обеспечения верховенства права, социальной справедливости, устойчивого экономического и социального развития Казахстана на благо его народа.

В-четвертых, политическая позиция Республики Казахстан на международной арене, участие Казахстана в тех или иных международных организациях либо ратификация тех или иных международных соглашений. Никому не секрет, что международная политическая система на современном этапе весьма нестабильна.

В-пятых, это уровень желаний и намерений самой политико-правовой системы Казахстана вернуть выведенные активы.

Основная часть

В дополнение к вышеуказанным задачам хотелось бы предложить следующее. Закон по возврату государству незаконно выведенных активов должен содержать конкретные детали механизма возврата, определение уполномоченного органа, на который будет возложен процесс возврата и который, в свою очередь, будет работать в тесном взаимодействии с финансовыми организациями, правоохранительными органами, министерством иностранных дел и посольствами (консульствами) Республики Казахстан. Закон должен содержать четкие полномочия и обязанности заинтересованных государственных органов, а также основания для взыскания. Закон должен обязывать уполномоченные государственные органы на взыскание (возврат) активов, если они были незаконно изъяты или переданы, например, путем мошенничества, коррупции, кражи, растраты или злоупотребления доверием и так далее (перечень не ограничен).

Кроме того, Закон о возврате активов должен содержать перечень активов для возврата, таких как деньги, имущество, акции, интеллектуальная собственность и др. (перечень также не ограничен).

В целом Закон о возврате незаконно выведенных активов должен быть направлен на создание правовой базы для возвращения активов, которые были незаконно выведены или переданы. Это может помочь обеспечить торжество справедливости и возможность восстановить контроль над своей собственностью законным владельцем.

Для решения указанных выше проблем имеется лишь ограниченное количество путей, одним из которых является преобразование незаконно

выведенных активов в инвестиции. Преобразование и легализация со стороны нашего и иностранного государства активов в реальные инвестиции позволит удовлетворить интересы всех сторон. Любое государство заинтересованно в привлечение иностранного капитала в качестве инвестиций. При преобразовании выведенных активов в инвестиции для Республики Казахстан не составит особого труда прийти к консенсусу с иностранным государством. Необходимо лишь выполнение единственного условия — доказать тот факт, что активы на самом деле принадлежат народу Казахстана. Данная мера позволит расширить возможности поэтапного возврата активов с дополнительными дивидендами.

Плюсы преобразования и легализации незаконно выведенных активов в инвестиции:

1. Развитие международных экономических отношений и экономическая интеграция, которая станет важнейшим вектором в международных экономических отношениях, активное стремление уменьшить барьеры для торговли и инвестиций в своих регионах на основе развития двухсторонних международных отношений.

2. Поэтапный возврат активов с дополнительной чистой прибылью. Поэтапное возвращение активов с дополнительной чистой прибылью относится к стратегии, которая предполагает поэтапное возвращение инвестиций или активов, а также получение дополнительной прибыли сверх первоначальных инвестиций. Этот подход возможно использовать в тех ситуациях, когда существует высокая степень неопределенности или риска, а потенциальная отдача от инвестиций неясна.

В таких случаях поэтапный подход позволяет инвесторам в лице Республики Казахстан отслеживать прогресс и корректировать свою стратегию по мере необходимости, одновременно сводя к минимуму их подверженность риску. Получая дополнительную прибыль сверх первоначальных инвестиций, увеличивается общая отдача от своих инвестиций и одновременно снижаются потенциальные убытки.

Существует несколько способов реализации стратегии поэтапного возврата активов с дополнительной чистой прибылью. Один из распространенных подходов заключается в инвестировании в серию небольших проектов с низким уровнем риска и постепенном увеличении инвестиций по мере того, как каждый проект оказывается успешным. Другой подход заключается в инвестировании в один проект, но структурировании инвестиций поэтапно.

В конечном счете, успех стратегии поэтапного возвращения активов с получением дополнительной чистой прибыли зависит от тщательного планирования, эффективного управления рисками и готовности адаптироваться по мере необходимости.

3. Оставление права на собственность (полную либо частичную) за Республикой Казахстан.

Предоставление государству права на полное или частичное владение активами означает, что правительство Республики Казахстан имеет законные

полномочия заявлять о праве собственности на эти активы в полной мере либо на часть. Это может относиться к различным объектам собственности, как к движимым, так и к недвижимым.

Полное владение означает, что государство имеет полный контроль над активом и может использовать его по своему усмотрению, без какого-либо вмешательства со стороны первоначального владельца (лица, незаконно выведившего активы). Частичное владение означает, что государство разделяет право собственности с первоначальным владельцем (лицом, незаконно выведившим активы) и с иностранным государством, и все три стороны имеют определенные права и обязанности в отношении активов.

Существуют различные причины, по которым правительство может принять решение воспользоваться правом собственности на активы. Одной из причин может быть обеспечение того, чтобы актив использовался на благо общества в целом, а не на благо небольшой группы отдельных лиц. Другой причиной может быть обеспечение устойчивого и ответственного управления важными ресурсами.

4. Долгосрочные партнерские отношения с иностранным государством.

Установление долгосрочного партнерства с иностранным государством может принести много преимуществ, таких как расширение экономического сотрудничества, расширение культурного обмена и укрепление дипломатических связей.

Заключение

С точки зрения практических соображений важно иметь четкое представление о целях и ожиданиях обеих сторон партнерства. Это включает в себя определение сферы партнерства, определение конкретных областей сотрудничества и установление показателей для измерения прогресса и успешности.

Наконец, важно иметь твердую приверженность сохранению партнерства в долгосрочной перспективе. Это включает в себя регулярное общение, постоянное сотрудничество и готовность преодолевать любые проблемы или неудачи, которые могут возникнуть.

Для преобразования выведенных активов в инвестиции необходимо Республике Казахстан посредством международного двухстороннего соглашения с иностранной стороной легализовать активы на праве собственности с долей участия иностранного государства, куда активы были выведены. Чтобы конвертировать активы в инвестиции, рассмотрим следующие способы:

определение своих инвестиционных целей: прежде чем инвестировать, необходимо определить свои инвестиционные приоритеты, такие как долгосрочные или краткосрочные инвестиции, инвестиции с высоким или низким уровнем риска, что поможет выбрать правильный инвестиционный инструмент, соответствующий целям;

диверсификация своих инвестиций в реальные секторы экономики. Диверсификация — это ключ к снижению рисков в инвестиционном портфеле. Вместо того чтобы вкладывать все активы в один инвестиционный инструмент, можно распределить инвестиции по разным активам, таким как акции, облигации, недвижимость и т. д.

Инвестиции в недвижимость могут быть хорошим инвестиционным инструментом для преобразования наших активов. Мы можем инвестировать в арендуемую недвижимость, коммерческую недвижимость или инвестиционные фонды недвижимости для получения пассивного дохода.

Инвестирование в акции может быть хорошим способом превратить наши активы в инвестиции. При этом важно проводить исследования и инвестировать в компании иностранного государства с хорошим послужным списком.

Инвестирование в облигации отличный вариант инвестирования с низким уровнем риска, который может обеспечить стабильный поток дохода. Инвестировать возможно в государственные или корпоративные облигации (с участием иностранного государства), которые предлагают фиксированную норму доходности.

Альтернативные инвестиции, такие как товары, производственное оборудование, могут стать еще одним способом превратить активы в инвестиции. Однако эти инвестиции часто сопряжены с высоким риском и требуют хорошего понимания рынка.

В заключение следует отметить, что преобразование наших активов в инвестиции для поэтапного возвращения требует тщательного планирования и исследований и затрагивает дипломатические, экономические, национальные и международно-правовые общественные отношения.

Список цитированных источников

1. Конвенция ООН «О борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ» (Венская конвенция) 1988 г.
2. 40 рекомендаций ФАТФ 1990 г.
3. Конвенция Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г.
4. Международная конвенция по борьбе с финансированием терроризма 1999 г.
5. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1267, 1999 г.
6. Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности (Палермская конвенция) 2000 г.
7. Резолюция Совета Безопасности ООН № 1373 2001 г. и Конвенция ООН против коррупции 2003 г.
8. О возврате государству незаконно приобретенных активов : Закон Респ. Казахстан от 12 июля 2023 г., № 21-VIII ЗРК.

Аннотация. Статья посвящена концептуально новому способу возврата активов, подразумевающая преобразование активов в инвестиции в рамках международного соглашения. Раскрыт процесс преобразования активов в инвестиции и их положительные стороны. Автор акцентирует внимание в каком направлении и в какой форме необходимо инвестиро-

вать активы с возможными рисками и преимуществами. Особое место в работе отводится нормотворческой деятельности Президента, Правительства Республики Казахстан и Президента и Правительства Республики Беларусь по вопросу регулирования нового рода общественных отношений по возврату незаконно выведенных активов. Также расписан перечень предполагаемых контраргументов иностранного государства при осуществлении процесса возврата.

INVESTMENTS AS A WAY TO RETURN ASSETS ILLEGALLY WITHDRAWN FROM ABROAD

Khakimov T. E.

Keywords: asset recovery, investment, international law, transformation, legalization, conversion.

Abstract. The article is devoted to a conceptually new method of asset recovery, implying the transformation of assets into investments within the framework of an international agreement. The process of converting assets into investments and their positive aspects is revealed. The author focuses on the direction and in what form it is necessary to invest assets with possible risks and benefits. A special place in the work is given to the rule-making activities of the President, the Government of the Republic of Kazakhstan and the President and the Government of the Republic of Belarus on the regulation of a new kind of public relations for the return of illegally withdrawn assets. There is also a list of alleged counter-arguments of a foreign state in the implementation of the return process.

УДК 342

ПРАВО ЧЛЕНОВ ПАРЛАМЕНТА БЕЛАРУСИ НА ЗАКОНОДАТЕЛЬНУЮ ИНИЦИАТИВУ: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ

Чмыга О. В.

Ключевые слова: законодательная инициатива, член Парламента, правовое регулирование, Беларусь

Введение

Существенную область в группе прав парламентариев, связанных с их деятельностью в рамках законодательного органа, занимает право на законодательную инициативу, ярко охарактеризованное еще в 1913 г. русским профессором Императорского Юрьевского Университета Л. А. Шалландом,

который, рассуждая о значимости властных полномочий некоторых должностных лиц, отмечал, что «...предоставление каких-либо особых прав носителям законодательной функции может быть оправдано только признанием за этой функцией преобладающего значения среди других» [1, с. 37]. Действительно, право на законодательную инициативу его субъектов (в том числе и членов Парламента) невозможно переоценить. Уверенно можно сказать, что в современном белорусском обществе в настоящий момент (прежде всего в электоральной среде) прослеживается четкий запрос на повышение активности деятельности членов Национального собрания Республики Беларусь (в том числе и в качестве субъектов права законодательной инициативы), поступательное совершенствование законодательства, правоприменительной практики в данной сфере. Данное обстоятельство объясняется тем, что несмотря на то, что «наше законодательство в последние десятилетия развивается динамично, причем в интересах всего народа. Это заставляет действовать без радикальных шагов, но поступательно, в русле современных тенденций» [1, с. 364], все еще существует некоторая пробельность национального нормативного массива в рассматриваемой сфере, а также практики его применения.

В связи с вышеизложенным в настоящей статье автором проанализированы особенности и порядок реализации права членов Парламента Беларуси на законодательную инициативу, определены некоторые направления совершенствования национального законодательства в данной сфере.

Основная часть

Определяя понятие права законодательной инициативы, согласимся с еще одним известным русским дореволюционным правоведом А. А. Алексеевым, который право законодательной инициативы («законодательного почина») отождествлял с правом уполномоченного субъекта вносить проект (предложение о разработке) законодательного акта на рассмотрение парламента» [3, с. 10].

В любом современном развитом государстве, как правило, в наиболее общем виде содержание права законодательной инициативы депутата включает в себя три элемента:

- 1) возможность депутата внести в представительный орган проект решения (закона) данного органа или предложение по изменению того или иного решения представительного органа;
- 2) возможность депутата требовать от руководства представительного органа включения проекта решения или нормотворческого предложения в повестку дня или представления мотивированного отказа, основанного на соответствующих нормах;
- 3) возможность депутата обратиться к уполномоченным органам за защитой нарушенных прав [4, с. 218].

Депутат Палаты представителей в качестве субъекта права законодательной инициативы указанное право в Республике Беларусь реализует посредством внесения в нижнюю палату Парламента проектов законов и постановлений Палаты представителей и поправок к ним, за исключением

случаев, установленных действующей Конституцией Республики Беларусь. Данное право может быть реализовано депутатами Палаты представителей как в индивидуальном, так и в коллегиальном порядке.

Примечательно, что данная белорусская парламентская традиция соответствует общемировой практике, поскольку «внесение законопроектов членами парламента — исторически наиболее распространенная практика (США, РФ, ФРГ, Мексика). Формально право внесения законопроекта осуществляется либо единолично членами парламента (что встречается все реже), либо группой депутатов, состоящей из фиксированного количественного состава либо процентного соотношения к числу депутатов всей палаты» [5, с. 94].

Следует отметить, что Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» содержит схожее с рассматриваемым термином понятие: нормотворческая инициатива, под которым в названном акте понимается официальное внесение субъектом нормотворческой инициативы в нормотворческий орган (должностному лицу) проекта нормативного правового акта или мотивированного предложения о необходимости принятия (издания), изменения, официального толкования, приостановления, возобновления, продления и прекращения действия нормативного правового акта (его структурных элементов). Данные категории нельзя считать равноценными в силу несоизмеримости их семантического объема. В этой связи Г. А. Василевич, комментируя указанные термины, отмечает: «Сопоставляя содержание исследуемых в законе понятий — законодательная инициатива и нормотворческая инициатива — можно отметить различие не только в видах проектов (закон или иной нормативный акт), органах, которым вносится проект (Парламент или иной орган), но и в том, что нормотворческая инициатива может быть выражена не только в виде внесения в соответствующий орган (должностному лицу) проекта, но и мотивированного предложения о необходимости принятия (издания), изменения, дополнения, толкования, приостановлении действия, признания утратившим силу, отмены нормативного правового акта либо его части» [6, с. 10–11].

Поскольку «понятие субъекта законотворчества охватывает как высшие представительные органы государственной власти, так и сам народ, который путем всенародного голосования (референдума) в установленном законом порядке, принимает нормативные правовые акты, обладающие высшей юридической силой» [7, с. 6], заметим, что в Республике Беларусь помимо депутатов Палаты представителей, право законодательной инициативы согласно действующей Конституции белорусского государства принадлежит Президенту, Совету Республики, Правительству, гражданам, обладающим избирательным правом, в количестве не менее 50 тысяч человек и реализуется в Палате представителей, а также Всебелорусскому народному собранию — значимому представительному коллегиальному органу народовластия Беларуси.

Таким образом, на том основании, что «круг субъектов права законодательной инициативы не может быть безграничным» [7, с. 15], перечень указанных лиц строго определен Основным Законом. Государственные и об-

щественные органы, не обладающие правом законодательной инициативы, или отдельные граждане могут вносить проекты законов в Палату представителей через органы и лиц, являющихся субъектами права законодательной инициативы. На наш взгляд, указанное обстоятельство хотя и имеет ограничивающий характер, но вполне оправданно, поскольку создание законов — достаточно сложный процесс, конечные результаты которого существенно влияют на наиболее значимые общественные отношения, возникающие в обществе и государстве.

В этой связи в Республике Беларусь любой субъект права законодательной инициативы, внесший проект закона, (разумеется, в том числе и депутат Палаты представителей) или уполномоченный им представитель вправе принимать участие в работе над проектом закона в Палате представителей и Совете Республики. В порядке, установленном Регламентом Совета Республики Национального собрания, субъект права законодательной инициативы, внесший проект закона, или его уполномоченный представитель обязаны присутствовать на заседаниях Совета Республики, постоянных комиссий Совета Республики при рассмотрении этого законопроекта, а также участвовать в его обсуждении, давать пояснения по отдельным его положениям. В случае же внесения в проект закона в Палате представителей изменений и (или) дополнений, за исключением изменений и (или) дополнений, которые носят технический характер, этот проект закона должен согласовываться с субъектом права законодательной инициативы, его внесшим.

Автору настоящей статьи представляется интересным и в некоторой степени применимым опыт легального закрепления права законодательной инициативы в ряде иностранных государств. Так, в зарубежной практике (к примеру, в Японии, Германии) «право законодательной инициативы, которым наделены депутаты, нередко ограничено такими условиями, как коллективный порядок подачи законопредложений» [8, с. 436].

В нашем государстве подобные ограничения не предусмотрены, хотя такая необходимость существует, поскольку как верно отметил Глава нашего государства А. Г. Лукашенко, «создание законов не терпит политиканства, лоббирования корыстных интересов и местничества» [9, с. 60]. Полагаем, что для того, чтобы уменьшить вероятность непродуманного внесения в Палату представителей наиболее важных для общества и государства законопроектов (к их числу отнесем, прежде всего, законопроекты, обремененные финансовыми условиями, то есть такие законопроекты, следствием принятия которых может быть сокращение государственных средств, создание или увеличение расходов) было бы целесообразно депутатам — инициаторам законопроектов — заручаться коллективной поддержкой своих коллег, например, депутатской группы, сформированной как по партийному признаку, так и без такового, либо не менее 5 % от состава Палаты представителей. Таким образом, уже на данной стадии можно выяснить, насколько данный законопроект является своевременным и необходимым, а субъектам права законодательной инициативы более взвешенно относиться к подобного рода законопроектам.

Разумеется, в силу того, что действующая в настоящее время Конституция Республики Беларусь предоставляет депутату Палаты представителей право действовать в качестве субъекта права законодательной инициативы на единоличной основе, соблюдение подобного правила должно быть добровольным. Мы уверенно можем прогнозировать, что данное предложение может быть успешно учтено при реализации права законодательной инициативы в Беларуси в ближне- и среднесрочной перспективе.

Кроме того, однозначно можно утверждать, что эффективность работы членов Парламента Беларуси в качестве субъектов права законодательной инициативы на современном этапе развития белорусского общества и государства находится в прямой зависимости от их систематической, методической и предельно внимательной работы с обращениями граждан. При этом в настоящее время не всегда комплекс средств и приемов, используемых народными представителями при работе со своим электоральным корпусом все еще является достаточным. Поэтому мы считаем, что для ведения максимально продуктивного открытого диалога со своим избирательным корпусом белорусские парламентарии помимо выездной работы обязаны использовать все доступные белорусскому избирателю технические средства. В частности, для этих целей всем членам Парламента Беларуси в ближнесрочной перспективе целесообразно было бы более активнее использовать возможности сети Интернет, посредством размещения в нем собственных официальных сайтов, диалоговых «форумов», «площадок», на которых необходимо не только вырабатывать общую с избирателями стратегию работы в Парламенте, но и детально обсуждать все значимые законотворческие инициативы.

Помимо сказанного, в ближайшей перспективе в Беларуси «необходимо научиться формулировать законы достаточно четко, с тем, чтобы позволить заинтересованным лицам — при необходимости с помощью юридической консультации — предвидеть с разумной для данных обстоятельств степенью определенности те последствия, которые может повлечь за собой конкретное действие» [10, с. 132]. Поэтому в силу того, что основным направлением деятельности парламентариев является законотворчество, на наш взгляд, было бы полезно в базовом Законе «О статусе депутата Палаты представителей, члена Совета Республики Национального Собрания Республики Беларусь» от 4 ноября 1998 г. в целях улучшения качества и полноты реализации права законодательной инициативы вменить указанным лицам в обязанность повышать их депутатскую квалификацию согласно профилю тех комиссий, членами которых они являются. В этой связи следует подчеркнуть, что подобная практика уже существует в ряде европейских стран. При этом, «в Австрии организация обучения депутатов — прерогатива партий и их учебных заведений, а в Италии курсы могут быть организованы общественными и частными организациями» [11, с. 266]. Значительно помочь в повышении квалификации членов Парламента Беларуси, полагаем, здесь может оказать Национальный центр законодательства и правовых исследований Республики Беларусь и / или Секретариат палаты Парламента (в Секретариате, полагаем, допустимо создание группы специалистов, за-

нимающейся соответствующей просветительской деятельностью). Иными словами, предлагаемая нами мера обусловлена необходимостью внесения белорусским народным избранником на рассмотрение палаты актуального на современном этапе, а также вполне зрелого и сбалансированного с точки зрения экономической целесообразности и правовой техники законопроекта. Названная законодательная новелла позволит также существенно уменьшить число невыверенных, подлежащих существенной доработке отдельных законопроектов, которые в настоящее время все еще поступают на рассмотрение в палату Парламента. Поэтому обобщая сказанное, мы в полной мере согласимся с мнением знаменитого русского дореволюционного ученого-правоведа П. И. Новгородцева, который еще в 1914 г. писал о том, что «составить законченный законопроект может только небольшая группа специалистов, знакомых с техникой законодательного дела. ... Искусство законодательной техники и обладание специальными юридическими познаниями всегда является принадлежностью немногих» [12, с. 130].

Все субъекты права законодательной инициативы, а, следовательно, и члены Парламента, в белорусском государстве реализуют данное право в рамках законотворческого процесса, урегулированного нормами соответствующего национального законодательства.

Следует отметить, что, как правило, в науке под термином «законотворческий процесс» понимают совокупность последовательно сменяющих друг друга стадий, посредством которых осуществляется законодательная деятельность уполномоченного на это государственного органа. При этом подходе условно выделяют четыре основные стадии законотворческого процесса: законодательная инициатива; рассмотрение проекта в уполномоченном органе; принятие закона; обнародование [13, с. 50]. Вместе с тем, наряду с вышеуказанным в науке существует и мнение о том, что законотворческий процесс наряду с официальной деятельностью законодательного органа включает в себя и деятельность по подготовке и обсуждению проектов законов до внесения их в порядке законодательной инициативы (в подобном обсуждении принимает не только законодательный орган, но и иные государственные органы и общественные организации) [13, с. 50–51].

Как правило, в двухпалатных парламентах «согласно основным законам ряда современных федераций и практике законодательного процесса, законопроект поступает обычно в нижнюю палату парламента (РФ) либо в любую из палат (Швейцария). Как исключение можно рассматривать ФРГ, где, наоборот, законопроект сначала направляется в Бундесрат, позволяя тем самым верхней палате, как органу представительства интересов земель, выразить свое отношение к данному документу» [5, с. 103]. Примечательно, что в США, к примеру, «в области законодательного процесса обе палаты формально равноправны. Однако Палата представителей первой рассматривает финансовые законопроекты и наделена правом выдвижения обвинения против президента США, а Сенат наделен дополнительными полномочиями в области рассмотрения международных договоров и правом объявления импичмента президенту» [5, с. 46].

В Беларуси же, функционирующей, как известно, в унитарной форме государственного устройства, реализация права законодательной инициативы его субъектами (в том числе и членами Парламента Беларуси) также осуществляется в рамках двухпалатного Парламента, а порядок реализации данного права достаточно детально закреплен в Регламенте Палаты представителей Национального собрания Республики Беларусь от 18 декабря 2015 г. В частности, согласно ст. 112 указанного документа право законодательной инициативы реализуется субъектами права законодательной инициативы посредством внесения в Палату представителей проектов:

1) законов о внесении изменений и (или) дополнений в Конституцию Республики Беларусь;

2) законов о толковании Конституции Республики Беларусь и законов Республики Беларусь;

3) законов Республики Беларусь, в том числе об изменениях и (или) дополнениях, отмене, а также о признании утратившими силу законов Республики Беларусь, актов, принятых Верховным Советом Республики Беларусь и его органами.

Отметим, что вышеуказанные законопроекты члены белорусского Парламента, будучи субъектами права законодательной инициативы, уполномочены вносить с обязательным приложением к данным документам сопроводительного письма и обоснования необходимости принятия проекта закона, включая финансово-экономическое обоснование (в обосновании необходимости принятия проекта закона должна быть в обязательном порядке включена информация о: целях подготовки проекта закона, предмете правового регулирования его структурных элементов, изменяющих существующее правовое регулирование; проведенном анализе законодательства Республики Беларусь и практики его применения, законодательства иностранных государств, публикаций в средствах массовой информации, обращениях граждан и организаций, относящихся к предмету правового регулирования проекта закона; всестороннем и объективном прогнозе предполагаемых последствий принятия закона; перечне нормативных правовых актов (их структурных элементов), подлежащих признанию утратившими силу, изменению и (или) дополнению, а также разработке в связи с принятием закона (при их наличии); документа, содержащего информацию о согласовании (визировании) проекта закона, ряд экспертных заключений и иных документов.

Подобная четкая регламентация законотворческого процесса на стадии реализации права законодательной инициативы его субъектами в Беларуси, на наш взгляд, вполне обоснованна, поскольку она направлена на создание качественного акта законодательства, отвечающего всем требованиям юридической техники и современным социально-экономическим направлениям развития белорусского государства.

Заключение

Из сказанного следует, что, несмотря на определенную сложность процедуры реализации права законодательной инициативы членами белорусского

Парламента, она, вместе с тем, достаточно детальная и прозрачная, что, по нашему мнению, указывает на демократический и правовой характер соответствующего законодательства в рассматриваемой сфере и практики его применения.

Вместе с тем, исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что некоторые законодательные положения, составляющие основу коллегиальной представительной демократии Беларуси и упорядочивающие отношения в области реализации права на законодательную инициативу членами Парламента Беларуси, к сожалению, все еще не лишены пробельности, равно как и практика их реализации, и, следовательно, они должны быть подвергнуты дальнейшему научному осмыслению, а также соответствующей законодательной доработке в ближне- и среднесрочной перспективе. Полагаем, предложенные в настоящей статье меры в определенной степени могут стать катализатором активизации законодательной функции Парламента Беларуси в исследуемой сфере на современном этапе.

Список цитированных источников:

1. Шалланд, Л. А. Иммунитет народных представителей : юрид. исслед. : в 2 т. / Л. А. Шалланд. — Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1911–1913. — Т. 2 : Часть догматическая. — 1913. — X, 480 с.

2. Василевич, Г. А. Актуальные направления развития местного самоуправления в Республике Беларусь в контексте Европейской хартии местного самоуправления / Г. А. Василевич // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук. — 2020. — Т. 65, № 3. — С. 355–366.

3. Алексеев, А. А. Законодательный почин по русскому государственному праву / А. А. Алексеев. — СПб., 1913.

4. Нудненко, Л. А. Конституционно-правовой статус депутата законодательного органа государственной власти в Российской Федерации / Л. А. Нудненко. — СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. — 473 с.

5. Прохоров, М. В. Федеративные начала в организации и деятельности парламента: проблемы России и опыт зарубежных стран : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / М. В. Прохоров. — М., 1997. — 161 с.

6. Василевич, Г. А. Комментарий к Закону «О нормативных правовых актах Республики Беларусь» / Г. А. Василевич. — Минск : Интерпрессервис, 2003. — 256 с.

7. Кондратович, Н. М. Субъекты законотворческого процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Н. М. Кондратович ; Белорус. гос. ун-т. — Минск, 1995–19 с.

8. Арановский, К. В. Государственное право зарубежных стран : учеб. пособие / К. В. Арановский. — 3-е изд., доп. и перераб. — М. : Форум : Инфра-М, 1999. — 488 с.

9. Благополучие родной земли — дело всех и каждого : Послание Президента Респ. Беларусь А. Г. Лукашенко белорус. народу и Нац. собранию Респ. Беларусь, Минск, 23 апр. 2009 г. — Минск : [б. и.], 2009. — 66 с.

10. *Василевич, Г. А.* Права человека : пособие для студентов юрид. фак. / Г. А. Василевич, А. В. Шавцова. — Минск : БГУ, 2006. — 247 с.

11. *Лысенко, В. И.* Выборы в представительные органы в новой Европе: политологический опыт и тенденции 80–90-х годов / В. И. Лысенко ; Рос. акад. наук, Ин-т государства и права. — М. : Наука, 1994. — 350 с.

12. *Новгородцев, П. И.* Лекции по философии права. Учения Нового времени. XVI–XIX вв. / П. И. Новгородцев. — 3-изд. — М., 1914.

13. *Карасев, А. Т.* Депутат в системе представительной власти (конституционно-правовое исследование) : дис. д-ра юрид. наук : 12.00.02 / А. Т. Карасев. — Екатеринбург, 2009. — 448 с.

Аннотация. Осуществлен анализ особенностей и порядка реализации права членов Парламента Беларуси на законодательную инициативу. Определены перспективы дальнейшего совершенствования правового регулирования общественных отношений в указанной сфере, в том числе с учетом возможной частичной апробации положительного опыта зарубежных государств в исследуемой сфере.

**RIGHT OF MEMBERS OF THE BELARUSIAN PARLIAMENT TO
LEGISLATIVE INITIATIVE: SPECIFICS OF IMPLEMENTATION
AND PROSPECTS FOR IMPROVEMENT OF LEGISLATIVE
CONSOLIDATION**

Chmyga A. V.

Keywords: legislative initiative, members of the Parliament, legal regulation, Belarus

Abstract. An analysis was made of the peculiarities and procedure for implementing the right of members of the Parliament of Belarus to a legislative initiative. Prospects for further improvement of the legal regulation of public relations in this area are determined, including taking into account a possible partial testing of the positive experience of foreign countries in the area under research.

**КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РЕСПУБЛИКИ
БЕЛАРУСЬ И РАЗВИТИЕ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ**

Шулицкая О. Н.

Ключевые слова: конституция, конституционный суд, компетенция конституционного суда, правоприменение, конституционная жалоба, конституционный контроль, конституционализация

Введение

Развитие конституционного судопроизводства — одно из перспективных направлений совершенствования правоприменительной деятельности в Республике Беларусь. Основой для возрастания его роли и значения в белорусском государстве и обществе, в особенности в сфере правоприменительной практики, является изменение полномочий Конституционного Суда Республики Беларусь, определенных новой редакцией Конституции белорусского государства.

Проблемами, связанными с организацией и деятельностью органа конституционной юстиции, занимались и продолжают заниматься такие исследователи, как Н. С. Бондарь, А. Н. Кокотов, А. А. Ливеровский, Г. А. Василевич, Т. В. Воронович, П. П. Миклашевич, А. Н. Пугачев и многие другие. Между тем изменения, происходящие в правовой реальности, в том числе связанные с функционированием органа конституционной юстиции в условиях современной белорусской правовой системы, по-прежнему нуждаются в анализе. Исследование вопросов участия Конституционного Суда Республики Беларусь в правоприменительной деятельности и является целью настоящего исследования.

Основная часть

Конституционный Суд Республики Беларусь был создан в соответствии с Конституцией Республики Беларусь, принятой 15 марта 1994 года [1]. Со времени его создания прошло почти тридцать лет. За это время менялся порядок деятельности белорусского органа конституционной юстиции, его полномочия. Это дало возможность исследователям выделить определенные этапы в развитии Конституционного Суда Республики Беларусь. Принятие новой редакции Конституции белорусского государства на республиканском референдуме 27 февраля 2022 г. [2] означает, как представляется, переход на новый этап функционирования Конституционного Суда Республики Беларусь, связанный не только с изменениями, касающимися организации его деятельности, но и с порядком его формирования, функционированием, участием в правоприменительной деятельности белорусского государства.

Одна из серьезных конституционных новаций, призванных, как представляется, повлиять на деятельность белорусского органа конституционной юстиции — это избрание судей Конституционного Суда Беларуси делегатами

Всебелорусского народного собрания — высшего органа представительной демократии. Еще одна основа для совершенствования его деятельности — это изменение компетенции, определенной статьей 116–1 Основного Закона белорусского государства [2]. По сравнению с ранее установленной компетенцией органа конституционной юстиции Беларуси, она приобрела более практическую направленность, позволяющую в значительной степени влиять на всю правоприменительную практику государства.

Конституционный Суд Республики Беларусь в настоящее время будет давать заключения о толковании Конституции. Данным полномочием Конституционный Суд Республики Беларусь обладал и ранее. К его ведению было отнесено правоприменительное толкование Основного Закона. Между тем, прямое указание на данное направление деятельности в тексте Конституции Республики Беларусь, причем, указание на него в первую очередь, призвано, как представляется, стимулировать активность рассматриваемого органа в этом направлении. Толкование Конституции имеет огромное значение как для развития законодательства, так и для совершенствования правоприменения. С учетом закрепленного на конституционном уровне принципа прямого действия Основного Закона белорусского государства четкое понимание конституционных принципов и конституционных норм, разъяснение их содержания с учетом конкретных ситуаций, возникающих в определенный временной период, будет способствовать не только упорядочению системы законодательства, правоприменительной деятельности, но и росту авторитета Конституции страны, обеспечению реализации органом конституционной юстиции конституционного принципа верховенства права.

По предложению Президента Республики Беларусь, а также Президиума Всебелорусского народного собрания, Палаты представителей и Совета Республики, Верховного Суда Республики Беларусь и Совета Министров Республики Беларусь Конституционный Суд Беларуси вправе давать заключения о соответствии Конституции законов, указов Президента Республики Беларусь, постановлений Совета Министров Республики Беларусь и нормативных правовых актов других государственных органов. Указанное полномочие белорусского органа конституционной юстиции предусматривалось и прежней редакцией Конституции Беларуси. Ежегодно Конституционный суд Республики Беларусь давал заключения относительно конституционности значительного числа нормативных правовых актов.

Последние годы одним из основных направлений деятельности белорусского органа конституционной юстиции являлась дача заключений о соответствии Конституции принятых Национальным собранием Республики Беларусь законов до подписания их Главой белорусского государства. Одно из изменений компетенции белорусского Конституционного Суда состоит в том, что данное полномочие он будет реализовывать лишь по предложению Президента Республики Беларусь. Соответственно, вероятно, всего, количество заключений, которые будет выносить белорусский орган конституционной юстиции, реализуя данное полномочие будет уменьшаться. Между тем, по предложению Президента Конституционный Суд Беларуси

будет давать заключения о конституционности проектов законов о внесении изменений и дополнений в Конституцию; о конституционности вопросов, выносимых на республиканский референдум; о соответствии Конституции не вступивших в силу международных договоров Республики Беларусь.

К полномочиям Конституционного Суда Республики Беларусь также отнесены полномочия о рассмотрении фактов систематического или грубого нарушения Президентом страны или палатами белорусского Парламента Конституции государства. Инициировать рассмотрение данного вопроса применительно к Главе государства сможет Всебелорусское народное собрание, а применительно к Палате представителей и Совету Республики — Президент Республики Беларусь. Названные полномочия призваны повысить роль белорусского органа конституционной юстиции в рассмотрении споров между государственными органами, разрешении их с точки зрения права и, соответственно, в укреплении устойчивости системы государственных органов, а, значит, и правового порядка.

Одним из перспективных направлений деятельности белорусского органа конституционной юстиции, думается, должна стать его деятельность, связанная с рассмотрением обращений граждан.

В соответствии с действовавшей до референдума 2022 г. Конституцией Республики Беларусь Конституционный Суд белорусского государства не обладал правом рассмотрения индивидуальных жалоб. Граждане страны могли обращаться в Конституционный Суд опосредованно — через государственные органы, обладавшие правом на обращения в орган конституционной юстиции, либо в порядке реализации положений Закона Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц» [3]. Таким образом, подобные обращения не рассматривались применительно к конкретным спорам, а соответственно, и не могли влиять на их разрешение. Новая редакция Основного Закона ввела институт индивидуальной конституционной жалобы, что, как представляется, имеет большие перспективы с точки зрения влияния белорусского органа конституционной юстиции на правоприменительную деятельность.

Конституционный Суд Республики Беларусь уполномочен в настоящее время рассматривать жалобы граждан на нарушения их конституционных прав и свобод. В целях вынесения правосудных решений право на обращение с запросами относительно конституционности нормативных правовых актов, применяемых при рассмотрении определенных дел, предоставлено судебным учреждениям. Белорусские суды в соответствии с ранее действовавшей редакцией ч. 2 ст. 112 Основного Закона [1] белорусского государства при рассмотрении споров были вправе в случае несоответствия нормативного акта Конституции Республики Беларусь принимать решение в соответствии с последней и ставить вопрос перед органом конституционной юстиции о не конституционности нормативного акта. Однако данным полномочием они фактически не пользовались. В соответствии с действующей редакцией указанной конституционной нормы они смогут до вынесения судебного постановления ставить в установленном законом порядке перед

Конституционным Судом Республики Беларусь вопрос о проверке конституционности нормативного правового акта, если в этом вопросе у них возникнут сомнения. Данная конституционная норма коррелирует с п. 2 ч. 5 ст. 116–1 Конституции Республики Беларусь [2] и призвана активизировать деятельность судов Республики Беларусь в инициировании рассмотрения вопросов о конституционности актов законодательства.

Наделение граждан правом на обращение в орган конституционной юстиции имеет ряд положительных аспектов. Во-первых, это развитие национальных защитных механизмов обеспечения прав и свобод, выполнение государством своих функций по гарантированию их реализации. Во-вторых, это новый этап в конституционализации, понимаемой как наполнение правовой системы «конституционными идеями и институтами» [4, с. 16]. Последнее укрепляет национальную правовую систему и способствует ее прогрессивному развитию. Благодаря привлечению внимания к тем или иным нормативным правовым актам расширяются возможности по совершенствованию законодательства, обеспечению его системности и непротиворечивости. Решения Конституционного Суда Республики Беларусь по индивидуальным жалобам будут ориентировать практику рассмотрения споров правоприменительными органами государства, способствуя ее развитию в части большего соответствия конституционному принципу верховенства права. Большое значение возможность обращения в орган конституционной юстиции напрямую имеет для гражданина. Исчерпав все правовые способы защиты своих прав и интересов, установленные законодательством, но имея сомнения в законности вынесенных в отношении него постановлений судов и иных решений, индивид посредством постановки вопроса о конституционности приземных в отношении него норм права, будет иметь еще одну возможность разрешить его спор в соответствии с Конституцией, его принципами и нормами. Это тем более актуально в связи с ограничением возможности белорусских граждан обращаться за международно-правовой защитой.

17 июля 2023 г. в Беларуси был принят Закон Республики Беларусь «Об изменении законов по вопросам конституционного судопроизводства» (далее — Закон) [5], в соответствии с которым, в частности, внесены изменения и дополнения в Закон Республики Беларусь «О конституционном судопроизводстве». Они направлены на реализацию норм обновленной Конституции в части организации и деятельности белорусского органа конституционной юстиции. Главы новой редакции Закона конкретизируют реализацию рассмотренных выше полномочий Конституционного Суда Республики Беларусь. Относительно рассмотрения жалоб граждан Глава 23 Закона определяет критерии допустимости индивидуальной конституционной жалобы, к числу которых отнесены признаки наличия нарушения конституционных прав и свобод; исчерпание всех установленных средств защиты и годичный срок со дня принятия постановления или решения, которым исчерпываются названные средства. Нормы Закона устанавливают требования к форме конституционной жалобы и ее приложениям, разрешают вопросы оплаты

госпошлины, определяют порядок возбуждения дела по ее рассмотрению, его последствия, особенности и пределы рассмотрения, а также процедуру вынесения решения. Рассмотрение органом конституционной юстиции индивидуальных конституционных жалоб может стать одним из основных полномочий Конституционного Суда Республики Беларусь вследствие многочисленных обращений граждан. Однако необходимость таких решений с точки зрения защиты интересов индивида и совершенствования правоприменения очевидна.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

1. Один из аспектов изменений и дополнений, внесенных в Конституцию белорусского государства на республиканском референдуме 2022 г., связан с совершенствованием организации и деятельности Конституционного Суда Республики Беларусь, активизацией его функционирования.
2. Обновленные полномочия белорусского органа конституционной юстиции направлены на совершенствование белорусской национальной правовой системы, ее законодательства и правоприменительной практики, повышение авторитета Конституционного Суда Республики Беларусь в правоприменительной сфере.
3. Особое значение в развитии правоприменения белорусского государства, а также в механизме обеспечения прав и свобод граждан призван сыграть институт индивидуальной конституционной жалобы.

Список цитированных источников

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г. и 17 окт. 2004 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.
2. Конституция Республики Беларусь 1994 года: с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. [Электронный ресурс] // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.
3. Об обращениях граждан и юридических лиц : Закон Республики Беларусь 18 июля 2017 г. № 300-З (в ред. Закона Республики Беларусь 17.07.2020 г.) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.
4. Крусс, В. И. Конституционализация права: основы теории: монография / В. И. Крусс. — М. : Норма: Инфра-М, 2019. — 240с.
5. Об изменении законов по вопросам конституционного судопроизводства [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь 17 июля 2023 г. № 283-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

Аннотация. Изменения, внесенные в Конституцию белорусского государства на республиканском референдуме, состоявшемся 27 февраля 2022 г., в том числе касающиеся организации и деятельности белорусского органа конституционно юстиции, являются основой для его реформирования. Они направлены на активизацию функционирования Конституционного Суда Республики Беларусь, активизацию его деятельности в направлении обеспечения конституционного принципа верховенства права, повышение его роли в развитии правоприменительной практики, а значит, и во всей белорусской национальной правовой системе. Перспективными сферами деятельности белорусского органа конституционной юстиции должны стать толкование Основного Закона белорусского государства, рассмотрение вопросов о конституционности нормативных правовых актов в установленных законодательством случаях, включение Конституционного Суда Республики Беларусь в сферу рассмотрения конкретных споров в связи с рассмотрением индивидуальных конституционных жалоб и запросов судов относительно конституционности нормативных правовых актов.

CONSTITUTIONAL COURT OF THE REPUBLIC OF BELARUS AND DEVELOPMENT OF LAW ENFORCEMENT

Shupitskaya A. N.

Keywords: constitution, constitutional court, competence of the constitutional court, law enforcement, constitutional complaint, constitutional control, constitutionalization

Abstract. The changes made to the Constitution of the Belarusian state at the republican referendum held on February 27, 2022, including those relating to the organization and activities of the Belarusian body of constitutional justice, are the basis for its reform. They are aimed at enhancing the functioning of the Constitutional Court of the Republic of Belarus, strengthening its activities in the direction of ensuring the constitutional principle of the rule of law, increasing its role in the development of law enforcement practice, and, therefore, in the entire Belarusian national legal system. Promising areas of activity of the Belarusian body of constitutional justice should be the interpretation of the Basic Law of the Belarusian state, consideration of issues on the constitutionality of normative legal acts in cases established by law, the inclusion of the Constitutional Court of the Republic of Belarus in the scope of consideration of specific disputes in connection with the consideration of individual constitutional complaints and requests from courts regarding the constitutionality of normative legal acts.

3. ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

УДК 343

СОВЕРШЕНИЕ ИЗНАСИЛОВАНИЯ ГРУППОЙ ЛИЦ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Богаревич Е. И.

Ключевые слова: изнасилование, насильственные действия сексуального характера, совершение преступления группой лиц, субъект преступления

Введение

В юридической литературе отмечается, что проблема преступлений, посягающих на половую неприкосновенность или половую свободу, представляется актуальной. Следует отметить, что согласно Конституции Республики Беларусь каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Проблеме искоренения насилия в отношении женщин, в том числе и в сфере сексуальных отношений, также уделено внимание в Резолюциях Генеральной Ассамблеи ООН 61/143 от 19 декабря 2006 г., 62/133 от 18 декабря 2007 г., 62/134 от 18 декабря 2007 г. и др. [1].

Становление законодательства об уголовной ответственности за половые преступления имеет долгий исторический путь. Изначально белорусский уголовный закон не предусматривал ответственность за совершение насильственных действий сексуального характера в качестве отдельной нормы. При принятии ныне действующего Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) перечень половых преступлений был дополнен самостоятельной статьей, которая предусматривала ответственность за насильственные действия сексуального характера [2; 3]. Выделение совершения насильственных действий сексуального характера в качестве самостоятельного состава преступления является дискуссионным, поскольку основное отличие между деяниями, предусмотренными ст. 166 и 167 УК, проводится лишь по набору действий, которые образуют объективную сторону преступления. Несовпадение в субъекте и потерпевшем в составах является вторичным отличием, обусловленным несовпадением объективной стороны деяний.

Искусственное разделение составов на практике влечет появление вопросов квалификации, в частности вопросов, связанных с соучастием лиц разного пола при совершении преступлений, предусмотренных ст. 166 и 167 УК.

Половая неприкосновенность, как и половая свобода, личности с давних времен находили отражение в отечественном законодательстве как объекты уголовно-правовой охраны. Еще в Русской Правде присутствовало упоминание об ответственности за половые преступления, однако составить полное

представление об уровне регламентации ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности в тот период не представляется возможным в силу отсутствия конкретных признаков составов рассматриваемых преступлений, неточности используемых формулировок [44].

Также следует отметить, что вести речь о самом существовании уголовно-правовой регламентации ответственности в отечественном законодательстве XI в. можно лишь с долей условности, поскольку уголовные и гражданские правоотношения не разграничивались как таковые, а регламентация ответственности за их нарушения осуществлялась едиными нормативными актами, не предусматривающими отраслевого разделения. Преступность деяния и его наказуемость в то время зависели от социально-демографических, в частности сословных, признаков субъектов изучаемых правоотношений.

Статуты ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг. не содержали четко выраженной категории «изнасилование», подобные деяния описывались относительно к «чужоложеству» (супружеской измене). Статут ВКЛ 1588 г. предусматривал ответственность за изнасилование женщины только как форму измены или надругательства над незамужней женщиной. Статут определял, что если кто-либо изнасиловал женщину или девушку, независимо от ее сословного положения, то такой насильник должен быть приговорен к смертной казни. Если же пострадавшая пожелала бы выйти за него замуж, то это в ее воле, а преступник тогда прощается.

Основная часть

Дифференциация уголовной ответственности за посягательство на половую свободу и половую неприкосновенность в зависимости от способа совершения появилась в УК в 1999 г.: ответственность за совершение насильственного полового гетеросексуального акта сформулирована в ст. 166 УК, а все возможные иные действия сексуального характера, совершенные вопреки либо помимо воли потерпевшего, запрещены ст. 167 УК.

В соответствии с п. 9 постановления Пленума Верховного Суда от 27 сентября 2012 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст.ст. 166–170 УК)» признак группы лиц имеет место, «когда лица, участвующие в совершении преступления, действовали в отношении потерпевшей (потерпевшего) согласованно как соисполнители» [4], что соответствует требованиям ст. 17 УК.

Поскольку субъектом изнасилования постановление Пленума Верховного Суда от 27 сентября 2012 г. № 7 указывает только лицо мужского пола, то возникает вопрос о квалификации деяния по признаку группы лиц в том случае, когда изнасилование совершается несколькими виновными разного пола [5]. В п. 10 указанного постановления прямо предусмотрено, что «действия лица женского пола, оказавшего содействие в изнасиловании, выразившееся в применении или угрозе применения насилия, следует квалифицировать как пособничество в изнасиловании». При этом аналогичные действия мужчины при изнасиловании делают его исполнителем, а в случае совершения насильственных действий сексуального характера применение или угроза

применения насилия делают лицо (независимо от пола) исполнителем преступления, предусмотренного ст. 167 УК.

Таким образом, если при изнасиловании в соучастии будут действовать лица разного пола (одно из которых мужского, а остальные — женского), то их действия нельзя будет квалифицировать по признаку группы лиц, поскольку женщина, по мнению Верховного Суда, не может быть исполнителем в рамках ст. 166 УК. При этом если эти же лица совместно совершат насильственные действия сексуального характера, то их следует признавать соисполнителями и квалифицировать их действия с учетом квалифицирующего признака «группа лиц». Подобный «пробел» в квалификации позволяет вести речь о целесообразности запрета всех деяний, предусмотренных ст. 166 и 167, в рамках одной статьи.

Если в изнасиловании участвуют только лица мужского пола, то вопросов не возникает: как исполнитель рассматривается не только мужчина, совершающий половой акт непосредственно, но и мужчина, который оказывал содействие преступлению путем применения насилия к потерпевшей без совершения полового акта. Однако, когда в деле фигурирует лицо женского пола, то белорусский и российский подходы отличаются. В своих постановлениях по этой категории дел Пленум Верховного Суда Республики Беларусь уже на протяжении многих лет указывает, что субъектом изнасилования может быть только мужчина [4]. В частности, в ныне действующем постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 27 сентября 2012 г. № 7 четко установлено, что действия лица женского пола, оказавшего содействие в изнасиловании, выразившееся в применении или угрозе применения насилия, следует квалифицировать по ч. 6 ст. 16 и соответствующей части ст. 166 УК.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» такой оговорки для лиц женского пола не предусматривает. Более того, в Комментариях к Уголовному кодексу Российской Федерации говорится о том, что если женщина участвует в преодолении сопротивления потерпевшей, ее следует признать соисполнителем изнасилования [6].

Также возникает вопрос при квалификации действий мужчины, который первоначально оказывает содействие, подавляя сопротивление, женщине для совершения преступления, предусмотренного ст. 167 УК, а впоследствии решается на совершение полового акта. Исходя из действующего законодательства, квалификацию действий мужчины в таком случае необходимо проводить по совокупности преступлений: ч. 2 ст. 167 УК (по признаку группы лиц) и ч. 2 ст. 166 УК (по признаку повторности). Однако, по сути, применение насилия им могло осуществляться однократно для подавления воли потерпевшей, посягательство осуществлено на одинаковый объект. Исходя из приведенной нами квалификации, будет иметь место двойное вменение, повторность преступлений. Возникает вопрос о необходимости такого «уточнения» объективной стороны. Так, например, законодатель предусматривает именно половое сношение (в широком смысле слова) в ст. 168 УК,

что не препятствует защищать в качестве объекта половую неприкосновенность потерпевшего во всех вариантах деяния.

В УК изнасилование определяется через половое сношение, однако в литературе существует дискуссия по поводу того, что именно следует понимать под этим термином, и как он соотносится с понятием «половой акт». В медицинском словаре половое сношение и половой акт указаны в качестве синонимов к термину «коитус» и различий между ними не проводится [7; 8], но с точки зрения права отличие в этих понятиях существует [9]. Так, до принятия ныне действующего уголовного закона УК БССР 1960 г. определял изнасилование через половое сношение. В Курсе советского уголовного права, подготовленного Институтом государства и права, этот термин включал в себя как естественный половой акт, так и всякий противозаконный половой акт. Под половым актом в естественном его проявлении понимается именно гетеросексуальный контакт (между разнополыми партнерами). Если исходить из такого подхода, то половое сношение является более объемным термином, нежели половой акт. Таким образом, представляется возможным вести речь о широком и узком смыслах понятия «половое сношение». В УК 1999 г. законодатель придерживается именно узкого подхода к толкованию «полового сношения», понимая под ним только половой акт между мужчиной и женщиной.

Заключение

Таким образом, нормы, регламентирующие уголовную ответственность за совершение половых преступлений, нуждаются в совершенствовании, что позволяет вести речь о возможности объединения деяний, предусмотренных ст. 166 и 167 УК, в рамках одной статьи. С учетом того, что объективная сторона указанных преступлений отличается именно «набором» действий, то полагаем допустимым «объединение» деяний, предусмотренных ст. 166 и 167 УК. При этом целесообразно использование термина «половое сношение», но в широком смысле этого понятия. Предлагается определить изнасилование как «половой акт, мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера (половое сношение), совершенные вопреки воле потерпевшего лица с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему лицу или его близким либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица (изнасилование)». Такая регламентация понятия изнасилования повлечет более единообразную практику привлечения к ответственности за половые преступления, и норма утратит гендерную окраску, что избавит ее от дискриминационного характера. Кроме того, споры по поводу субъекта рассматриваемых преступлений, в том числе изнасилования, таким образом будут разрешены [10].

Список цитированных источников

1. Искоренение насилия в отношении женщин: прогресс и оставшиеся проблемы [Электронный ресурс] // Организация Объединённых Наций. — Режим доступа: <https://www.un.org/ru/46533>. — Дата доступа: 07.09.2023.

2. Маслак, С. Н. История становления и развития отечественного уголовного законодательства об ответственности за преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности / С. Н. Маслак // Вестн. Краснодар. ун-та МВД России. — 2010. — № 4. — С. 33–41.

3. Шигвалеева, В. Ю. Реализация уголовной ответственности за изнасилование (на примере опыта Российской Федерации) / В. Ю. Шигвалеева // Столица науки. — 2020. — № 6. — С. 293–297.

4. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст.ст. 166–170 УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Респ. Беларусь, 27 сент. 2012 г., № 7 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информации. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

5. Саркисова, Э. А. Нормативное разъяснение вопросов квалификации изнасилования: российский и белорусский опыт / Э. А. Саркисова // Уголовное право. — 2014. — № 5. — С. 89–93.

6. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации, 4 дек. 2014 г., № 16 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2023.

7. Толковый словарь медицинских терминов [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии. — Режим доступа: <https://slovar.cc/med/term/2182413.html>. — Дата доступа: 07.09.2023.

8. Толковый словарь психиатрических терминов [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии. — Режим доступа: <https://slovar.cc/med/psih/2201436.html>. — Дата доступа: 07.09.2023.

9. Большой юридический словарь [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии. — Режим доступа: <https://slovar.cc/pravo/slovar/2467664.html>. — Дата доступа: 08.09.2023.

10. Богаревич, Е. И. Некоторые аспекты сравнительного анализа состава изнасилования в законодательстве различных стран / Е. И. Богаревич // Актуальные проблемы государства, права и экономики : XI Межвуз. науч. конф. студентов и аспирантов, Санкт-Петербург, 25 апр. 2020 г. / Санкт-Петербург. юрид. ин-т (филиал) Ун-та прокуратуры Рос. Федерации ; редкол.: А. А. Сапожков (гл. ред.) [и др.]. — Санкт-Петербург, 2020. — С. 258–262.

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об объединении деяний, предусмотренных ст. 166 и 167 УК, в рамках одной статьи. Указываются существующие проблемы квалификации, предлагаются пути совершенствования уголовного законодательства в сфере половых преступлений. Проводится сравнительный анализ подходов белорусского и российского законодателя в вопросе определения субъекта изнасилования и совершения изнасилования группой лиц, в частности, сравниваются положения постановлений Пленума

Верховного Суда Республики Беларусь и Пленума Верховного Суда Российской Федерации по изучаемой категории дел. Рассматривается определение термина «половое сношение» в его широком и узком смыслах, а также предлагается дефиниция изнасилования как «половой акт, мужеложство, лесбиянство или иные действия сексуального характера (половое сношение), совершенные вопреки воле потерпевшего лица с применением насилия или с угрозой его применения к потерпевшему лицу или его близким либо с использованием беспомощного состояния потерпевшего лица (изнасилование)».

COMMITTING RAPE BY A GROUP OF PERSONS: QUALIFICATION ISSUES

Bogarevich E. I.

Keywords: rape, violent acts of a sexual nature, commission of a crime by a group of persons, the subject of the crime.

Abstract. The article considers the issue of combining the acts provided for in Articles 166 and 167 of the Criminal Code within the framework of one article. The existing problems of qualification are indicated, ways of improving criminal legislation in the field of sexual crimes are proposed. A comparative analysis of the approaches of the Belarusian and Russian legislators in determining the subject of rape and the commission of rape by a group of persons is carried out, in particular, the provisions of the resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Republic of Belarus and the Supreme Court of the Russian Federation on the studied category of cases are compared. The definition of the term «sexual intercourse» in its broad and narrow senses is considered, and the definition of rape is also proposed as «sexual intercourse, sodomy, lesbianism or other sexual acts (sexual intercourse) committed against the will of the victim with the use of violence or with the threat of its use to the victim or his relatives or using a helpless states of suffering».

УДК 343

ПЕРСПЕКТИВЫ УСТАНОВЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РЕПРОДУКТИВНОЕ КЛОНИРОВАНИЕ ЧЕЛОВЕКА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Бородулькина Е. С.

Ключевые слова: уголовная ответственность, криминализация, уголовно-правовая охрана здоровья, клонирование человека, репродуктивное клонирование, биоэтика

Введение

Проведение экспериментальных исследований с телом человека существенно обогащает арсенал средств в борьбе за жизнь и здоровье людей, одновременно представляя собой вызов фундаментальным ценностям общества и риск возможного злоупотребления научными достижениями.

На обеспечение социальной безопасности, способность противостоять негативным тенденциям в обществе влияет возможность уголовной политики работать «на опережение», своевременно выявляя предпосылки для криминализации того или иного общественно опасного деяния. Уголовно-правовая охрана человека от посягательств, совершенных с применением новейших медицинских технологий, имеет особое значение, поскольку несвоевременное выявление новых вариантов потенциально опасного поведения в данной сфере, «запаздывающая» их криминализация может причинить значительный вред правоохраняемым интересам.

В связи с этим актуальной видится выработка научно обоснованных рекомендаций о возможных пределах расширения уголовно-правовой охраны здоровья человека в Уголовном кодексе (далее — УК) Республики Беларусь. В частности, в настоящей статье предлагается рассмотреть возможность введения в национальный уголовный закон ответственности за клонирование человека.

Вопросам, связанным с ответственностью за преступления в сфере биомедицинских исследований, уделяется внимание в работах российских правоведов: А. Г. Блинова, В. Н. Додонова, О. С. Капинус, Н. Е. Крыловой, А. О. Мызникова, В. Н. Некрасова, А. Орлеан, Г. Б. Романовского, Э. Л. Сидоренко, Ф. В. Фетюков и т. д. В Республике Беларусь данной тематике посвятили свои труды А. С. Карабельникова, Н. Г. Колесень, Е. А. Коротич, Л. В. Павлова и др. Вместе с тем до настоящего времени в отечественной уголовно-правовой доктрине практически отсутствуют исследования, направленные на научное осмысление обоснованности криминализации клонирования. С учетом стремительного научного прогресса в сфере медицинских технологий и огромного числа рисков, связанных с ним, такой анализ представляется своевременным.

Основная часть

Еще несколько десятилетий назад вопросы клонирования в большей мере занимали умы писателей-фантастов, в то время как уже в конце 90-х гг. XX в. констатировалось, что «клонирование людей может стать технически возможным» [1]. Получение учеными генетических копий некоторых разновидностей млекопитающих актуализировало вопрос о допустимости клонирования человеческой особи и правовой оценке возможных последствий реализации данной идеи [2, с. 82].

Термин «клонирование» происходит от греч. «побег», «отпрыск» и означает «создание идентичной копии» [3]. Обычно под клонированием понимается производство клеток или организмов с теми же нуклеарными геномами, что и у другой клетки или организма. Путем клонирования можно создать живой организм или его часть, идентичный уже существующему или существовавшему, если сохранилась информация о его нуклеарных геномах [4].

Выделяют клонирование репродуктивное и терапевтическое, различающиеся целями осуществляемой процедуры. Результатом первого вида является рождение нового живого существа, создание полной копии другого человека, второй вид происходит без матки-донора и чаще осуществляется

для медицинских целей. Второй вид клонирования, как правило, связан с исследованиями в области выращивания стволовых клеток [4]. Если обобщить изученные материалы, то возможности использования терапевтического клонирования в получении новых здоровых органов, применении стволовых клеток для восстановления различных видов тканей в медицине колоссальны. Клонирование является важным инструментом разработки новых видов лечения, регенерации органов человека и развития медицины в целом.

Вместе с тем, несмотря на всю перспективность использования результатов прогресса медицины, этические проблемы, порождаемые клонированием, ставят серьезные вопросы о пределах и допустимости применения рассматриваемой процедуры.

Важнейшая проблема связана с возможными отклонениями в развитии клона. Как показала практика на примере животных, продолжительность жизни клонов меньше, а предрасположенность к различным болезням выше по сравнению с животными, возникшими естественным путем. Возникнет вопрос, как в дальнейшем поступить с клоном человека, у которого будут наличествовать серьезные патологии.

Еще один из самых обсуждаемых аспектов между участниками биоэтического дискурса — правовой статус клона человека. Отмечается, что «возможность клонирования людей может создать общество, в котором люди будут искусственно разделены на оригиналы и клоны, что, в свою очередь, напоминает практики фашистских режимов» [5, с. 124]. Проблема состоит в четком понимании прав и обязанностей донора и клона по отношению друг к другу. Возникают вопросы о социализации и идентификации клона как самостоятельной личности, восприятию его окружающими как равного субъекта.

Против клонирования выступают основные конфессии, поскольку человек в этом случае принимает на себя роль Бога, тем самым нарушая божественные законы. В случае искусственного размножения посредством репродуктивного клонирования выхолащиваются семейно-сексуальные отношения.

Примечательно, что православная церковь разделяет отношение к клонированию терапевтическому и репродуктивному. Считается допустимым «клонирование не целого человека, а отдельных органов и тканей («клонирование изолированных клеток и тканей организма не является посягательством на достоинство личности и в ряде случаев оказывается полезным в биологической и медицинской практике», отмечается в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви», принятых на Соборе в августе 2000 г. [6, с. 29]).

Принимая во внимание морально-этический аспект проблемы клонирования, отметим, что клонирование связано с манипуляциями с генетической составляющей человека, что способствует прагматическому его использованию и обесцениванию человеческой личности. Выращивание особей-клонов с «заданными» параметрами может являться лишь частью тоталитарной идеологии.

Учитывая указанные эτικο-правовые проблемы, запрет на клонирование человека получил закрепление на международном уровне. В соответствии со ст. 11 Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека 1997 г. «не допускается практика, противоречащая человеческому достоинству, такая, как практика клонирования в целях воспроизводства человеческой особи. Государствам и компетентным международным организациям предлагается сотрудничать с целью выявления такой практики и принятия на национальном и международном уровнях необходимых мер в соответствии с принципами, изложенными в настоящей Декларации».

В преамбуле к Дополнительному Протоколу к Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины относительно запрещения клонирования людей 1998 г. отмечается, что «инструментализация людей посредством преднамеренного создания генетически идентичных людей противоречит человеческому достоинству и в силу этого представляет собой предосудительное использование достижений биологии и медицины, учитывая также серьезные трудности медицинского, психологического и социального характера, к которым такая предумышленная биомедицинская практика может привести для всех соответствующих индивидов». В ст. 1 данного документа установлен прямой запрет на любое вмешательство с целью создания человека, генетически идентичного другому человеку, будь то живому или мертвому.

В преамбуле к Декларации ООН о клонировании человека 2005 г. высказывается озабоченность по поводу этических последствий применения достижений стремительно развивающихся биологических наук для человеческого достоинства, прав человека и основных свобод личности, в частности, упоминается о серьезных медицинских, физических, психологических и социальных опасностях, которые может представлять клонирование человека. Положения данной Декларации (п. b и п. e) содержат призыв к государствам-членам о запрете всех форм клонирования людей в той мере, в какой они несовместимы с человеческим достоинством и защитой человеческой жизни, а также указывают на необходимость безотлагательного принятия соответствующих национальных законов.

Руководствуясь приведенными положениями, обратим внимание, что право на особую генетическую идентичность, гарантированное половым размножением, понимается как основа человеческого достоинства. Клонирование (неприемлемым считается его репродуктивный вид) среди всех биотехнологий оценивается как наиболее опасная, последствия применения которой имеют сложно прогнозируемый характер и масштаб, в связи с чем решение научных задач в этом контексте отходит на «второй план», приоритетной задачей государства видится обеспечение человеческого достоинства, прав человека и основных свобод личности.

Республика Беларусь не является участницей указанных международных документов, и с учетом сложной складывающейся геополитической ситуации вряд ли такое присоединение следует считать своевременным. Однако нельзя отрицать, что международные стандарты остаются важным

ориентиром для формирования каждой отдельно взятой прогрессивной национальной уголовной политики. В связи с этим полагаем, что существует криминологически значимая предпосылка для рассмотрения вопроса о криминализации клонирования человека. При этом анализ законодательства стран ближнего и дальнего зарубежья свидетельствует о том, что в настоящее время уголовная ответственность за применение технологий клонирования установлена во многих странах (преимущественно дальнего зарубежья).

Запрет на клонирование впервые был введен в США в 1980 г., в 2003 г. Палата представителей Конгресса США приняла закон (Human Cloning Prohibition Act of 2003), согласно которому клонирование, имеющее целью как размножение, так и медицинские исследования и лечение, является уголовно наказуемым. В Бразилии, Германии, Великобритании, Японии, Франции и Германии уголовная ответственность за клонирование установлена специальными законами [7]. В 2004 г. во Франции принят Закон о биоэтике, определяющий репродуктивное клонирование как «преступление против человеческого рода» [8]. Очевидно, что такое определение объекта посягательства («человеческий род») свидетельствует о приоритете общечеловеческих ценностей, которые берутся под уголовно-правовую охрану.

Соответствующие составы включены в уголовные кодексы Эстонии, Испании, Румынии, Сальвадора, Колумбии, Мексики и др. [9, с. 70].

Уголовная ответственность за клонирование предусмотрена отдельными уголовными законами государств — участников СНГ.

Например, ст. 129 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее — РК) содержит уголовно наказуемый запрет не только за непосредственно клонирование человека, но и за ряд самостоятельных действий, совершаемых в коммерческих, военных или промышленных целях: использование человеческого эмбриона, вывоз половых клеток или человеческого эмбриона из РК.

Ответственность за создание человеческих существ путем клонирования установлена в ст. 144 уголовного закона Республики Молдова. В сравнительном аспекте имеет значение, что указанная норма размещена в главе, содержащей преступления против мира и безопасности человечества, военные преступления. В РК соответствующие нормы относятся к уголовным правонарушениям против личности.

В Российской Федерации отсутствует уголовно-правовой запрет на клонирование человека. Вместе с тем Федеральным законом Российской Федерации от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ «О временном запрете на клонирование человека» был установлен мораторий на процедуру клонирования сроком на 5 лет. Федеральным законом от 29 марта 2010 г. № 30-ФЗ были внесены уточнения: введен мораторий на клонирование человека «впредь до дня вступления в силу федерального закона, устанавливающего порядок использования технологий клонирования организмов в целях клонирования человека». Статья 4 указанного закона устанавливает: «Лица, виновные в нарушении настоящего Федерального закона, несут ответственность

в соответствии с законодательством Российской Федерации». Вместе с тем, по справедливому замечанию российского правоведа Г. Б. Романовского, «данная норма не подкрепляется соответствующими статьями УК РФ» [9, с. 70].

Таким образом, приведенные примеры в части правового регулирования вопросов в сфере клонирования человека в зарубежных странах позволяют сделать вывод, что в некоторых государствах запрет касается любого вида клонирования, в ряде стран — лишь репродуктивного. Национальное законодательство не содержит специальных норм, касающихся клонирования человека, что позволяет сделать вывод, что, несмотря на все риски, в Республике Беларусь разрешен любой из видов клонирования.

Обращаясь к вопросу о криминализации, следует затронуть проблему критериев, которые дают основание для введения уголовно-правового запрета. В науке уголовного права устоявшимся является тезис, что в основе криминализации деяния лежит его «общественная опасность». При этом авторы, как правило, единодушны в том, что общественная опасность является объективным свойством деяния и выражает вредность определенного поведения, когда затрагиваются наиболее важные общественные отношения и ущемляются существенные интересы граждан, общества и государства. Общественным отношениям наносится неизгладимый ущерб или есть реальная опасность его причинения.

На наш взгляд, с учетом отмеченных ранее медицинских, психологических и социальных опасностей, которые может представлять клонирование человека, данное деяние характеризуется достаточной для криминализации общественной опасностью.

Более того, интересным видится аргумент зарубежных криминологов о том, что клонирование человека может вызвать ряд вопросов с привлечением к ответственности преступников, поскольку именно отпечатки пальцев на месте преступления являются одним из важнейших доказательств, в то время как они могут утратить свою уникальность с появлением генетических доноров и клонов [3].

В числе критериев отнесения деяний к числу преступных называется также достаточная степень их распространенности. Суть данного критерия криминализации состоит в том, что уголовное право регулирует форму реакции общества и государства на такие общественные поступки индивидов, которые являются реально возможными, представляют собой проявления некоторых общих тенденций и закономерностей, т. е. явления не случайные [10, с. 89].

Безусловно, в литературе существует дискуссия о «технической» возможности репродуктивного клонирования человека. Вместе с тем превалирует точка зрения о фактически безграничных возможностях биомедицинской науки, когда допускается, что «несмотря на любые возможные ограничения и запреты, будут проводиться работы по нелегальному клонированию человека и даже созданию человекоподобных химер. Тем более что технологии для этого уже созданы» [11, с. 60]. На осуществимость процедуры

клонирования человеческих существ указывают ранее упомянутые положения международных документов.

Помимо указанных критериев, на наш взгляд, следует отметить высокую вероятность отрицательных последствий отсутствия уголовно-правового запрета в национальном законодательстве. Отмечается, что такой пробел де-факто управомочивает субъектов, находящихся на территории соответствующего государства, на проведение исследований и практики клонирования человека [12, с. 891]. В числе аргументов могут быть также указаны мобильность экспериментальных лабораторий, имеющих возможность перемещаться между государствами и выбирать те из них, которые имеют более «либеральное законодательство»; протекция таких исследований крупными спонсорами в целях создания научной сенсации и др.

Принимая во внимание указанные аргументы, видится обоснованной точка зрения многих российских правоведов, указывающих на необходимость введения уголовной ответственности за клонирование человека [13, с. 150; 14, с. 104–110 и др.].

Применительно к национальному законодательству отметим, что исходя из изложенных доводов, нами поддерживается криминализация репродуктивного клонирования человека. Терапевтический вид клонирования, на наш взгляд, не вызывает серьезных этических и юридических вопросов. Более того, выращивание органов человека имеет значительный предупредительный потенциал, поскольку может способствовать сокращению числа преступлений, связанных с незаконной трансплантацией органов и тканей человека.

Отдельно следует отметить, что репродуктивное клонирование не способствует, а наоборот, препятствует эффективной реализации целей устойчивого развития: цель 3 (Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте) и цель 10 (Сокращение неравенства внутри стран и между ними).

Также следует обратить внимание, что с учетом межотраслевых связей, установлению уголовной ответственности должно предшествовать введение общерегулятивных норм, которые закрепили бы наиболее важные понятия в соответствующей сфере, а также в целом определили порядок использования технологий терапевтического клонирования. Так, например, в ст. 2 уже упомянутого Федерального закона Российской Федерации от 20 мая 2002 г. № 54-ФЗ раскрывается содержание понятий «клонирование человека» и «эмбрион человека».

Заключение

Появление новых общественных отношений в сфере клонирования человека определяет необходимость глубокого осмысления и тщательной межотраслевой научной оценки последствий применения данной технологии, а также выработки оптимальной модели их правового регулирования с расширением уголовно-правовой охраны человека и его прав на здоровье посредством установления уголовной ответственности за репродуктивное клонирование.

Криминализация репродуктивного клонирования обусловлена общественной опасностью данной технологии, поскольку она не является безвредной ни для «родительского организма», ни для клона. Сложно прогнозируемыми являются ее медицинские, психологические и социальные последствия. Кроме того, репродуктивное клонирование вступает в противоречие со сформировавшимися общечеловеческими ценностями, где генетическая идентичность рассматривается как основа человеческого достоинства.

Применение данной технологии имеет ряд этико-правовых проблем. Человек выступает объектом рынка, умаляются институты брака, родительства. Отсутствие ответственности за репродуктивное клонирование формирует почву для проведения незаконных исследований на территории Республики Беларусь.

На наш взгляд, с учетом межотраслевых связей криминализации должно предшествовать введение норм регулятивного содержания, которые закрепили бы наиболее важные понятия в соответствующей сфере. Это возможно осуществить как в формате принятия специального нормативного правового акта (по примеру Российской Федерации), так и посредством расширения сферы действия Закона Республики Беларусь от 9 января 2006 г. № 96-Р «О безопасности генно-инженерной деятельности».

В случае положительного решения о введении уголовной ответственности за репродуктивное клонирование, тщательной проработки требует вопрос об установлении места соответствующего общественно опасного деяния в структуре уголовного закона с точки зрения объекта посягательства: преступление против мира и безопасности человечества или преступление против жизни и здоровья.

Список цитированных источников

1. Дополнительный Протокол к Конвенции о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины относительно запрещения клонирования людей [Электронный ресурс] : заключен в г. Париже 12.01.1998 // Гарант: информац.-прав. обеспечение. — Режим доступа: <https://base.garant.ru/4089555/>. — Дата доступа: 01.09.2023.
2. Блинов, А. Г. Некоторые направления уголовно-правового противодействия клонированию человека / А. Г. Блинов // Общество и право. — 2014. — № 1 (47). — С. 82–86.
3. Cloning: A Review on Bioethics, Legal, Jurisprudence and Regenerative Issues in Iran [Electronic resource] / S. L. Nabavizadeh [et al.] // The National Center for Biotechnology Information. — 2016. — Mode of access: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5109382/>. — Date of access: 26.08.2023.
4. Калининко, П. А. Запрет клонирования человека в европейском праве [Электронный ресурс] / П. А. Калининко // Кафедра интеграц. и европ. права МГЮА. — Режим доступа: <https://eulaw.edu.ru/publikatsii/stati->

po-pravu-evropejskogo-soyuza/zapret-klonirovaniya-cheloveka-v-evropejskom-prave-p-a-kalinichenko/. — Дата доступа: 02.09.2023.

5. *Артемов, В. М.* Биоэтика : учеб. пособие / В. М. Артемов, О. В. Саввина. — М. : Проспект, 2021. — 240 с.

6. *Кураев, А.* Неамериканский миссионер : сб. ст. и интервью / А. Кураев. — Саратов : Саратовская епархия, 2005. — 463 с.

7. *Агыбаева, Л.* По новым составам правонарушений [Электронный ресурс] / Л. Агыбаева // Параграф: информац. системы. — Режим доступа: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31678233. — Дата доступа: 03.09.2023.

8. *Pulman, B.* The Issues Involved in Cloning: Sociology and Bioethics [Electronic resource] / B. Pulman // Revue française de sociologie. — 2007. — Mode of access: <https://www.cairn.info/revue-francaise-de-sociologie-1-2007-5-page-129.htm&wt.src=pdf>. — Date of access: 26.08.2023.

9. *Романовский, Г. Б.* Уголовная ответственность за нарушения в сфере репродуктивных технологий / Г. Б. Романовский // Наука. Общество. Государство. — 2014. — № 3(7). — С. 67–77.

10. *Прозументов, Л. М.* Основание криминализации (декриминализации) деяний / Л. М. Прокументов // Вестн. Томск. гос. ун-та. Право. — № 4 (14). — 2014. — С. 81–91.

11. *Овчинский, В. С.* Криминология и биотехнологии / В. С. Овчинский. — М. : Норма, 2005. — 191 с.

12. *Фетюков, Ф. В.* Законодательство о клонировании человека: мировой опыт и правовая модель для современной России / Ф. В. Фетюков // Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Юрид. науки. — № 4. — 2020. — С. 881–900.

13. *Сидоренко, Э. Л.* Уголовно-правовая охрана репродуктивного здоровья: современные вызовы / Э. Л. Сидоренко // Экономика. Налоги. Право. — № 2. — 2019. — С. 147–153.

14. *Додонов, В. Н.* Ответственность за клонирование человека / В. Н. Додонов, О. С. Капинус // Закон. — 2006. — № 1. — С. 104–110.

Аннотация. В статье обосновывается необходимость введения в национальное законодательство уголовной ответственности за репродуктивное клонирование человека. Излагается ряд этико-правовых проблем, которые сопровождают данную технологию; клонирование человека рассматривается через призму критериев криминализации деяний. Автором указывается, что репродуктивное клонирование вступает в противоречие со сформировавшимися общечеловеческими ценностями, где генетическая идентичность рассматривается как основа человеческого достоинства. Анализируются международные стандарты и зарубежный опыт в сфере криминализации клонирования человека. Сделан вывод, что отсутствие ответственности за репродуктивное клонирование может сформировать почву для проведения незаконных исследований на территории Республики Беларусь.

PROSPECTS FOR ESTABLISHING CRIMINAL LIABILITY FOR HUMAN REPRODUCTIVE CLONING IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Borodulkina K. S.

Keywords: criminal liability, criminalization, criminal legal protection of health, human cloning, reproductive cloning, bioethics

Abstract. The article substantiates the necessity of criminalization of human reproductive cloning in the national legislation. Some ethical and legal problems that this technology has; human cloning is considered through the prism of criteria of criminalization of acts. The author points out that reproductive cloning comes into conflict with the established universal values, where genetic identity is considered as the basis of human dignity. International standards and foreign experience in the sphere of criminalization of human cloning are analyzed. It is concluded that the lack of responsibility for reproductive cloning forms the ground for conducting illegal research in the territory of the Republic of Belarus.

УДК 343.79

К ВОПРОСУ О ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ОПИСАНИИ НЕКОТОРЫХ ВАРИАНТОВ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «ДРОПОВ» В СТ. 222 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Захилько К. С.

Ключевые слова: банковские карты, реквизиты, аутентификационные данные, дропы, законотворчество

Введение

В соответствии с Законом № 85-3 от 06.01.2021 ст. 222 УК была изложена в новой редакции. Кроме того, вступивший в силу Закон № 164-3 от 19.04.2022 (далее — Закон № 164-3) реализовал ряд новых подходов к определению признаков, сформулированных в ст. 222 УК. В результате существенно изменена уголовная противоправность соответствующего деяния, осуществлена криминализация новых вариантов поведения, связанных с незаконными действиями в отношении средств платежа и (или) инструментов. В частности, законодатель осуществил криминализацию одного из вариантов проявления деятельности так называемых «дропов» (данное понятие рассмотрено ниже) — установлена ответственность за совершенное из корыстных побуждений незаконное распространение реквизитов банковских платежных карточек либо аутентификационных данных, посредством которых возможно получение доступа к счетам либо электронным кошелькам.

Данным шагом законодатель стремится предоставить правоприменителям необходимый инструмент для борьбы с актуальным проявлением

нием общественно опасной деятельности. Деятельность «дропов», действительно, создает благоприятную почву для существования организованной преступности и (или) увеличения числа ряда тяжких преступлений, в том числе против порядка осуществления экономической деятельности, здоровья населения и т. д. Вместе с тем следует помнить о рисках неоправданного расширения круга уголовно-противоправных деяний в ситуациях, когда формулирование уголовно-правовых норм ориентировано исключительно на практические аспекты и не находит длительной, всесторонней и глубокой научной проработки.

В настоящий момент описанная проблематика не получила своей научной разработки ввиду ее новизны. Отдельные публикации посвящены научно-практическому комментированию новой нормы [1].

Основная часть

Иногда при криминализации нового деяния уголовно-правовая норма формулируется, исходя из практикоориентированных соображений, таким образом, что под описанные в ней признаки могут подпадать в том числе и некоторые варианты поведения, которые не в полной мере отвечают признакам общественной опасности. Особенно высок риск таких сценариев в ситуациях, когда сформулированная норма является абсолютной новацией и не находит своих прямых аналогов в Особенной части УК по конструкции и описанию. Еще большим является риск, когда отсутствует значительный иностранный опыт законодательной регламентации ответственности за аналогичные деяния. Подобные факторы должны определять необходимость повышенного внимания к рассматриваемому риску. Проанализируем предусмотренный в ст. 222 УК инструмент борьбы с некоторыми из проявлений деятельности так называемых «дропов».

С криминологической точки зрения под «дропами» следует понимать лиц, которые за вознаграждение (как правило — часть от преступной суммы) предоставляют свои платежные инструменты или средства платежа (их реквизиты, соответствующие аутентификационные данные) другим лицам для совершения последними преступлений с использованием средств платежа и (или) инструментов, сокрытия преступных доходов, следов преступлений [2, с. 173–174]. Из указанного можно выделить основные криминологические признаки такой преступности: корыстная направленность; специальный мотив и (или) цель — скрыть или облегчить совершение другого преступления с преступными суммами; особый способ совершения преступления — злоупотребления с платежными инструментами или средствами платежа. Совокупность этих признаков определяет общественную опасность деяния. Проанализируем, насколько положения ст. 222 УК в части формулирования признаков уголовной противоправности рассматриваемого поведения соответствуют его криминологическому описанию.

Предметом преступления выступают реквизиты банковских платежных карточек либо аутентификационные данные, посредством которых возможно получение доступа к счетам либо электронным кошелькам (далее — реквизиты или аутентификационные данные). Реквизиты банковской

платежной карточки — номер, срок действия карточки, фамилия и имя держателя карты латиницей (при наличии), код CVV, CVC или CVR и иная информация в соответствии с правилами платежной системы (банка-эмитента) (1). Аутентификационные данные, посредством которых возможно получение доступа к счетам либо электронным кошелькам (логин), пароль, PIN-код, секретный вопрос и секретный ответ, ключевое слово, биометрические данные (отпечатки пальцев рук, радужная оболочка глаза и пр.) и т. п. сведения [1]. Исходя из содержания ст. 222 УК соответствующие незаконные действия с любым из указанных видов информации могут рассматриваться в качестве преступления.

Под незаконным **распространением** реквизитов банковских платежных карточек либо аутентификационных данных, посредством которых возможно получение доступа к счетам либо электронным кошелькам, могут выступать любые действия, направленные на сообщение или иное доведение соответствующей информации до лиц, которые не имеют законных оснований на ознакомление с ней [1]. Признак «распространение» — широкий по своему содержанию. Он часто используется в нормах Особенной части УК, по своему существу в большинстве случаев лишен какого-либо самостоятельного криминообразующего свойства и вводится для описания сути совершаемого деяния.

В ст. 222 УК предусмотрен признак **незаконности** действий с реквизитами и аутентификационными данными. Вместе с тем незаконность действий, описанных в ст. 222 УК, установлена только данной статьей и отдельно в тексте Закона № 164-З или иных актах законодательства не определяется [1]. В рассматриваемом случае законодательство не содержит однозначных и явных запретов какой-либо деятельности, связанной с распространением реквизитов либо аутентификационных данных. Исходя из положений действующего законодательства, мы можем говорить только о ситуациях, при которых некоторые из вариантов такого распространения регламентированы законодательством (например, при передаче за вознаграждение соответствующих сведений между платежным агрегатором, оператором платежной системы, поставщиками технических услуг и прочими лицами при аутентификации в рамках правомерной платежной операции). Сам запрет на распространение существует только в тексте самой ст. 222 УК и в ряде случаев встречается в договоре между клиентом и банком на обслуживание банковского продукта. В свою очередь, позитивное законодательство в вопросе порядка использования банковских продуктов отсылает к правилам банков и иных организаций, оказывающих соответствующие услуги.

Очевидно, что ссылаться на положения гражданско-правового договора или правил банка при обосновании незаконности действий в отношении реквизитов или аутентификационных данных некорректно, т. к. это противоречит Конституции Республики Беларусь (например, ст. 23), сопряжено с расширительным толкованием нормы Особенной части УК и аналогией закона. Нормы, ограничивающие права и законные интересы граждан, в том числе являющиеся формальным основанием для уголовной ответственно-

сти, должны содержаться в законе и не могут определяться в положениях договора, локальных правовых актах банка. В связи с вышеуказанным, несмотря на наличие в ст. 222 УК отдельного признака незаконного характера совершения соответствующих действий, он не определяет каких-либо дополнительных существенных черт деяния (отличных от уже имеющихся в ст. 222 УК), позволяющих говорить о характерных чертах общественной опасности поведения. В соответствии с действующим позитивным законодательством (см. Закон № 164-З), рассматриваемый признак лишен какого-либо содержания. Для определения сути запрета действий с реквизитами и аутентификационными данными необходимо руководствоваться самой ст. 222 УК по модели «замкнутого круга».

Обязательным и, по сути, главным криминообразующим признаком преступления являются **корыстные побуждения** лица. Вместе с тем уголовно-правовое понятие «корыстные побуждения» является довольно широким по содержанию (см. ч. 10 ст. 4 УК). Соответствующий признак будет иметь место в ситуациях, когда лицо стремится **извлечь** из распространения реквизитов или аутентификационных данных **для себя или близких выгоду имущественного характера** либо намеренно **избавить себя или близких от материальных затрат** за счет распространения реквизитов или аутентификационных данных. При этом **размер выгоды**, как и факт ее реального получения, **значения для оценки деяния в соответствии с ч. 1 ст. 222 УК не имеет**.

Субъект преступления общий. Уголовной ответственности в равной степени подлежат как лица, которым принадлежат реквизиты или аутентификационные данные, так и иные лица, незаконно распространяющие их при наличии признаков, предусмотренных в ст. 222 УК. В совокупности с иными обстоятельствами, рассмотренными в настоящей статье, подобный широкий подход к формулировке субъекта создает предпосылки для ситуаций, при которых таковым может стать в том числе лицо в рамках бытовых взаимоотношений, лишенных какой-либо причастности к иной преступной или противоправной деятельности.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 222 УК, описана составом с **формальной конструкцией**. Соответственно, определяющими общественную опасность признаками являются только те обстоятельства, которые были проанализированы выше, вне зависимости от наступивших общественно опасных последствий.

В связи с указанным выше следует отметить:

во-первых, ст. 222 УК не содержит признаков, которые бы связывали поведение лиц, совершающих преступление, с преступными доходами и преступной деятельностью иных лиц, т. е. законодатель не включил в число обязательных признаков преступления некоторые признаки, обязательные и характерные для сути общественно опасного поведения «дропов» (в частности, специальный мотив и (или) цель);

во-вторых, исходя из содержания ст. 222 УК, любое действие, сопряженное с желанием получить неправомерную выгоду или экономию (даже сим-

волическую) для себя или близких лиц за счет передачи или публикации реквизитов или аутентификационных данных, должно рассматриваться как уголовно-противоправное деяние вне зависимости от того, кому были переданы данные (родственнику, знакомому, представителю или неизвестному лицу).

Как мы видим, законодатель в ст. 222 УК при определении информационной модели некоторых из проявлений общественно опасного поведения «дропов» не стал описывать признаки деяния таким образом, чтобы они строго соответствовали сути общественно опасного деяния и объекту уголовно-правовой охраны. Необходимость и значение такого соответствия, а также негативные последствия нарушения такого соответствия подробно раскрыты в публикациях ведущих исследователей уголовного права Республики Беларусь [3; 4]. При формулировании же ст. 222 УК, судя по всему, произошел сознательный отказ от некоторых сущностных криминологических признаков преступной деятельности «дропов» в пользу практических нужд, т. к. доказывание осознания причастности к преступной деятельности других лиц является крайне сложной задачей. Налицо формулировка нормы с так называемым «правоприменительным запасом». Такой подход не является чем-то экстраординарным и используется в том числе в иностранной законодательной практике (например, ответственность за незаконные действия в области бухгалтерского учета как часть мер по противодействию криминальным банкротствам). Вместе с тем при формулировании подобных практикоориентированных норм следует использовать строгий и взвешенный подход, осуществлять прогноз возможного уголовно-правового воздействия и быть готовым к необходимости широкого применения инструментов УК, позволяющих освобождать лиц, действия которых формально подпадают под признаки преступления, но не достигают необходимой степени общественной опасности, от уголовной ответственности и в целом — от оценки их деяний в качестве преступления (ч. 4 ст. 11 УК).

Так, исходя из проанализированных обстоятельств, следует прийти к выводу, что в связи с текущим содержанием ст. 222 УК некоторые деяния в **бытовых и иных отношениях, лишенных какого-либо криминального содержания**, формально содержат в себе признаки преступления. Например, как уголовно-противоправную деятельность отныне формально можно рассматривать:

использование банковской карточки несколькими лицами (с целью незаконно сэкономить на обслуживании дополнительной банковской карточки);

передачу реквизитов карты своему знакомому (у которого на банковской карточке отсутствует нужная сумма) для того, чтобы последний провел срочный платеж с чужой карты (например, за такси) при последующем возврате суммы и символическом вознаграждении за помощь, выраженную в передаче реквизитов и аутентификационных данных (например, за конфеты);

передачу пожилым гражданином реквизитов или аутентификационных данных от интернет-банкинга своему внуку для извлечения выгод или избежания затрат (например, внук переводит суммы на свой счет и осуществляет

платеж в интересах гражданина со своей карты для получения кэш-бэка и уменьшения общей суммы затрат пожилого гражданина) и иные подобные варианты поведения.

Видится, что в ряде случаев поведение, описанное в ст. 222 УК, не будет достигать необходимой степени общественной опасности. В связи с этим для нивелирования законодательных недостатков ст. 222 УК правоприменителю в каждом случае оценки действий по ст. 222 УК (в части распространения реквизитов или аутентификационных данных) в актуальной редакции следует дополнительно оценивать поведение лиц на предмет наличия признаков малозначительности деяния (ч. 4 ст. 11 УК).

Учитывая требования принципа неотвратимости уголовной ответственности, вышеуказанный правоприменительный метод не является предпочтительным. Это связано с тем обстоятельством, что несмотря на возможное отсутствие реального применения мер ответственности к лицам, совершившим подобные бытовые варианты поведения, сохраняется риск уголовно-репрессивного воздействия в целом и в их отношении (например, осуществление процессуальных или оперативных действий в отношении лица до принятия решения на основании ч. 4 ст. 11 УК). В связи с этим в дальнейшем содержание ст. 222 УК следует проанализировать на предмет необходимости изменений:

сохранения текущего подхода с «правоприменительным запасом», но включения в ст. 222 УК дополнительных ограничительных признаков (например, минимальный размерный признак дохода, на извлечение которого направлено распространение; формулирование примечания к статье, содержащего исключения некоторых бытовых вариантов поведения из числа уголовно противоправных; предпринимательский характер поведения и т. д.);

изменения подхода к описанию деяния с тем, чтобы его законодательная (информационная) модель соответствовала реальному запрещаемому общественно опасному деянию (включение в ст. 222 УК признаков, демонстрирующих связь совершаемого поведения с преступной деятельностью иных лиц, например, с целью скрыть преступную деятельность или облегчить ее совершение).

Далее следует остановиться на походе законодателя, использованном при определении некоторых признаков квалифицированного состава, предусмотренного в ч. 2 ст. 222 УК, в части незаконных действий с реквизитами и аутентификационными данными. При анализе признака совершения данного варианта преступления в **особо крупном размере** следует заключить, что он не определен и согласован с признаками основного состава преступления.

В ч. 1 ст. 222 УК не описано деяния, которое бы могло быть оценено, исходя из рассматриваемого размерного обстоятельства. При логической оценке и применении аналогий возможно предложить, как минимум, три самостоятельных варианта толкования признака особо крупного размера применительно к незаконным действиям с реквизитами и аутентификационными данными. Под данным размером возможно понимать размеры:

1) суммы выгоды, извлеченной лицом, распространившим реквизиты или аутентификационные данные;

2) суммы переводов с использованием распространенных реквизитов, аутентификационных данных;

3) сумм, к которым возможен доступ с использованием реквизитов или аутентификационных данных.

Каждый из этих вариантов предполагает различное содержание признака особо крупного размера. При этом для правоприменителя не определено критериев, руководствуясь которыми он мог бы выбрать один из подходов, что является проявлением неопределенности уголовно-правовой нормы и неизбежно повлечет неоднородную правоприменительную практику.

Представляется, что в наибольшей мере объективной стороне преступления соответствует третий вариант определения особо крупного размера. Однако для надлежащего применения содержание этого признака должно получить определение. Для этого в примечании к ст. 222 УК должны быть даны законодательные критерии определения данного признака в случае совершения незаконных действий с реквизитами и аутентификационными данными. Аналогичный подход уже реализован при определении понятия дохода в соответствии с примечанием к ст. 233 УК.

Заключение

Криминализация некоторых вариантов общественно опасной деятельности так называемых «дропов» в ст. 222 УК является своевременной мерой, направленной на защиту важных общественных отношений. Вместе с тем текущая редакция ст. 222 УК имеет некоторые недостатки, которые могут повлечь необоснованное расширение уголовно-правового воздействия и ошибки при правоприменении. Статья 222 УК должна быть дополнительно проанализирована на предмет уточнения имеющейся системы признаков рассматриваемого вида преступления в ч. 1 ст. 222 УК, а также признака особо крупного размера, использованного в ч. 2 ст. 222 УК.

До момента реализации соответствующих изменений правоприменителю следует:

при оценке особо крупного размера рассматриваемого преступления исходить из того, что под ним понимается размер суммы, к которой возможен доступ с использованием реквизитов или аутентификационных данных;

в каждом случае оценки деяний по ст. 222 УК дополнительно оценивать поведение лиц, совершающих соответствующие действия в бытовых и иных отношениях, лишенных преступного содержания, на предмет наличия признаков малозначительности деяния (ч. 4 ст. 11 УК).

Список использованных источников:

1. *Захилько, К. С.* Незаконный оборот средств платежа и (или) инструментов: комментарий / К. С. Захилько // *ilex.by* [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр». — Минск, 2023. — Режим доступа: <https://ilex-private.ilex.by/view-document/BECMB/41271>. — Дата доступа: 29.10.2023.

2. *Leukfeldt, R. Criminal Cyber Networks and Money Mules / R. Leukfeldt, J. Jansen // International Journal of Cyber Criminology. — № 9 (2). — 2017. — p. 173–184.*

3. *Грунтов, И. О. Принцип справедливости как способ оценки обоснованности и эффективности действующих уголовно-правовых норм : монография / И. О. Грунтов. — Минск : ИВЦ Минфина. — 2022. — 138 с.*

4. *Грунтов, И. О. Объект уголовно-правовой охраны и конструирование составов преступлений и правовых норм Общей части уголовного законодательства / И. О. Грунтов. — Минск : БГУ. — 2017. — 199 с.*

Аннотация. Рассматриваются проблемы законодательного описания некоторых вариантов общественно опасной деятельности «дропов» в ст. 222 УК. Анализируются основные признаки подобной деятельности, сформулированные в УК. Осуществляется сравнение этих признаков с реальными обстоятельствами совершения подобной преступной активности. Оценивается точность и достаточность признаков, использованных в законе для запрета некоторых видов деятельности «дропов». Делается вывод о необходимости правоприменительных мер по нивелированию ряда проблем, заложенных в содержание ст. 222 УК, и дальнейшего совершенствования данной нормы.

**ON THE ISSUE OF LEGISLATIVE DESCRIPTION OF SOME
VARIANTS OF SOCIALLY DANGEROUS ACTIVITY
OF «SMURFERS» IN ART. 222 OF THE CRIMINAL CODE OF THE
REPUBLIC OF BELARUS**

K. Zakhilko

Key words: bank cards; requisites; authentication data; smurfers; lawmaking

Abstract. The problems of legislative description of some variants of socially dangerous activities of «drops» in Art. 222 of the Criminal Code. The main features of such activities formulated in the Criminal Code are analyzed. These signs are compared with the actual circumstances of such criminal activity. The accuracy and sufficiency of the signs used in the law to prohibit certain types of activities of “drops” is assessed. The conclusion is made about the need for law enforcement measures to level out a number of problems inherent in the content of Art. 222 of the Criminal Code and further improvement of this norm.

**НЕОБХОДИМАЯ ОБОРОНА:
НОВЫЕ РЕГЛАМЕНТАЦИИ И ПРОБЛЕМЫ
СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
В РЕСПУБЛИКЕ АРМЕНИЯ**

Исраелян Г. В.

Ключевые слова: необходимая оборона, новый Уголовный кодекс, регламентация, обоюдная драка.

Введение

С 1 июля 2022 г. вступил в силу новый Уголовный кодекс Республики Армения (принят 05.05.2021). Он содержит как новые институты, так и решения проблем и пробелов, которые имели место в предыдущем уголовном законодательстве. Притерпел изменения и институт необходимой обороны. Кроме положительных тенденций, наблюдаются пробелы в новых регламентациях. Так, законодатель не обеспечил единообразие в некоторых регламентациях, не обратил внимание на вопрос наличия необходимой обороны при обоюдной драке и его законодательном закреплении, о чем говорится в научной литературе [1, с. 181].

Исходя из сказанного, появилась необходимость проведения анализа новых регламентаций и представления рекомендаций по совершенствованию обсуждаемого института, что обуславливает актуальность данного исследования.

Основная часть

Необходимая оборона является одним из древних институтов уголовного права. Естественно, она нашла свое место и в новом Уголовном кодексе. Данный институт притерпел изменения, однако его сущность осталась традиционной.

Путем применения логических и сравнительного методов анализа выявлены нововведения в предмете исследования.

Согласно ч. 1 ст. 3 Уголовного кодекса не подлежит уголовной ответственности лицо, совершившее деяние в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите жизни, здоровья, прав, свобод, законных интересов обороняющегося или другого лица, законных интересов общества или государства от противоправного посягательства, предусмотренного данным кодексом, либо от его реальной угрозы путем причинения вреда посягателю, если не было допущено превышение пределов необходимой обороны.

Из упомянутого законодательного понятия вытекают основные признаки необходимой обороны:

1. Необходимая оборона — это обстоятельство, исключающее уголовную ответственность.

В предыдущем Уголовном кодексе Республики Армения, который был принят 18 апреля 2003 г., необходимая оборона считалась обстоятельством,

исключающим преступность. Данное положение не являлось корректным, т. к. с формальной точки зрения причинение вреда благам, охраняемым законом, содержит признаки преступления. Таким образом, необходимая оборона является не обстоятельством, исключающим преступность деяния, а обстоятельством, исключающим уголовную ответственность.

2. Необходимая оборона направлена на защиту от противоправного посягательства, предусмотренного Уголовным кодексом, либо от его реальной угрозы.

В предыдущем Уголовном кодексе говорилось о защите от общественно опасного посягательства (либо от его угрозы). В одном из основополагающих институтов уголовного права, коим является преступление — законодатель не отметил признак общественной опасности (хотя в некоторых статьях он сохраняется). Так, ч. 1 ст. 16 гласит: «Преступлением является предусмотренное данным кодексом, запрещенное под угрозой наказания, виновное деяние, совершенное субъектом преступления». Дело в том, что общественную опасность имеют и другие правонарушения, например административные проступки, и необходимая оборона также существует в административном праве. Необходимая оборона как уголовно-правовой институт может применяться только при защите от деяний, предусмотренных Уголовным кодексом. А для обеспечения однообразия регламентации необходимо в других статьях Уголовного кодекса, в том числе ст. 32, соответствующий термин исключить.

3. Необходимая оборона направлена на защиту не только прав и свобод, но и законных интересов.

Под законным интересом следует понимать стремление субъекта пользоваться определенным социальным благом и в некоторых случаях обращаться за защитой к компетентным органам в целях удовлетворения не противоречащих нормам права интересов, которое в определенной степени гарантируется государством в виде юридической дозволенности, отраженной в объективном праве либо вытекающей из его общего смысла. Законные интересы — это не только дозволенные, разрешенные, но и не запрещенные стремления граждан к достижению определенных благ, т. к. правовое регулирование пользования благами осуществляется по формуле: «все, что не запрещено, дозволено» [2, с. 362–380].

В предыдущем Уголовном кодексе Армении речь шла о защите интересов, что могло трактоваться в том числе и как защита незаконных интересов. В новом кодексе говорится о защите законных интересов, следовательно, состояние необходимой обороны исключено при защите незаконных интересов.

Согласно ч. 2 ст. 32 Уголовного кодекса право на необходимую оборону принадлежит лицу независимо от возможности избежать противоправного посягательства или обратиться за помощью к другим лицам или компетентным органам, а также независимо от профессиональной или иной специальной подготовки или служебного положения лица. В отличие от предыдущего уголовного закона, где было использовано словосочетание «государственные органы», в новом кодексе закреплены слова «компетентные органы». Это об-

стоятельство связано с тем, что лицо за помощью, как правило, обращается не во все государственные органы, а только в правоохранительные.

Согласно ч. 3 ст. 32 Уголовного кодекса превышением пределов необходимой обороны признается умышленное причинение вреда посягателю, несоизмеренного характеру и опасности противоправного посягательства и не вытекающего из необходимости защиты. В предыдущем Уголовном кодексе говорилось об умышленных действиях, которые заведомо для обороняющегося лица не соответствовали характеру и опасности посягательства. Очевидно, что ныне лицо подлежит ответственности за превышение пределов необходимой обороны только в том случае, если умышленно причинило вред посягателю при вышеуказанных обстоятельствах. Следует отметить, что отдельно регламентирован вопрос о причинении смерти посягателю. Так, согласно ч. 4 ст. 32 Уголовного кодекса умышленное лишение жизни лица, совершившего противоправное посягательство, не считается превышением пределов необходимой обороны, если в данной ситуации невозможно было обороняться от посягательства путем причинения меньшего вреда, либо обороняющееся лицо не осознавало и не могло осознать возможности причинения меньшего вреда в данной ситуации. В ч. 5 указанной статьи закреплено, что преступлением является деяние с превышением пределов необходимой обороны, если оно предусмотрено Особенной частью кодекса. Следовательно, такими деяниями являются убийство с превышением пределов необходимой обороны (ст. 159) и причинение здоровью тяжкого вреда или вреда средней тяжести (ст. 170). Причем в ч. 3 ст. 171 Уголовного кодекса прямо предусмотрено положение о том, что причинение легкого вреда здоровью с превышением пределов необходимой обороны преступлением не является.

Как известно, противоправное посягательство, от которого возникает необходимость обороняться, как правило, характеризуется своей внезапностью. Внезапность может повлечь за собой страх, стресс и другие факторы, которые влияют на сознание обороняемого. Принимая во внимание указанное, законодатель предусмотрел новую норму в ч. 6 ст. 32 Уголовного кодекса. В тех случаях, когда в данной ситуации в силу страха, волнения, стресса или иных объективных или субъективных факторов обороняющееся лицо не осознавало и не могло осознать, что противоправное посягательство или его реальная угроза отсутствуют, то деяние, причинившее вред, считается совершенным в состоянии необходимой обороны. Следовательно, в тех случаях, когда обороняющееся лицо в данной ситуации могло осознавать, что противоправное посягательство отсутствовало, то оно подлежит уголовной ответственности за причинение вреда по неосторожности. А если в данной ситуации обороняющееся лицо допустило превышение пределов необходимой обороны, то оно подлежит уголовной ответственности за совершение преступления с превышением пределов необходимой обороны.

Одним из нововведений по обсуждаемому вопросу является законодательное закрепление провокации необходимой обороны. Так, согласно ч. 7 ст. 32 Уголовного кодекса положение необходимой обороны отсутствует, если

имела место провокация необходимой обороны, т. е. когда обороняющееся лицо в целях причинения вреда подстрекает другое лицо к совершению противоправного посягательства.

Следует отметить, что законодатель оставил вопрос наличия или отсутствия необходимой обороны при обоюдной драке не регламентированным. Исходя из того обстоятельства, что указанный вопрос часто создает квалификационные сложности, еще задолго до принятия Уголовного кодекса он был прокомментирован в решении Кассационного суд Республики Армения № 3/0028/01/14 от 18.12.2015. Так, суд определил, что обоюдная драка — физическое противостояние, которое может быть начато сторонами, одновременно причиняющими друг другу вред, либо ситуация, когда драка начинается по инициативе одной из сторон, но другая сторона принимает вызов и присоединяется к драке. Во время взаимной драки обе стороны выступают в роли агрессора, проявляют противоправное поведение, наносят друг другу удары из ненависти, мести, гнева или других побуждений с целью причинения вреда другой стороне. Следовательно, как правило, при данных обстоятельствах состояние необходимой обороны отсутствует.

Вопрос об исключениях обсуждается также в литературе. Так, мотивы и цели действий участников драки могут существенно меняться под влиянием обстоятельств и тем самым резко менять позиции сторон конфликта, трансформировать поведение его участников. Иногда одна сторона конфликта выходит «из игры», но противная сторона, понимая это, продолжает или пытается продолжить насильственные действия в отношении «выходящих из драки» участников. С этого момента драка как поединок по соглашению перестает существовать, преобразуясь в качественно иное конфликтное взаимодействие сторон по типу «посягательство-защита». Действия второй стороны («последовательные драчуны») могут в дальнейшем рассматриваться как нападение, являющееся объективным основанием необходимой обороны для первой стороны («одумавшиеся драчуны»). Интересно, что в соответствии с п. 1 § 35.15 УК штата Нью-Йорк (США) применение физической силы в отношении того, кто «упорствует в своем стремлении продолжить инцидент применением или угрожаемым, вполне реальным применением противоправной физической силы...», оправданно со стороны того, кто «вышел из стычки и надлежащим образом довел до сведения другого лица о таком выходе», хотя бы он был «первоначальным агрессором». Ситуация преобразуется так, что бывший «агрессор» становится настоящим «защитником», попадающим в ситуацию необходимой обороны». Трансформация завершается, и бывшие участники драки с этого момента подчиняются правилам о необходимой обороне [1, с. 181].

Приведем пример из судебной практики. К. возвращался домой. По дороге ему встретились знакомые, с которыми накануне у него произошел конфликт. При встрече у К. вновь возник конфликт с указанными лицами, который перерос в драку. К. вырвался от избивавших парней и убежал. Его догнали и продолжили избивать, после этого К. вытащил имевшийся у него нож и нанес несколько ударов нападавшим, причинив одному из

них тяжкий вред. Судом К. был оправдан, так как в ходе судебного разбирательства суд посчитал, что после того как драка была прекращена и К. убежал, тем самым выразил желание на прекращение драки, он приобрел право на защиту против лиц догнавших его и с целью мести продолживших его избиение [3].

Ситуация необходимой обороны может сложиться не только тогда, когда кто-то во время драки «выходит из игры», но и тогда, когда одна сторона нарушает обусловленные «правила игры», явно выходя за пределы договоренности относительно способа, приемов, орудий и средств, дозволенных в данном поединке, тяжести причиняемого каждой стороной вреда и т. п. Действия, выходящие в таких случаях за пределы обусловленного, должны рассматриваться как противоправное посягательство, дающее право на оборону, если иной возможности пресечь подобные действия нет [1, с. 181]. Например, во время обоюдной драки между двумя лицами один достает нож и пытается его применить. Следовательно, у другой стороны возникает состояние необходимой обороны.

Кроме того, возникает право на необходимую оборону у разнимающих лиц. Так, между П. и С. при распитии спиртных напитков произошла драка, в ходе которой С. нанес сильный удар в лицо П., сбил его с ног и принялся душить. П. в сложившейся ситуации не мог оказывать активного сопротивления. Происходившую ситуацию наблюдал несовершеннолетний сын П., который сбежал за ножом и передал его своему отцу. П. нанес несколько ударов ножом С., причинив тяжкий вред здоровью. Судом было установлено, что несмотря на то, что изначально между П. и С. произошла обоюдная драка на почве ссоры, в последствии С. предпринял действия, направленные на причинение вреда опасного для жизни П. в ситуации, когда последний был лишен возможности активно защищать себя; при таких условиях у П. возникло право на необходимую оборону. Разумеется, состояние необходимой обороны возникает у третьего лица, которое пытается прекратить драку двух сторон (разнять дерущихся), если одна из сторон пытается применить насилие к разнимающему. Разнимающий изначально не поддерживает ни одну сторону конфликта и свои действия предпринимает не с целью причинения вреда, а с целью прекращения противоправного деяния. При этом разнимающий не должен превышать пределы необходимой обороны [3].

Исходя из вышесказанного, предлагаем внести дополнение в ст. 32 Уголовного кодекса:

«8. В обстоятельствах обоюдной драки право на необходимую оборону возникает:

1) у той стороны, которая прекратила драку, а противная сторона, осознавая, что противоправное посягательство с другой стороны прекращено, продолжает противоправное посягательство:

2) у той стороны, против которой противная сторона прибегает к использованию мер или орудий, которые могут причинить более серьезный вред, чем это предполагалось, когда стороны вступали в обоюдную драку».

Заключение

Новый Уголовный кодекс Республики Армения содержит решения проблем и пробелов, которые были выявлены в предыдущем уголовном законодательстве, в частности:

1. Необходимая оборона в новом уголовном законе закреплена как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность, а не как обстоятельство, исключающее преступность деяния, т. к. с формальной точки зрения причинение вреда благам, охраняемым уголовным законом, содержит признаки преступления.

2. Необходимая оборона направлена на защиту от противоправного посягательства, предусмотренного Уголовным кодексом, либо от его реальной угрозы. В предыдущем Уголовном кодексе говорилось о защите от общественно опасного посягательства (либо от его угрозы). Законодатель отказался от закрепления признака общественной опасности, т. к. общественную опасность имеют также другие правонарушения. Необходимая оборона как уголовно-правовой институт может применяться только при защите от деяний, предусмотренных Уголовным кодексом. Для обеспечения единообразия регламентации по данному вопросу предлагается из ч. 3 ст. 32 кодекса исключить термин «опасность».

3. Необходимая оборона направлена на защиту только законных интересов. В предыдущем Уголовном кодексе речь шла о защите интересов, что могло трактоваться и как защита незаконных интересов.

4. Право на необходимую оборону принадлежит лицу независимо от возможности обратиться за помощью к компетентным органам. Выражение «компетентные органы» пришло на замену словосочетанию «государственные органы», т. к. лицо за помощью обращается именно в правоохранительные органы.

5. Превышением границ необходимой обороны признается умышленное причинение вреда посягателю. В предыдущем Уголовном кодексе говорилось только об умышленных действиях. Отдельно регламентирован вопрос о причинении смерти посягателю.

6. Противоправное посягательство характеризуется своей внезапностью, которая может повлечь за собой влияющие на сознание обороняемого страх, стресс и другие факторы. По данному поводу законодатель предусмотрел новую регламентацию.

7. Впервые законодательное закрепление получила провокация необходимой обороны.

8. Необходимо законодательное закрепление вопроса необходимой обороны при обоюдной драке. По данному вопросу представлена соответствующая рекомендация.

Список цитируемых источников

1. Сидоров, Б. В. Особенности ответственности за убийство при превышении пределов необходимой обороны: законодательные основания ее смягче-

ния и вопросы совершенствования уголовного закона / Б. В. Сидоров, А. Г. Бабичев // Вестн. экономики, права и социологии. — 2014. — № 4. — С. 176–185.

2. Субочев, В. В. Законные интересы / В. В. Субочев // Проблемы теории государства и права. Учебник / под ред. А. В. Малько. — М. : Юрлитинформ, 2012. — С. 362–380. Режим доступа: <chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcgclefindmkaj/https://mgimo.ru/upload/iblock/f83/f833eaff5edbc71a9c0ef7d3246245e.pdf> (дата допуска: 01.06.2023).

3. Спиридонов, М. В. Возможна ли необходимая оборона в обоюдной драке? / М. В. Спиридонов // <https://xn—7sbahcid5aaq2bfgbjroq.xn—p1ai/%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%BC%D0%BE%D0%B6%D0%BD%D0%B0-%D0%BE%D0%B1%D0%BE/> (дата допуска: 01.06.2023).

Аннотация. С 1 июля 2022 г. вступил в силу новый Уголовный кодекс Республики Армения. Он содержит как новые институты, так и решения проблем и пробелов, которые были выявлены в предыдущем уголовном законодательстве. Институт необходимой обороны претерпел изменения, однако его сущность осталась традиционной. Результаты исследования автора показывают, что институциональные изменения сводятся к следующему: необходимая оборона в новом уголовном законе закреплена как обстоятельство, исключающее уголовную ответственность; превышением границ необходимой обороны признается умышленное причинение вреда посягателю, а не просто действия без последствий; впервые законодательное закрепление получила провокация необходимой обороны и др. Автор также представляет рекомендации по совершенствованию данного института.

NECESSARY DEFENSE: NEW REGULATIONS AND PROBLEMS OF IMPROVEMENT IN THE REPUBLIC OF ARMENIA

Israyelyan G. V.

Key words: necessary defense, new Criminal Code, regulation, mutual fight.

Abstract. The new Criminal Code of the Republic of Armenia entered into force on July 1, 2022. It contains both new institutions and solutions to problems and gaps in previous criminal legislation. The institute of necessary defense has undergone changes, but its essence has remained traditional. The results of the author's research show that the institutional changes amount to the following: the necessary defense in the new criminal law is fixed as a circumstance excluding criminal liability, and not as a circumstance excluding the criminality of the act; exceeding the boundaries of the necessary defense is recognized as intentional harm to the encroachment, disproportionate to the nature and danger of unlawful encroachment and not arising from the need for protection, and not just actions without consequences; in the first legislative the provocation of the necessary defense received consolidation. The author also presents recommendations for improving this institute.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИМПЛЕМЕНТАЦИИ НОРМ О МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Лобач Д. В.

Ключевые слова: международные преступления, геноцид, военные преступления, преступления против человечности, агрессия, имплементация, преступления против мира

Введение

Со второй половины XX в. происходит политическое признание и юридическое закрепление международного мира и безопасности человечества в качестве универсальных общечеловеческих благ, составляющих, с одной стороны, элементы международного правового порядка, а с другой — новое поколение прав человека (коллективные права человека). Принимая во внимание традиционные, новые и нарождающиеся угрозы, после Второй мировой войны начинается интенсивный процесс политико-правового противодействия деяниям, угрожающим международному миру и безопасности человечества, что выразилось в принятии совместных деклараций и резолюций с осуждением таких деяний, а также в установлении международно-правового запрета в отношении таких деяний, включая их криминализацию.

Вместе с тем установление на международном уровне уголовно-правового запрета в отношении деяний, посягающих на всеобщий мир и безопасность человечества, приводит к широкому процессу включения международных норм, устанавливающих основания ответственности за их совершение, в уголовное законодательство различных государств. Однако имплементация таких норм в национальное законодательство далека от совершенства и не лишена недостатков. Показательным в этом плане является российский опыт криминализации подобного рода деяний через имплементацию международных норм о таких преступлениях. Обзорный анализ результатов концептуально-правовых исследований, посвященных особенностям международно-правовой имплементации и специфики составов преступлений против мира и безопасности, позволяет выявить юридические дефекты, ситуации правовой неопределенности и коллизии, которые в своей совокупности снижают правоохранительный потенциал этих норм [1, 2, 3]. Между тем проблемные моменты, возникающие при международно-правовой имплементации, обусловлены не только логикой законодателя, но и природой самих норм международного уголовного права.

Основная часть

1. Международно-правовая природа преступлений против человечества (международные преступления).

На сегодняшний день международное уголовное право представляет собой систему конвенционных и обычно-правовых норм, регламентирующих основания, порядок и принципы реализации международной уголовной ответственности, а также устанавливающих процедурные правила сотрудничества между государствами в сфере противодействия трансграничным преступлениям. Отдельный блок современного международного уголовного права охватывает нормы о преступлениях против человечества (международные преступления). Под международными преступлениями принято понимать такие деяния, которые посягают на международный мир и безопасность человечества, вызывая тем самым озабоченность у всего международного сообщества. Общественная опасность таких деяний заключается в том, что они объективно приводят к вооруженным конфликтам, подрывают мирное существование государств и народов, ставят под угрозу исчезновения целые демографические группы (национальные, этнические, религиозные, расовые, политические и др.), нарушают экономические связи, политическую стабильность и экосистему.

Международные преступления на современном этапе развития международного уголовного права представлены четырьмя группами общественно опасных деяний: 1) преступления, совершаемые в форме агрессии (преступление агрессии); 2) геноцид; 3) военные преступления; 4) преступления против человечности. Криминализация таких деяний на международном уровне происходила неоднородно, что объясняется различной правовой природой международно-правовых норм. Так, например, установление уголовно-правового запрета в отношении геноцида впервые было осуществлено в 1948 г. в результате принятия Генеральной Ассамблеей ООН Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (далее — Конвенция о геноциде). Конвенционный характер криминализации геноцида означает, что государства, взявшие на себя международные обязательства по установлению уголовной ответственности за геноцид и другие связанные с ним деяния (заговор с целью совершения геноцида, покушение и соучастие в геноциде, прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида), должны привести свое уголовное законодательство в соответствии с положениями указанной Конвенции. Следует отметить, что конвенционное запрещение геноцида само по себе свидетельствует о международном установлении юридического основания для возникновения именно уголовной ответственности за совершение такого преступления. При этом такое юридическое основание (конвенционная правовая норма) закрепляет именно условие возникновения уголовно-правового отношения, что недвусмысленно следует из названия документа и нормативного положения ст. 1 этой Конвенции.

По-другому обстоит ситуация с преступлениями против человечности, военными преступлениями и преступлением агрессии. В отличие от геноцида остальные международные преступления были криминализированы уставами Нюрнбергского и Токийского международных трибуналов. Кроме того, в теории международного уголовного права распространенной явля-

ется позиция, что подобного рода деяния были криминализованы ранее на конвенционном уровне [4, с. 65–81] или же уголовно-правовой запрет возник по причине действия международно-правовых обычаев. Не оспаривая такое видение относительно возникновения уголовно-правового запрета деяний, составляющих группу международных преступлений, тем не менее необходимо отметить два существенных момента, осложняющих понимание юридического основания международной уголовной ответственности за их совершение.

Во-первых, конвенционное регулирование отношений в сфере политико-правового запрещения и осуждения подобного рода деяний не означает уголовно-правового характера последующих правоотношений. Например, впервые отказ от войны в качестве орудия национальной политики был провозглашен в 1928 г. в результате принятия Пакта Бриана — Келлога (Парижский пакт), а в 1933 г. на конвенционном уровне была закреплена противоправность агрессии. Вместе с тем в указанных документах отсутствует какое-либо указание на уголовно-правовую природу таких деяний, а системное толкование норм вышеуказанных документов демонстрирует попытку международного политико-правового осуждения войны и стремление установить международный мир на основании принятия государствами на себя международных обязательств, связанных с недопущением применения силы в международных отношениях.

Во-вторых, обычно-правовой характер противоправности деяний, составляющих группу международных преступлений, не является самоочевидным и достаточным фактом. Действительно, существуют исторически обоснованные основания запрещения бесчеловечных деяний, которые совершаются в условиях вооруженного конфликта или военного времени. В этом плане достаточно вспомнить правовые обычаи, составляющие историческую предпосылку для развития международного гуманитарного права в качестве самостоятельной отрасли международного права. Исторически обычно-правовые нормы устанавливали запреты убивать пленных и раненых, учинять расправу с мирным населением, отравлять водоемы и колодцы, применять отравленное оружие. В то же время недостаток обычно-правового регулирования заключается в отсутствии строгой формальной определенности нормы, что создает сложности в понимании юридических признаков такой нормы и пределов ее регулятивного действия. Отсутствие писанного права (*jus scriptum*) также осложняет понимание того, какие нормы стали самостоятельными регуляторами общественных отношений, порождающих правовые последствия, а какие еще остаются внеправовыми нормами (обыкновения, моральные, религиозные и политические нормы).

На сегодняшний день группа военных преступлений представлена деяниями, которые запрещены в пяти системах международного гуманитарного права: 1) гаагское право (13 международных конвенций, которые были приняты на Гаагских мирных конференциях в 1899 и 1907 гг.); 2) нюрнбергское право (нормы послевоенного права *ad hoc*, закрепленные в уставах Нюрнбергского и Токийского трибуналов); 3) женеvское право (4 женеvских кон-

венции от 1949 г. и 3 дополнительных протокола к ним); 4) конвенционные нормы, принятые под эгидой Организации Объединённых Наций; 5) нормы римского права (Римский статут Международного уголовного суда).

Обращает на себя внимание тот факт, что указанные подсистемы международного гуманитарного права демонстрируют разный механизм противодействия бесчеловечным актам в условиях вооруженного конфликта. Так, если гаагские конвенции установили международно-правовой запрет совершать бесчеловечные деяния в условиях вооруженного конфликта, то нюрнбергское право закрепило нормы, регламентирующие ответственность за общественно опасные деяния как военные преступления, а нормы римского права криминализовали такие деяния в рамках договорной юрисдикции, основанной на действии принципа «*Aut dedere aut judicare*» (выдавай или суди).

Что касается деяний, составляющих группу преступлений против человечности, то в современном международном уголовном праве такие деяния в отличие от геноцида и военных преступлений на конвенционном уровне все еще не криминализованы. Однако это не отменяет того факта, что нормы о преступлениях против человечности формируются посредством эволюции международного обычного права [5, с. 96].

II. Уголовно-правовая характеристика норм о преступлениях против мира и безопасности человечества в российском уголовном законодательстве.

Учитывая исторический вклад России в обеспечение международного мира и безопасности человечества, признание значения международного права и приверженность его ценностям, Российская Федерация в своей внутренней и внешней политике также стремится обеспечивать правовую охрану международного мира и безопасности человечества с учетом реализации национальных интересов и противодействия новым угрозам. Государственная обязанность по поддержанию и укреплению международного мира и безопасности, обеспечению мирного сосуществования государств и народов, недопущению вмешательства во внутренние дела государства закрепляется на конституционном уровне (ст. 79.1 Конституции РФ), что демонстрирует наивысшее политико-правовое значение указанных объектов.

В уголовном законодательстве Российской Федерации отношения, составляющие международный мир и безопасность человечества, также взяты под особую правовую охрану. Прежде всего обеспечение мира и безопасности человечества провозглашается в качестве самостоятельной задачи уголовного закона, что закреплено в ч. 1 ст. 2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). В Общей части УК РФ содержатся нормы, отменяющие правила о сроках давности совершенного преступления (ч. 5 ст. 78) и обвинительного приговора суда (ч. 4 ст. 83) в отношении ряда преступлений, посягающих на указанные объекты правовой охраны (ст. 353, 356, 357, 358, 360 и 361). В разделе XII Особенной части УК РФ содержатся нормы, предусматривающие ответственность за 15 уголовно наказуемых деяний, посягающих на мир и безопасность. При этом помимо собственно международных преступлений, о которых было сказано выше, в данном разделе

содержатся нормы, выступающие результатом имплементации международных положений о конвенционных преступлениях (например, это нормы, устанавливающие ответственность за наемничество и нападения на лиц или учреждения, пользующиеся международной защитой) и нормативных положений, которые устанавливают общий политико-правовой запрет (в частности, конвенции о запрете оружия массового поражения) или же декларируют осуждение таких деяний (так называемые акты «мягкого права»).

Особый интерес представляют уголовно-правовые нормы о традиционных с позиции международного уголовного права преступлениях, вызывающих озабоченность у всего человечества (группа международных преступлений, представленных агрессией, геноцидом, военными преступлениями и преступлениями против человечности).

Преступления против мира представлены четырьмя преступлениями, совершаемыми в форме агрессии: планирование, подготовка, развязывание и ведение агрессивной войны, а также публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 353 и 354 УК РФ). Если рассматривать указанные нормы в контексте международного права, то диспозиция нормы ст. 353 УК текстуально отражает в усеченной форме нюрнбергскую модель преступлений против мира, т. к. не были криминализованы войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, а также участие в общем плане или заговоре, направленные к осуществлению любого из деяний, совершаемых в форме агрессии. Кроме того, указанная норма не содержит легального определения самой агрессии, что редуцирует правоохранный потенциал этой нормы в части возможного ее перспективного применения. В научной литературе норма ст. 353 УК РФ рассматривается как бланкетная, т. к. отсылает к резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии» от 1974 г. [6, с. 4]. В резолюции дается определение агрессии и перечислены типичные случаи ее проявления. Однако отсылка к данному документу для разъяснения правового смысла уголовно-правовой нормы вызывает сомнение, т. к. на сегодняшний день все еще нет единого (универсального) конвенционного определения агрессии так, как это сделано в отношении геноцида, а сама резолюция является рабочим информационно-разъяснительным документом для Совета Безопасности ООН, уполномоченного в соответствии со ст. 39 Устава ООН определять существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии. Сомнение в правомерности отсылки на данную резолюцию при раскрытии смысла уголовно-правовой нормы ст. 353 УК РФ также объясняется ч. 2 ст. 1 УК РФ, регламентирующей, что уголовное законодательство основывается на Конституции Российской Федерации, общепризнанных принципах и нормах международного права. Отмечая конституционно-правовую основу обеспечения международного мира (ст. 79.1 Конституции РФ) и действия международных принципов, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, следует признать ограниченность действия данной резолюции для целей уголовно-правового регулирования.

Таким образом, нюрнбергская модель имплементации положения об агрессии в действующем российском уголовном законодательстве еще не означает ее регулятивное действие, т. к. правовое содержание этой нормы остается неопределенным, а бланкетный характер ее конструирования не свидетельствует о прямом применении актов мягкого права. С определенной долей условности эту норму можно признать юридически «мертвой» до того момента, пока в ней не будут отражены конкретные юридические признаки агрессии как криминального деяния.

Диспозиция уголовно-правовой нормы о геноциде (ст. 357 УК РФ) практически полностью текстуально воспроизводит определение геноцида, закрепленного в Конвенции о геноциде. Конвенционная модель имплементации норм о геноциде не является аутентичной в полной мере. Например, объективная сторона геноцида дополнена таким признаком, как насильственное переселение, которое приравнивается к иным условиям, рассчитанным на физическое уничтожение членов этой группы. В Конвенции одним из актов геноцида является причинение серьезных телесных повреждений, при этом сам вред здоровью не уточняется и не дифференцируется по степени тяжести. Российский законодатель данный признак определяет через тяжкий вред здоровью, что является следствием соблюдения требований унификации категориально-понятийного аппарата и системности при конструировании нормативного материала. В этой части уголовно-правовая норма ст. 357 УК отсылает к норме ст. 111 УК РФ, предусматривающей ответственность за причинение тяжкого вреда здоровью.

Применительно к имплементации международной нормы о геноциде актуализируется вопрос о толковании такого акта геноцида, как убийство нескольких лиц. В сравнительно-правовом плане данный признак объективной стороны геноцида и в международном праве, и в российском законодательстве по смыслу практически одинаковы. Как и в Конвенции о геноциде, так и в УК РФ закрепляется множественный характер убийств, что, вероятно, продиктовано историей массовых убийств, совершенных на национально-религиозной почве, в разные времена. Исходя из буквального толкования нормы ст. 357 УК РФ следует, что минимальное количество жертв должно быть не менее двух человек. Однако если интерпретировать данную норму в контексте международной судебной практики привлечения лиц к уголовной ответственности за геноцид [7, с. 49], то допускается ограничительное толкование, и, как следствие, единичное убийство при определенных условиях может быть квалифицировано как геноцид. В этой связи без ответа остается вопрос о возможности ограничительного толкования национальной нормы о геноциде в фокусе сложившейся международной судебной практики.

Группа военных преступлений представлена в нормах ст. 356 и 356.1 УК РФ. Уголовно-правовая норма ст. 356 УК РФ по способу закрепления является бланкетной, т. к. ее содержание раскрывается в ряде международных договоров, в том числе в четырех Женевских конвенциях 1949 г. и трех дополнительных протоколах к ним от 1977 и 2005 гг.

Российский законодатель в отличие от зарубежного опыта криминализации бесчеловечных деяний, совершаемых в условиях вооруженного конфликта, пошел по пути экономии юридических средств при конструировании уголовно-правовой нормы ст. 356 УК РФ. Вместе с тем здесь также, как и в отношении с геноцидом возникает теоретико-правовая проблема понимания нормативных положений международного гуманитарного права, смысл которых в правоприменительном аспекте может раскрываться по-разному. Кроме того, сложностью является и то, что отсылка к некоторым нормам Женевских конвенций не позволяет с позиции профессионального уровня правосознания, сложившегося в российской правоприменительной практике, и легальных уголовно-правовых дефиниций, закрепленных в УК РФ, определить юридический смысл некоторых бесчеловечных актов. Например, в российском законодательстве, правоприменительной практике и доктрине уголовного права не закреплены и не разработаны такие понятия, как «коллективное наказание» и «непристойное посягательство в любой форме». В этом плане заслуживает внимания положительный опыт криминализации общественно опасных деяний в качестве военных преступлений в Беларуси, где группа военных преступлений распределена по семи статьям (ст. 132–138 УК Республики Беларусь), а сами военные преступления максимально конкретизированы, что свидетельствует о высоком уровне правовой определенности таких норм.

Заключение

В заключение следует отметить, что имплементация международных норм о преступлениях против человечества не является полной как по объему, так и по содержанию. Имплементация по объему ограничивается только тремя преступлениями — агрессия, геноцид и военные преступления, а бесчеловечные деяния, составляющие преступления против человечности, в России не криминализованы, что свидетельствует об ограничительном характере уголовно-правовой политики в области обеспечения мира и безопасности человечества. Имплементация международных норм в содержательном отношении (т. е. с позиции полного и аутентичного отражения в нормах национального законодательства положений международного права) страдает неопределенностью, связанной с разным пониманием понятийного аппарата, отраженного в этих нормах.

Список цитированных источников

1. *Тарбагаев, А. Н.* Основные направления совершенствования нормы об уголовной ответственности за геноцид в УК РФ / А. Н. Тарбагаев, Г. Л. Москалев // *Всероссийский криминологический журнал*. — 2016. — № 3 (10). — С. 511–520.
2. *Бадамшин, И. Д.* Признаки объективной стороны геноцида в рамках международного и отечественного законодательства / И. Д. Бадамшин, М. М. Шахмаев // *Юридическая наука и правоохранительная практика*. — 2016. — № 2 (36). — С. 167–173.

3. *Русанов, Г. А.* Преступление геноцида как международное преступление: анализ *corpus delicti* / Г. А. Русанов // *Журн. рос. права*. — 2016. — № 7 (235). — С. 141–148.

4. *Полторак, А. И.* Нюрнбергский процесс: основные правовые проблемы / А. И. Полторак. — М.: Наука, 1966. — 351 с.

5. *Сафаров, Н. А.* Предупреждение и наказание преступлений против человечности: проблемы разработки международной Конвенции (обзор работы Комиссии международного права ООН) / Н. А. Сафаров, Ф. Н. Сафаров // *Правоведение*. — 2016. — № 6 (329). — С. 94–133.

6. *Дряев, Б. А.* Агрессия в российском уголовном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Б. А. Дряев. — М., 2007. — 25 с.

7. *Genocide, War Crimes and Crimes Against Humanity. A Digest of the Case Law of the International Criminal Tribunal for Rwanda / By International Criminal Tribunal for the Former Yugoslavia (Author)*. — New York : Human Rights Watch. 2010. — 482 с.

Аннотация. В статье исследуются особенности нормативного международно-правового механизма противодействия международным преступлениям, а также рассматриваются разные модели имплементации международных норм о таких деяниях в российском уголовном законодательстве. Отмечается, что имплементация международных норм о международных преступлениях не является полной как по объему, так и по содержанию. Имплементация по объему ограничивается только агрессией, геноцидом и военными преступлениями. Бесчеловечные деяния, составляющие преступления против человечности, не криминализованы, что свидетельствует об ограничительном характере российской уголовно-правовой политики в области обеспечения мира и безопасности человечества. Имплементация международных норм в содержательном отношении (с позиции полного и аутентичного отражения в нормах национального законодательства положений международного права) страдает неопределенностью, связанной с разным пониманием понятийного аппарата, отраженного в этих нормах.

SOME FEATURES OF THE IMPLEMENTATION OF THE NORMS ON INTERNATIONAL CRIMINALS IN RUSSIAN CRIMINAL LAW

Lobach D. V.

Keywords: develop virus, genocide, military viruses, virus against humanity, aggression, infiltration, viruses against peace

Abstract. The article examines the features of the normative international legal mechanism for countering international crimes, and also considers different models for the implementation of international norms on such acts in Russian criminal law. It is noted that the implementation of international norms on international crimes is not complete both

in terms of volume and content. The scope of implementation is limited only to aggression, genocide and war crimes. Inhuman acts constituting crimes against humanity are not criminalized, which indicates the restrictive nature of the Russian criminal law policy in the field of ensuring peace and security of mankind. The implementation of international norms in terms of content (that is, from the position of full and authentic reflection of the provisions of international law in the norms of national legislation) suffers from uncertainty associated with different understanding of the conceptual apparatus reflected in these norms.

УДК 343.293

ПРИМЕНЕНИЕ АМНИСТИИ НА ДОСУДЕБНЫХ И СУДЕБНЫХ СТАДИЯХ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Луговская Ю. В.

Ключевые слова: амнистия, право на амнистию, досудебное производство, судебное разбирательство

Введение

Многие теоретические и практические вопросы, связанные с функционированием института амнистии, в последнее время не подлежали комплексному научному осмыслению либо изучались недостаточно детально. Рядом исследователей изучались вопросы практики применения амнистии на современном этапе. Затруднительно в 2022 г. говорить о состоянии амнистии на основе этих работ, так как последнее масштабное исследование данного института в Республике Беларусь проводилось в 2013 г. Целью работы является анализ практики применения амнистии на досудебных и судебных стадиях уголовного процесса.

Основная часть

Амнистия применяется на различных этапах уголовного процесса.

В рамках предварительного следствия при наличии оснований и согласия лица на применение амнистии может быть применена «полная» амнистия с прекращением производства по уголовному делу на основании п. 4 ч. 1 ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — УПК).

В науке уголовно-процессуального законодательства освобождение лица от уголовной ответственности до рассмотрения уголовного дела судом является спорной категорией, в части амнистии об этом говорит само уголовное законодательство. Статья 95 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) звучит следующим образом: «На основании акта амнистии лицо, совершившее преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, а лицо, осужденное за преступление, может быть полностью или частично освобождено от наказания как основного, так и дополнительного, либо освобождено от наказания условно, либо такому лицу неотбытая часть

наказания может быть заменена более мягким наказанием, либо ему может быть снята судимость» [1].

В соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 29 УПК уголовное дело не может быть возбуждено, за исключением случаев, предусмотренных п. 3 и 4 ч. 1 данной статьи, а по возбужденному делу производство подлежит прекращению вследствие акта амнистии, если он устраняет применение наказания за совершенное общественно опасное деяние, а также акта амнистии либо иного акта иностранного государства, если они устраняют применение наказания за общественно опасное деяние, совершенное на его территории лицом, уголовное преследование которого осуществляется на территории Республики Беларусь по просьбе органа иностранного государства [2].

На основании изложенного допустимо сделать следующие выводы:

1. Констатация факта совершения лицом преступления является исключительной компетенцией суда, п. 4 ч. 1 ст. 29 УПК входит в противоречие с нормами ч. 2 ст. 95 УК в этой части. К лицам после возбуждения уголовного дела применяются термины «лицо, подозреваемое в совершении преступления» и «лицо, обвиняемое в совершении преступления», а не «лицо, совершившее преступление».

2. В соответствии с ч. 2 ст. 42 УПК лицо, в отношении которого вступил в законную силу приговор суда, именуется:

- 1) осужденным, если приговор полностью или частично обвинительный;
- 2) оправданным, если приговор полностью оправдательный [2].

Таким образом, в соответствии с УК применение амнистии в любом виде до вступления приговора суда в законную силу фактически невозможно. Вместе с тем практика свидетельствует об обратном.

При применении «полной» амнистии требуется согласие лица на амнистирование. Граждане в силу отсутствия юридического образования не всегда понимают, что такое амнистия как нереабилитирующее основание освобождения от уголовной ответственности, что им в ряде случаев не разъясняется. Поэтому имеют место случаи, когда при отсутствии признания вины в совершенном преступлении лицо вместе с тем согласно на применение амнистии. Полагаем, что если в рамках рассмотрения уголовного дела лицо выражает явное несогласие с выдвинутыми в отношении него подозрениями или обвинением, требуется производство по уголовному делу проводить в полном объеме с постановлением оправдательного или обвинительного приговора и последующим освобождением от отбывания назначенного наказания при наличии оснований к применению «полной» амнистии. При применении «частичной» амнистии согласие лица, исходя из практики, не выясняется, что, на наш взгляд, также является нарушением права на амнистию конкретного лица. Полагаем, что в судебном заседании должна быть выяснена позиция обвиняемого по данному вопросу.

Приняв решение о прекращении производства по делу в связи с амнистией, суд отменяет меру пресечения и иные меры процессуального принуждения, меры обеспечения гражданского иска, разрешает вопрос о вещественных доказательствах. Прекращение производства на основании

акта амнистии является нереабилитирующим лицом основанием, ввиду чего к данному лицу впоследствии в порядке гражданского судопроизводства могут быть заявлены иски, связанные с совершенным преступлением. Отменяя меры обеспечения гражданского иска суд тем самым ущемляет потерпевшего в праве на возмещение вреда, причиненного действиями амнистированного лица, в том случае, если указанное лицо в срок добровольного исполнения решения суда будет уклоняться от его исполнения.

После вынесения приговора может применяться как «частичная», так и «полная» амнистия, однако при последней ввиду того, что производство по уголовному делу фактически окончено к моменту применения амнистии, лицо подлежит освобождению от отбывания наказания со снятием судимости.

Фокус нашего внимания направлен на исследование принятия судами решений амнистирующего характера как ключевым звеном в рамках обеспечения права лица на амнистию. Необоснованное или несвоевременное применение амнистий способствует неотбытию осужденными назначенного наказания, позволяет избегать в случае совершения нового преступления наказания по совокупности приговоров, а также приводит к неоднократному пересмотру судебных решений.

Ошибки при принятии решений в части применения или неприменения амнистии в каждом случае могут исходить непосредственно из неправильного толкования норм уголовного закона, не связанных с амнистией, из неправильного толкования собственно закона об амнистии, а также исходя из существенного нарушения норм уголовно-процессуального закона.

Так, при неправильном применении уголовного закона в части норм, не связанных с амнистией, судами неверно толкуются нормы, например, о квалификации деяния, о применении наказания или иных мер уголовной ответственности, имеет место неправильное исчисление сроков погашения судимости и прочее. Кроме того, при внесении изменений в приговоры судами вышестоящих инстанций не всегда такие изменения учитываются при назначении наказания, вместе с тем они могут влечь необходимость применения амнистий по этим и последующим приговорам.

Применительно к совокупности преступлений и приговоров выработанная позиция практических работников строится на том, что если в совокупность входит хотя бы одно преступление, на которое не распространяет свое действие амнистия, то к лицу недопустимо в целом применение амнистирования. Это могут быть определенные «запретные» составы преступлений либо факт совершения второго и (или) последующих преступлений после вступления акта об амнистии в законную силу.

Вместе с тем не до конца ясно, как поступать в ситуации, когда производство по уголовному делу прекращено в судебном заседании на основании акта амнистии, вместе с тем выяснилось спустя непродолжительный период времени, что человек совершил еще одно преступление до принятия указанного решения, и обнаруженное преступление исключает применение

амнистии. Без наличия первоначального амнистирования лицо подлежало бы осуждению как в первом случае, так и во втором, наказание назначалось бы на основании ч. 5 ст. 72 УК по совокупности преступлений. И в таком случае обнаруженный состав преступления исключает распространение амнистии на уже известный, ввиду чего амнистия к лицу не подлежала бы применению в целом. На практике зачастую в описанном случае не прибегают к институту пересмотра судебных решений по вновь открывшимся обстоятельствам.

В описанном случае факт применения «полной» амнистии к лицу ставит в неравное положение указанных лиц и лиц, в отношении которых факт совершения как первого, так и второго преступления был установлен до разрешения вопроса о применении амнистии.

Аналогично неравным является положение лиц, признанных злостно уклоняющимися от отбывания назначенного наказания, исходя из критериев, определяемых законом об амнистии, и лиц, которые уклоняются от отбывания иных видов наказаний, к примеру, штрафа.

Зачастую ошибки при применении амнистии связаны с непониманием судом положений закона об амнистии либо невнимательностью при его применении.

Так, М. обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 328 УК. Ссылаясь на то, что ограничение на применение полной амнистии к лицу содержится в ст. 8 закона, позволяя вместе с тем применять «частичную» амнистию, суд освободил лицо от назначенного наказания в виде ограничения свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа частично на срок 1 год на основании ст. 7 закона. При назначении наказания суд не учел, что в сравнении с предыдущим законом об амнистии новый закон содержит ряд изменений. Ранее к лицу, совершившему преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 328 УК, при отсутствии препятствий, предусмотренных ст. 8 и ст. 10 закона, могла быть применена «частичная» амнистия. Новый закон исключил применение амнистии к преступлению, предусмотренному ч. 1 ст. 328 УК, оставив возможность ее применения только к несовершеннолетним, ввиду чего «частичная» амнистия со ссылками на ст. 8 и ст. 7 закона могла быть применена только к несовершеннолетним. Более того, М. совершил преступление в период отбывания наказания в виде ограничения свободы по иному приговору, ввиду чего на основании ст. 13 являлся лицом, злостно нарушающим установленный порядок отбывания наказания, что само по себе согласно абз. 7 ч. 1 ст. 10 закона об амнистии исключает применение любой амнистии к данному лицу, независимо от того, отбыло ли лицо на момент постановления приговора назначенное наказание или нет.

Ошибки при применении амнистии также могут касаться выплаты ущерба обвиняемым. Подлежит возмещению ущерб, взысканный по приговору (решению) суда, если в резолютивной части указано о взыскании ущерба либо о выделении вопроса возмещения ущерба в гражданское производство. При отсутствии такой информации амнистия к осужденному применяется при условии поступления соответствующих справок об отсутствии

ущерба из суда, постановившего приговор, и бухгалтерии по месту отбывания наказания (месту работы).

Если потерпевшее лицо в суд с иском не обращалось, в таких случаях принимается во внимание требование ст. 197 Гражданского кодекса Республики Беларусь. Потерпевший имеет право (может) в течение трех лет обратиться в суд для решения вопроса о возмещении ущерба. Если указанный трехлетний срок истек, имеется справка из суда, что иск заявлен не был, в таком случае амнистия применяется на общих основаниях. Вместе с тем согласно сложившейся практике, если трехлетний срок исковой давности не истек на момент рассмотрения вопроса о применении амнистии, тогда к такой категории осужденных амнистия применяется в последние дни действия закона.

Полагаем, что данная практика является некорректной ввиду того, что обязанность возмещать ущерб, причиненный преступлением, лежит на обвиняемом независимо от наличия либо отсутствия исковых требований потерпевшего. Если в материалах уголовного дела и личного дела осужденного не имеется расписки потерпевшего о возмещении последнему ущерба и отсутствии материальных претензий к обвиняемому, полагаем, что в таком случае даже на последний день действия закона для «частичной» амнистии обвиняемого полагается считать не возместившим причиненный преступлением ущерб и в связи с наличием указанного препятствия не освобождать от наказания частично сроком на 1 год.

«Полная» амнистия допускается при отсутствии иных ограничений и без фактического возмещения обвиняемым ущерба, о чем прописывается в тексте законов об амнистии. Вместе с тем представляется, что данный подход является нецелесообразным с позиции достижения целей уголовной ответственности; конфликт с потерпевшей стороной в части возмещения вреда, причиненного преступлением, остается.

Примером неправильного понимания закона в части возмещения ущерба является следующая ситуация. Обвиняемая А. совершила преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 317 УК. Судом установлено, что обвиняемая имеет на иждивении 5 детей, следовательно, включается в категорию лиц, предусмотренных ст. 1 закона об амнистии. Обвиняемой не в полной мере возмещены затраты на выезд бригады скорой помощи. Согласно ч. 2 ст. 10 закона об амнистии на лиц, попадающих под действие ст. 1 закона, требования, содержащиеся в абз. 3–6, включая требование о необходимости возместить указанные затраты, не распространяются. Иных обстоятельств, препятствующих применению амнистии, не установлено. Следовательно, производство по уголовному делу в отношении обвиняемой подлежало прекращению, вместе с тем суд постановил обвинительный приговор и назначил наказание по ч. 2 ст. 317 УК, ссылаясь на то, что обвиняемая не в полной мере возместила затраты на выезд бригады скорой помощи.

По протесту прокурора апелляционная инстанция освободила А. от отбывания назначенного судом наказания со снятием судимости, однако исходя из того, что приговор в отношении обвиняемой не мог быть постановлен, он подлежал отмене с прекращением производства по уголовному делу.

Обратная ситуация касается применения «частичной» амнистии. Так, обвиняемым Л. не в полной мере возмещен ущерб, причиненный преступлением, предусмотренным ч. 4 ст. 209 УК. Суд, ссылаясь на ч. 2 ст. 10, ст. 7 и 8 закона применил к обвиняемому «частичную амнистию». Обвиняемый является пенсионером. Однако ч. 4 ст. 209 УК — преступление, относящееся к категории тяжких. Это является препятствием для применения «полной» амнистии на основании абз. 4 ч. 1 ст. 8 закона об амнистии. Следовательно, лицо имело иные ограничения, предусмотренные ст. 8 закона и не могло претендовать на «частичное» освобождение от наказания, предусмотренное ст. 7 закона, так как наличие иных ограничений, кроме абз. 3–6 ч. 1 ст. 10 закона, исключает Л. из перечня лиц, попадающих под действие ст. 1 закона, следовательно, льгота ч. 2 ст. 10 закона в этой части перестает действовать. По протесту прокурора суд апелляционной инстанции исключил из приговора указание о применении к лицу «частичной» амнистии.

Исковые требования потерпевшего о материальной компенсации морального вреда также подлежат возмещению; в случае отсутствия подтверждения такового являются препятствием для применения к лицу амнистии.

Нарушения уголовно-процессуального закона при производстве по уголовному делу могут также вызвать нарушение права лица на амнистию.

При рассмотрении уголовных дел подлежат полному и всестороннему исследованию данные о личности обвиняемых (осужденных), в том числе и о том, являются ли они субъектами амнистии.

К примеру, «Т. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 317 УК. Обвиняемый Т. являлся лицом, пострадавшим от катастрофы на Чернобыльской АЭС. Вместе с тем суд неполно выяснил данные о личности Т. и необоснованно не применил в отношении его положения ст.ст. 1, 13 Закона об амнистии, подлежащие применению, постановив обвинительный приговор.

При таких обстоятельствах президиум областного суда принял решение об отмене приговора суда и кассационного определения в отношении Т., его освобождении от уголовной ответственности в соответствии со ст.ст. 1, 13 Закона об амнистии, прекращении производства по делу на основании п. 4 ч. 1 ст. 29 УПК» [3].

Новшеством нового закона об амнистии 2022 г. является введение полного запрета на применение амнистии в отношении категорий осужденных, включенных в установленном порядке в перечень граждан Республики Беларусь, иностранных граждан и лиц без гражданства, причастных к экстремистской деятельности, либо в перечень организаций и физических лиц, в том числе индивидуальных предпринимателей, причастных к террористической деятельности на день вступления в силу закона.

Указанные перечни размещены на официальных сайтах Министерства внутренних дел и Комитета государственной безопасности Республики Беларусь соответственно.

Вместе с тем в них не зафиксирована фактическая дата включения человека в списки. Основанием для включения является решение о при-

влечении лица за указанную деятельность к административной либо уголовной ответственности, ввиду чего суды при принятии решений об амнистии этого характера исходят из даты привлечения лица к ответственности, не подтверждая свои доводы датой фактического включения в перечень.

Возможны пограничные ситуации, при которых лицо осуждается за совершение указанной категории преступлений, приговор обжалован (опротестован), вступил в законную силу после вступления в силу закона об амнистии. Следовательно, сведения о лице в перечень добавятся впоследствии. Суд, рассматривая иное уголовное дело, опирается на дату привлечения к уголовной ответственности и отказывает лицу в применении амнистии. Вместе с тем лицо, исходя из трактовки нормы закона об амнистии, при отсутствии иных ограничений имело право на амнистирование.

Заключение

Несмотря на частое принятие актов об амнистии в нашем государстве, практика их применения не обходится без значительных упущений как со стороны законодателя, так и со стороны правоприменителей. На основе личного опыта и правоприменительной практики акцентировано внимание на ряд проблемных вопросов в части применения амнистии при назначении наказания по совокупности преступлений и совокупности приговоров, при неполном возмещении ущерба, при наличии злостного уклонения от отбывания назначенного наказания и прочее.

Список цитированных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

2. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь : 16 июля 1999 г. № 295 З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 26.05.2021 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

3. Постановление президиума Могилевского областного суда от 17.12.2010 «Неполное установление судом данных о личности обвиняемого повлекло отмену приговора суда и прекращение производства по делу» // Судовы веснік. — 2011. — № 1. — С. 12.

Аннотация. В статье последовательно раскрыты общие положения об амнистии, названные в ст. 95 УК, обращено внимание на противоречия порядка применения амнистии с законодательной трактовкой данного института; раскрыты варианты ошибок, допускаемых на практике в ре-

зультате неправильного толкования норм самого акта об амнистии, неправильного применения норм уголовного права и процесса (неверной квалификации деяния, игнорирования данных о личности т. д.).

APPLICATION OF AMNESTY AT PRE-TRIAL AND JUDICIAL STAGES OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Luhouskaya Y. V.

Keywords: amnesty, amnesty eligibility, pre-trial proceedings, trial

Abstract. The work consistently discloses: general provisions on amnesty, named in art.95 of the CC, attention is paid to the contradictions of the order of application of amnesty with the legislative interpretation, the variants of errors made in practice as a result of misinterpretation of the norms of the amnesty act itself, incorrect application of the norms of criminal law and procedure (incorrect qualification of the act, ignoring data about the person, ext.) are revealed.

УДК 346.26:719:341.355.22

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОХРАНЕ ИСТОРИКО- КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ: ОТ ТЕОРИИ К АДМИНИСТРАТИВНОЙ И УГОЛОВНОЙ ПРАКТИКЕ

Мартыненко И. Э.

Ключевые слова: административная ответственность; законодательство об охране историко-культурного наследия; совершенствование законодательства о культуре; уголовная ответственность; правоохранительная деятельность в сфере историко-культурного наследия.

Введение

По результатам республиканского референдума 2022 г. Конституция Республики Беларусь (ст. 15, 54) дополнена фундаментальными положениями, направленными на обеспечение сохранения исторического, культурного и духовного наследия, защиту исторической правды (которая и подвергается нападкам в последние годы), памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны, ее достижениях в послевоенный и современный период. На эти же цели направлена и Концепция правовой политики Республики Беларусь, утвержденная Указом Президента Республики Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196, в п. 15 которой говорится, что патриотизм находит свое проявление именно в сохранении наследия (*предлагаем использовать этот собирательный термин — прим. автора И.М.*), на которые мы опирались при проведении этого исследования.

А вот основным методом исследования, примененным автором в целях получения нового результата, является **научный правовой мониторинг**, проводимый с 2001 г. по настоящее время. Опираясь на ежегодные и обобщенные за 21 год по накопительному принципу статистические сведения государственного банка данных о правонарушениях [1], полученные и изученные, в том числе с выездом на место, материалы административной и судебно-следственной практики, данные соблюдения законодательства об охране историко-культурного наследия, выстраивается целостное восприятие эффективности правоохранительной и правоприменительной деятельности в целях сохранения исторического, культурного и духовного наследия Беларуси. Результаты исследования излагаются в комплексе научных статей, одна из которых предлагается вниманию.

Основная часть

При построении института ответственности и его практической реализации в сфере наследия, необходимо исходить из следующего постулата. Весь период своего развития человечеством сформирована уникальная и разнообразная культура, каждая эпоха и цивилизация оставила после себя памятники как материальной культуры (например, замки, мемориалы и т. п.), так и духовной (например, устное народное творчество, обряды, сказания и т. п.). Культура каждого народа вносит вклад в общее доставшееся нам от предыдущих поколений наследие. Из всего многообразия культурных ценностей отбираются те, значимость которых выходит за пределы национальных границ — так появилось всемирное наследие, Беларусь в котором представлена в 4 номинациях. Ущерб (**вред**), причиняемый **наследию** (снос памятника, его порча, надругательство, вандализм и др.) **фактически невосполним**, поэтому деятельность государства (напомним, согласно ст. 15 Основного Закона государство ответственно за сохранение историко-культурного и духовного наследия), по-нашему мнению, проявляется в создании согласованного межотраслевого законодательства, эффективной правоохранительной деятельности, направленной на указанные выше цели.

И вот в системе законодательства важное место занимают нормы об ответственности за его нарушение / несоблюдение. Именно поэтому мы обратились к Уголовному кодексу Республики Беларусь (далее — УК) и Кодексу Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП), каждый из которых определяет признаки правонарушения / преступления и наказание за него.

Так, ст. 20.1 Кодекса Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 91-З (далее для целей настоящей статьи — КоАП 2021) предусматривает ответственность за невыполнение обязанностей по подписанию и (или) соблюдению требований охранных обязательств. В 2021–2023 гг. привлечено лиц: в 2021–19, в 2022–10, в 2023 (9 мес.) — 5.

Для сравнения: за период с 2007 г. по январь–февраль 2021 г. по ст. 19.2 Кодекса Республики Беларусь от 21 апреля 2003 г. № 194-З (далее для целей настоящей статьи — КоАП 2003 г.), в диспозиции которой содержится признак невыполнение предусмотренных законодательством о культуре

обязанностей по подписанию и соблюдению требований охранных обязательств, привлечены с 2007 г. по первые два месяца 2021 г. — 95 лиц. Конечно, здесь следует учитывать, что по этой статье привлекались также и за другие нарушения (исключена, как представляется не совсем продумано, ответственность за несоблюдение/нарушение обязанностей по установке охранных досок на недвижимых материальных историко-культурных ценностях, составлению паспортов материальных историко-культурных ценностей).

В ст. 20.2 КоАП 2021 г. предусматривается ответственность за нарушение порядка и (или) условий выполнения работ на историко-культурных ценностях либо совершение действий, создающих угрозу историко-культурным ценностям (порядок выполнения таких работ определен Кодексом Республики Беларусь о культуре [2]). Именно за нарушения этой нормы чаще всего привлекались виновные лица — таких дел было в 2021 г. — 8, в 2022 г. — также 8, а за девять месяцев 2023 г. — 4. Ранее за период с 2007 г. и до вступления в силу нового КоАП 2021 г. по ст. 19.3 с аналогичной диспозицией привлечены суммарно 139 лиц.

А вот дела по ст. 20.3 КоАП 2021 г., в которой установлена ответственность за уничтожение, повреждение либо утрату историко-культурных ценностей или культурных ценностей, которым может быть придан такой статус, в 2021–9 месяцев 2023 г. вообще не возбуждались. И в прошлые годы такие дела об административных правонарушениях встречались довольно редко: за последние 12 лет действия КоАП 2003 г. было всего 7 дел данной категории. Особенность диспозиции данной административно-правовой нормы (имеется в виду ст. 19.4 КоАП 2003 г.) заключалась в том, что она применялась, если в действиях виновного нет состава преступления (т. е. ст. 345 УК, в которой установлена ответственность за уничтожение историко-культурных ценностей по неосторожности), тем самым определялся приоритет уголовно-правовой нормы. Сейчас в новом кодексе этого нет. Поэтому на практике будет весьма сложно отграничить уголовный состав от административного: хотя критерий известен — общественная опасность деяния.

По ст. 20.4 КоАП 2021 г. ответственность наступает в случае нарушения виновными лицами режимов содержания и (или) использования зон охраны недвижимых материальных историко-культурных ценностей. За 2021–9 месяцев 2023 г. по этой статье привлечены 3 лица. Ранее за аналогичные административные правонарушения привлекались 3 лица в 2012 г., по 1 лицу в 2014 г. и 2018 г.

Невостребованной практикой оказывается ст. 20.5 КоАП 2021 г., устанавливающая ответственность в случае несоблюдения требований об ограничении прав собственника историко-культурной ценности (имеется в виду смена места нахождения (хранения), условий содержания и использования историко-культурной ценности, за исключением историко-культурной ценности, включенной в Музейный фонд Республики Беларусь, без согласования с местным исполнительным и распорядительным органом либо

передача историко-культурной ценности во владение или пользование Вооруженным Силам Республики Беларусь, другим войскам или воинским формированиям): в 2021–2023 гг. по этой статье никто не привлекался, а за период с 2007 по 2021 гг. составлено всего 2 административных протокола: в 2011 г. и 2016 г.

По ст. 20.6 КоАП 2021 г. наказуемы незаконный поиск и оборот археологических артефактов. Данная норма в сравнении объединила два состава административных правонарушений, ответственность за совершение которых была установлена в ст. 19.8 КоАП 2003 г. (применялась один раз в 2017 г. и 6 раз в 2020 г.) и ст. 19.9 КоАП 2003 г. (применялась только 2 раза, в 2020 г.).

Что касается современного периода, т. е. после вступления в силу нового КоАП, то практике известны 7 случаев применения ст. 20.6–6 протоколов органами внутренних дел составлены в 2022 г. и 1 — в 2023 г. Как представляется, данная статистика не отражает реального положения дел с нелегальным оборотом археологических артефактов (в том числе, нелегальной торговлей предметами археологии) и нелегальными поисками археологических объектов и артефактов. Об этом свидетельствуют многочисленные раскопанные курганы, существующие интернет площадки по торговле и обмену артефактами. Обстоятельствами, способствующие совершению данных правонарушений в сфере археологического наследия, является относительная (а может даже и абсолютная доступность поискового оборудования, в том числе весьма технологичного), определенная «корпоративность» и интернационализация так называемых «черных копателей» («черными археологами» мы их назвать не можем (в этой части в основном присутствует единство мнений [2, с. 175–176; 3; 4, с. 162; 5, с. 347–349]), так как они не отвечают ни квалификационным требованиям последних, ни сути положениям законодательства о порядке осуществления археологической деятельности.

И, наконец, рассмотрим ст. 20.7 КоАП 2021 г., в которой установлена ответственность за нарушение порядка вскрытия воинских захоронений либо проведения поисковых работ. Сразу скажем, согласно статистике число административных дел данной категории и снизилось, и невысокое в принципе: за совершение данных незаконных действий дела возбуждались только (ст. 19.7 КоАП 2003 г. имела ту же диспозицию, что и ст. 20.7 КоАП 2021 г.) в 2010 г. — 4 дела; в 2014 г. — 2 дела; в 2015 г. — дела и 1 дело в 2022 г. В остальные годы факты нелегальных раскопок воинских захоронений не выявлялись.

Таким образом, за незаконные вскрытие воинских захоронений либо проведение поисковых работ в местах, где велись боевые действия или совершались карательные акции, **за 16 лет возбуждено 10 дел** об административных правонарушениях. Отвечает ли эта цифра реалиям нелегальной деятельности по поиску и вскрытию воинских захоронений, которая может осуществляться в строго установленном порядке? В рамках данной статьи оставим этот вопрос открытым, хотя автор убежден, что необходимые пра-

вовые ресурсы для пресечения нелегальных раскопок воинских захоронений в стране, в такой степени пострадавшей в годы Великой Отечественной войны, задействованы не во всей своей моще.

Для ответа на вопрос, кто (какой правоохранительный орган должен осуществлять противодействие (борьбу, как еще недавно называли) с нелегальными раскопками и уполномочен составлять протокол об административном правонарушении, достаточно обратиться к ПиКОАП [7].

Напомним, что в случае такого нелегального вскрытия воинских захоронений, как правило, останки воинов выбрасываются из раскопа наружу, что надо оценивать, как надругательство. Кроме того, в таких захоронениях до сих пор залегают взрывоопасные вещества и оружие, которые могут участвовать в нелегальном обороте, что также весьма опасно для граждан и государства.

Это мы к тому, что правоохранительная деятельность по пресечению нелегальных раскопок и участию военной атрибутики в нелегальном обороте должна быть эффективной: следует выявлять оперативными методами группы «поисковиков» и лиц, способствующих реализации добытых нелегальным путем в глобальной сети Интернет. И поэтому мы предлагаем принципиально (и концептуально) новое решение: признать историко-культурное наследие объектом национальной безопасности.

Чтобы убедиться в данной необходимости, перейдем к анализу уголовной практики. Ответственность за преступления в данной сфере установлена в ст. 344–346 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее — УК) (в данной статье мы не анализируем составы преступлений, посягающие на историко-культурные (культурные) ценности во время вооруженного конфликта (такие дела по ст. 136, 138 УК в Республике Беларусь не расследовались), а также устанавливающие уголовно-правовые запреты на контрабанду и невозвращение историко-культурных ценностей, рассматриваемые как противодействие нелегальному международному обороту культурных ценностей, выходящие по предмету за пределы настоящего исследования).

Итак, за период с 2001 г. по 9 месяцев 2023 г. возбуждено 67 уголовных дел по ст. 344 УК (Умышленные уничтожение либо повреждение историко-культурных ценностей или культурных ценностей, которым может быть придан статус историко-культурной ценности, из которых 26 за последние полные 10 лет. По ст. 345 УК (Уничтожение, повреждение либо утрата историко-культурных ценностей или культурных ценностей, которым может быть придан статус историко-культурной ценности, по неосторожности) возбуждено 3 дела. По ст. 346 УК (Надругательство над историко-культурными ценностями) возбуждено 35 дел.

Судьба уголовных дел данной категории абсолютно разная: большая часть из них направлена суд, часть приостановлены в связи с не установлением лица, совершившего преступление (это касается и надругательства, и умышленного уничтожения / повреждения историко-культурных ценностей). Вот здесь и должен проявиться принцип неотвратимости наказания за

преступления против, как их иногда называют, памяти, что особенно важно в современный период.

Заключение

Вызовы и угрозы, которым подверглась культура в XX–XXI вв., когда по признакам религиозной, национальной принадлежности, политическим мотивам (например, сносы во многих европейских странах памятников советского периода) и иным причинам разрушается культурное и духовное достояние, искажается и дискредитируется историческая правда, все это детерминирует необходимость выделения историко-культурного наследия в качестве *объекта национальной безопасности*.

В связи с этим предлагаем в новой Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, (проект которой одобрен постановлением Совета национальной безопасности Республики Беларусь от 6 марта 2023 г. № 1), выделить самостоятельно **культурную безопасность**; тем более, что проектом упомянутой выше концепции (п. 8) сохранение самобытности, укрепление духовно-нравственных ценностей белорусского народа, развитие современного культурного пространства страны, защита исторической памяти определено в качестве стратегического национального интереса. Соответственно, целесообразно по-новому определить задачи некоторых правоохранительных органов, указав в числе существующих еще и защиту исторического и культурного наследия; именно этими положениями может и завершится формирование правового инструментария защиты наследия.

Список цитированных источников

1. Архив ИЦ УВД Гродненского облисполкома. Дело № 54/20/24953 от 05.10.2023.
2. *Панфилов, А. Н.* Противодействие незаконному обороту археологических предметов в Российской Федерации: проблемы правового регулирования и правоприменения / А. Н. Панфилов // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2023. — № 47. — С. 172–189.
3. *Панфилов, А. Н.* Противодействие незаконной археологической деятельности в Российской Федерации: вопросы правового регулирования и правоприменения / А. Н. Панфилов. — Без места : Без издательства, 2023. — 210 с.
4. *Шебалов, В. А.* Понятия «черная археология» и «черный копатель» / В. А. Шебалов // Международный научно-исследовательский журнал. — 2022. — № 5–3(119). — С. 160–163.
5. *Шебалов, В. А.* Анализ законодательства в борьбе с «черной археологией»: история и современность / В. А. Шебалов // Трансформация методов охраны окружающей среды, природопользования и безопасной жизнедеятельности населения России и дружественных зарубежных стран в современных условиях : материалы X Междунар. научн.-практич. конф., Саратов, 21 апреля 2023 года / Саратовский национальный исследовательский госу-

дарственный университет имени Н. Г. Чернышевского. — Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2023. — С. 303–307.

6. *Щавелев, С. П.* Российская археология в черно-белую полосу (развивая критику Л. С. Клейном незаконной добычи древностей и уточняя отношение к ней дипломированных археологов) / С. П. Щавелев // Ex Ungue Leonem : Сборник статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна / Отв. ред. Л. Б. Вишняцкий. — Санкт-Петербург : Общество с ограниченной ответственностью «Нестор-История», 2017. — С. 345–355.

7. Процессуально-исполнительный кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях: Кодекс Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 92-3.

Аннотация. В статье предлагается анализ административной и уголовной практике по делам, предметом посягательств в которых являются историко-культурные ценности. Основываясь на результатах проводимого автором с 2001 г. и по 2023 г. включительно научного правового мониторинга соблюдения законодательства об охране историко-культурного наследия, ответственности за его нарушения, автор объясняет тенденции правоохранительной деятельности, формулирует предложения по повышению ее эффективности в сфере историко-культурного наследия.

Цель работы — ознакомлению юридической общественности с особенностями привлечения к административной и уголовной ответственности за правонарушения и преступления, предметом посягательств в которых являются историко-культурные ценности (т. е. принятые на государственный учет памятники) и культурные ценности, которым в последствии может быть присвоен такой статус, а также залегающие в земле и по водой археологические объекты и артефакты, воинские захоронения, другие места увековечения памяти погибших и жертв войн. Опираясь на данные статистики, автор говорит о не востребованности практикой некоторых состав правонарушений, что вызывает необходимость корректировки законодательства.

Выводы и рекомендации по результатам исследования могут быть учтены при организации правоохранительной деятельности в целях сохранения богатого исторического и культурного наследия нашей страны, как того требует ст.ст. 15, 54 Конституции республики Беларусь.

RESPONSIBILITY FOR VIOLATIONS OF LEGISLATION ON PROTECTION OF HISTORICAL AND CULTURAL VALUES: FROM THEORY TO ADMINISTRATIVE AND CRIMINAL PRACTICE

Martynenka I. E.

Keywords: administrative responsibility; legislation on protection of historical and cultural heritage; improvement of legislation on culture; criminal liability; law enforcement activities in the field of historical and cultural heritage.

Abstract. The article provides the analysis of administrative and criminal practice in cases where historical and cultural values are the object of offence. Basing on the results of the scientific legal monitoring of compliance with the legislation on the protection of historical and cultural heritage and the responsibility for its violations conducted by the author from 2001 to 2023 inclusive, the author explains the trends of law enforcement activity, formulates proposals to improve its effectiveness in the field of historical and cultural heritage.

The purpose of the research is to familiarize the legal community with the peculiarities of bringing to administrative and criminal responsibility for offenses and crimes, with the object of infringement being historical and cultural values (i. e. monuments accepted for state registration) and cultural values that may later be assigned such a status, as well as archaeological objects lying in the ground and under water and artifacts, military graves, and other places to perpetuate the memory of the dead and victims of wars. Based on the statistical data, the author concludes that some types of offenses do not occur in practice, which makes it necessary to adjust the legislation.

The conclusions and recommendations based on the results of the study can be taken into account when organizing law enforcement activities in order to preserve the rich historical and cultural heritage of our country, as required by Articles 15, 54 of the Constitution of the Republic of Belarus.

УДК 343.24

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ХАРАКТЕРА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ СОВЕРШЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ НОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Моисеева И. А.

Ключевые слова: воспитательные меры, несовершеннолетний, преступление, принудительные меры, предупреждение преступлений, уголовная ответственность, исправление несовершеннолетнего.

Введение

Проблема предупреждения преступности несовершеннолетних всегда актуальна для общества и государства. Она достаточно специфична, поскольку касается судьбы подрастающего поколения. От того, как она решается сейчас, во многом зависит моральный климат в обществе, а также состояние и тенденции преступности в будущем.

Уголовное правосудие в отношении лиц, не достигших 18 лет, основывается на понимании особого статуса несовершеннолетних, их защите и охране государством в соответствии с национальным и международным законодательством. В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее — УК)

[1] выделена специальная глава об уголовной ответственности несовершеннолетних. основополагающие международные стандарты в области правосудия в отношении несовершеннолетних, нарушающих закон, содержатся в Конвенции ООН о правах ребенка, Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, Руководящих принципах ООН для предупреждения преступности среди несовершеннолетних [2].

Основная часть

Несовершеннолетними в уголовном праве признаются лица, не достигшие 18 лет. По степени социальной зрелости несовершеннолетних законодатель по-разному трактует их ответственность, исходя из того, достигли ли они 14 или 16 лет. Уголовной ответственности подлежат лица, достигшие к моменту совершения преступления 16-летнего возраста. Некоторые преступления имеют такой характер, что несовершеннолетние осознают их общественную опасность и противоправность в более раннем возрасте. Поэтому ч. 2 ст. 27 УК устанавливает уголовную ответственность за отдельные преступления с 14 лет.

А. И. Долгова выделяла преступность несовершеннолетних как самостоятельный вид преступности, если иметь в виду лиц, не достигших 18 лет на момент совершения преступления, но достигших возраста уголовной ответственности. Если же необходимо учитывать совершенные только ими преступления, то это невозможно хотя бы потому, что многие из них совершаются в группе со взрослыми [3, с. 310].

Социально-психологические особенности несовершеннолетних обуславливают необходимость их учета при привлечении к уголовной ответственности и направлены на смягчение уголовной ответственности по сравнению со взрослыми либо применения специальных правовых средств — мер воспитательного характера.

Основы нравственных качеств личности несовершеннолетнего закладываются в семье. Решающее значение в воспитании несовершеннолетнего имеют взаимоотношения родителей, отношение родителей к ребенку, авторитет родителей, степень их влияния на ребенка, умение контролировать его поведение и т. д. Из-за отсутствия твердых моральных убеждений подросток впитывает не только положительные, но и отрицательные стороны поведения родителей. Все это влияет на выбор его поведения и при определенных условиях может привести к совершению преступления. Поэтому в соответствии с ч. 2 ст. 89 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [4] по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, устанавливаются условия их жизни и воспитания, отразившиеся на поведении подростка, которые учитываются при избрании конкретной меры уголовной ответственности несовершеннолетнему.

Недостатки воспитания несовершеннолетнего не устраняют общественной опасности совершенного им преступления. Учет условий жизни несовершеннолетних и влияния на них взрослых при вынесении приговора не должен создавать у несовершеннолетнего впечатление о его собственной

невиновности, выставлять его жертвой обстоятельств, преуменьшать его собственную вину.

Если в ходе судебного рассмотрения уголовного дела будет установлено, что исправление несовершеннолетнего возможно без назначения наказания, то в соответствии с ч. 1 ст. 117 УК суд признает его виновным и назначает ему вместо наказания принудительную меру воспитательного характера. Эта мера не является новеллой действующего УК. Согласно ст. 60 УК БССР 1960 г. суд мог не применять уголовное наказание к несовершеннолетнему, совершившему преступление, а назначить ему принудительные меры воспитательного характера. Однако в ст. 60 УК БССР 1960 г. в перечне видов мер не было предостережения (п. 1 ч. 2 ст. 117 действующего УК).

В 2022 г. в Республике Беларусь из осужденных несовершеннолетних к 29,1 % применены принудительные меры воспитательного характера, в 2021 г. — к 29,7 %, в 2020 г. — к 27,1 %, в 2019 г. — 26,1 %, в 2018 г. — 28,1 %, в 2017 г. — 21 %, в 2016 г. — 17,1 % [5]. Следует отметить определенную стабильность в представленных цифрах и отсутствие случайных нерегулируемых колебаний. Несомненно, еще одним положительным моментом, на наш взгляд, является то обстоятельство, что назначение судами несовершеннолетним вместо наказаний принудительных мер воспитательного характера имеет тенденцию к росту: от 17,1 % в 2016 г. до 29,1 % в 2022 г.

Эта мера может быть применена, если 1) исходя из данных о личности несовершеннолетнего, суд пришел к выводу, что исправительные меры должны носить воспитательный, а не карательный характер, и 2) несовершеннолетний не представляет серьезной опасности для общества, поскольку совершенное им преступление не представляет большой общественной опасности, либо он впервые совершил менее тяжкое преступление.

Так, по приговору суда М. признан виновным в краже, совершенной неоднократно, с проникновением в жилище и осужден в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 117 УК с применением принудительной меры воспитательного характера. В протесте прокурора на приговор суда ставится вопрос об отмене приговора в связи с неправильным применением уголовного закона. Президиум областного суда находит его подлежащим удовлетворению. М. ранее был осужден судом за менее тяжкое преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 205 УК, с применением принудительной меры воспитательного характера в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 117 УК. Данная судимость не была погашена или снята, поскольку М. совершил новое, менее тяжкое преступление до истечения срока судимости.

Повторное осуждение М. с применением принудительной меры воспитательного характера за менее тяжкое преступление по ч. 2 ст. 205 УК является незаконным. Поэтому приговор суда подлежит отмене, а дело — направлению на новое рассмотрение.

Решение суда о применении принудительной меры воспитательного характера к несовершеннолетнему поступает в инспекцию по делам несовершеннолетних (далее — инспекция) по месту его жительства. Несовершеннолетний в 10-дневный срок приглашается в инспекцию, где ему разъясняются

порядок и условия исполнения и отбывания принудительных мер, меры поощрения и взыскания, которые инспекция может применить.

Инспекция осуществляет профилактическое наблюдение за несовершеннолетним. Он заранее обязан уведомлять орган внутренних дел о перемене места жительства, выезде по личным делам в другую местность на срок свыше одного месяца, являться в указанный орган по его вызову и при необходимости давать объяснения по поводу своего поведения и образа жизни.

При нарушении со стороны несовершеннолетнего инспекция сначала выносит официальное предупреждение, а в случае повторных нарушений — выговор в письменной форме. Если такие нарушения совершаются после вынесения выговора в письменной форме, инспекция может направить в суд ходатайство о замене более строгой принудительной мерой.

Из положений ч. 2 и 3 ст. 185 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь [6] умышленным уклонением считаются нарушения общественного порядка, учебной и трудовой дисциплины; невыполнение обязательства по возмещению или устранению причиненного ущерба в установленный срок; несоблюдение определенного порядка использования свободного времени или нарушение установленных запретов на ограничение свободы досуга, совершенные после вынесения несовершеннолетнему выговора в письменной форме.

В соответствии со ст. 28 Закона Республики Беларусь «Об основах деятельности по профилактике правонарушений» [7] профилактический учет ведется и в отношении лиц, к которым более не применяются принудительные меры воспитательного характера в связи с достижением ими 18-летнего возраста, в целях предупреждения подготовки или совершения ими правонарушений и оказания на них профилактического воздействия.

В качестве принудительных воспитательных мер суд может: 1) вынести несовершеннолетнему предупреждение о недопустимости совершения новых преступлений; 2) обязать принести извинения потерпевшему; 3) обязать возместить причиненный преступлением ущерб; 4) ограничить досуг или 5) поместить в специальное учебно-воспитательное или специальное лечебно-воспитательное учреждение.

Обязанность принести извинения потерпевшему применяется, когда несовершеннолетний искренне раскаивается и готов искупить свою вину. Форма извинения определяется судом с учетом указанных обстоятельств и пожеланий потерпевшего.

Обязать несовершеннолетнего, достигшего ко дню постановления приговора 15-летнего возраста, возместить своими средствами или устранить своим трудом причиненный преступлением ущерб возможно, если он имеет самостоятельный заработок и размер ущерба не превышает среднемесячного заработка (дохода). В противном случае ущерб взыскивается в порядке гражданского судопроизводства. Срок и порядок возмещения причиненного ущерба определяются инспекцией.

Суд может установить на срок от одного до шести месяцев особый порядок использования несовершеннолетним свободного от учебы и работы

времени. Суд может запретить посещать определенные места; использовать определенные формы досуга, в том числе связанных с управлением транспортным средством; находиться вне дома в определенное время суток; обязать являться на регистрацию в инспекцию по месту жительства осужденного.

Например, приговором суда Д., не судимая, осуждена по ч. 1 ст. 205 УК Республики Беларусь к аресту сроком на 1 месяц.

В апелляционном протесте прокурор района, не оспаривая вину обвиняемой и правильность квалификации ее действий, считает, что приговор подлежит изменению, по ч. 1 ст. 205 УК в соответствии с п. 4 ч. 2 ст. 117 УК применить принудительные меры воспитательного характера, ограничить досуг на один месяц и пребывание вне дома с 22 до 6 часов, обязать Д. являться в орган, осуществляющий контроль за поведением несовершеннолетнего.

Судебная коллегия по уголовным делам областного суда удовлетворила апелляционный протест прокурора. Преступление, за которое была осуждена Д., относится к категории менее тяжких преступлений, и она полностью и искренне раскаялась в содеянном. Она удовлетворительно характеризуется по месту жительства и учебы, впервые привлекается к уголовной ответственности, совершила преступление в несовершеннолетнем возрасте, потерпевший материальных претензий к ней не имеет.

Приговор районного суда не может быть признан законным и обоснованным, поэтому подлежит изменению. Назначенное Д. наказание в виде ареста является явно несправедливым из-за его суровости и несоответствия тяжести преступления личности обвиняемой.

Если досуг не был ограничен судом при постановлении приговора, инспекция при необходимости может направить в суд ходатайство о его ограничении. Применение принудительных мер воспитательного характера в виде ограничения досуга прекращается по достижении 18 лет.

Помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное или специальное лечебно-воспитательное учреждение — наиболее строгая мера, когда оказать профессиональное и целенаправленное воспитательное воздействие с целью исправления несовершеннолетнего возможно только если он постоянно находится в учреждении.

В соответствии со ст. 289 Кодекса Республики Беларусь «Об образовании» [8] специальные учебно-воспитательные учреждения и специальные лечебно-воспитательные учреждения осуществляют мероприятия по устранению причин и условий, создавших неблагоприятную среду для детей. В специальном лечебно-воспитательном учреждении проводится также комплексная реабилитация воспитанников, которым установлены ограничительные меры на потребление наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ, употребление алкогольных, слабоалкогольных напитков или пива. Несовершеннолетний может быть помещен в специальное учебно-воспитательное или специальное лечебно-воспитательное учреждение не более, чем до достижения им 18-летнего возраста.

Так, например, по протесту заместителя Председателя Верховного Суда президентом Минского городского суда своим постановлением изменил приговор в отношении Д., А. и П., указав, что в соответствии с п. 5 ч. 2 ст. 117 УК суд может вынести решение о помещении несовершеннолетних в специальное учебно-воспитательное учреждение на срок до двух лет, но не более чем до достижения ими 18 лет. Это требование закона не было выполнено. А. и П. были помещены в специальное учебно-воспитательное учреждение на один год и шесть месяцев, а Д. — на два года. В то же время по делу установлено, что А. исполняется 18 лет через шесть месяцев, Д. — через десять, а П. — через восемь.

Таким образом, назначенные судом сроки помещения осужденных в специальные учебно-воспитательные учреждения превышают установленные законом. В судебные решения были внесены изменения, срок помещения несовершеннолетних в специальное воспитательное учреждение сокращен до достижения ими 18-летнего возраста.

Если несовершеннолетний исправился, то его пребывание в специальном учебно-воспитательном или специальном лечебно-воспитательном учреждении может быть досрочно прекращено судом.

Заключение

Подводя итог, можно сделать следующие выводы.

Принудительные меры воспитательного характера применяются к несовершеннолетнему, совершившему преступление, в целях его исправления, предупреждения совершения им новых преступлений и воспитания, а также способствуют восстановлению социальной справедливости, если суд обязал его принести извинения потерпевшему или возместить причиненный ущерб.

Несовершеннолетний находится на стадии становления как личности, и совершенное им преступление в большинстве случаев является результатом стечения неблагоприятных жизненных обстоятельств. Поэтому процесс его ресоциализации должен, по возможности, опираться на естественные первичные социальные институты и привычную позитивную социальную среду. В борьбе с подростковой преступностью наиболее важным аспектом является раннее предупреждение, и возможность использования воспитательных мер для несовершеннолетних играет важную роль. Как правило, подростки сами не могут изменить свою жизненную ситуацию, а их личностные деформации еще не столь значительны, как у взрослых.

Таким образом, в основе предупреждения преступности несовершеннолетних должен лежать принцип максимального благополучия подростка и презумпция его дальнейшей позитивной социализации. Уголовным законом суду предоставлена возможность выбора вида принудительной меры воспитательного характера в зависимости от конкретных обстоятельств дела: характера и причин совершенного преступления, условий жизни и воспитания несовершеннолетнего, его возраста, ближайшего окружения и его влияния на поведение несовершеннолетнего и т. д. Более того, суд может назначить несовершеннолетнему одну или несколько воспитательных мер.

А в случае злостного уклонения несовершеннолетнего в период действия судимости суд по представлению органа, ответственного за ее исполнение (инспекции по делам несовершеннолетних), может заменить эту меру на более строгую.

Список цитированных источников

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 09.03.2023 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

2. Практика применения судами законодательства при рассмотрении уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних (по материалам обзора) [Электронный ресурс] // Верховный суд Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://court.gov.by/upload/JUSTICE/Sudovy%20vesnik%202016-1%20nesovershennoletnie.pdf>. — Дата доступа: 05.09.2023.

3. Долгова, А. И. Криминология : учебник / А. И. Долгова. — М. : Норма, 2018. — 368 с.

4. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 16 июля 1999 г., № 295-З : принят Палатой представителей 24 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

5. Судимость несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Верховный суд Республики Беларусь. — Режим доступа: https://court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/children/. — Дата доступа : 06.09.2023.

6. Уголовно-исполнительный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 2000 г., № 365-З : принят Палатой представителей 14 дек. 1999 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 30.06.2022 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

7. Об основах деятельности по профилактике правонарушений [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 4 янв. 2014 г., № 122-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.01.2022 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

8. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс] : 13 янв. 2011 г., № 243-З : принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г. : одобр. Советом Респ. 22 дек. 2010 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 06.03.2023 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

Аннотация. Несовершеннолетние подлежат повышенной правовой охране и защите, а в случае совершения преступления к ним при наличии необходимых к тому требований действующего уголовного законодательства Республики Беларусь могут быть применены специальные правовые средства — меры воспитательного характера. Во введении статьи говорится об актуальности проблемы предупреждения преступности несовершеннолетних и соответствии уголовного законодательства международным требованиям в части уголовной ответственности несовершеннолетних. В основной части автор анализирует принудительные меры воспитательного характера, применяемые к несовершеннолетнему лицу, совершившему преступление, как альтернативу уголовному наказанию и их применение на основе судебной практики. В заключении делается вывод о необходимости сохранения положительной тенденции назначения судами принудительных мер воспитательного характера в отношении лиц, не достигших 18-летнего возраста.

**COMPULSORY EDUCATIONAL MEASURES AND THEIR
IMPORTANCE IN PREVENTING THE COMMISSION OF NEW
OFFENCES BY MINORS**

Maisyeva I. A.

Keywords: educational measures, juvenile, crime, coercive measures, prevention of crimes, criminal responsibility, correction of a minor.

Abstract. Minors are subject to increased legal protection and defence, and in the event of the commission of an offence, special legal means — educational measures — may be applied to them in the presence of the necessary requirements of the current criminal legislation of the Republic of Belarus. The introduction describes the urgency of the problem of preventing juvenile delinquency and the conformity of criminal legislation with international requirements with regard to the criminal liability of juveniles. In the main part, the author analyses coercive measures of an educational nature applied to a minor who has committed a crime as an alternative to criminal punishment and their application on the basis of judicial practice. The conclusion is that it is necessary to maintain the positive trend of appointment by the courts of compulsory educational measures in respect of persons under 18 years of age.

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ КАК ВЫЗОВ ДЛЯ УГОЛОВНОГО ПРАВА: ПОНЯТИЕ И ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОБЩЕПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Павлова Л. В., Черкас А. В.

Ключевые слова: искусственный интеллект, электронное лицо, правовой статус, преступление, ответственность

Введение

Последние достижения человечества в области науки и техники обусловили возможность широкого использования человеком технологии искусственного интеллекта (англ. — artificial intelligence (AI)) (далее — ИИ). ИИ постепенно стал применяться во многих сферах жизни: образовании, медицине, экономике, военной сфере, промышленности, сельском хозяйстве, робототехнике и др. Наиболее яркими примерами использования систем ИИ являются персональные помощники — активируемые и управляемые голосом программы, способные понимать речь человека, отвечать на его вопросы и давать рекомендации; не меньшая популярность у автомобилей компании Tesla, обладающих технологией беспилотного управления.

В Республике Беларусь вопросы развития систем ИИ рассматриваются в общем контексте цифровизации экономики, государственного управления, социальной сферы и формированием V технологического уклада. Например, изданы Декрет Президента Республики Беларусь от 21 декабря 2017 г. № 8 «О развитии цифровой экономики», подписан Указ Президента Республики Беларусь от 7 апреля 2022 г. № 136 «Об органе государственного управления в сфере цифрового развития и вопросах информатизации», согласно которому головной организацией по реализации мероприятий в сфере цифрового развития, оператором государственных цифровых платформ и информационных систем определен Центр цифрового развития в составе Министерства связи и информатизации Республики Беларусь. Практическим аспектом применения систем ИИ являются программы «умное производство», проект «Индустрия 4.0»; белорусские программы ИИ применяются в медицине — созданы прототипы интеллектуальной аналитической системы для обработки и анализа разнородных клинических и биомедицинских данных с целью совершенствования диагностики сложных заболеваний [1] и др., что требует соответствующего правового сопровождения.

Основная часть

В связи со все большим использованием систем ИИ вопрос о надлежащем правовом регулировании общественных отношений, возникающих как по поводу разработки и производства, так еще в большей степени применения систем ИИ, является весьма актуальным. Данные проблемы выступают пред-

метом исследования зарубежных (J. McCarthy, R. Leenes, F. Lucivero, A. Г. Велеводз, П. М. Морхат, В. А. Шестак, О. А. Ястрембов и др.) и отечественных ученых (А. Л. Савенок, В. И. Павлов, М. С. Абламейко, Н. С. Минько). Указанные вопросы анализируются в том числе с учетом признанных теоретико-правовых конструкций и норм национального уголовного законодательства, призванного охранять наиболее важные общественные отношения и блага (например, жизнь, здоровье граждан) и предусматривающего применение мер уголовной ответственности к виновным лицам. Практиковостребованные дискуссии разворачиваются по проблеме, насколько достаточны положения, устанавливающие общий правовой режим, или все же необходима корректировка законодательства с учетом особенностей систем ИИ. Наглядные примеры — определение авторства произведений, созданных нейросетями, правовой статус виртуального игрового пространства и наполняющих его объектов, новые формы противоправного поведения с использованием цифровых инструментов и др.

Совершенствование законодательства необходимо для эффективной реализации не только регулятивной, но и охранительной функций. В отсутствие в Республике Беларусь судебной практики возложения ответственности на системы ИИ обратимся к опыту и концепциям, получающим признание в зарубежных странах. В подавляющем большинстве описываемых случаев речь идет о привлечении к уголовной ответственности физических лиц, связанных с работой систем ИИ («умных» машин, роботов) [2]. При этом можно выделить два наиболее общих подхода:

ответственности должны подлежать лица, запрограммировавшие систему ИИ (причастные к разработке системы ИИ);

ответственности должны подлежать лица, использующие систему ИИ в качестве инструмента.

Например, Р. Линес и Ф. Люсивер отстаивают точку зрения, в соответствии с которой ответственность за вред, причиненный системой ИИ, несет лицо, его запрограммировавшее, либо лицо, ответственное за его эксплуатацию в установленных законом рамках [3].

В то же время все чаще указывается на целесообразность возложения ответственности на самих роботов, отличительной чертой которых является способность обучать себя на основе накопленного опыта. Например, исследователями перспективно указывается на вполне возможную ответственность систем ИИ за деяния, содержащие одновременно как виновное волевое действие, так и противоправное намерение со стороны техники. «Такая ответственность возможна в том случае, если искусственный интеллект признается субъектом уголовного права, а также если он на основе самостоятельно выработанного алгоритма совершает деяние, влекущее за собой общественно опасные последствия, либо таковые наступают в результате невыполнения системой действий, предусмотренных изначальным алгоритмом, то есть если его действие приобретает волевой виновный характер» [4].

В реализации данного предложения определенные трудности вызывает отсутствие единого доктринального подхода к определению понятия «искус-

ственный интеллект». Данный термин начали использовать в 50-е годы прошлого столетия. Его автором является Джон Маккарти, который определял искусственный интеллект как «науку и технику создания интеллектуальных машин, главным образом — интеллектуальных компьютерных программ» [5, с. 2]. С момента введения данного понятия прошло более 60 лет и за это время появились новые характеристики ИИ, а учеными были разработаны различные подходы к дефиниции ИИ.

Так, одним из определений ИИ является следующее: «искусственный интеллект — это наука и технология, включающая набор средств, позволяющих компьютеру на основании накопленных знаний давать ответы на вопросы и делать на базе этого экспертные выводы, т. е. получать знания, которые в него не закладывались разработчиками» [6, с. 130].

П. М. Морхат в своих исследованиях выделил такие интерпретационные позиции:

ИИ как кибернетический инструмент расширения и усиления возможностей человеческого интеллектуального потенциала и интеллектуальных возможностей;

ИИ как призванный заместить человека (по его воле и под его контролем) при выполнении определенных функций и в решении определенных задач автономный кибернетический или киберфизический компьютерно-аппаратно-программный юнит, обладающий способностями и возможностями к антропоморфным мыслительным и когнитивным процессам, таким, как обучение и самообучение, рефлексия и саморефлексия, рассуждение, самореферентность и саморегулирование, творческое решение задач [7, с. 68].

Исходя из данных позиций, П. М. Морхат определяет искусственный интеллект как полностью или частично автономную самоорганизующуюся (самоорганизующуюся) компьютерно-аппаратно-программную виртуальную или киберфизическую, в том числе био-кибернетическую, систему (юнит), наделенную / обладающую способностями и возможностями, среди которых автор называет способность мыслить, самоограничиваться, обучаться, самостоятельно принимать решения и т. д. [7, с. 69].

Расширенное авторское определение ИИ с указанием на его признаки представлено И. В. Понкиным и А. И. Редькиной, изложившими, что ИИ — это искусственная сложная кибернетическая компьютерно-программноаппаратная система (электронная, в том числе — виртуальная, электронномеханическая, био-электронно-механическая или гибридная) с когнитивно-функциональной архитектурой и собственными или релевантно доступными (приданными) вычислительными мощностями необходимых емкостей и быстродействия, обладающая:

свойствами субстантивности (включая определенную субъектность, в том числе как интеллектуального агента) и в целом автономности, а также элаборативной (имеющей тенденцию совершенствования) операциональности;

высокоуровневыми возможностями воспринимать (распознавать, анализировать и оценивать) и моделировать окружающие образы и символы, отношения, процессы и обстановку (ситуацию), самореферентно прини-

мать и реализовывать свои решения, анализировать и понимать свои собственные поведение и опыт, самостоятельно моделировать и корректировать для себя алгоритмы действий, воспроизводить (эмулировать) когнитивные функции, в том числе связанные с обучением, взаимодействием с окружающим миром и самостоятельным решением проблем;

способностями самореферентно адаптировать свое собственное поведение, автономно глубинно самообучаться (для решения задач определенного класса или более широко), осуществлять омологацию себя и своих подсистем, в том числе вырабатывать омологированные «языки» (протоколы и способы) коммуникации внутри себя и с другими искусственными интеллектами, субстантивно выполнять определенные антропоморфно-эмулирующие (конвенционально относимые к прерогативе человека (разумного существа)) когнитивные (в том числе — познавательно-аналитические и творческие, а также связанные с самоосознанием) функции, учитывать, накапливать и воспроизводить (эмулировать) опыт (в том числе — человеческий) [8, с. 94–95].

Обратим внимание, что большинство современных исследователей все чаще указывают в определении на ИИ как на автономное системное самодостаточное образование (что значимо, например, для разграничения ИИ и «умной» бытовой техники). Тем самым на повестку выходит проблема субъекта права, субъекта ответственности, что претендует на расширение представления о субъекте права только как о физическом лице или коллективном взаимодействии физических лиц в рамках юридического лица. Вопрос признания или непризнания правовой обособленности и самостоятельности систем ИИ является одним из первоочередных, подлежащих решению для выстраивания правового механизма регулирования отношений, в которые включаются системы ИИ. Как показывает анализ научных работ по данной тематике, даже при положительном решении указанного вопроса, определение прав и обязанностей, которыми система ИИ может обладать в качестве субъекта права, является дискуссионным и вариативным.

При этом сторонники точки зрения о возможности и, что важно, необходимости придания статуса субъекта права роботам, обладающим ИИ, выделяют следующие направления проработки такого статуса:

- 1) рассмотрение систем ИИ по примеру правового положения животных;
- 2) придание системам ИИ правового статуса юридического лица или же аналогичного ему;
- 3) придание системам ИИ правового статуса совершенно нового субъекта права.

Предложение о рассмотрении правового положения систем искусственного интеллекта по аналогии с животными явилось одним из первых среди вариантов решения этого вопроса. Данный подход предполагает определение ИИ в качестве объекта правоотношений наравне с животными. Такая точка зрения обосновывается отсутствием возможности привлечения как животных, так и роботов к юридической ответственности. Особенностью правового статуса животных является то, что они обладают рядом прав (на-

пример, право на защиту от жестокого обращения, право на хорошее обращение, право на ветеринарную помощь и др.), но не несут никаких обязанностей и, соответственно, не могут считаться полноценными субъектами права.

Некоторыми исследователями рассматриваемый вопрос изучается с учетом положений об источнике повышенной опасности [9]; в качестве таких источников могут рассматриваться беспилотные транспортные средства, использование которых существенно осложняет отношения между участниками дорожного процесса. В связи с этим отмечается, что уголовным законом должна предусматриваться ответственность пользователей систем ИИ именно как пользователей источника повышенной опасности.

Исследователи, выступающие за наделение систем ИИ определенными правами и обязанностями, принадлежащими юридическим лицам, в свою очередь, говорят о том, что несмотря на то, что юридические лица тоже не обладают душой, сознанием, чувствами, желаниями, интересами и пр., они все же являются субъектами определенных правоотношений, что вполне применимо и к системам ИИ [10].

В настоящее время также активно обсуждается возможность придания системам ИИ статуса совершенно нового субъекта права, получившего название «электронное лицо» [11; 12]. Такой вариант решения вопроса о правосубъектности ИИ предложен Парламентом Европейского союза в Резолюции от 16.07.2017 «Гражданско-правовые нормы о робототехнике» (Civil Law Rules on Robotics) [13]. Выработанные правила касаются не всех систем ИИ, а только так называемых умных роботов, которые способны учиться, приобретая новый опыт и адаптируя свое поведение к окружающей среде. Сюда можно отнести, к примеру, автономные транспортные средства и беспилотные летательные аппараты, роботы в области медицины, промышленности. Наделение роботов всеми правами, принадлежащими человеку (к примеру, правом на жизнь, правом голоса или же правом владения имуществом) не предполагается. В этом видится отличие правового статуса систем ИИ от правового статуса физических лиц. Данный подход небезупречен, поскольку порождает вопрос о фундаментальных (неотъемлемых) правах данных субъектов (например, самостоятельность в само-включении-отключении-перезапуске и возможность воспрепятствования внешнему отключению при выполнении запрограммированной функции). В связи с указанным исследователями предлагается закрепить такие права систем ИИ, как право на неприкосновенность, подразумевающее, что любые изменения, модификация, форматирование либо ликвидация юнита искусственного интеллекта (или комплементарного с ним программного обеспечения) могут быть осуществлены исключительно только с санкции уполномоченного органа власти, а несанкционированные подобного рода действия квалифицируются как преступление против «электронного субъекта» и пр. [14].

Вопрос ответственности роботов, который также был затронут в указанном акте, вызвал критику исследователей в области ИИ-технологий и права. По мнению ученых, невозможно доказать ответственность машины, если она из-за сбоя или недостаточного совершенства своих алгоритмов нанесла

окружающим вред [15]. Рассмотрению этого вопроса посвящены работы белорусских ученых. Так, А. Л. Савенок, рассматривая проблему безопасного взаимодействия человека и техники на примере использования беспилотных автомобилей, отмечает, что использование техники с элементами ИИ влечет за собой целый спектр новых проблем, связанных с уголовной ответственностью [16, с. 312].

Более новым правовым актом, касающимся регламентации систем ИИ, является Закон об искусственном интеллекте (Artificial Intelligence Act), 2021 г., который при одобрении Совета ЕС и соблюдении иных необходимых процедур может вступить в силу в конце 2023 г. В законе определены принципы разработки и использования ИИ, в том числе с высоким уровнем риска, вопросы контроля со стороны человека, надежности, кибербезопасности; закреплены обязанности поставщиков, пользователей и иных лиц по отношению к системам ИИ, не выполнение которых может выступить основанием привлечения к ответственности [17]. В то же время в законе не отражены правовой статус систем ИИ и надлежащие модели ответственности.

Исследователи, выступающие против признания систем ИИ субъектом права, в качестве аргумента приводят отсутствие у систем ИИ ряда элементов, характерных для индивида и составляющих правосубъектность. Сторонники данной позиции зрения говорят о том, что системы ИИ не обладают такими качествами, как сознание, чувства, интересы, возраст и т. д., являющимися существенными для субъектности физических лиц. Если система ИИ демонстрирует поведение, которое может быть свидетельством перечисленных качеств, это означает, что система имитирует поведение человека, «но симуляция вещи — это не сама вещь» [18, с. 121]. Более того полагаем, что автономия субъекта проявляется в самосознании и свободной воле, свойственных личности и во многом определяющих поведение, что и являет свободу как личностное свойство человека и не соотносится пусть и относительной, хаотичной, но все же с программной алгоритмизацией. С данными свойствами связана конструкция субъективной стороны состава преступления, а также принципиальное положение уголовного закона о личной виновной ответственности лица, совершившего преступление.

Следует признать, что деятельность систем ИИ объективно может быть общественно опасной, нарушать охраняемые уголовным законом общественные отношения, вместе с тем вопрос о возможности привлечения системы ИИ к уголовной ответственности не может быть решен, пока не будет выработан общеправовой подход о правовом статусе системы ИИ. В случае признания за системой ИИ ряда правомочий, определение правовой модели такого субъекта права видится первоочередной задачей, решение которой позволит развивать отраслевые теоретические и законодательные положения.

Наряду с необходимостью решения вышеуказанных вопросов, исследователями (в том числе разработчиками «Civil Law Rules on Robotics») указывается на важность учета и нормативного закрепления базовых этических принципов, поскольку фактически в современном мире происходит «технологическая революция» и требуются новые правила и ориентиры. Обес-

покоенность рисками и этическими дилеммами, связанными с ИИ, в числе которых неприкосновенность частной жизни, вопросы взаимодействия человека и робота, риски трудоустройства, манипулирование, обозначены в Декларации XIV саммита БРИКС (Пекин, 2022 г.) [19]. На данную проблему неоднократно затрагивалась и на страницах отечественной юридической печати [20].

Заключение

Вопрос о правосубъектности системы ИИ и наделения ее определенным правовым статусом является дискуссионным и обсуждаемым не только научным сообществом и юристами-практиками, но и широким кругом общественности. Интерес к данной теме подтверждает ее актуальность, которая вряд ли будет утрачена в ближайшее время, поскольку развитие технологии ИИ имеет важное значение для всего мирового сообщества. Вариативность представленных в научной литературе точек зрения свидетельствует о поиске наиболее оптимального решения вопроса о правовой регламентации отношений, в которых задействованы системы ИИ.

Правовое регулирование общественных отношений, в которые включаются системы ИИ должно развиваться динамично, но последовательно, с учетом проработки всех осознаваемых и потенциальных рисков и угроз, особенностей применения систем ИИ в различных сферах жизни. Особого внимания заслуживают дилеммы этико-социального, антропологического характера.

Уделение внимания системам ИИ с позиции национального права, и в частности — уголовного, объективно востребовано, способствует постановке и решению проблем допустимости признания системы ИИ в качестве субъекта преступления, квалификации совершенного деяния, ответственности за вред, причиненный такой системой и иное. Исследование в данном направлении будет продолжено с учетом того решения, которое устоит в отечественной теории права в вопросе признания либо непризнания системы ИИ как субъекта права.

Список цитированных источников

1. Межведомственный исследовательский центр искусственного интеллекта [Электронный ресурс] // ОИПИ НАН Беларуси. — Режим доступа: <http://uiip.bas-net.by/intellekt/>. — Дата доступа: 02.10.2023.
2. Бывший водитель Waymo устроил умышленную аварию с участием беспилотника [Электронный ресурс] // N+1. — Режим доступа: <https://nplus1.ru/news/2020/02/14/waymo>. — Дата доступа: 13.04.2021.
3. Leenes, R. Laws on robots, laws by robots, laws in robots: regulating robot behaviour by design / R. Leenes, F. Lucivero // Law, Innovation a. Technology. — 2014. — Vol. 6, № 2. — P. 194–222.
4. Шестак, В. А. О возможности доктринального восприятия системой общего права искусственного интеллекта как субъекта преступления: на

примере уголовного законодательства США / В. А. Шестак, А. Г. Волеводз, В. А. Ализаде // Всероссийский криминологический журнал. — 2019. — Т. 13, № 4. — С. 547–554.

5. McCarthy, J. Artificial intelligence, logic and formalizing common sense / J. McCarthy // Philosophical logic and artificial intelligence / ed. R. Thomason. — Boston, 1989. — P. 161–190.

6. Пройдаков, Э. М. Современное состояние искусственного интеллекта [Электронный ресурс] / Э. М. Пройдаков // Науковед. исслед. — 2018. № 2018. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-sostoyanie-iskusstvennogo-intellekta>. — Дата доступа: 13.04.2021.

7. Морхат, П. М. Искусственный интеллект: правовой взгляд / П. М. Морхат ; под ред. И. В. Понкина. — М. : Буки Веди, 2017. — 257 с.

8. Понкин, И. В., Искусственный интеллект с точки зрения права / И. В. Понкин, А. И. Редькина // Вестн. Росс. ун-та дружбы народов. — Серия: Юридические науки. — 2018. — Т. 22. — № 1. — С. 91–109.

9. Каргаполова, Н. Г. Домашние животные как источник повышенной опасности / Н. Г. Каргаполова, Т. В. Мельникова // Основ. тенденции развития рос. законодательства. — 2011. — № 6. — С. 44.

10. Бутюгов, Г. П. Искусственный интеллект как юридическое лицо / Г. П. Бутюгов, В. В. Зайцев // Юриспруденция 2.0: новый взгляд на право : материалы межвуз. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Москва, 8 дек. 2017 г. / Рос. ун-т дружбы народов. — М., 2017. — С. 467–471.

11. Ястребов, О. А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы [Электронный ресурс] / О. А. Ястребов // Тр. Ин-та государства и права Рос. акад. наук. — 2018. — № 2. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravosubektnost-elektronnogo-litsa-teoretiko-metodologicheskie-podhody>. — Дата доступа: 13.04.2021.

12. Морхат, П. М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо [Электронный ресурс] / П. М. Морхат // Вестн. МГОУ. Сер.: Юриспруденция. — 2018. — № 2. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yunit-iskusstvennogo-intellekta-kak-elektronnoe-litso>. — Дата доступа: 13.04.2021.

13. Civil Law Rules on Robotics [Электронный ресурс] // European Parliament. — URL: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/571379/IPOL_STU%282016%29571379_EN.pdf. (дата обращения 02.09.2023)

14. Соколова, М. Коллизии «права роботов» [Электронный ресурс] / М. Соколова // itWeek. — Режим доступа: <https://www.itweek.ru/ai/article/detail.php?ID=195514>. — Дата доступа: 13.04.2021.

15. Ксенофонтова, А. Бесправный механизм: почему ученые выступили против присвоения роботам статуса «электронной личности» [Электронный ресурс] / А. Ксенофонтова. — Режим доступа: <https://russian.rt.com/science/article/504118-roboty-evroparlament-yuridicheskoye-lico>. — Дата доступа: 13.04.2021.

16. Савенок, А. Л. Право и техника / А. Л. Савенок // Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика : материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 95-летию со дня рождения заслуж. деятеля науки Респ. Беларусь д-ра юрид. наук, проф. А. В. Дулова, Минск, 25 окт. 2019 г. / Белорус. гос. ун-т ; редкол.: В. Б. Шабанов (отв. ред.) [и др.]. — Минск, 2019. — С. 310–313.

17. The Artificial Intelligence Act [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://artificialintelligenceact.eu/>. — Дата доступа: 20.09.2023.

18. Дремлюга, Р. И. Искусственный интеллект — субъект права: аргументы за и против / Р. И. Дремлюга, О. А. Дремлюга // Правовая политика и правовая жизнь. — 2019. — № 2. — С. 120–125.

19. Декларация XIV саммита БРИКС (Пекин, 2022) [Электронный ресурс] // БРИКС. — Режим доступа: https://www.nkibrics.ru/system/asset_docs/data/635a/6df2/6272/6945/fa54/0000/original/%D0%A5IV...pdf?1666870770. — Дата доступа: 02.09.2023.

20. Павлов В. И. Человек — право — государство — техника: трансформация ценностных оснований правового регулирования в современном мире / В. И. Павлов // Человек и право: проблема ценностных оснований правового регулирования : сборник научных трудов : [материалы V междунар. науч. конф. по проблемам классической и постклассической методологии юридической науки, Минск, 3–4 мая 2019 г. — Минск. — С. 163–176.

Аннотация. Все большее внедрение в жизнь современного общества технологических инноваций, в частности — искусственного интеллекта (далее — ИИ), требует соответствующего правового регулирования. Приведены некоторые определения понятия ИИ и наиболее распространенные точки зрения о статусе системы ИИ, поскольку развитие и применение технологий ИИ порождает вопросы в теории уголовного права, в сфере уголовного законодательства и практики его применения. Решение вышеуказанных отраслевых проблем связано с согласованием общеправового подхода о правовом статусе системы ИИ.

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A CHALLENGE FOR CRIMINAL LAW: THE CONCEPT AND MAIN APPROACHES TO GENERAL LEGAL REGULATION

Pavlova L. V., Cherkas A. V.

Keywords: artificial intelligence, electronic person, legal status, crime, responsibility.

Abstract. The increasing introduction of technological innovations into the life of modern society, in particular — artificial intelligence (hereinafter — AI), requires appropriate legal regulation. Some definitions of the concept of AI and the most common points of view about the status of the AI system are given. The development and application of AI raises questions in the theory of criminal law, in the field of criminal law and the practice

of its application. Their solution is connected with the coordination of a general legal approach to the legal status of the AI system.

УДК 343.7

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ НОРМ, НАПРАВЛЕННЫХ НА ОХРАНУ ДРЕВЕСНО-КУСТАРНИКОВОЙ РАСТИТЕЛЬНОСТИ

Радевич А. С.

Ключевые слова: уголовный кодекс; экологические преступления; древесно-кустарниковая растительность; экологическая безопасность; незаконная рубка; история уголовного законодательства.

Введение

Исследование современного состояния правовых норм предполагает обращение к истории их становления, развития и изменения в целях учета положительного и негативного опыта конструирования указанных норм.

В литературе отмечается, что на протяжении длительного времени история уголовного законодательства Беларуси должным образом не изучалась, и в настоящее время исследование эволюции важнейших институтов и норм уголовного законодательства Беларуси, выявление и изучение определенных этапов, особенностей и тенденций в его историческом развитии продолжают оставаться важной задачей отечественной правовой науки [1, с. 109]. Изучением истории развития уголовно-правовых норм, направленных на охрану древесно-кустарниковой растительности (далее — ДКР), занимались преимущественно российские ученые (Автономова С. В., Булгаков М. Б., Голиченкова А. К., Жевлаков Э. Н., Соболев И. А., Тихонова С. С., Чураков Д. Б., Шишкин В. А. и др.), при этом в Республике Беларусь по указанной теме имеются единичные публикации ученых-экологов, которые в общем посвящены вопросам истории развития экологического законодательства Беларуси. Вышеуказанное обуславливает актуальность изучения истории развития отечественных уголовно-правовых норм, направленных на охрану ДКР.

Основная часть

Историю развития уголовно-правовых норм, как правило, изучают по дошедшим до нашего времени памятникам права, которые в большинстве своем были основаны на обычном праве. В настоящей статье рассматриваются основные памятники права, действовавшие на территории Беларуси.

Первым писанным источником права, в котором нашли свое закрепление нормы об ответственности за посягательства на ДКР стала Русская Правда. Все преступления в Русской правде делились на два рода — против личности и имущественные [2, с. 5]. Нормы, направленные на охрану ДКР, содержались в разделе об имущественных преступлениях, соответственно,

ДКР рассматривалась как имущество, чье-либо право собственности на которое подлежало охране. Уголовно-правовой охране подлежали отдельные бортные и межевые деревья, а также сам лес. Среди противоправных деяний значились разграбление, повреждение и рубка [3]. Более того, в Русской Правде была закреплена ответственность за поджог леса: «Аще кто сжечь лес чужий, да осужден будет и рука его знаменена будет» [4, с. 141]. В качестве наказания предусматривался штраф.

В Статутах ВКЛ 1529, 1566, 1588 гг. произошло дальнейшее развитие норм уголовного права. Следует отметить, что статуты являлись одними из первых законодательных актов Европы, нормы которых были направлены на охрану природы, поддержание и увеличение ее ресурсов, рациональное их использование путем установления уголовной ответственности за нарушение указанных норм [1, с. 114].

В Статуте 1529 г. нормы, направленные на охрану ДКР, были расположены в отдельном разделе, называвшемся «О ловах, о пущах, о бортном дереве, об озерах, о бобровых гонах, о хмельниках, о сокольных гнездах». Преступным признавались вырубка и повреждение чужих бортных деревьев (при этом даже указывалась степень повреждения: «повредил то дерево и оно от этого должно засохнуть»), в том числе путем опаления огнем (ст. 11); обрывание и порубка чужих хмельников (ст. 10); порубка и повреждение бортных сосен и дубов, кремлевских сосен (ст.ст. 13, 14). Научный интерес представляет норма, закрепленная в ст. 5 раздела 9 указанного статута, которая предусматривала, что: «Если бы кто-нибудь в своей пуще застал чьего-либо человека и отобрал у него что-нибудь... то он должен того человека и отнятое у него отдать на поруки его господину и повести в пущу ко пню, где отнял, и доказать причиненный ему ущерб... то виновный должен ему его возместить» [5, с. 193–197]. Указанная норма по сути позволяла признавать преступлением неограниченное количество деяний, связанных с посягательством на ДКР. Наказание за совершение вышеуказанных преступлений предусматривалось в виде штрафа.

Статут 1566 г., не изменяя закрепленных в Статуте 1529 г., подходов к уголовно-правовой охране ДКР, содержал более детализированные правовые нормы. В аналогичной ст. 5 раздела 10 Статута 1566 г. уже конкретно описывалась ситуация, когда владелец пущи заставлял в ней человека рубящего дерево или везущего его; была установлена смертная казнь за самовольную передачу борного дерева в чужие руки для зависимого населения (ст. 6); дифференцировалась ответственность за повреждение бортных деревьев (ст. 13); в отдельный состав преступления была вынесена кража плодов и садовых деревьев (ст. 16); впервые устанавливалась ответственность за создание лесного пожара (ст. 17) [6, с. 302–303].

Отличительным в Статуте 1588 г. являлись более подробная дифференциация уголовной ответственности за рубку и повреждение чужих бортных деревьев, в том числе с учетом формы вины (ст. 13), введение уголовной ответственности за поджог леса по неосторожности (ст. 17) [7, с. 426, 557]. Наказание, в Статуте 1566 г. и Статуте 1588 г. также, как и в Статуте 1529 г., предусматривалось в виде штрафа.

Как уже было отмечено ранее, нормы, направленные на охрану ДКР, в Статутах ВКЛ содержались в отдельных разделах, из названия которых можно сделать вывод о направленности рассматриваемых норм на охрану природы. Вместе с тем существующие в научной литературе классификации преступлений в Статуте 1588 г. в зависимости от объекта посягательства не включают группу преступлений экологической направленности [8, с. 54; 9, с. 84–85]. Более того, в диспозициях статей Статутов ВКЛ содержится слово «чужой», что, по нашему мнению, делает акцент на понимании ДКР как имущества, и дает основание полагать, что рассматриваем уголовно-правовые нормы того периода были направлены на охрану чьего-либо права собственности. Кроме того, в Статутах ВКЛ были смешаны как регулирующие, так и охранительные нормы, посягательства на ДКР были криминализированы частично и выборочно, зачастую в зависимости от той материальной выгоды, которую они могли принести владельцу, отсутствовало четкое деление составов преступлений на общие и специальные.

В XIX в. институт юридической ответственности за лесонарушения был рассосредоточен между тремя правовыми актами Российской империи — Уставом лесным 1842 г., Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. Ведущая роль в закреплении института уголовной ответственности отводилась Уложению 1845 г. и Уставу 1864 г. Устав лесной 1842 г. конкретизировал, дополнял и уточнял уголовные нормы, в отдельных случаях смягчал их жестокость [10, с. 161].

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. нормы, направленные на охрану ДКР, содержались в отдельной главе «О нарушениях уставов о казенных лесах», а также в иных главах. Уложение 1845 г. содержало большое количество составов преступлений, направленных на охрану ДКР. Подобное объясняется тем, что при однотипности деяний составляющих объективную сторону (самовольная рубка, хищение, повреждение, уничтожение, поджог леса, неосторожное обращение с огнем в лесу), новые составы преступлений образовывались за счет иных признаков составов преступлений (способ, место, предмет, субъект и т. д.), бланкетные конструкции не использовались, каждое конкретное нарушение одних правил представляло собой отдельный состав преступления. Например, в ст. 943 предусматривалась ответственность за самовольную рубку леса, в ст. 948 — за самовольную рубку сверх отведенного количества, в ст. 949, 950 — за самовольную рубку не в тех местах, в которых было разрешено, в ст. 974 — за поджог казенного леса, в ст. 2113 — за поджог чужого леса, в ст. 982 — за неумышленное причинение пожара в корабельных лесах, в ст. 1405 — за разжигание огня вблизи леса или кустарников, в ст. 1409 — за жжение углей в лесах и т. д. Наказания, которые могли быть назначены варьировались от денежного взыскания до смертной казни [11].

В последующих редакциях Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1866 г. и 1885 г. не произошло существенных изменений в уголовно-правовой охране ДКР. Редакция Уложения 1866 г. содержала значительно

меньше составов преступлений, направленных на охрану ДКР, так как определенная их часть была перенесена в Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. [12, с. 40]. Данный Устав был сконструирован по тому же принципу, что и Уложение 1845 г., и включал как нормы об ответственности за сами лесные правонарушения, так и нормы об ответственности за правонарушения, связанные с лесными [13, с. 478]. Ответственность предусматривалась за курение табака в хвойных лесах (ст. 92), употребление при стрельбе в лесу пакли или льна, выжигание кустарников, травы, кореньев без соблюдения предписанных правил или в недозволенное время (ст. 95), производство опустошительной вырубки (ст. 57–2) и т. д. [14, с. 92]. Среди наказаний преобладало денежное взыскание [15]. Таким образом, описание признаков составов преступлений в тот не было совершенным: составы преступлений выделялись на основании различных критериев (способ совершения деяния, категория, к которой относится дерево, место нахождения), хотя влекли одни и те же общественно опасные последствия, а сами общественно опасные деяния были криминализированы казуистично.

В 1903 г. было принято новое Уголовное уложение, не вносившее существенных изменений в существовавшее правовое регулирование охраны ДКР. Исследуемые составы преступлений располагались и в главе о нарушении постановлений, ограждающих народное благосостояние, и в главе о самовольном пользовании чужим имуществом. Согласно ст. 255 преступным признавались рубка растущего дерева, корчевка пней и корней в случае, если это запрещено или совершенные с нарушением предписанных правил. Криминализированы были также самовольная порубка в лесу и похищение с целью присвоения из чужого леса, но не из мест заготовки или складов для хранения, дерева бурелома, валежного или срубленного другим лицом или части такого дерева (ст. 624). Соответственно, вводился новый предмет посягательства — растущее дерево, а также проводилось отграничение хищения древесины от рубки леса по признакам предмета преступления (при рубке предметом выступает только сырораствующее дерево) [13, с. 478]. В качестве наказания в основном была предусмотрена денежная пеня, в случае неоднократного совершения преступлений назначались арест или заключение в тюрьме [16].

После Октябрьской революции 1917 г. «старое» законодательство продолжало применяться лишь в части не противоречащей новому общественно-политическому устройству. В литературе отмечается, что особенностью уголовного законодательства СССР являлось относительно самостоятельное установление уголовной ответственности за деяния, посягающие на ДКР, в уголовных законах союзных республик [12, с. 50].

В 1918 г. было установлено право государственной собственности на леса. Уголовная ответственность за истребление леса устанавливалась актами, не имеющими уголовно-правового характера, что вообще было присуще законодательству того периода [17, с. 133].

В 1922 г. был принят Уголовный кодекс РСФСР. Норма, направленная на охрану ДКР, содержалась в главе о государственных преступлениях, в части

о преступлениях против порядка управления. Согласно ст. 99 указанного кодекса преступным признавались нарушение законов и обязательных постановлений, установленных в интересах охраны лесов от хищнической эксплуатации и истребления, ведение лесного хозяйства с нарушением установленного плана. Из-под действия уголовного закона выпадали такие преступные деяния как незаконная рубка, уничтожение или повреждение лесных массивов путем поджога или неосторожного обращения с огнем [18, с. 23]. Наказание могло быть назначено в виде лишения свободы или принудительных работ на срок до одного года с конфискацией незаконно добытого или штрафом до 500 руб. золотом [19].

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 г. исследуемые нормы также содержались в главе о преступлениях против порядка управления. В ст. 85 уголовная ответственность устанавливалась за нарушение постановлений, изданных в интересах охраны лесов от хищений и истребления. При чем в разные годы необходимая для привлечения к ответственности стоимость незаконно добытого или причинного ущерба изменялась в пределах от тридцати до ста рублей. В редакции 1947 г. ст. 85 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. ответственность стала дифференцироваться в зависимости от того, в каком месте (категории лесов) было совершено преступление, а также была криминализована рубка леса в пределах запретных полос, установленных в составе водоохранной зоны. Наказание могло быть назначено в виде принудительных (исправительно-трудовых) работ сроком до 6 месяцев, штрафа в размере не свыше тройной стоимости незаконно добытого с обязательным отобранием незаконно добытого. За квалифицированные составы предусматривалось наказание в виде лишения свободы до двух лет [20].

Уголовный кодекс БССР 1928 г. воспринял подход, закрепленный в Уголовном кодексе РСФСР 1926 г., в части места расположения норм, направленных на охрану ДКР. Несколько иначе в нем была сформулирована объективная сторона составов преступлений. Преступным признавались самовольная порубка в лесах общегосударственного или местного значения, нарушение постановлений, изданных в целях охраны лесов от хищения и истребления (ст. 123). Наступление уголовной ответственности также ставилось в зависимость от размера причиненного ущерба. Криминализированы были покупка или сбыт заведомо самовольно срубленного леса (ст. 124). Виды наказания за совершение рассматриваемых преступлений были аналогичны видам наказания в Уголовном кодексе РСФСР, однако срок лишения свободы был больше — от трех до пяти лет [21].

В 1960 г. был принят новый Уголовный кодекс РСФСР. Часть составов преступлений, направленных на охрану ДКР, находилась в главе о преступлениях против социалистической собственности, а часть — в главе о хозяйственных преступлениях. Преступным признавались умышленное уничтожение или существенное повреждение лесных массивов путем поджога и уничтожение или существенное повреждение лесных массивов в результате неосторожного обращения с огнем или источниками повышенной опасности

(ст. 98, 99). Несколько позже была введена уголовная ответственность за умышленное загрязнение лесных массивов вредными веществами, отходами, выбросами, отбросами, влекущее усыхание или заболевание ДКР или другой растительности (ст. 149). Согласно ст. 168, 169 также криминализированы были умышленная потравка посевов, умышленное повреждение полезационных лесонасаждений, плодово-ягодных и других насаждений, причинившее значительный ущерб, и незаконная порубка деревьев и кустарников в лесах различных групп в зависимости от причиненного ущерба. При этом изначально незаконная порубка деревьев и кустарников представляла собой преступление только, если совершалась после применения мер общественного или административного воздействия. Посягательства на ДКР, рассматриваемые как посягательства социалистическую собственность, наказывались более строго (умышленное преступление — лишение свободы до десяти лет, преступление по неосторожности — лишение свободы до трех лет или исправительные работы до одного года), иные посягательства наказывались более мягко — лишением свободы до трех лет, исправительными работами до года, штрафом, конфискацией незаконно добытого [22]. Уголовный кодекс БССР 1960 г. в полной мере воспринял подходы к уголовно-правовой охране ДКР, закрепленные в Уголовном кодексе РСФСР 1960 г. [23].

Конструкция рассматриваемых правовых норм с принятием каждого нового уголовного закона совершенствовалась. Весте с тем в литературе отмечается, что основным объектом рассмотренных преступлений в советский период признавался установленный порядок эксплуатации природных ресурсов [24, с. 518], и, что закон не вышел на необходимое для того периода понимание характера экологических проблем и последствий негативного воздействия научно-технического развития на природу. Опасность экологических нарушений рассматривалась прежде всего с точки зрения экономических потерь [25].

В действующем Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 г. нормы, направленные на охрану ДКР, размещены в отдельном разделе о преступлениях против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования (ст. 275–277). Криминализированы следующие деяния: 1) загрязнение леса, среды произрастания ДКР, не входящей в состав лесного фонда, отходами или сточными водами либо иным способом; 2) уничтожение либо повреждение леса или ДКР, не входящей в состав лесного фонда, в результате неосторожного обращения с огнем, несоблюдения правил производства взрывных работ, нарушения правил эксплуатации иных источников повышенной опасности, нарушения порядка заготовки и вывозки древесины, правил рубок леса, иных правил лесопользования; 3) незаконная рубка или повреждение до степени прекращения роста ДКР в различных категориях лесов либо незаконные уничтожение, удаление, изъятие или повреждение до степени прекращения роста ДКР, не входящей в состав лесного фонда. Для наступления уголовной ответственности совершение вышеуказанных деяний в обязательном порядке должно повлечь причинение ущерба

в крупном или особо крупном размере. Санкции статей предусматривают возможность выбора вида наказания от общественных работ до лишения свободы на срок до шести лет.

Заключение

В заключение сформулируем следующие выводы.

1. Установление уголовной ответственности за посягательства на ДКР уже в первых источниках права свидетельствует о том, что ДКР представляла требующую уголовно-правовой охраны ценность на всех этапах исторического развития. В подавляющем большинстве рассмотренных памятников права ДКР рассматривалась как имущество, представляющее для владельца (частное лицо или государство) определенную экономическую ценность. Соответственно, охрана ДКР была поставлена в зависимость от необходимости охраны иных общественных отношений (чье-либо право собственности, порядок государственного управления и др.), что подтверждается местом расположения преступлений, посягающий на ДКР, в памятниках права. В качестве попыток позиционирования ДКР не только как имущества, представляющего экономическую ценность, можно рассматривать периодическое выделение в ряде памятников права рассматриваемых преступлений в отдельные главы, а также возрастающую суровость наказаний, назначаемых за совершение указанных преступлений.

2. Объективная сторона включала в себя безусловно признаваемые преступными однотипные для всех памятников права деяния, посягающие на ДКР: рубка, повреждение, уничтожение, хищение, поджог.

3. Субъективная сторона изучаемых составов преступлений изначально выражалась только умышленной формой вины, несколько позже была введена уголовная ответственность за неосторожные преступления.

4. Субъект преступлений был общий, однако имела место дифференциации уголовной ответственности в зависимости от того, к какой группе населения принадлежал субъект, совершивший общественно опасное деяние. С развитием регулирующего лесного законодательства и лесной отрасли в целом был введен специальный субъект — должностное лицо.

Список цитированных источников

1. Курс уголовного права : в 5 т. Общая часть. Т. 1 : Учение о преступлении / С. В. Ананич [и др.] ; под ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. — 2-е изд., доп. и испр. — Минск : Изд. Центр БГУ, 2019. — 860 с.
2. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. IV. Уголовный закон. Законодательная техника / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н. А. Лопашенко. — М.: Юрлитинформ, 2016. — 704 с.
3. Тихомиров, М. Н. Пособие для изучения Русской правды / М. Н. Тихомиров. — М.: Издание Московского университета. — 1953. — 192 с.
4. Герасимова, Е. В., Кондратовская С. Н. Развитие норм об ответственности за незаконную рубку лесных насаждений в России / Е. В. Герасимова,

С. Н. Кондратовская // Журнал прикладных исследований. — 2023. — № 1. — С. 140–145.

5. Издание «Статут Великого княжества Литовского 1529 года» / Академия наук Белорусской ССР, Отдел правовых наук ; под ред. К. И. Яблонска. — Минск : Издательство Академии наук БССР, 1960. — 253 с.

6. Статут Вялікага княства Літоўскага 1566 года / Т. І. Доўнар, У. М. Сатолін, Я. А. Юхо. — Мінск : Тэсей, 2003. — 250 с.

7. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 [Тэксты] // Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 : тэксты, давед., камент. / рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. — Мінск : Беларус. Савец. энцыкл. імя П. Броўкі, 1989. — 560 с.

8. Малиновский, И. А. Учение о преступлении по Литовскому Статуту / И. А. Малиновский. — Киев : Тип. Имп. Ун-та св. Владимира. — 1894. — 222 с.

9. Юхо, И. А. Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. / И. А. Юхо. — Минск: Издательство БГУ. — 1978. — 141 с.

10. Шишкин, В. А. Особенности закрепления норм об ответственности за лесонарушения в «Уставе лесном» (Ч. 1 Т. VIII «Свода законов Российской империи») / В. А. Шишкин // Гуманитарные и юридические исследования. — 2017. — № 4. — С. 156–162.

11. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ulogenie_o_nakazaniyah_ugolovnih_i_ispravitelnih_1845_goda.pdf. — Дата доступа: 09.09.2023.

12. Чураков, Д. Б. Противодействие преступным посягательствам на сохранность лесных и иных насаждений (уголовно-правовые и криминологические меры) : дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / Д. Б. Чураков. — М., 2018. — 268 л.

13. Тихонова, С. С., Уткина Е. В. Преемственность в уголовно-правовом регулировании охраны лесов в России / С. С. Тихонова, Е. В. Уткина // Юридическая техника. — 2011. — № 5. — С. 475–481.

14. Навасардова, Э. С. Ответственность за лесонарушения по законодательству Российской империи начала XX века / Э. С. Навасардова // Общество и право. — 2009. — № 4. — С. 89–93.

15. Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями 1864 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ustav_o_nakazaniyah_mirovie_sudji_1864_goda.pdf. — Дата доступа: 09.09.2023.

16. Уложение Уголовное 1903 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ugolovnoe_ulogenie_1903_goda.pdf. — Дата доступа: 09.09.2023.

17. Чучаев, А. И., Васильев Ф. П. Уголовно-правовая охрана лесов в России: (Исторический очерк) / А. И. Чучаев, Ф. П. Васильев // Российский юридический журнал. — 1999. — № 2. — С. 133–142.

18. Каплунов, В. Н. Преступления, посягающие на лесные ресурсы: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: по материалам

Дальневосточного федерального округа : дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / В. Н. Каплунов. — Владивосток, 2011. — 208 л.

19. Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_RSFSR_1922_goda.pdf. — Дата доступа: 09.09.2023.

20. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901757374>. — Дата доступа: 09.09.2023.

21. Уголовный кодекс БССР 1928 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/UK_BSSR_1928_goda.pdf. — Дата доступа: 09.09.2023.

22. Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://pravo.by/ImgPravo/pdf/UK_RSFSR_1960.pdf. — Дата доступа: 09.09.2023.

23. Уголовный кодекс БССР 1960 г. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://pravo.by/upload/pdf/krim-pravo/ob_utvergdenii_UK_BSSR_1960_goda.pdf. — Дата доступа: 09.09.2023.

24. Курс советского уголовного права / под ред. А. А. Пионтковского, П. С. Ромашкина, В. М. Чиквадзе. — М., 1971. — Т. 5. — 572 с.

25. Жевлаков, Э. Н. Уголовно-правовая охрана окружающей природной среды в Российской Федерации / Э. Н. Жевлаков. — М.: НИИ ГП РФ, 2002.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности уголовно-правовой охраны древесно-кустарниковой растительности на территории Беларуси в различные исторические периоды. Отмечено, что древесно-кустарниковая растительность преимущественно рассматривалась как имущество, представляющее для владельца определенную экономическую ценность; ее охрана была поставлена в зависимость от необходимости охраны иных общественных отношений. Исторический опыт конструирования уголовно-правовых норм, направленных на охрану древесно-кустарниковой растительности учтен в действующем Уголовном кодексе Республики Беларусь 1999 г.

THE HISTORY OF THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL LAW PROVISIONS AIMED AT THE PROTECTION OF TREE-SHRUB VEGETATION

Radevich A. S.

Keywords: criminal code; environmental crimes; trees and shrubs vegetation; environmental safety; illegal felling; history of criminal legislation.

Abstract. The article considers peculiarities of criminal protection of tree-shrub vegetation on the territory of Belarus in different historical periods. It is noted that tree and shrub vegetation was predominantly regarded as property

of some economic value to the owner; its protection was made conditional on the need to protect other social relations. The historical experience of engineering of criminal law provisions aimed at the protection of tree-shrub vegetation has been taken into account in the Criminal Code of the Republic of Belarus in 1999.

УДК 343.21

КОНФЛИКТЫ ЮРИСДИКЦИЙ КИБЕРПРЕСТУПЛЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ

Рахманова Е. Н.

Ключевые слова: киберпреступления, киберпространство, место совершения преступления, уголовное законодательство, юрисдикция

Введение

Цифровая революция, которую переживает человечество в последние десятилетия, повлияла на государства и жизнь практического каждого человека. Наиболее заметным эффектом цифровизации явилось исчезновение территориальности в ее классическом понимании, поскольку физическое или реальное местонахождение цифровых данных далеко не всегда совпадает с местом совершения преступления.

Приблизительно 60 % населения мира являются сегодня пользователями Интернета, их количество за последние годы выросло на 192 млн (+4,0 %) [1]. Во всех странах наблюдается рост киберпреступности, превратившейся в третью по величине экономику мира после экономик США и Китая [2].

Противодействию киберпреступности препятствует множество факторов. В их числе законодательство о киберпреступности, которое не является систематическим и унифицированным, киберпреступления в разных странах понимаются по-разному, что, в свою очередь, приводит к фрагментарности международных усилий по борьбе с ними [3, с. 4].

Традиционные правовые концепции и принципы оспариваются спецификой киберпространства, которое включает в себя сети, программное обеспечение, хранилище данных, Интернет, веб-сайты, электронную почту и т. д., а доступ к ним возможен из любой точки мира. Отсутствие территориальных границ киберпространства неизбежно порождает вопросы об определении сферы действия уголовного закона или установлении уголовной юрисдикции — территориальной или экстерриториальной.

«Территориальная юрисдикция представляет собой осуществление власти государства в пределах его территории, включая национальную доменную зону соответствующего государства и технологическую инфраструктуру, обеспечивающую доступ к информационным ресурсам»; а экстратерриториальная — «проявление законодательной, судебной и исполнительной юрис-

дикции одного государства в отношении другого государства без согласия последнего» [4, с. 41–51].

Основная часть

Система уголовной юрисдикции опирается на принципы территориальности, персональный, реальный принцип или принцип защиты, а также универсальный принцип.

Территориальный принцип «занимает центральное положение, поскольку именно благодаря его наличию появляется возможность определять географию юрисдикции при совершении преступлений» [5, с. 15, 17, 51]. Этот принцип является основным, если предполагаемое преступление происходит на территории одного государства. Но дилемма определения юрисдикции возникает тогда, когда преступление начинается на территории одного, а заканчивается на территории другого государства. В этом контексте особое значение имеют два принципа территориальности: первый предполагает юрисдикцию в отношении деяния, совершенного в пределах государства, даже если последствия наступили в другой стране (субъективная территориальность); второй — государство может осуществлять юрисдикцию по поводу деяния, которое было совершено на другой территории, но правовые последствия наступили полностью или частично в пределах его территории (объективная территориальность).

Так, примером объективной территориальности являются положения § 9 УК ФРГ, в котором местом совершения преступления признается то место, где лицо действовало или должно было действовать, или место, где наступили или, по мнению данного лица, должны были наступить общественно опасные последствия [6].

Но юрисдикция, основанная на территориальном принципе, особенно если речь идет о транснациональных преступлениях, к которым в том числе относятся киберпреступления, постепенно теряет свое лидирующее значение. Во-первых, преступление совершается в киберпространстве, которое не имеет территориальных границ; кроме того, сама архитектура киберпространства подрывает утверждение о том, что оно может регулироваться существующими правилами территориальности.

Во-вторых, трудно точно определить, где на самом деле произошло киберпреступление. Преступник может использовать современные технологические средства, чтобы создать впечатление, что преступление совершается в другом месте, в частности, скрыть свое местонахождение, закольцевав компьютерные системы нескольких стран.

В-третьих, в отличие от традиционных преступлений, которые совершаются чаще всего на территории одного государства, киберпреступность имеет транснациональное измерение.

Вероятно, этим объясняется отсутствие в уголовном законодательстве нормы, закрепляющей место совершения киберпреступления. «Под ним может пониматься как место совершения деяния, так и место, в котором деяние окончено либо пресечено, либо место наступления общественно опасных последствий» [7, с. 48–56].

Примером решения вопроса о месте совершения киберпреступления может служить УК Дании, § 9а которого устанавливает юрисдикцию в отношении преступных деяний, совершенных в Интернете, в том числе за границей, связанных с изображениями, звуком или текстом, ставшими общедоступными для неопределенной группы пользователей через Интернет, если материал имеет отношение к Дании. Например, это могут быть вопросы, касающиеся определенной группы лиц, проживающих в этой стране [8].

Пленум Верховного Суда РФ 15 декабря 2022 г. также в своем постановлении разъяснил, что «при определении места совершения преступлений с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», и, соответственно, территориальной подсудности уголовного дела судам необходимо учитывать, что доступ к данной сети может осуществляться с помощью различных компьютерных устройств, в том числе переносных (мобильных). Местом совершения такого преступления является место совершения лицом действий, входящих в объективную сторону состава преступления» [9].

Но подобные решения, как показывает практика, порой приводят к конфликту установления территориальной юрисдикции. Так, Трибунал большой инстанции Парижа был вынужден решать, что считать местом совершения преступления в деле LICRA V. Yahoo — загрузку интернет-данных или то место (места), откуда эти данные передавались, т. е. США. Две французские общественные группы, La Ligue Contre le Racisme et L'Antisemitisme (LICRA) и L'Union des Etudiants Juifs De France (UEJF), обвинили компанию Yahoo в использовании своего интернет-аукциона для продажи памятных вещей нацистского периода на нарушении ст. R645–1 Уголовного кодекса Франции, которая запрещает «носить или демонстрировать» публично знаки отличия и эмблемы, напоминающие те, что использовались организациями, признанными незаконными согласно ст. 9 Нюрнбергского Устава, или лицами, признанными виновными в совершении преступлений против человечности.

Трибунал большой инстанции Парижа признал местом совершения Францию, поскольку названные предметы приобретались на территории этой страны. Суд не принял во внимание аргументы, что данные о них были загружены за пределами страны и хранились на серверах Yahoo в США. Более того, Трибунал большой инстанции Парижа приказал Yahoo удалить контент и уничтожить все соответствующие файлы, хранящиеся на его сервере. Но представители Yahoo, которое находится в США, с этим решением не согласились, считая, что поскольку Yahoo находится за пределами Франции, на него должна распространяться юрисдикция США [10].

Учитывая особенности киберпреступности и киберпространства, территориальный принцип сегодня «фактически дополняется национальным принципом, или принципом активного гражданства. В соответствии с ним действие уголовно-правовых норм данного государства распространяется на деяния, совершенные его гражданином за границей» [11, с. 33]. С принципом гражданства связано также право государства не выдавать своих граждан,

совершивших преступление за границей, в страну, где оно было совершено, как, например, это вытекает из положений ст. 13 УК РФ [12].

Фактически признание принципа гражданства как основы установления уголовной юрисдикции побудило большинство стран в законах о киберпреступности расширить юрисдикцию, если преступление совершено одним из ее граждан за границей.

Несмотря на то, что данный принцип общепризнан, тем не менее его применение также может привести к конфликту юрисдикций государства гражданства обвиняемого и государства той территории, на которой преступление совершено. В таком случае государство гражданства вправе настаивать на своей юрисдикции и отказать в экстрадиции, исходя из принципа *aut dedere aut judicare*, который позволяет государству гражданства воздержаться от выдачи своего гражданина при условии, что оно передаст дело собственному правоохранительному органу. С другой стороны, территориальное государство может считать, что именно оно имеет приоритет, поскольку преступление совершено на его территории.

Третий принцип, принцип пассивного персонального гражданства, учитывает гражданство потерпевшего. Это наиболее спорный принцип, не получивший пока всеобщего признания, хотя в последние годы он все чаще применяется в отношении террористических или других опасных посягательств на дипломатических представителей или иных должностных лиц государства, в том числе в случаях кибертерроризма [13, с. 243–245]. Данный принцип закреплен в ряде международных документов (Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г., Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства, 1988 г. и др.) и в уголовных законах некоторых стран. Так, ст. 113–7 УК Франции прямо указывает, что «французский уголовный закон применяется к любому преступлению, так же как к любому проступку, подлежащему наказанию в виде тюремного заключения, совершенному гражданином Франции или иностранцем вне территории Республики, если потерпевший имел французское гражданство на момент совершения преступного деяния» [14]. Причем, французские суды уполномочены осуществлять юрисдикцию в случае нарушения законов Франции, независимо от того, является ли предполагаемое преступление преступлением на территории того государства, где оно было совершено. Часть 3 ст. 12 УК РФ также предусматривает уголовную ответственность иностранцев или лиц без гражданства, если они совершили преступление вне пределов России и данное деяние направлено против интересов РФ или гражданина РФ.

Как указывалось выше, киберпреступления в основном имеют трансграничный характер. Нет сомнения в том, что кибержертвы или киберпотерпевшие, «пострадавшие от уголовно-наказуемых актов, реализованных преимущественно в цифровой среде» [15, с. 54], рассчитывают на защиту со стороны своего государства и ожидают, что преступление будет раскрыто, виновное лицо привлечено к уголовной ответственности, осуждено и возместит причиненный им ущерб. Таким образом, интересы потерпевших

от киберпреступлений необходимо рассматривать как важный фактор при определении юрисдикции государства в случаях, когда киберпреступление подпадает под юрисдикцию нескольких стран.

Принцип безопасности или реальный принцип позволяет государствам осуществлять юрисдикцию в тех случаях, когда преступление затрагивает национальную безопасность или иные интересы государства. Рассматриваемый принцип может быть применен в киберпространстве ограниченно, поскольку деяния должны посягать на серьезные национальные интересы, например, в случае кибератаки на правительственные серверы.

Так, в ст. 47 Федерального закона ОАЭ от 13 августа 2012 г. № 5 «О борьбе с киберпреступлениями» указывается, что «положения настоящего Декрета-закона применяется к любому лицу, совершившему какое-либо из преступлений, упомянутое в нем, за пределами страны, если его объектом является электронная информационная система, компьютерная сеть, веб-сайт или информационная технология, которая относится к федеральному правительству или любому из местных органов власти Эмиратов или любому органу власти или государственному учреждению, принадлежащему любому из них» [16].

Важным юрисдикционным принципом является универсальный принцип. Универсальная юрисдикция допускает судебное преследование за международные преступления внутри страны, независимо от того, где были совершены преступления, или от гражданства предполагаемого преступника или жертв преступления. Хотя универсальный принцип применим лишь в особых случаях — совершение серьезных преступлений — группа экспертов ООН подтвердила, что гуманитарное право распространяется в том числе и на киберпространство [17]. Но речь может идти только о киберпреступлениях, представляющих угрозу международной безопасности. Пока очень немногие государства применяют универсальную юрисдикцию к киберпреступлениям. В их числе Нидерланды, которые распространили универсальную юрисдикцию на хакерские атаки как часть террористических преступлений [18].

Заключение

Совершение киберпреступления связано с двумя основными моментами: во-первых, их транснациональный характер, а во-вторых, сложность при принятии решения о том, где на самом деле произошло киберпреступление или в связи с установлением личности киберпреступника. Трансграничное измерение киберпреступности привело к пониманию расширительного подхода к установлению юрисдикции как методу противодействия ей. Сегодня юрисдикция в отношении киберпреступлений может быть подтверждена на нескольких основаниях, включая территориальное, активное гражданство, пассивное гражданство, принцип защиты и универсальный принцип. Но такой широкий подход может привести и приводит к конфликту юрисдикций, помешать развитию механизма эффективного международного сотрудничества, к нарушению основополагающего принципа «ne bis in idem» и в результате к дублированию усилий, предпринимаемых правоохранительными органами различных стран.

Хотя каждая страна имеет свою правовую культуру и правовые традиции, противодействие киберпреступности будет возможно и более эффективно, если государства и международные организации разного уровня, с одной стороны, попытаются учесть эти различия, а с другой, будут стремиться к гармонизации национального и международного законодательства в данной сфере с целью развития международного сотрудничества. Такая гармонизация необходима для обеспечения криминализации всех форм киберпреступлений, чтобы исключить возможность ухода от ответственности, если деяние не является преступным в конкретной стране.

Список цитированных источников

1. Digital 2023: Global overview report [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https:// datareportal.com/reports/tag/Global+Overview](https://datareportal.com/reports/tag/Global+Overview). — Дата доступа: 15.08.2023
2. *Chin, K.* The Impact of Cybercrime on the Economy. — Режим доступа: <https://www.upguard.com/blog/the-impact-of-cybercrime-on-the-economy>. — Дата доступа: 15.08.2023
3. Cybercrime, Organized Crime, and Societal Responses. International Approaches / ed. Emilio C. Viano. — Springer International Publishing Switzerland, 2017. — 367 p.
4. *Терентьева, Л. В.* Разграничение экстратерриториальной и территориальной юрисдикции в киберпространстве / Л. В. Терентьева // Право и цифровая экономика. — 2022. — № 1. — С. 41–51.
5. *Упоров, А. Г.* Развитие Интернета и принцип территориальности в международном праве / А. Г. Упоров // Междунар. публичное и частное право. — 2022. — № 3. — С. 15–17.
6. *Quazi, O. F.* Recognizing the Principle of Objective Territoriality. Law In-Depth [Электронный ресурс] / O. F. Quazi // The Daily Observer. — 7 June 2018. — Режим доступа: <https://www.observerbd.com/details.php?id=141859> — Дата доступа: 15.08.2023.
7. *Лебедева, А. А.* Особенности расследования киберпреступлений / А. А. Лебедева // Безопасность бизнеса. — 2021. — № 6. — С. 48–56.
8. *Klip, A.* Section IV—International criminal law. Information society and penal law. General report / A. Klip // Revue Internationale de Droit Pénal. — 2014. — vol. 85, no. 1–2. — p. 381–428.
9. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях в сфере компьютерной информации, а также иных преступлениях, совершенных с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»: постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации, 15 дек. 2022 г., № 37 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — март, 2023. — № 3.

10. *Khanna, P.* State Sovereignty and Self-Defense in Cyberspace / P. Khanna // BRICS Law Journal. — 2018. — vol. 5, no 4. — p. 139–154.

11. *Фесенко, И.* Проблемы экстерриториальной юрисдикции в международном праве / И. Фесенко // Междунар. уголов. право. — 1996. — № 1. — С. 33–36.

12. Уголовный кодекс Российской Федерации, 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2023.

13. *Stockton, P. N.* Prosecution cyberterrorists: applying traditional jurisdictional frameworks to a modern threat / P. N. Stockton, M. Golabek-Goldman // Stanford Law & Policy Review. — 2014. — Vol. 25. — p. 211–268.

14. Уголовный кодекс Франции (по сост. на 01.07.2000). [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://yurist-online.org/laws/foreign/criminalcode_fr/_doc-5-.pdf — Дата доступа: 16.08.2023.

15. *Жмуров, Д. В.* Кибержертва: решение проблемы терминологической неопределенности / Д. В. Жмуров // Вестн. Вост.-Сибир. ин-та МВД России. — 2021. — № 2(97). — С. 45–56.

16. О борьбе с киберпреступлениями : Федеральный закон ОАЭ, 13 авг. 2012 г., № 5 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.stalawfirm.com/en/blogs/view/legislation-commentary-on-federal-law.html>. — Дата доступа: 16.08.2023.

17. A/AC.290/2021/CRP.2 Open-ended working group on developments in the field of information and telecommunications in the context of international security : Conference room paper, 10 March 2021 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://front.un-arm.org/wp-content/uploads/2021/03/Final-report-A-AC.290-2021-CRP.2.pdf>. — Дата доступа: 15.08.2023.

18. Universal Jurisdiction Law and Practice in the Netherlands. April 2019 : Briefing paper [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://trialinternational.org/wp-content/uploads/2022/05/UJ-Netherlands.pdf>. — Дата доступа: 15.08.2023.

Аннотация. Серьезным вызовом для международного сообщества сегодня являются юрисдикционные конфликты, возникающие в связи с установлением государствами юрисдикции киберпреступлений. Существует серьезное препятствие для определения точной юрисдикции и эффективного правового регулирования в целом в связи с совершением их в киберпространстве, не имеющем территориальных границ, технические возможности правового регулирования которого ограничены как объективно, так и субъективно. В статье делается вывод, что для эффективного противодействия транснациональным киберпреступлениям необходима гармонизация уголовного законодательства и законов о киберпреступлениях. Но это сложная задача для международного сообщества, поскольку она требует от

всех государств создания согласованной единой нормативно-правовой базы в отношении киберпреступности. Хотя данное решение не является идеальным ответом на рост киберпреступлений, но оно может послужить отправной точкой для заключения обязывающего многостороннего договора.

CYBERCRIME AND THE CONFLICT OF JURISDICTIONS: LOOKING FOR AN ANSWER

Rakhmanova E. N.

Keywords: cybercrime, cyberspace, crime scene, criminal legislation, jurisdiction.

Abstract: Establishing a jurisdiction for a cybercrime may become a serious challenge for the international society today. A main obstacle is determining the proper jurisdiction and appropriate legislation in general for the cyberspace that has no geographical borders, and which legal regulation is limited for subjective and objective reasons. The author concludes that to effectively fight the cybercrimes states ought to harmonize their criminal legislation and cyber laws. But this extraordinary task demands from all the interested states to create a coordinated single legal base on cybercrime. Even if this option wouldn't be an ideal answer to the problem of the rise of cybercrime, it may serve as a first step leading to a binding international convention.

УДК. 343.8, 343.9

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ СРЕДСТВ В БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Серебренникова А. В.

Ключевые слова: уголовное законодательство, семейное право, санкция, преступление, превентивность

Введение

Оценивая состояние системы уголовно-правового регулирования отношений на современном этапе, ученые отмечают, что та двойственность, которая сегодня проявляется в формировании стандартов оценки противоправного поведения, а также сложности, возникающие на фоне определения границ указанного поведения в контексте гармонизации основ уголовного судопроизводства, в значительной мере влияют на то, каким именно образом развивается модель законодательного представления о роли положений уголовного законодательства для последующего социального развития в целом. Более того, к числу данных причин логично присовокупить и иные факторы, которые, с одной стороны, образуются по причине ошибочного

представления о векторе развития отдельных уголовно-правовых институтов, с другой, формируются по причине слабости законотворческого понимания сущности самих отношений, даже если их формат имеет давнее и последовательное отраслевое отражение [1, с. 83].

В свою очередь, крайне сложно установить закономерность причины введения уголовной ответственности за правонарушения, не установив ряда важнейших условий и обстоятельств. Предполагается, что актуализация данных проблем должна строиться по пути учета эмпирических свойств общества, а также логики, в основу которой положено разумное представление о целях уголовного судопроизводства, предусмотренных ст. 6 Уголовно-процессуального Кодекса РФ [2].

Основная часть.

Безусловно, отчасти то, что координируется на фоне общего развития связано с отсутствием необходимой стандартизации, которая может затрагивать различные вопросы, в том числе и политические. В частности, на наш взгляд, автор диссертационного исследования «Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы» Н. В. Азаренок справедливо приходит к мысли о том, что «основы уголовного права, что вполне логично, начинают свое формирование там, где человеческое представление о правосудии требует более жесткого реагирования на совершенные правонарушения, и в числе факторов, которые влияют на образование такой позиции находятся не только формальное понимание того, какое именно сочетание вещей и явлений принято считать социально-полезным, но и та социальная реакция, которая неминуемо следует со стороны человека, когда его личное пространство или положение указанными правонарушениями попирается. Нередко, что именно политический фактор (конкретное политическое событие) развития конкретной социальной сферы определяет причины выбора и применения уголовно-правовых инструментов [3, с. 169]. Между тем нельзя не заметить, что большинство проблем, связанных с определением выбранных методов борьбы с преступностью, все-таки связано с конкретными причинами.

Учитывая данное, логично обратить внимание на то, что выбор и совершенствование средств уголовно-правовой защиты зависит от следующих позиций:

Закономерность признания тех или иных средств (уголовного наказания) в качестве эффективных. В данном случае вполне логично, что, расширяя возможность влияния норм уголовного права на реальную действительность, законодатель в первую очередь полагает, что именно, к примеру, лишение свободы в качестве наказания может продуктивно влиять на ситуацию, связанную с конкретным нарушением действующего законодательства. При этом вполне обоснованно, что выбор или ужесточение наказания оказывает не только частное, но и общепреventивное влияние при условии, что такое наказание вписывается в общий контекст оценки социальной ситуации в целом.

В частности, за последние пять лет ряд уголовных предписаний, которыми регулировались отношения, связанные с обеспечением безопасности

дорожного движения, претерпели изменения именно в части установления меры ответственности [4, с. 171–177]. Как показала практика, подобное совершенствование, несмотря на то, что с точки зрения юридической техники данный прием относится к одному из наиболее примитивных способов корреляции уголовных принципов борьбы с преступностью, показал себя достаточно эффективным. Главной проблемой такого типа реагирования является то, что законодательное представление о необходимости ужесточения определенного наказания должно исходить исключительно из объективного развития событий, подкрепленных конкретными случаями, явно указывающими не просто на фактор социальной деформации, но и на вполне понятную тенденцию, которой опять же будет учтен фактор того, что предыдущие меры (а в данном случае, это административные меры) не привнесли в рассматриваемые сферы должных результатов.

В частности, рядом исследователей по данному поводу констатируется следующее: наиболее частой проблемой совершенствования средств уголовно-правовой защиты является разработка и принятие конкретной диспозиции нормы. В этом случае ученые предлагают оценивать возможность формирования такой нормы с учетом ряда следующих составляющих объективной стороны правонарушения: действие, бездействие, взаимосвязь между общественно опасными последствиями и необходимого наказания. Именно последнее, как указывают исследователи, определяет степень и характер общественной опасности вновь сформированного предписания, и именно наказание, в конце концов, воспринимается как таковое, когда речь идет именно об эффективности выбранного уголовного средства. В результате воля законодателя нацелена не на проблему квалификации поведения, а сводится к тому, чтобы ужесточить уже имеющиеся меры. В данном плане нельзя исключать то, что эффект от принимаемых мер будет кратковременным, а следовательно, его стратегическая составляющая в полной мере не будет отражать запрос общества [5, с. 359–371]. К примеру, на настоящем этапе уголовного регулирования установление санкции осуществляется по принципу учета мнения автора предложения, но не учитывается деструктивная составляющая и иные объективные признаки, которыми представление о мере должно подкрепляться в принципе. Более того, нередко, что само предложение уже воспринимается как новшество в законодательной практике, и усмотрение на право принять его строится с учетом абсолютно абстрагированного понимания: «а принесет ли она пользу вообще?».

Причиной чему, на наш взгляд, служит то, что в настоящее время ни теория, ни практика не имеют четкой научно обоснованной системы, которая бы позволяла однозначно констатировать факт утверждения конкретной уголовно-правовой санкции. В свою очередь, существующие подходы основаны на субъективном представлении авторов законодательных инициатив о том, что временный резонанс, вызванный их проявлениями, и есть главное подтверждение ее обоснованности, и что самое главное — разумности применения используемых средств уголовно-правового регулирования.

Совершенствование уголовно-правовых средств должно учитывать характер тех отношений, которые являются предметом регулирования.

В практике оценки выбранных уголовно-правовых методик (средств) законодатель нередко сталкивается с тем, что необходимо более объективно оценивать последствия их применения в отношении нарушителей. В определенной степени, это утопично, ибо просчитать все последствия невозможно, поэтому необходимо учитывать не только отношения между непосредственными участниками, но и оценивать их специфику, а также ее влияние последующий конструктив их развития. Установление уголовной ответственности за, к примеру, неуплату алиментов должно предусматривать ее наступление только в том случае, если социальное положение «алиментобязуемого» позволяет ему сделать это де-факто, и в данном случае нельзя не учитывать то, что применение мер уголовно-правового характера может повлечь за собой более негативные последствия, чем те, что может нести в себе недополучение ребенком необходимой материальной помощи. Так, одним из исследователей вполне логично поставлен вопрос о том, какое именно влияние окажет судимость за неуплату алиментов со стороны отца на будущее самого ребенка, если он, когда подрастет, захочет связать свое будущее с государственной службой, где, в свою очередь, существуют требования об отсутствии судимостей со стороны близких родственников [6, с. 14–23]. Такое замечание вполне резонно, ибо специфика отношений не может не влиять на то, что характер и размер определения меры, как в части ее выбора, так и возможного применения, всегда должны определяться с учетом их социальной значимости.

Крайне предметно по этому поводу высказалась автор диссертационного исследования «Уголовно-правовая охрана семейных отношений» Л. А. Авдеева: «современная правовая стандартизация семейной жизни требует не просто постоянного внимания со стороны законодателя к вопросам регулирования поведения ее членов, а также координации методов и средств, которыми порядок регулирования указанных отношений устанавливается и совершенствуется, но и учета различных факторов, которые среди прочего могут нести в себе общественную опасность. В частности, использование мер уголовной ответственности в сфере регулирования семейных отношений показывает, что эффективность их использования достаточно большая, но при этом необходимо учитывать специфику самих отношений. В противном случае, логика законодательного видения приведет к необоснованному вмешательству, и может нанести вред уже сложившейся социальной взаимосвязи. Как правило, исследования по данной части предлагают делить указанную сферу отношений условно на допустимую и недопустимую, одновременно с этим выявляя действительно общественно опасные признаки поведения участников семейных отношений» [7].

Безусловно, что аспект применения норм уголовного права при обеспечении защиты института семьи может затрагивать разные позиции, при этом немаловажным условием указанного обеспечения должно выступать осознание, что поведение определенного участника содержит в себе фактор

общественной опасности. И в этом случае следует учесть, что интеграция принципов уголовного права в оценку семейных отношений — дело не простое. В качестве доказательств того, что это можно делать, не всегда служит водоворот законодательных инициатив, который в свое время просто на просто погрузил законотворцев в долгое и бурное обсуждение при разрешении вопроса, связанного с домашним насилием.

Совершенствование уголовно-правовых средств должно предусматривать совершенствование принципов и норм, определяющих деятельность тех органов, которые их применяют.

Не секрет, что в практике уголовного судопроизводства первоочередное значение придается аспектам именно законности исполнения уголовных положений, которые, в свою очередь, регулируют использование конкретных средств со стороны уполномоченных органов или должностных лиц. Однако, как не раз отмечалось исследователями, вопрос такого использования находится в ведении людей, и его характер, качественность, а также иные факторы не могут не зависеть от того, каким именно образом указанные субъекты реализуют свои полномочия [8, с. 58–60]. Более того, в практике применения различных мер пресечения технические вопросы, связанные с невозможностью качественного применения указанных средств, возникают перманентно. Из этого следует, что само по себе процессуальное установление, а также законодательное предпочтение не могут восприниматься как достаточные при условии того, что правомочия субъекта в использовании затронутых средств недостаточны или ограничены объективными причинами.

К примеру, вопрос применения уголовно-правовых средств со стороны именно органов ФСИН показывает, что в их деятельности присутствуют значительные прорехи, суть которых носит двойственный характер. В особенности, это относится к реализации мер пресечения. Так, Е. О. Бодрова отмечает, что несмотря на то, что за последнее время в вопросах выбора и применения установленных мер пресечения был реализован ряд законодательных инициатив, их использование оставляет достаточно много вопросов, требующих дальнейшего законодательного регулирования и научного внимания к аспектам ее реализации. В частности, оценивая судебные решения, принимаемые на фоне применения различных мер пресечения, удалось выявить, что их действенность (эффективность) напрямую зависит от разнообразия существующих форм и видов. При этом более предметное внимание к вопросу выбора меры пресечения и применения ее в каждом конкретном случае показывает, что основания их применения будут дополняться новыми правилами, что, в свою очередь, непременно подтолкнет к необходимости развития и институтов государственной службы, их реализующих [9, с. 17–21].

Основные проблемы, связанные с такой реализацией, условно можно поделить на две группы: а) законодательные, в первую очередь обличающие недостатки и слабость законодательного внимания к вопросам применения мер пресечения; б) организационные, связанные с технической и админи-

стративной невозможностью проводить качественную работу по обеспечению со стороны различных правоохранительных органов мер уголовно-процессуального характера.

Между тем затронув некоторые из этих проблем, с которыми в первую очередь сталкиваются подразделения и должностные лица УИИ ФСИН России, нам удалось выработать ряд законодательных предложений, которые, на наш взгляд, позволят расширить возможности должностных лиц в вопросе их надлежащей реализации.

Например, судами, при исполнении меры пресечения в виде домашнего ареста, а конкретно при назначении запретов, не всегда учитывается личность подозреваемого (обвиняемого), возможность исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста по указанному месту жительства, в том числе с применением контрольных устройства СЭМПЛ. В данном случае речь идет о конкретизации ряда положений Уголовно-процессуального кодекса РФ [2], учитывающей как выбор такого основания, так и их фактическую определенность по отношению к конкретному месту и личности.

К проблемам подобного типа разумно отнести и то, что суды не всегда верно конкретизируют (неправильно формулируют) сущность данных действий либо не учитывают отдельные факторы, непосредственно затрагивающие порядок их выполнения. В целях недопущения, а также предотвращения случаев необоснованного применения меры пресечения необходимо внести изменения в положения ст. 99 УПК РФ, указав, что с целью установления обстоятельств, учитываемых при избрании меры пресечения, должностное лицо, заявляющее ходатайство об избрании меры пресечения в виде домашнего ареста, а также запрета на совершение конкретных действий, предварительно обязано обратиться в органы УИИ ФСИН России на предмет установления условий, способствующих (препятствующих) заведомому исполнению запрашиваемой меры.

К проблемам второй группы разумно отнести то, что органами предварительного следствия, а также судами в нарушение требований установленного порядка несвоевременно представляется информация по уголовному делу, необходимая для исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста, а также для контроля за исполнением подозреваемым (обвиняемым) установленных запретов. Ее решение зависит не столько от законодательной позиции, сколько от составляющей административного взаимодействия и наличия сопутствующих средств.

Таким образом, мы можем констатировать, что выявленные проблемы, с одной стороны, указывают на несовершенство современного законодательства, с другой, что его конкретизация, затрагивающая в большой мере именно полномочия должностных лиц, будет способствовать их разрешения в будущем.

Заключение

Таким образом, работа по совершенствованию средств уголовно-правовой защиты в борьбе с противоправными явлениями зависит от ряда факторов, к числу которых можно отнести не только закономерное представление о роли таких средств, а также учета использования их эффективности в зависимости

от размера самого наказания, но и относительности, которая выражается благодаря специфике регулируемых отношений. В данном плане логично выделить фактор того, какое именно имеет значение использование средств уголовной правовой защиты, при условии их использования в таких специфичных сферах отношений, как семейные. Здесь алгоритмизация идет по пути учета сразу нескольких причин: внутренний семейный климат, вмешательство в который допустимо лишь при исключительных обстоятельствах, и государственно-правовое значение семьи в качестве важнейшего социального инструмента развития общества. Баланс между двумя этими направлениями, как показывает практика, является важнейшим началом не только определения, к примеру, правильности применения меры пресечения в ходе уголовного процесса к беременной женщине, но и определения разумности такого выбора, исходя из более объективных принципов: презумпции невиновности, законности, эффективности влияния применяемой меры в каждом конкретном случае.

Список цитированных источников

1. Уголовно-правовые, криминологические и криминалистические проблемы расследования и предупреждения киберпреступлений : для специальности II ступени высшего образования (магистратура) 1–24 80 01 Юриспруденция. — Витебск : Витеб. гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2022. — 83 с.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Собрание законодательства РФ, 24.12.2001. — № 52 (ч. I). — ст. 4921.
3. Азаренок, Н. В. Концепция совершенствования российского уголовного процесса в рамках его исторической формы : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н. В. Азаренок. — Омск, 2021. — 169 л.
4. Баранчикова, М. В. Проблемы криминализации и пенализации как методов уголовно-правовой политики в сфере дорожного движения / М. В. Баранчикова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы XIX Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 20–21 янв. 2022 г. — М. : Блок-Принт, 2022. — С. 171–177.
5. Александрова, В. В. Оптимальная санкция уголовно-правовой нормы: постановка проблемы / В. В. Александрова // Пенитенциарная наука. — 2022. — Т. 16, № 4(60). — С. 359–371.
6. Денисенко, Е. М. Актуальные проблемы злоупотребления правом в уголовно-правовых отношениях / Е. М. Денисенко // Вестн. Университета «Кластер». — 2022. — № 10(10). — С. 14–23.
7. Авдеева, Л. А. Уголовно-правовая охрана семейных отношений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Л. А. Авдеева. — Саратов, 2009. — 201 л.
8. Мусахаев, А. Ю. Совершенствование правового регулирования информационных технологий в рамках уголовного процесса / А. Ю. Мусахаев // Студенческий. — 2022. — № 19–11(189). — С. 58–60.

9. Бодрова, Е. О. Исполнение приговора в отношении осужденных к наказаниям без изоляции от общества как самостоятельная стадия уголовного судопроизводства и ее значение для достижения целей уголовно-исполнительного законодательства / Е. О. Бодрова // Современное состояние и перспективы развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации : сб. докладов Всерос. науч.-практ. конф., г. Киров, 07–08 окт. 2021 г. — Киров : Федер. казенное учреждение дополнительного профессионального образования Кировский институт повышения квалификации работников ФСИН России, 2021. — С. 17–21.

Аннотация. В статье дается последовательная оценка качества использования средств уголовно-правового регулирования в современной практике с учетом их отраслевой принадлежности, правильности определения санкции, а также спецификации сферы правового регулирования. В ходе исследования затрагивается аспект использования мер уголовно-правового характера, а также их совершенствования в сфере регулирования различных отношений достаточно разнообразно. Как показывает практика, в числе причин и проблем, которые вытекают из специфики применения затронутых средств, определяющее значение имеет государственный уклон, который, как правило, выражается в принятии долгосрочной стратегии, а также в выработке механизмов, которыми пользуется законодатель, когда анализирует сложившуюся ситуацию, как в части определения влияния уголовных предписаний в принципе, так и их отдельных правил.

PROBLEMS OF IMPROVEMENT OF CRIMINAL LEGAL MEANS IN THE FIGHT AGAINST CRIME

Serebrennikova A. V.

Keywords: criminal law, family law, sanction, crime, prevention.

Abstract. The article provides a consistent assessment of the quality of using the means of criminal law regulation in modern practice, taking into account their sectoral affiliation, the correctness of the definition of the sanction, as well as the specification of the scope of legal regulation. The study touches upon the aspect of the use of measures of a criminal law nature, as well as their improvement in the field of regulation of various relations in a rather diverse way. As practice shows, among the causes and problems that arise from the specifics of the application of the affected funds, the state bias is of decisive importance, which, as a rule, is expressed in the adoption of a long-term strategy, as well as in the development of mechanisms that the legislator uses when analyzing the current situation, both in terms of determining the impact of criminal regulations in principle, and their individual rules.

УДК 343.2/7

МЕЖДУНАРОДНЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ОСУЖДЕННЫХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ⁶

Шаблинская Д. В.

Ключевые слова: гуманизация уголовно-исполнительных отношений, правовой статус осужденных, обеспечение безопасности уголовно-исполнительной системы, принцип нормальности, цифровой разрыв (цифровое неравенство), право на доступ в Интернет, социальная адаптация осужденных, гуманитарные аспекты информационной безопасности

Введение

Основной общемировой тенденцией уголовно-исполнительной политики признается гуманизация уголовно-исполнительных отношений, предполагающая обоснование и внедрение прогрессивных систем исполнения наказания, экономию уголовной репрессии и поиск альтернатив карательному воздействию на осужденных.

Данное направление в полной мере обеспечивает соблюдение рекомендаций, содержащихся в международных правовых документах. Вместе с тем процессы гуманизации тесно взаимосвязаны с решением проблем общественно опасного поведения в учреждениях уголовно-исполнительной системы, уклонения от отбывания наказания, проникновения в общество криминальной субкультуры и др. В этой связи пенология призвана предложить средства, обеспечивающие надлежащее исполнение наказания и иных мер уголовной ответственности, разумное применение уголовно-правового поощрения (стимулирования, убеждения), в том числе соблюдение всех условий безопасности общества при освобождении от отбывания наказания.

В рамках данного исследования указанные выше аспекты предлагается рассмотреть через призму прав и свобод лиц, отбывающих наказание и иные меры уголовной ответственности. Правовое положение осужденных в отечественной науке является достаточно разработанным предметом научного познания. В данном аспекте необходимо отметить работы В. А. Ананича, Е. С. Бородулькиной, В. Е. Бурого, С. А. Кадушкина, С. В. Казак, Т. М. Катцовой, М. Ю. Кашинского, Н. В. Кийко, В. С. Красикова, И. И. Лапцевич, Э. А. Саркисо-

⁶ Статья подготовлена в рамках выполнения НИР «Тенденции совершенствования уголовного и уголовно-исполнительного законодательства и практики его применения в условиях цифровой трансформации общества и защиты прав человека» задания «Правовое обеспечение противодействия преступности и правонарушениям в современных условиях развития общества и государства» подпрограммы «Право» ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства» на 2021–2025 годы (научный руководитель: доктор юридических наук, профессор А. Л. Савенок, организация-исполнитель: Белорусский государственный университет, № ГР 20212416).

вой, В. И. Степаненко, В. М. Хомича, В. С. Шабалы, В. Б. Шабанова, А. В. Шаркова, Ю. Л. Шевцова, А. В. Шидловского и др.

В настоящее время актуальным научным направлением является исследование содержания правового положения осужденных в условиях цифровой трансформации общества и государства. Процессы информатизации и цифровизации, затрагивающие правовой статус каждого человека, с учетом конкретных правоограничений в различных сферах, вытекающих из факта привлечения к уголовной ответственности и необходимости претерпевания связанных с этим мер государственного принуждения, так или иначе будут оказывать влияние на права, свободы, законные интересы и обязанности осужденных. В рамках данной статьи представляется целесообразным изучить международные правовые основы и зарубежный опыт развития прав и свобод осужденных в условиях цифровой трансформации в дуализме их защиты и необходимости обеспечения безопасности как уголовно-исполнительной системы и непосредственно осужденных, так и безопасности общества в связи с реализацией мер уголовно-правового принуждения.

Основная часть

Права человека универсальны и принадлежат каждому. Вместе с тем в любом государстве (за возможным редким исключением) существует группа лиц, которая, нарушив права и свободы другого индивида или коллективного образования, претерпевает государственное принуждение, составляющее содержание уголовно-правового воздействия. Однако и осужденные приговором суда к наказанию или иным мерам уголовной ответственности тоже являются правообладателями, разумеется, с учетом соответствующих ограничений их прав и свобод. Более того, в случае совершения преступления на первый план выходят права, закрепленные в Конституции Республики Беларусь, реализация которых до совершения общественно опасного деяния не имела своей особой значимости: свобода, неприкосновенность и достоинство личности, право на судебную проверку законности задержания или ареста, не подвергаться пыткам, жестокому, бесчеловечному либо унижающему достоинство обращению или наказанию, а также без согласия подвергаться медицинским или иным опытам (ст. 25), презумпция невиновности (ст. 26), право не принуждаться к даче показаний и объяснений против самого себя, членов своей семьи, близких родственников (ст. 27) и др.

В соответствии с положениями Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь 18 марта 2019 г. № 1, основополагающим национальным интересом Республики Беларусь в информационной сфере с точки зрения гуманитарного аспекта является реализация конституционных прав граждан на получение, хранение и распространение полной, достоверной и своевременной информации, свободу мнений, убеждений и их свободного выражения, а также права на тайну личной жизни. Положения программного документа в полной мере должны относиться и к осужденным, которые продолжают оставаться гражданами государства, обладать и пользоваться

конституционными правами и свободами с теми ограничениями, которые обусловлены исполнением и отбыванием наказания, назначенного приговором суда. Отмеченное выше не только развивает гуманитарные аспекты информационной безопасности, но подчеркивает гуманитарную основу прав осужденных, что в полной мере согласуется с универсальными мировыми подходами.

Одним из векторов развития прав осужденных в зарубежных странах можно определить использование в практике исполнения наказания (в первую очередь, наказания в виде лишения свободы) принципа нормальности (normality principle). Изначально данный принцип рассматривался исключительно как универсальный (общий) принцип международного гуманитарного права, и относился к принципам, обеспечивающим защиту жертв войны (принципы «Женевского права»). Его содержание заключается в том, что у лиц, находящихся под защитой, должна быть возможность вести как можно более нормальную жизнь.

Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые на первом Конгрессе Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, состоявшемся в Женеве в 1955 г. и одобренные Экономическим и Социальным Советом в его резолюциях 663 С (XXIV) от 31 июля 1957 г. и 2076 (LXII) от 13 мая 1977 г., содержат норму (правило 5), по сути отражающую анализируемый принцип: тюремный режим должен стремиться сводить до минимума ту разницу между жизнью в тюрьме и жизнью на свободе, которая ослабляет чувство ответственности заключенных или уважение их достоинства как человеческой личности [1].

Общее определение принципа нормальности применительно к уголовно-исполнительным правоотношениям можно найти в п. 3–5 части I Рекомендации Комитета министров Rec(2006)2 государствам-членам Совета Европы о Европейских пенитенциарных правилах: «3. Ограничения, налагаемые на лиц, лишенных свободы, должны быть минимально необходимыми и соответствовать той обоснованной цели, с которой они налагались. 5. Жизнь в местах лишения свободы должна быть максимально приближена к позитивным аспектам жизни в обществе» [2].

Принцип нормальности используется, в частности, Норвежской исправительной службой в практике исполнения наказания в виде лишения свободы и предполагает сосредоточение на ограничении свободы и сохранении других прав осужденного там, где это возможно. Х. Боттольфс (Heidi Bottolfs) отмечает: «Наказание есть ограничение свободы, и никакие другие права не были устранены приговором суда. <...> Никто не может отбывать наказание при более строгих обстоятельствах, чем это необходимо для безопасности в обществе, и правонарушители должны быть помещены в самый мягкий из возможных режимов безопасности» [3]. Далее автор отмечает, что принцип нормальности, конечно, ограничен безопасностью, особенностями исправительного учреждения, различиями в тюрьмах, кадровыми, инфраструктурными и финансовыми ресурсами. «Обеспечить нормальную жизнь в тюрьме

не всегда возможно, но принцип нормальности устанавливает стандарт, к которому мы должны стремиться», — отмечает Х. Боттолфс [3].

Генеральный директор Норвежской исправительной службы М. Воллан (Marianne Volla) подчеркивает, что развитие принципа нормальности значимо и тем, что его реализация обеспечивается «моделью импорта»: в тюрьмах нет собственного персонала, оказывающего, например, медицинские, образовательные, трудовые, социальные или библиотечные услуги. Эти услуги «импортируются» из местного сообщества. Например, учителей, которые преподают в тюрьмах, нанимают и оплачивают местные школьные власти, а не исправительная служба. «Модель импорта» также позволяет тюремным надзорителям сосредоточиться на своей основной задаче мотивации заключенных и уравнивании контроля, а также на оказании помощи вместо выполнения задач, для которых лучше подходят другие профессии» [4].

В современном обществе, характеризующемся стремительными технологическими изменениями и цифровизацией всех сфер жизни, реализация принципа нормальности становится все более сложной. Цифровые технологии изменили алгоритмы получения информации и предоставления услуг. Повседневное применение новых технологий становится «новой нормой жизни». В этой связи все существеннее наблюдается разница между осужденными, практически лишенными информационных благ, и гражданами, не изолированными от общества.

Таким образом, реализация принципа нормальности сегодня не видится возможной без учета внешней цифровой реальности. В рамках дискуссии о правах граждан и информационных технологиях наиболее широко обсуждается вопрос о праве осужденных на доступ к Интернету. Данная проблема имеет две стороны: необходимость обеспечения права человека на информацию, а с другой — недопущения вреда, который может быть причинен возможностью доступа в Интернет осужденными.

В. Найт (Dr Victoria Knight) и С. Ван Де Стин (Steven Van De Steene) в своей публикации отмечают, что после того, как эстонский заключенный выступил против того, что у него нет доступа к Интернету⁷, Европейский суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) заявил, что отказ заключенному в доступе к Интернету может быть приравнен к нарушению ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — ЕКПЧ) [5]. Далее исследователи отмечают, что хотя ЕСПЧ счел, что ст. 10 ЕКПЧ и не может толковаться как налагающая общее обязательство предоставлять заключенным доступ в Интернет, Суд все же подчеркнул, что доступ в Интернет все чаще понимается как право. В этой связи рекомендуется разработать эффективную политику доступа в Интернет и преодолеть цифровой разрыв (digital divide) [5].

⁷ Дело «Калда (Kalda) против Эстонии» (жалоба № 17429/10, 19.01.2016) [<https://base.garant.ru/71463102/>].

Категория «цифровой разрыв» (цифровое неравенство) изначально рассматривалась применительно к различным слоям населения либо даже к различным государствам в связи с разными возможностями доступа к информационно-коммуникационным технологиям. В контексте прав человека цифровой разрыв видится фактором, обуславливающим социальную дифференциацию. В этой связи цифровой разрыв представляет собой правовую уязвимость осужденных, а его преодоление выступает новым направлением, обуславливающим необходимость постановки и решения задач обеспечения доступа осужденных к информации и их обучения, в том числе посредством Интернета.

Особый интерес представляет связь между доступом к Интернету и развитием права на образование, поскольку Интернет открывает возможности доступного и инклюзивного образования в глобальном масштабе. Более того, в данном аспекте речь идет и о решении проблемы «цифровой грамотности», что необходимо для успешной адаптации осужденного при возвращении в общество.

Необходимо отметить, что в некоторых зарубежных странах новые информационные технологии весьма успешно внедряются в практику пенитенциарных учреждений. В этом контексте видится целесообразным проанализировать опыт Финляндии по внедрению проекта «Умная тюрьма». «Задача состояла в том, чтобы установить мобильные устройства с системами искусственного интеллекта в новой женской тюрьме Хямеэнлинна (фин. Hämeenlinna). В каждой из ста тюремных камер есть мобильное устройство, которое заключенные используют для общения и управления вещами внутри тюрьмы и в ограниченной степени также за ее пределами. В тюрьме популярны электронные книги, аудиокниги и видео-встречи с близкими. На 2022 г. было запланировано внедрение системы электронной почты заключенных. Хотя проект «Умная тюрьма» был запущен только в одной тюрьме, он ускорил общее развитие цифровых технологий во всех тюрьмах и службах пробации Финляндии. Во всех подразделениях есть рабочие станции для заключенных или условно осужденных, которые имеют ограниченный доступ к Интернету, звонкам по Skype и офисным инструментам. В белый список вошли несколько сотен сайтов реабилитационных, социальных и медицинских услуг. Потребность в этих услугах возросла во время вспышки COVID-19, что поставило задачу по дальнейшему развитию этих услуг», — отмечает П. Пуолакка (Pia Puolakka) [6]. Автор указывает, что осужденные также включены в деятельность, связанную с искусственным интеллектом: работу по обработке документов для компании-разработчика программного обеспечения, работающей в Финляндии. Обработывая документы на рабочих станциях, предоставленных компанией, осужденные тренируют алгоритмы для распознавания слов и значений в письменных документах. В «Умной тюрьме» осужденные также могут использовать свои мобильные устройства для изучения материалов курсов об искусственном интеллекте. Эти курсы позволяют заключенным изучать и проверять свои цифровые

и другие когнитивные навыки, связанные с грамотностью, решением проблем и абстрактным мышлением. Также возможно включение этих курсов в университетское обучение, если заключенные уже обучаются во время отбывания наказания [6].

Необходимо отметить, что информационные терминалы, в которых периодически обновляется информация об имеющихся вакансиях в целях решения вопросов трудового устройства осужденных, а также справочная информация по вопросам пенсионного и социального обеспечения, социальной защиты и занятости населения, правовая информация, регламентирующая отбывание наказания в виде лишения свободы, а также обеспечивается электронный доступ к ряду услуг, оказываемых отдельными государственными органами, установлены во многих исправительных учреждениях Российской Федерации [7].

Доступ осужденных к наказаниям, связанным с лишением свободы, к Интернету необходимо ограничивать («сайты белого списка» и т. п.) в первую очередь по соображениям безопасности. Использование технологий не исключает организацию преступной деятельности из тюрьмы. В России известны многочисленные случаи мошенничеств с использованием средств мобильной связи, совершаемых осужденными в исправительных учреждениях. Разумеется, еще большие риски содержит использование осужденными ресурсов и возможностей Интернета.

Искусственный интеллект также применяется для обеспечения безопасности исправительных учреждений [8]. Уже сейчас в ряде стран ведутся эксперименты по внедрению систем искусственного интеллекта для полной «автоматизации» процессов обеспечения безопасности путем распознавания и отслеживания каждого заключенного на предмет неправомерного или просто необычного поведения. Исследователями отмечается, что в тюрьмах устанавливаются системы наблюдения с использованием искусственного интеллекта для борьбы с правонарушениями. Этот инструмент используется для сканирования широкого спектра звонков, например, разговоров, в которых упоминается то или иное слово. При этом все заключенные уведомлены о том, что их телефонные звонки отслеживаются. Система приносит пользу общественной безопасности, а также безопасности персонала и заключенных. Искусственный интеллект выявляет осужденных, незаконно получающих пособие по безработице, находясь в тюрьме. Вместо многочасового исследования записанных звонков система позволяет сотрудникам более эффективно использовать свое время, вычленив ключевые слова, отвечающие конкретным задачам. Информация, полученная из данных систем, передается правоохранительным органам и иммиграционным службам [8].

Следует поддержать выводы А. В. Щербакова о том, что «<...> использование компьютерных технологий с применением цифровых систем контроля и наблюдения позволяет эффективно реализовывать задачи по осуществлению комплексного контроля территории пенитенциарного учреждения, оперативно реагировать на возникающие внештатные си-

туации и тем самым обеспечивать безопасность в пределах пенитенциарного учреждения. Очевидно, что данный аспект должен учитываться и по возможности (с учетом развития отечественной научно-технической базы и внедрения ее в сферу правоохранительной деятельности) реализовываться в рамках обеспечения безопасности функционирования исправительных учреждений» [9, с. 86].

Еще одним направлением использования современных информационно-коммуникационных технологий при исполнении наказаний и применении мер пресечения можно признать применение электронных средств надзора. Возможность использования электронных средств контроля своего места нахождения предусматривается уголовно-исполнительным законодательством Республики Беларусь и других государств — участников СНГ. Вопросам использования электронных средств контроля уделила внимание в своем исследовании и Т. П. Афонченко [10, с. 99–100].

Внедрение данных технологий позволит не только обеспечить постоянный контроль за осужденными к ограничению свободы, что повысит его эффективность, но и снизить количество осужденных к лишению свободы и обвинуемых, к которым применяется мера пресечения в виде заключения под стражу.

Заключение

Развитие отечественной науки уголовно-исполнительного права, совершенствование деятельности учреждений и органов, исполняющих наказание, а равно обеспечение прав, свобод и законных интересов осужденных предполагает изучение и восприятие ведущих мировых пенитенциарных практик и опыта правового регулирования. Разумеется, это предполагает учет особенностей и традиций национальной правовой системы, финансово-экономические, ресурсные возможности государства, показатели правоприменения.

Изучение международных стандартов обращения с осужденными и зарубежного опыта в сфере исполнения наказания и иных мер уголовно-правового воздействия в контексте цифровой трансформации позволяет прийти к следующим выводам.

В обеспечении принципа нормальности как ключевой основы социальной адаптации осужденных, недопущении дискриминации прав человека, преодолении цифрового разрыва, а также решении вопроса цифровой неграмотности в первую очередь состоят задачи применения информационных технологий в уголовно-исполнительных отношениях.

Цифровая трансформация позволяет обеспечить право осужденных на охрану здоровья и социальное обеспечение: в зарубежных странах широко развито цифровое медицинское обслуживание и социальное обслуживание. Новые цифровые услуги способствуют оказанию помощи осужденным после освобождения от отбывания наказания, поскольку самый широкий спектр электронных услуг, позволяющих решать такие вопросы, как жилье, работа и социальные льготы, может быть использован в самом исправительном учреждении до освобождения. Общение с родственниками посредством

видеоконференцсвязи, подача электронных обращений, дистанционное обучение — все эти возможности, действительно, становятся доступными осужденным, благодаря цифровизации. Исправительные учреждения, оснащенные современными технологиями, действительно способствуют интеграции осужденных в общество (посредством их подготовки к возвращению в современный информационный мир) и являются платформой для получения образования, повышают перспективы быть трудоустроенным после отбывания наказания.

В основу функционирования учреждений уголовно-исполнительной системы должны быть заложены гарантии безопасности всех субъектов уголовно-исполнительных отношений (осужденных, учреждений и органов государства, исполняющих наказания и иные меры уголовной ответственности, иных лиц) и общества в целом. Использование новых технологий, в частности искусственного интеллекта, позволит своевременно предупредить противоправные действия осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Следует поддержать выводы ученых о том, что электронные средства контроля местонахождения осужденных, а также применение иных информационных технологий в целях обеспечения режима исполнения наказания позволяют эффективно обеспечивать реализацию частного предупреждения как значимой цели уголовной ответственности и наказания.

Список цитированных источников

1. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы) [Электронный ресурс] / Официальный сайт ООН. — Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/prison.shtml. — Дата доступа: 21.08.2023.
2. Рекомендации Комитета министров Rec(2006)2 государствам-членам Совета Европы о Европейских пенитенциарных правилах [Электронный ресурс] / Портал ГАРАНТ.РУ. — Режим доступа: <https://base.garant.ru/70170038/>. — Дата доступа: 26.08.2023.
3. Bottolfs, H. The principle of normality — in regular and extraordinary times [Electronic resource] / H. Bottolfs. — Mode of access: https://www.unafei.or.jp/publications/pdf/14th_Congress/14_Ms.Heidi_Bottolfs.pdf. — Date of access: 24.08.2023.
4. Full rights citizens: the principle of normality in Norwegian prisons [Electronic resource] / Interview: M. Vollen // justice-trends. — Mode of access: <https://justice-trends.press/full-rights-citizens-the-principle-of-normality-in-norwegian-prisons/>. — Date of access: 02.10.2022.
5. Knight, V. Ethical and moral reflections on the digital prison [Electronic resource] / V. Knight, S. Van De Steene. — Mode of access: [https://justice-trends.](https://justice-trends.press/ethical-and-moral-reflections-on-the-digital-prison/)

[press/ethical-and-moral-reflections-on-the-digital-prison/](https://justice-trends.press/ethical-and-moral-reflections-on-the-digital-prison/). — Date of access: 21.08.2023.

6. Puolakka, P. Smart Prison: From Prison Digitalisation to Prison Using, Learning and Training Artificial Intelligence [Electronic resource] / P. Puolakka. — Mode of access: <https://justice-trends.press/smart-prison-from-prison-digitalisation-to-prison-using-learning-and-training-artificial-intelligence/>. — Date of access: 26.08.2023.

7. Бюллетень Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. — 2020. — № 8–228 с. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://ombudsmanrf.org/storage/74a0484f-7d5a-4fe4-883d-a1b5ba1dd5f8/documents/16c63455-8fa0-4db3-9749-1c829026a3e8/3910554f-6319-4e6c-abbb-d8224c371c5e.pdf>. — Дата доступа: 21.08.2023.

8. Asher-Schapiro, A. AI surveillance takes U.S. prisons by storm [Electronic resource] / A. Asher-Schapiro, D. Sherfinski. — Mode of access: <https://www.context.news/surveillance/ai-surveillance-takes-us-prisons-by-storm>. — Date of access: 03.09.2023.

9. Щербаков, А. В. Зарубежный опыт обеспечения безопасности пенитенциарной системы и возможность его использования в отечественной практике / А. В. Щербаков // Вестн. ТвГУ. Серия «Право». — 2017. — № 3. — С. 75–93.

10. Афонченко, Т. П. Превентивный надзор и профилактическое наблюдение в системе мер постпенального контроля / Т. П. Афонченко ; под общ. В. М. Хомича / Учрежд. образ-я «Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации». — Гомель, 2017. — 240 с.

Аннотация. В статье отражены результаты рассмотрения международных стандартов обращения с осужденными и зарубежного опыта в сфере исполнения наказания в контексте цифровой трансформации, влияющей на содержание прав и свобод осужденных. Исследованы направления оптимизации прав осужденных в целях преодоления цифрового разрыва и обеспечения принципа нормальности как ключевой основы социальной адаптации осужденных и недопущения их дискриминации. Сделан вывод, что цифровая трансформация позволяет обеспечить право осужденных на охрану здоровья и социальное обеспечение, а исправительные учреждения, оснащенные современными технологиями, действительно способствуют интеграции осужденных в общество и являются платформой для получения образования, повышают перспективы быть трудоустроенным после отбывания наказания. Обосновано, что использование новых технологий, в частности искусственного интеллекта, позволит своевременно предупредить противоправные действия осужденных в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

INTERNATIONAL AND FOREIGN EXPERIENCE IN ENSURING THE RIGHTS AND FREEDOMS OF CONVICTS IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

Shablinskaya D. V.

Keywords: humanization of penal relations, legal status of convicts, ensuring the safety of the penitentiary system, principle of normality, digital divide (digital inequality), right to Internet access, social adaptation of convicts, humanitarian aspects of information security.

Abstract. The article is reflected the results of a review of international standards for the treatment of convicts and foreign experience in the field of execution of punishment in the context of digital transformation, which affects the content of the rights and freedoms of convicts. The directions for optimizing the rights of convicts are explored in order to overcome the digital divide and ensure the principle of normality, as a key basis for the social adaptation of convicts and preventing their discrimination. It is concluded that digital transformation makes it possible to ensure the right of convicts to health care and social security, and correctional institutions equipped with modern technologies really contribute to the integration of convicts into society and are a platform for obtaining education, increasing the prospects of being employed after serving their sentence. It is substantiated that the use of new technologies, in particular artificial intelligence, will make it possible to timely prevent illegal actions of prisoners in institutions of the penitentiary system.

4. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАКТИКИ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

УДК 343.1

ЗНАЧЕНИЕ ВЫЕЗДНЫХ СУДЕБНЫХ ЗАСЕДАНИЙ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ГРАЖДАН

Гаврилов М. А.

Ключевые слова: выездное судебное заседание, судебная система, судебная реформа, суд, судья, правовое просвещение

Введение

В правовом просвещении граждан наряду с правоохранительными органами важную роль играют суды. В советский период распространение получили выездные судебные заседания по уголовным делам, одной из целей проведения которых являлось повышение правовой культуры граждан, а также выявление причин и условий, способствовавших совершению преступлений, их эффективное устранение. Современные изменения в политической и экономической жизни как Российской Федерации, так и Республики Беларусь заставляют задуматься о том, что все более очевидна необходимость отстаивания и дальнейшего развития правовых традиций нашего народа.

Среди ученых-юристов и практиков сегодня отсутствует единое мнение относительно института выездных судебных заседаний. Однако необходимо отметить, что потребность общества в информации о деятельности государственных органов, в том числе судов, является предпосылкой для поиска и внедрения в практику как новых, так и зарекомендовавших себя способов предоставления такой информации. Эти обстоятельства обосновывают актуальность исследования института выездных судебных заседаний по уголовным делам в современных условиях в уголовно-процессуальном и просветительском аспектах.

Основная часть

В российской Концепции информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы (одобрена Советом судей Российской Федерации 5 декабря 2019 г.) указано, что популяризация знаний о судебной системе повышает имидж суда, является действенным инструментом для расширения кругозора в области судебной деятельности среди общественности. В качестве задач развития информационной политики судебной системы названы: создание условий по обеспечению прав граждан на получение своевременной, объективной, полной и разносторонней информации о деятельности

судебной системы, а также повышение уровня правовой и информационной грамотности населения. Однако использование института выездных судебных заседаний по уголовным делам не названо в числе средств решения указанных задач. На сегодняшний день в законодательных актах Российской Федерации отсутствуют положения, регламентирующие проведение выездных судебных заседаний по уголовным делам, хотя на практике в редких случаях данный институт применяется [1, с. 97–101]. Как правило, это связано с необходимостью осмотра судом вещественных доказательств по месту их нахождения либо осмотром местности и помещения. Иногда выездные судебные заседания проводятся в местах лишения свободы с целью снижения затрат, связанных с конвоированием осужденных — участников процесса, или в лечебных учреждениях, в которых находится на излечении обвиняемый.

Иногда выездные судебные заседания проводятся военными судами в воинских частях. Такие выездные заседания признаются учеными действенным средством повышения уровня предупредительной и воспитательно-профилактической деятельности военного суда, укрепления законности и правопорядка в войсках [2, с. 41–49].

Согласно результатам проведенного опроса, только 40 % из опрошенных государственных обвинителей когда-либо участвовали в выездных судебных заседаниях. При этом поводом для проведения выездного заседания, как правило, являлись обстоятельства, препятствующие явке в суд подсудимых или потерпевших (госпитализация в связи с серьезным заболеванием и т. п.) Лишь 8 % опрошенных государственных обвинителей когда-либо участвовали в выездных судебных заседаниях, одной из целей которых являлось повышение правовой культуры граждан.⁸ Таким образом, можно констатировать, что в Российской Федерации практика проведения выездных судебных заседаний с целью правового просвещения граждан является не столь распространенной. Хотя 80 % опрошенных государственных обвинителей полагают, что в некоторых случаях проведение выездных судебных заседаний по уголовным делам на предприятиях, в высших учебных заведениях и т. п. может оказывать положительное влияние на уровень правовой культуры граждан.

В то же время в Республике Беларусь широко распространена практика проведения выездных судебных заседаний по уголовным делам. За последние годы (2017–2022) примерно 10 % уголовных дел рассматриваются судами в выездных судебных заседаниях [3]. При этом целью проведения таких выездных заседаний довольно часто является оказание корректирующего воздействия на граждан в целях недопущения совершения ими правонарушений и преступлений. Такие заседания проводятся в образовательных учреждениях, на предприятиях и т. п.

⁸ В опросе приняли участие 60 прокурорских работников Приволжского и Уральского федеральных округов РФ из числа слушателей учебных потоков повышения квалификации Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, в служебные обязанности которых входит поддержание государственного обвинения по уголовным делам.

Например, в выездных судебных заседаниях в ОГАИ УВД администрации Заводского района г. Минска районным судом рассмотрены уголовные дела по факту управления транспортными средствами лицами, находящимися в состоянии алкогольного или наркотического опьянения. На заседании присутствовали лица, привлекавшиеся в течение года к административной ответственности за аналогичные правонарушения, а также имеющие судимость за преступление, предусмотренное ст. 317–1 УК Республики Беларусь [4].

Как видно, выездные судебные заседания нацелены на решение задачи общей превенции.

Фрунзенским районным судом г. Минска в марте 2022 г. проведено выездное судебное заседание в помещении Управления по образованию администрации района, где рассмотрено уголовное дело в отношении Т., являвшейся социальным педагогом дошкольного центра развития ребенка в г. Минске, обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 210 УК Республики Беларусь (хищение путем злоупотребления служебными полномочиями). Приговором суда Т. признана виновной в завладении имуществом, совершенном должностным лицом с использованием своих служебных полномочий (хищении путем злоупотребления служебными полномочиями), и ей назначено наказание в виде лишения права занимать должности, связанные с выполнением организационно-распорядительных и административно-хозяйственных обязанностей на срок 2 года 6 месяцев, со штрафом в размере 100 базовых величин в сумме 3200 рублей. При рассмотрении уголовного дела в зале судебного заседания присутствовали 15 сотрудников Управления по образованию администрации района.

Рассмотрение судом уголовных дел в отношении государственных и муниципальных служащих в их трудовых коллективах также имеет серьезное воспитательное воздействие, ярко демонстрирует принцип неотвратимости наказания за совершенное преступление.

Некоторые уголовные дела рассматриваются в учебных заведениях с приглашением в зал судебного заседания студентов. Например, в Белорусском национальном техническом университете в ноябре 2022 г. состоялось открытое выездное заседание суда Партизанского района г. Минска по делу гражданина П., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 328 УК Республики Беларусь. Гражданин П. приобрел наркотические средства для личного употребления через Telegram-канал, оплатил и забрал закладку, которую затем хранил дома. Уже на следующий день употребил запрещенное вещество, а через некоторое время к нему с обыском прибыли представители правоохранительных органов, которые при участии понятых обнаружили и изъяли наркотические средства, весы и телефон, который являлся средством совершения преступления. На открытом выездном судебном заседании присутствовали более 150 студентов и профессорско-преподавательский состав университета. Присутствующие с интересом следили за ходом судебного разбирательства по делу и прениями сторон. После убедительной речи государственного обвинителя, представившего

суду неопровержимые доказательства виновности П. в инкриминируемом деянии, обвиняемый выступил с последним словом, в котором попросил суд применить к нему более мягкое наказание, т. к. полностью признает свою вину и впредь не будет совершать подобных действий. Также подсудимый обратился к присутствующим в зале с призывом не приобретать и не употреблять наркотики, ведь ни один день, проведенный в заключении, этого не стоит [5].

Анализ нормативных правовых актов Республики Беларусь показывает, что такая форма проведения судебного заседания, как выездное судебное заседание, не предусмотрена Конституцией Республики Беларусь, Кодексом Республики Беларусь о судостроительстве и статусе судей. В УПК Российской Федерации такая форма упоминается лишь в контексте одного из вопросов, разрешаемых судьей при назначении судебного разбирательства, — о месте и времени судебного разбирательства. В то же время постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 20 декабря 2013 г. № 11 «Об обеспечении гласности при осуществлении правосудия и о распространении информации о деятельности судов» предписывает судам в полной мере использовать возможности рассмотрения в выездных судебных заседаниях в трудовых коллективах, по месту жительства граждан наиболее актуальных и социально значимых дел. Организация и проведение каждого такого заседания должны способствовать воспитанию граждан в духе уважения к закону, предупреждению правонарушений и преступлений.

Таким образом, можно констатировать, что в уголовном судопроизводстве Республики Беларусь сохранил свою природу и в настоящее время широко применяется институт выездных судебных заседаний по уголовным делам. При этом причиной избрания такой формы заседаний не всегда является процессуальная необходимость. Достаточно часто выездные судебные заседания по уголовным делам проводятся именно с целью профилактики преступности, правового просвещения граждан.

В этом отношении опыт Республики Беларусь по рассмотрению и разрешению уголовных дел в выездных судебных заседаниях прежде всего в воспитательных целях представляется в качестве примера и может без каких-либо препятствий реализовываться в Российской Федерации. Ведь УПК Российской Федерации хотя прямо не регулирует процедуру проведения выездных судебных заседаний, но не запрещает ее. Более того, ст. 284 и ст. 287 УПК Российской Федерации указывает на возможность проведения осмотра вещественных доказательств по месту их нахождения, а также осмотра местности и помещения в выездных судебных заседаниях. Возможность проведения выездных судебных заседаний по уголовным делам сегодня основывается на действующем в редакции 2007 г. постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 февраля 1967 г. № 35 «Об улучшении организации судебных процессов и повышении культуры их проведения», которое обращает внимание судов на необходимость повышения воспитательного воздействия процессов, проводимых в выездных заседаниях.

Некоторые исследователи предлагают закрепить в УПК Российской Федерации положения, прямо устанавливающие право суда на принятие решения о назначении выездного судебного заседания на основании ходатайства сторон или по собственной инициативе, а также конкретизирующих порядок проведения выездного судебного заседания [6, с. 27–35]. В целом поддерживая такие предложения, необходимо отметить, что несмотря на недостаточную урегулированность применения рассматриваемого института в современном российском уголовном судопроизводстве, потребность в его применении существует.

Представляется, что при решении вопроса о проведении выездной сессии суд должен принимать во внимание характер и степень общественного значения совершенного деяния, распространенность на определенной территории или в профессиональной среде преступлений такого вида, обстановку совершения преступления, личность правонарушителя. Все эти обстоятельства должны учитываться при решении вопроса о назначении выездного судебного заседания.

Кроме того, необходимо обратить внимание на полномочия прокурора в данном вопросе. В соответствии со ст. 227 и 228 УПК Российской Федерации после поступления в суд уголовного дела для рассмотрения по существу судья в числе иного должен решить, подлежат ли удовлетворению заявленные ходатайства и поданные жалобы. Постановление о назначении судебного заседания выносится судьей без участия сторон. Таким образом, полагаем, что при направлении уголовного дела в суд, которое, по мнению прокурора, подлежит рассмотрению в выездном судебном заседании, он должен приложить соответствующее мотивированное ходатайство. В нем должны быть изложены доводы, согласно которым конкретное уголовное дело будет целесообразным рассмотреть в выездном судебном заседании. При этом прокурор должен предложить конкретное место проведения такого заседания, а также круг лиц, которые могут быть потенциальными посетителями судебного заседания.

Заключение

Можно констатировать, что как российскому, так и белорусскому уголовному судопроизводству не чужд институт выездных судебных заседаний. Однако в российском уголовном судопроизводстве применение такого института, как правило, обусловлено необходимостью проведения судом определенных судебных действий вне помещения суда либо экономией времени и ресурсов, необходимых для обеспечения явки в суд значимых участников процесса.

Суды Республики Беларусь гораздо чаще используют такую форму судебных заседаний в целях правового просвещения граждан, проводя судебные заседания в трудовых коллективах, в образовательных учреждениях и т. п., а также в целях общей превенции.

На наш взгляд, именно такой подход был бы полезен для применения и в современных условиях российского уголовного судопроизводства. Несмотря на отсутствие в действующем уголовно-процессуальном

законодательстве Российской Федерации четкой регламентации оснований и порядка проведения выездных судебных заседаний по уголовным делам, такая форма должна применяться в целях повышения правовой культуры граждан, оказывать воспитательное воздействие на граждан, препятствуя распространению правового нигилизма.

Такая практика повысит уровень доверия граждан к судебной системе государства и будет положительно влиять на укрепление авторитета правоохранительных органов и судов.

Список цитированных источников

1. Макаренко, А. Н. Возобновление практики рассмотрения резонансных уголовных дел в выездных судебных заседаниях / А. Н. Макаренко // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2019. — № 7(110). — С. 97–101.

2. Харитонов, С. С. Выездные заседания военных судов в расположении воинских частей вопросы правового регулирования процедур применительно к необходимости их совершенствования / С. С. Харитонов // Право в Вооруженных Силах. — Военно-правовое обозрение. — 2018. — № 8 — С. 41–49.

3. Краткие статистические данные о деятельности судов общей юрисдикции по осуществлению правосудия за 2017, 2018, 2019, 2020, 2021, 2022 годы [Электронный ресурс] // Верховный Суд Респ. Беларусь. Интернет-портал судов общей юрисдикции Респ. Беларусь. — Режим доступа: https://www.court.gov.by/ru/justice_rb/statistics/5b82a6c416a342a7.html. — Дата доступа: 14.06.2023.

4. Сайт администрации Заводского района г. Минска Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://zav.minsk.gov.by/zakonnost-i-pravoporjadok/prokuratura-zavodskogo-raiona-g-minska/prokurorskiy-nadzor/3355-vyezdnye-sudebnye-zasedaniya-odna-iz-form-obshchej-profilaktiki-pravonarushenij-i-prestuplenij> :~: text=%. — Дата доступа: 14.06.2023.

5. Сайт Белорусского национального технического университета. — Режим доступа: <https://bntu.by/en/news/11949-otkrytoe-vyezdnoe-zasedanie-suda>. — Дата доступа: 14.06.2023.

6. Семенова, М. С. К вопросу об участии судей в правовом просвещении: история и современность / М. С. Семенова // Вестн. Волжского ун-та им. В. Н. Татищева. — 2023. — Т. 1, № 2(104). — С. 27–35.

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические основы и практические подходы использования такой формы судебных заседаний по рассмотрению уголовных дел, как выездное судебное заседание. Проанализирована практика применения этого института в уголовном судопроизводстве Российской Федерации и Республики Беларусь.

THE IMPORTANCE OF MOBILE COURT HEARINGS CRIMINAL CASES TO IMPROVE THE LEGAL CULTURE OF CITIZENS

Gavrilov M. A.

Keywords: mobile court session, judicial system, judicial reform, court, judge, legal education

Abstract. the article discusses the theoretical foundations and practical approaches to the use of such a form of court hearings for the consideration of criminal cases as an exit court session. The practice of applying this institution in the criminal proceedings of the Russian Federation and the Republic of Belarus is analyzed.

УДК 343.13

ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Камчатов К. В., Аристархов А. Л.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, суд, прокурор, следователь, дознаватель, несовершеннолетний потерпевший, несовершеннолетний обвиняемый, несовершеннолетний подозреваемый

Введение

Существующий порядок уголовного судопроизводства в отношении несовершеннолетних по Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (далее — УПК РФ) [1] объединяет в себе необходимость обеспечения прав несовершеннолетних потерпевших, а также несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых. Данный вывод подтверждается положениями приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 13 декабря 2021 г. № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» [2].

С учетом содержания данного приказа к числу важных задач относится оперативное принятие мер к восстановлению нарушенных прав несовершеннолетних, возмещению материального ущерба и компенсации морального вреда. Данные и другие задачи разрешаются субъектами уголовно-процессуальной деятельности в сфере уголовного судопроизводства.

Вопросы производства по уголовным делам в отношении лиц, не достигших к моменту совершения преступления возраста восемнадцати лет, регулируются положениями гл. 50 УПК РФ. Указанные положения носят комплексный характер и при учете правил аналогии применяются по уголовным делам о преступлениях, совершенных в отношении несовершеннолетних потерпевших. В частности, важное значение имеют предусмотренные

п. 1–3 ч. 1 ст. 421 УПК РФ обстоятельства, подлежащие доказыванию: возраст несовершеннолетнего, число, месяц и год рождения, условия жизни и воспитания несовершеннолетнего, уровень психического развития и иные особенности его личности, влияние на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц.

Хотелось бы обратить внимание на предусмотренные законом повышенные процессуальные гарантии обеспечения прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве.

Так, в силу п. 2 ч. 1 ст. 51 УПК РФ участие защитника в уголовном судопроизводстве обязательно, если подозреваемый, обвиняемый является несовершеннолетним. Согласно ч. 2¹ ст. 45 УПК РФ по ходатайству законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, участие адвоката в качестве представителя такого потерпевшего обеспечивается дознавателем, следователем или судом. В этом случае расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счет средств федерального бюджета.

В определенных случаях, предусмотренных законом, при производстве по уголовным делам с участием несовершеннолетних допустимо участие психолога и педагога. Например, в силу ч. 1 ст. 191 УПК РФ при проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно. При производстве указанных следственных действий с участием несовершеннолетнего, достигшего возраста шестнадцати лет, педагог или психолог приглашается по усмотрению следователя.

Данные особенности уголовного судопроизводства сочетаются с тем, что предусмотренный УПК РФ порядок включает в свое содержание необходимость производства следственных действий с участием несовершеннолетних.

Тем самым особенности существующей регламентации создают необходимость ее учета судом, прокурором и органами предварительного расследования. В свою очередь, в российском уголовном процессе имеется специфика этапа процессуальной проверки и других этапов, на которых требуется обеспечивать важность существующих процессуальных гарантий прав несовершеннолетних при учете действующей регламентации уголовного, уголовно-процессуального и других законов.

Основная часть

В соответствии с ч. 1 ст. 87 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [3] несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет.

Возможность участия законных представителей несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, а также потерпевших допустима в силу

ст. 426, 428 и 45 УПК РФ. Так, согласно ч. 1 ст. 426 УПК РФ законные представители несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого допускаются к участию в уголовном деле на основании постановления следователя, дознавателя с момента первого допроса несовершеннолетнего в качестве подозреваемого или обвиняемого. При допуске к участию в уголовном деле им разъясняются права, предусмотренные ч. 2 ст. 426 УПК РФ.

Процессуальный статус законных представителей несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых содержательный. Законные представители вправе знать, в чем подозревается или обвиняется несовершеннолетний (п. 1 ч. 2 ст. 426 УПК РФ), присутствовать при предъявлении обвинения (п. 2 ч. 2 ст. 426 УПК РФ) и т. д.

Аналогичным образом следует сказать применительно к процессуальному статусу несовершеннолетних потерпевших. С учетом ч. 3 ст. 45 УПК РФ законные представители и представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя имеют те же процессуальные права, что и представляемые ими лица. В их содержание входит право знать о предъявленном обвиняемому обвинении (п. 1 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), давать показания (п. 2 ч. 2 ст. 42 УПК РФ), представлять доказательства (п. 4 ч. 2 ст. 42 УПК РФ) и т. д.

При этом полагаем, что право давать показания от своего имени имеет важное значение как для законных представителей несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых, так и законных представителей несовершеннолетних потерпевших.

Значимой процессуальной гарантией для несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и потерпевших является возможность отстранения законных представителей от участия в уголовном деле.

Согласно ч. 4 ст. 426 УПК РФ законный представитель может быть отстранен от участия в уголовном деле, если имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Об этом следователь, дознаватель выносят постановление. В этом случае к участию в уголовном деле допускается другой законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого. Схожие по смыслу положения содержатся в ч. 2 ст. 428 УПК РФ.

В силу ч. 2² ст. 45 УПК РФ по постановлению дознавателя, следователя, судьи или определению суда законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего может быть отстранен от участия в уголовном деле, если имеются основания полагать, что его действия наносят ущерб интересам несовершеннолетнего потерпевшего. В этом случае к участию в уголовном деле допускается другой законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего. Об этом также указано в ч. 3 ст. 191 УПК РФ.

Основания для отстранения законных представителей разъяснены в абз. 3 и 4 п. 11 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [4], согласно которым к действиям, наносящим ущерб интересам несовершеннолетнего подсудимого, следует

относить невыполнение обязанностей, вытекающих из статуса законного представителя, в том числе по воспитанию несовершеннолетнего, либо уклонение от участия в деле в качестве законного представителя, а равно злоупотребление процессуальными и иными правами, отрицательное влияние на несовершеннолетнего, создание препятствий для выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела; недопустимо привлечение к участию в деле в качестве законных представителей лиц, которые совершили преступление совместно с несовершеннолетним подсудимым, а также лиц, в отношении которых несовершеннолетний совершил преступление.

Особо хотелось бы обратить внимание на участие педагога и психолога в уголовном судопроизводстве.

На основании п. 62 ст. 5 УПК РФ педагог — педагогический работник, выполняющий в образовательной организации или организации, осуществляющей обучение, обязанности по обучению и воспитанию обучающихся.

Особенности деятельности психолога можно определить исходя из анализа нормативных актов. Так, в приказе Минтруда России от 18 ноября 2013 г. № 682н «Об утверждении профессионального стандарта «Психолог» в социальной сфере» указано, что основная цель вида профессиональной деятельности в оказании психологической помощи, в том числе лицам, находящимся по следствию или в учреждениях пенитенциарной системы.

Согласно ч. 4 ст. 425 УПК РФ следователь, дознаватель обеспечивают участие педагога или психолога в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого по ходатайству защитника либо по собственной инициативе. В силу ч. 5 ст. 425 УПК РФ педагог или психолог вправе с разрешения следователя, дознавателя задавать вопросы несовершеннолетнему подозреваемому, обвиняемому, а по окончании допроса знакомиться с протоколом допроса и делать письменные замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей. Эти права следователь, дознаватель разъясняют педагогу или психологу перед допросом несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, о чем делается отметка в протоколе.

Схожие положения применяются на этапе судебного разбирательства. На основании ч. 3 ст. 280 УПК РФ до начала допроса несовершеннолетнего председательствующий разъясняет педагогу или психологу их права, о чем в протоколе судебного заседания делается соответствующая запись.

Тем самым положения о процессуальном статусе психолога и педагога имеют важное значение не только для досудебного, но и судебного производства.

Специфика производства в отношении несовершеннолетних достаточно подробно раскрыта в гл. 50 УПК РФ, а также иных положениях уголовно-процессуального закона, регулирующих данные вопросы. Достаточно важным видится этап процессуальной проверки, в ходе которого оценивается возможность начала предварительного расследования, которому может предшествовать фактическое задержание несовершеннолетнего лица, подозреваемого в совершении преступления.

Полагаем, что распространение повышенных гарантий для несовершеннолетних в части участия законных представителей, а также защитника на этапе процессуальной проверки является таким же значимым, как и для этапов предварительного расследования, судебного разбирательства.

Данный вывод сформирован с учетом положений п. 1 ст. 64 Семейного кодекса Российской Федерации (далее — СК РФ) [5], предусматривающего, что родители являются законными представителями своих детей и выступают в защиту их прав и интересов в отношениях с любыми физическими и юридическими лицами, в том числе в судах, без специальных полномочий. На основании п. 3 ст. 45 СК РФ ответственность супругов за вред, причиненный их несовершеннолетними детьми, определяется гражданским законодательством. В соответствии с ч. 2 ст. 88 УК РФ штраф, назначенный несовершеннолетнему осужденному, по решению суда может взыскиваться с его родителей или иных законных представителей с их согласия.

Применительно к последующим стадиям уголовного судопроизводства хотелось бы обратить внимание на существующие особенности допроса несовершеннолетнего подозреваемого или обвиняемого, которые предусмотрены в ч. 2 ст. 425 УПК РФ. К их числу относится то, что допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого не может продолжаться без перерыва более 2 часов, а в общей сложности более 4 часов в день.

Вместе с тем на основании ч. 1 ст. 191 УПК РФ допрос, очная ставка, опознание и проверка показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до семи лет не могут продолжаться без перерыва более 30 минут, а в общей сложности — более одного часа, в возрасте от семи до четырнадцати лет — более одного часа, а в общей сложности — более двух часов, в возрасте старше четырнадцати лет — более двух часов, а в общей сложности — более четырех часов в день. При производстве указанных следственных действий вправе присутствовать законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля. Такие же положения содержатся в ч. 1 ст. 280 УПК РФ.

Становится ясно, что положения ч. 2 ст. 425 УПК РФ и ч. 1 ст. 191, ч. 1 ст. 280 УПК РФ являются детальными. Однако необходимо обратить внимание на то, что возраст несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых подлежит дифференциации по ст. 20 УК РФ (Возраст, с которого наступает уголовная ответственность).

По общим постулатам уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста. В исключительных случаях лица, достигшие ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста, подлежат уголовной ответственности в соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РФ. В ряде случаев субъектами уголовной ответственности могут являться лица, достигшие 18-летнего возраста. В качестве примера можно привести возможность привлечения к уголовной ответственности по ст. 135 УК РФ (Развратные действия).

На основании ст. 96 УК РФ в исключительных случаях с учетом характера совершенного деяния и личности суд может применить положения гл. 14

УК РФ к лицам, совершившим преступления в возрасте от восемнадцати до двадцати лет, кроме помещения их в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа либо воспитательную колонию.

Тем самым в определенных случаях положения законодательства, регламентирующие вопросы уголовной ответственности несовершеннолетних, могут применяться к лицам в возрасте от 14 до 18 и 20 лет. При учете ст. 20 УК РФ основные этапы уголовной ответственности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых могут варьироваться периодами 14 и 16 лет.

Изложенное не исключает возможности учета психологических особенностей допроса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, обусловленных возрастом наступления уголовной ответственности, и взаимосвязанно психологических особенностей несовершеннолетних потерпевших в этом же возрасте. В частности, положения ч. 1 ст. 191 УПК РФ позволяют дифференцировать специфику допроса несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, не достигших 16-летнего возраста, и достигших данного же возраста.

Заключение

Таким образом, защита прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве, которая дифференцируется на защиту прав несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, а также несовершеннолетних потерпевших, имеет важное значение в уголовном судопроизводстве. Поскольку речь идет о несовершеннолетних лицах значимы гуманные начала, позволяющие принять меры не только к наказанию, но и меры по предупреждению преступлений, их профилактике.

В целом данная работа требует взаимных усилий органов прокуратуры, правоохранительных, других государственных органов, в ходе которых необходимо также устанавливать обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений.

Список цитируемых источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 18 дек. 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 дек. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 13.06.2023 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2023.

2. Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов [Электронный ресурс] : приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 13.12.2021, № 744 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2023.

3. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ, принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 24.06.2023 // КонсультантПлюс. Россия // ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2023.

4. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.02.2011, № 1 // Российская газета: рос. изд. — 2011 — № 29.

5. Семейный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 29 дек. 1995 г., № 223-ФЗ, принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г. : в ред. Федер. закона от 28.04.2023 // КонсультантПлюс. Россия // ЗАО «Консультант Плюс». — М., 2023.

Аннотация. Статья посвящена особенностям регламентации вопросов обеспечения прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве. При раскрытии данного вопроса авторами обращено внимание на значимость положений законодательства как для несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, так и несовершеннолетних потерпевших. В статье кратко представлена характеристика повышенных процессуальных гарантий прав несовершеннолетних, обозначены пределы существующей регламентации, рассмотрены ее сложности и сформулированы предложения по их разрешению.

FEATURES OF PROCEEDINGS AGAINST MINORS IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS

Kamchatov K. V., Aristarkhov A. L.

Keywords: criminal proceedings, court, prosecutor, investigator, inquirer, minor victim, minor accused, minor suspect.

Abstract. The article is devoted to the disclosure of the specifics of the regulation of the issues of ensuring the rights of minors in criminal proceedings. When disclosing this issue, the authors drew attention to the significance of the provisions of the legislation for both juvenile suspects, accused, and juvenile victims. The article briefly presents the characteristics of increased procedural guarantees of the rights of minors, outlines the limits of the existing regulation, examines its difficulties and formulates proposals for their resolution.

МАТЕРИАЛЫ ОПЕРАТИВНО — РОЗЫСКНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ КАК ИСТОЧНИК ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

Карпиевич Н. Ф.

Ключевые слова: оперативно-розыскная информация, уголовный процесс, доказательство, постановление, предоставление

Введение

Ряд статей Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь [1] (далее — УПК) предусматривают в качестве источников доказательств протоколы и иные материалы, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД). Согласно ст. 49 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» [2] (далее — Закон «Об ОРД») результаты ОРД могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий. Однако порядок их использования в уголовном процессе по-прежнему остается актуальным.

Современная оперативная обстановка в Республике Беларусь отличается сложностью. Статистические данные, характеризующие преступность, указывают на определенные качественные особенности. Увеличивается число противоправных деяний, совершенных членами преступных сообществ, особенно коррупционной направленности. Последние активно маскируют свою криминальную деятельность, противодействуют следственным органам, опираясь на коррупционные связи среди должностных лиц, обладающих возможностями в той или иной мере обеспечить защиту преступных структур. Наглядным подтверждением тому служит судебный процесс в Минском городском суде, проходивший в 2019 г. по резонансному «делу медиков», анонсированному КГБ. Преступная деятельность длилась с 2013 по 2018 гг. [3].

Без реализации системы адекватных мер по противодействию преступности невозможна не только надлежащая защита прав, свобод и законных интересов граждан, основ конституционного строя, но и обеспечение безопасности государства.

Основная часть

Непременным условием эффективности деятельности любой социальной системы, в том числе системы уголовной юстиции, является информационное обеспечение. Без наличия информационных связей в системе нельзя говорить о каком-либо взаимодействии между ее элементами и о существовании ее самой [4, с. 16]. Главным содержанием, субстанцией систем и уголовной юстиции является, в частности, информация, а сама система представляет собой следующую последовательность:

- 1) источник информации;
- 2) приемник, передатчик информации;

3) адресат, пользователь информации.

Мы исходим из того, что информация — свойство материи, и в этом смысле она объективна. Объективен и механизм ее формирования. Порядок использования информации, в том числе в уголовном процессе, определяется в результате сознательной, организованной деятельности людей [5, с. 29–31]. Он зависит от многих факторов и поставленных задач. Деятельность людей по преобразованию объективной действительности будет тем эффективней и разнообразней, чем в большем объеме познаны сами объективные условия.

Оценочные понятия целесообразно воспринимать как обобщающие, наиболее типичные признаки различных правозначимых явлений, понятия права, содержание которых не раскрывается полностью законодателем, а конкретизируется правоприменителем путем оценки применительно к конкретным фактическим обстоятельствам. Такой подход является одной из гарантий качества современного законодательства, обеспечивает оптимальное сочетание в нем формальной определенности и гибкости правовых норм [6, с. 473–483].

Понятие «оперативная информация» появилось в специальной юридической литературе в 1960-х гг. Под ней понимают совокупность определенных данных, имеющих непосредственное или потенциальное значение для планирования и осуществления ОРМ, проведения оперативно-аналитической работы; данные, которые могут оказать содействие предварительному расследованию [7, с. 140].

Такие сведения могут добываться процессуальным и непроцессуальным путем.

Изложенное подтверждается анализом УПК. Действительно, согласно ст. 101 УПК материалы, полученные в ходе ОРД, могут быть признаны в качестве источников доказательств. Но при этом непременным требованием является то, что они должны быть представлены, проверены и оценены в порядке, установленном УПК. В ст. 103 УПК говорится о том, что орган уголовного преследования, а также суд вправе требовать от органов, осуществляющих ОРД, представления предметов и документов, имеющих значение для уголовного дела. Это является явно недостаточным для определения четкого порядка представления оперативными подразделениями указанных материалов для их использования в уголовном процессе. Более того, исходя из содержания ч. 1 ст. 14 Закона «Об ОРД», органы, осуществляющие ОРД, вправе представлять материалы не только по требованию органа, ведущего уголовный процесс, но и по собственной инициативе.

В данном случае необходимо различать значение следующих терминов: «представлены», [8, с. 470–471], который содержится в ст. 101 УПК и означает, что в уголовном деле представлены доказательства, полученные в порядке, установленном УПК, и «предоставлены», содержащийся в ст. 50 Закона «Об ОРД».

«Предоставлены» — значит, фактически переданы оперативным подразделением в распоряжение, для использования органу уголовного пре-

следования или суду. Первый термин по содержанию шире второго, т. к. материалы уголовного дела могут быть представлены доказательствами, полученными как при осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, так и в ходе ОРД.

В соответствии со ст. 105 УПК оперативные материалы подлежат оценке с точки зрения относимости, допустимости и достоверности.

Источники информации в теории уголовного процесса принято условно делить на процессуальные и оперативные, что, с одной стороны, способствует соблюдению законности, обеспечению законных прав и интересов граждан, а с другой, — создает определенные трудности для повышения эффективности деятельности оперативно-розыскных и следственных органов в раскрытии и расследовании преступлений. Полагаем, что понятие «процессуальный источник» должно охватывать все источники информации, необходимой для расследования и раскрытия преступлений.

Новая редакция Закона «Об ОРД» показала, что наиболее актуальными стали вопросы «оформления материалов оперативно-розыскной деятельности и использования их в уголовном процессе». Подтверждением этому является впервые введенная законодателем в содержание указанного Закона статья 50 «Предоставление, представление материалов оперативно-розыскной деятельности».

В унисон Закону Республики Беларусь «Об ОРД» 15 июля 2015 г. Генеральной прокуратурой Республики Беларусь разработана Инструкция о порядке оформления, предоставления, представления материалов оперативно-розыскной деятельности органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, утвержденная межведомственным постановлением Министерства внутренних дел, Комитета государственной безопасности, Государственного пограничного комитета, Службы безопасности Президента Республики Беларусь, Оперативно-аналитического центра при Президенте Республики Беларусь, Комитета государственного контроля, Государственного таможенного комитета, Министерства обороны, Следственного комитета, Генеральной прокуратуры от 14 января 2016 г., которая согласована с Председателем Верховного Суда Республики Беларусь [9, с. 264–267].

Сотрудники оперативных подразделений осуществляют оформление и предоставление материалов на основании положений Закона «Об ОРД» и УПК, устанавливающего поводы и основания к возбуждению уголовного дела, обстоятельства, подлежащие доказыванию, источники и виды доказательств, порядок их собирания, проверки, предоставления и оценки.

Достаточность данных, указывающих на признаки преступления, решается в ходе проверки до возбуждения уголовного дела, т. к. в одном случае они могут расцениваться как материалы, послужившие поводом к возбуждению уголовного дела (п. 5 ст. 166 УПК; данные, полученные в результате ОРД, при их использовании в качестве повода требуют процессуальной интерпретации), в другом — как основание к возбуждению уголовного дела (ст. 167 УПК), в третьем — как повод и основание одновременно.

В подобных случаях материалы должны содержать следующие сведения:
• где, когда, кем, при каких обстоятельствах и при выполнении каких ОРМ они получены;

- какие признаки и какого именно преступления обнаружены;
- о лицах, его совершивших, свидетелях;
- о месте нахождения следов преступления и принятых мерах по обеспечению их сохранности;
- о полученных в ходе ОРМ предметах и документах, которые могут стать вещественными доказательствами;
- о любых других фактах и обстоятельствах, имеющих значение для принятия решения о возбуждении уголовного дела и определения комплекса неотложных следственных действий.

Сведения, содержащиеся в предоставленных материалах ОРД, должны позволять сделать обоснованный вывод о наличии события и его противоправности.

Материалы, предоставляемые для использования в доказывании по уголовным делам, должны позволять формировать доказательства, соответствующие требованиям УПК, содержать фактические данные, имеющие значение для установления входящих в предмет доказывания обстоятельств, указание на источник их получения с целью проверки доказательств, сформированных на их основе.

На основании анализа абзаца 8 ст. 2 Закона «Об ОРД» можно констатировать, что результаты ОРД подлежат отражению в оперативно-служебных документах (рапортах, справках, справках-меморандумах, сводках, актах, отчетах и т. д.), к которым могут приобщаться предметы и документы, полученные при проведении ОРМ, а в случае проведения в рамках ОРД оперативно-технических мероприятий результаты ОРД могут быть также зафиксированы на материальных (физических) носителях информации (фонограммах, видеограммах, кинолентах, фотопленках, фотоснимках, магнитных и лазерных дисках, слепках и т. п.).

Вторым звеном системы связи является приемник информации. От степени адекватности восприятия, проверки, оформления ее в определенные носители во многом зависит деятельность системы, которую она призвана обеспечить.

Документальное оформление фактических данных, установленных и полученных в ходе ОРМ, осуществляется путем составления протокола ОРМ, который составляется должностным лицом, осуществляющим ОРД, и в котором отражается содержание проведенного ОРМ, предусмотренного ст. 18 Закона «Об ОРД».

Важным является понимание того, что ввиду специфики оперативно-розыскной деятельности протокол оперативно-розыскного мероприятия не всегда может быть составлен по аналогии с протоколом процессуального действия (ст. 193 УПК). В связи с этим в соответствующих графах протокола о месте и времени указывается фактическая дата и время составления протокола. Точное время проведения оперативно-розыскного мероприятия,

результаты которого отражены в протоколе, указывается в описательной части протокола.

В данном документе должны быть отражены последовательность и результаты ОРМ, которые могут быть признаны в качестве источников доказательств, а также осмотренные и упакованные в установленном порядке приложенные предметы, и документы, полученные в ходе ОРМ, отвечающие одному из следующих условий:

- служили орудиями преступления;
- сохранили на себе следы преступления;
- были объектами преступных действий;
- могут служить средствами обнаружения преступления, установления фактических обстоятельств уголовного дела, выявления виновных лиц, опровержения обвинения, смягчения ответственности;
- деньги и ценности, добытые преступным путем.

Протоколы ОРМ предоставляются для приобщения к материалам уголовного дела вместе с фонограммами, видеограммами, фотопленками, магнитными, лазерными дисками и другими носителями информации в случаях, когда использовались оперативно-технические средства при проведении ОРМ. В протоколе также должны быть указаны время, место и обстоятельства изъятия в ходе ОРД документов, предметов и указанных носителей информации.

Предоставление результатов ОРД органу, ведущему уголовный процесс, осуществляется на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД, в порядке, предусмотренном Инструкцией. В то же время порядок предоставления результатов ОРД в уголовный процесс необходимо рассматривать в совокупности со следующими условиями, обеспечивающим их использование в процессе доказывания:

1. Предоставляемые результаты получены в ходе проведения ОРМ (перечень ОРМ приведен в ст. 18 Закона «Об ОРД»).

2. ОРМ, при которых получены предоставляемые результаты, проведены на основаниях, перечисленных в ст. 16, и с соблюдением требований, указанных в ст. 19 и 20 Закона «Об ОРД».

3. Предоставляемые результаты получены органом, уполномоченным на осуществление ОРД (ст. 12 Закона «Об ОРД»).

4. Полученные в ходе выполнения ОРМ данные надлежащим образом задокументированы.

5. Имеющиеся результаты ОРД предоставлены в соответствии с требованиями ст. 50 Закона «Об ОРД».

Органу, ведущему уголовный процесс, предоставляются материалы, которые могут:

- являться поводом и основанием для возбуждения уголовного дела;
- выступать в качестве источников доказательств по уголовным делам;
- использоваться для подготовки следственных и иных процессуальных действий, определения тактики и последовательности их проведения, направлений расследования;

• свидетельствовать о соблюдении принципа допустимости при их получении, о необходимости проведения ОРМ и следственных действий по обеспечению безопасности участников процесса.

Предоставление материалов включает в себя вынесение постановления о передаче материалов органу, ведущему уголовный процесс, которое должно содержать: время и место его вынесения; основания предоставления результатов ОРД органам расследования; результаты какого ОРМ, какие конкретно, в каком объеме предоставляются; через какой вид доказательств данные результаты предпочтительнее вводить в уголовный процесс; меры, которые в случае необходимости будут приняты для обеспечения безопасности участников ОРД; допрос в доказывании по уголовным делам.

Проблема использования оперативной информации в ходе расследования уголовных дел связана с вопросом о формах и пределах ознакомления следователя с оперативными материалами. Если данное лицо обладает навыками использования таких материалов, целесообразно ознакомить его со всеми материалами ОРД, независимо от источников и способов их получения. Располагая полученными оперативным путем материалами, содержащими самую различную информацию, следователь может ею воспользоваться при подготовке и осуществлении следственных действий либо в качестве доказательств по уголовным делам. Использование следователем результатов ОРД для подготовки и осуществления действий, как правило, не вызывает затруднений, так как оперативные материалы не имеют самостоятельного значения и являются только ориентирами в расследовании. В частности, из практики должны быть исключены случаи, когда сотрудники следственных подразделений требуют представить постановление руководителя оперативного подразделения о рассекречивании результатов ОРД, которое выносится в одном экземпляре и приобщается к делу оперативного учета.

В случае, если внедрявшееся лицо не дает согласия о разглашении сведений о себе, необходимо предусмотреть конкретные меры по защите сведений о нем (например, допрос с вымышленными данными о нем), в противном случае результаты ОРД не могут быть внедрены в уголовный процесс. Эти действия по защите сведений в соответствии с ч. 1 ст. 65 УПК ориентируют суд на закрытое судебное разбирательство данного дела либо на допрос этого лица при нахождении его вне зала судебного заседания.

Проблема преобразования результатов ОРД в доказательства является актуальной. Полученные фактические данные становятся доказательствами по уголовным делам после их введения в уголовный процесс с последующим использованием и закреплением в соответствии с процессуальным законом, т. е. нормами, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств.

Протоколы ОРМ, прилагаемые к ним носители информации, предметы и документы, полученные в ходе ОРМ, следует относить к иным документам как источникам доказательств, предусмотренных ч. 2 ст. 88 УПК. Протоколы ОРМ, представляемые для приобщения к материалам уголовного дела, никак

нельзя сравнивать по силе (значимости) с протоколами следственных действий. Исключение составляют протоколы ОРМ о прослушивании и записи переговоров (ст. 99 УПК), т. к. они отражают ту же суть (документируется факт и содержание прослушивания), что и аналогичное следственное действие. В качестве процессуального источника доказательств этот протокол может выступать при условии его легализации, т. е. процессуального закрепления органом расследования.

Проверяя в рамках УПК указанные оперативные материалы, необходимо исходить из того, что они ничем не хуже и не лучше, чем, например, документы, поступающие в орган уголовного преследования от предприятий, организаций, учреждений, объединений в порядке ст. 170 УПК. При этом, на наш взгляд, оперативные материалы должны проверяться более тщательно, т. к. можно допустить, что они могут быть получены от неблагонадежного источника (например, конфиденнта, ведущего двойную игру, или при опросе гражданина, ведущего антиобщественный образ жизни) и в силу этого не всегда являются истинными.

После получения постановления о передаче материалов, полученных в ходе ОРД, субъектам уголовного процесса необходимо не только убедиться в наличии данного постановления, но и ознакомиться с его содержанием, и только затем использовать представленные результаты ОРД в доказывании по уголовным делам.

Заключение

Необходимо учитывать, что основное назначение уголовно-процессуальной деятельности состоит вовсе не в проверке результатов ОРД, а в том, что в ходе ее формируется доказательство, которое может быть использовано в доказывании по уголовному делу. Оценка данного вещественного доказательства возможна только после вынесения постановления о признании его в качестве такового, в совокупности с другими доказательствами по делу.

Для признания предмета вещественным доказательством необходимо установить его связь с преступлением, т. е. отношение к уголовному делу. Это невозможно сделать без оперативного работника (обнаружившего предмет в результате производства ОРМ) или допроса лица, оказавшего содействие органам, осуществляющим ОРД (когда это лицо получило предмет в результате участия в ОРМ).

Принятая рядом правоохранительных органов совместная Инструкция направлена на повышение эффективности реализации результатов ОРД и призвана обеспечить скоординированное осуществление оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности.

Список цитированных источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь: 16 июля 1999 г., № 295-З: с изм. и доп. // Ведомости Нац. собр. Респ. Беларусь. — 1999. — № 28–29. — Ст. 433.

2. Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2015 г., № 307-З // КонсультантПлюс. Беларусь. Технология 3000 / ООО «ЮрСпект», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2023.

3. Лапа в белом халате [В Минске стартовал первый процесс по «делу медиков»] // БелГазета. — 2019. — 15 января. — С. 1–14.

4. Гаврилов, А. К. Раскрытие преступлений / А. К. Гаврилов. — Волгоград, 1976.

5. Гапанович, Н. Н. Основы взаимодействия следователя и органа дознания при расследовании преступлений / Н. Н. Гапанович, И. И. Мартинович. — Минск, 1983. — С. 29–31.

6. Касияненко, Н. В. Особенности механизма применения оценочных понятий права / Н. В. Касияненко // Научн. труды / Акад. Управления при През. Респ. Беларусь. — Минск, 2007. — Вып. 9. — С. 473–483.

7. Суханов, А. П. Мир информации (История и перспективы) / А. П. Суханов. — М., 1986. — С. 140.

8. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. — М. : Русский язык, 1988.

9. Замаро, С. В. Роль органов прокуратуры в формировании правового обеспечения оперативно-розыскной деятельности / С. В. Замаро // Концептуальные основы современной криминалистики: теория и практика : материалы междунар. науч.-практ. конф. / Бел. гос. ун-т. — Минск, 2019. — Вып. 25.10.2019. — С. 264–267.

Аннотация. Ряд статей Уголовно-процессуального Кодекса Республики Беларусь, в частности ст. 89, 99, 101, 103–105, предусматривают в качестве источников доказательств протоколы и иные материалы, полученные в ходе оперативно-розыскной деятельности (далее ОРД).

Согласно ст. 49 Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» результаты ОРД могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий.

MATERIALS OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES AS A SOURCE OF EVIDENCE

Karpievich N. F.

Keywords: operational-search information, criminal procedure, proof, resolution, provision.

Abstract. A number of articles of the Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus, in particular Art. 89, 99, 101, 103–105, provide, as sources of evidence, protocols and other materials obtained in the course of operational-search activities.

According to Art. 49 of the Law of the Republic of Belarus «On Operational Investigative Activities», the results of the OSA can be used for the preparation and implementation of investigative and judicial actions.

О ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОМ ЗНАЧЕНИИ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ НЕГЛАСНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

Козел В. М.

Ключевые слова: информация, негласные следственные действия, источники доказательств, доказывание по уголовным делам, оперативно-розыскная деятельность, уголовно-процессуальное производство

Введение

Современные тенденции развития IT-технологий и усложнение общественных отношений требуют надлежащего реагирования государственных институтов в сфере реформирования традиционного порядка уголовного судопроизводства. При этом нельзя не согласиться с мнением А. Ф. Федулова, что базовой целью государственной политики в сфере разработки и внедрения инноваций в уголовный процесс должна стать «идея процессуальной экономии, повышения доступности граждан, как к институтам правосудия, так и к институтам защиты прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства» [1, с. 647].

Как следствие, в научном сообществе не прекращается дискуссия о целесообразности введения новых институтов в уголовный процесс, одним из которых является институт негласных следственных действий, который стал объектом нашего исследования в работах таких ученых-юристов, как Ю. А. Андриенко [2], А. Н. Акпанов, А. Л. Хан [3, 4], А. А. Бекетова [5], А. Я. Гинсбург [6], Ю. М. Грушевый [7], Ю. В. Деришев [8], Е. А. Зайцева [9], И. Н. Зубач [10], А. Г. Калугин [11], И. Н. Козьяков [12], Е. Е. Колбасина, А. С. Мельникова, Л. В. Кокорева [13], С. Г. Коновалов [14], М. А. Михайлов [15], С. Б. Россинский [16, 17], В. А. Семенцов [18], Е. Д. Скулиш [19], Э. Х. Пашаева [20], А. Н. Толочко [21], В. Г. Уваров [22, 23] и др.

Однако вопросы целесообразности использования указанных следственных действий в процессе доказывания в уголовном судопроизводстве до настоящего времени не разрешены в полном объеме, что обуславливает актуальность темы исследования.

Основная часть

В последние десятилетия реформирование уголовного судопроизводства на постсоветском пространстве заключалось в изучении и внедрении институтов романо-германской модели развития. Как справедливо отмечал С. Г. Коновалов, «...наличие позитивного немецкого опыта довольно часто становилось весомым аргументом в пользу предлагаемых изменений» [14, с. 3]. При этом наиболее активно происходило включение элементов оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД) в раздел следственных действий, что, по мнению Ю. В. Деришева, означает тенденцию «инкорпора-

ции оперативно-розыскных возможностей раскрытия и расследования преступлений в состав средств сферы уголовно-процессуального регулирования или, иными словами, «процессуализация» способов ведения уголовного судопроизводства, ранее не присущих нормам уголовно-процессуального права» [8, с. 123].

Данное явление в полной мере относится к ряду постсоветских государств (Украина, Казахстан), на основании которых проведем анализ регламентации доказательственной информации в контексте специальных (негласных) следственных действий.

Так, согласно ст. 246 Уголовно-процессуального кодекса Украины (далее — УПК Украины) «негласные следственные (розыскные) действия — это разновидность следственных (розыскных) действий, сведения о факте и методах проведения которых не подлежат разглашению, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом» [24].

Мы разделяем мнение И. Н. Зубач, что «если для оперативно-розыскной деятельности такой порядок осуществления деятельности есть природным, то в уголовном процессе негласность является феноменом, т. е. редким, исключительным таким явлением, которое не свойственно для данной деятельности» [10].

Е. Д. Скулиш отмечает что, информация, полученная в результате проведения негласных следственных (розыскных) действий (далее — НСРД), «может приобрести статус доказательства только по решению суда при рассмотрении материалов уголовного судопроизводства, при условии соблюдения установленного законом порядка ее осуществления, проверки и оценки прокурором», и, как следствие, по мнению И. Н. Козьякова, «негласные следственные (розыскные) действия занимают особое место в уголовном процессе, что обусловлено их процессуальным статусом и спецификой, которая заключается в тайном и исключительном характере проведения этой разновидности следственных (розыскных) действий» [19, с. 22–23; 12, с. 116].

Вместе с тем ряд исследователей подвергают критике институт НСРД.

Так, А. Н. Толочко указывает на «наличие существенных противоречий, которые нуждаются в устранении с целью улучшения нормативно-правового регулирования оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной деятельности» и предлагает на законодательном уровне «четко разграничить оперативную и уголовно-процессуальную деятельность» [21, с. 317].

В. Г. Уваров констатирует, что НСРД «имеет существенные недостатки: 1) регламентация некоторых следственных (розыскных) действий осуществлена с серьезным ограничением конституционных прав и свобод человека; 2) их регламентация проведена без надлежащей системности, с повторами и конкуренцией правовых норм; 3) институт следственных (розыскных) действий не получил необходимой и совершенной процессуальной формы, которая служила бы достаточной гарантией как получения достоверных доказательств, так и защиты прав и свобод человека» [22, с. 185].

В продолжение темы исследования В. Г. Уваров обращает внимание на недопустимость предоставления одному органу уголовного преследования

права выполнять «как действия по негласному проникновению в жилище или иное владение человека, так и пользоваться компетенцией проводить обыск в жилых помещениях такого лица», и, как следствие «закон не предусмотрел надлежащих механизмов против возможных злоупотреблений и провокаций» [23, с. 215].

Согласно п. 12 ст. 7 Уголовно-процессуального кодекса Казахстана (далее — УПК Казахстана) термин «негласные следственные действия» (далее — НСД) определяется как «действие, проводимое в ходе досудебного производства, без предварительного информирования лиц, интересов которых оно касается, в порядке и случаях, предусмотренных настоящим Кодексом» [25].

Таким образом, нельзя не согласиться с утверждением Е. Е. Колбасиной, А. С. Мельниковой и Л. В. Кокоревой, что «мы имеем налицо дублирование оперативно-розыскных мероприятий, но уже как средств доказывания уголовно-процессуального характера», при этом в порядке производства НСД «следователь отнюдь не является непосредственным субъектом их осуществления (за исключением негласного контроля почтовых и иных отправок), а также как и в случае с осуществлением оперативно-розыскных мероприятий, проводимых по его поручению органом дознания, остается, по сути, на позиции координатора данной процедуры» [13, с. 156, 157].

В настоящее время существует несколько подходов к оценке эффективности включения НСД в уголовное судопроизводство.

Первая группа исследователей (М. А. Михайлов, М. А. Бекетова) не только поддерживают введение института НСД, но и предлагают определенные пути его совершенствования [15, 5].

Вторая группа (В. Г. Уваров, Ю. М. Грушевый) отмечают, что НСД имеет те же недостатки, что и НСРД УПК Украины [22, 7].

Третья группа (А. Я. Гинсбург, Е. А. Зайцева) обращают внимание на недопустимость искусственного слияния в единое целое двух различных по форме и сущности видов деятельности (оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной) [6, 9].

Исследуя НСД, А. Н. Ахпанова и А. Л. Хан заявляют о появлении в Казахском уголовном судопроизводстве нового вида доказывания — «оперативно-следственного», но при этом высказывают опасения по возможной «ликвидации оперативно-розыскной деятельности как вида государственной деятельности», что, на наш взгляд, является существенной проблемой [3].

На основании изложенного анализа НСРД и НСД нельзя не согласиться с мнением А. Г. Калугина о том, что «негласные следственные действия представляют собой синтез негласных поиска и фиксации информации, более характерных для ОРД, с уголовно-процессуальным порядком решения об их производстве, а также процессуальной формой принятия решения об их производстве, а также процессуальной формой закрепления полученных сведений в материалах уголовного дела и непосредственным применением процессуальных правил их проверки и оценки» [11, с. 117].

На наш взгляд, является бесспорной необходимость нового взгляда на «традиционные» подходы в уголовном судопроизводстве, поиска новых

форм и методов повышения его эффективности. Пути решения данного вопроса могут быть весьма различны по своей сути, однако, на наш взгляд, представляется допустимым их разделить на два направления.

Первое направление — это активно навязываемое научному сообществу предложение «революционной» имплементации ОРД в уголовный процесс путем включения оперативно-розыскных мероприятий в перечень проводимых следственных действий.

Однако «процессуализация» ОРД не является панацеей повышения эффективности решения задач уголовного процесса, т. к. прямое внедрение негласных следственных действий в уголовное судопроизводство может привести к обратному эффекту, вначале к стагнации ОРД, а затем к регрессу самого уголовного судопроизводства.

Мы поддерживаем суждение С. Б. Россинского о том, что «пополнение системы следственных действий негласными формами работы правоохранительных органов, не только не отвечают общим подходам к построению досудебного производства, но и противоречат самой сущности предварительного расследования в традиционном для национальной доктрины судебно-следственном понимании этого феномена» и, как следствие, «абсолютное несоответствие негласных методов собирания доказательственной информации отечественному подходу к сущности и нормативно-правовому регулированию следственных действий» [16, с. 123; 17, с. 112].

Далее, внедрение в уголовный процесс негласных следственных действий не создает предпосылок для получения новых доказательств, т. к. в ходе их осуществления аккумулируется информация, которая приобретет доказательственное значение лишь после ее принятия и исследования судом. Поэтому, как отмечает Э. Х. Пашаева, «предварительное расследование становится деятельностью непроцессуальной», а «революционность» введения данного института, по мнению В. А. Семенцова, основана на «признании приоритета судебного доказывания, когда доказательство — продукт судебного состязательного познания, для которого не так важно, в рамках каких правил получены сведения, представленные суду» [20, с. 123; 18, с. 112].

Проведенный анализ свидетельствует, что результаты негласных следственных действий фактически не отличаются от результатов ОРД, и поэтому мы поддерживаем мнение Ю. А. Андриенко, что в современном уголовном процессе «роль негласных следственных действий исполняют предусмотренные законодательством об оперативно-розыскной деятельности оперативно-розыскные мероприятия, в связи с чем внедрение данного института в условиях ныне существующей системы следственных действий и модели досудебного производства в целом полагаем нецелесообразным» [2, с. 35].

На основании изложенного мы считаем более приемлемым второе — «эволюционное» — направление развития уголовного судопроизводства путем расширения перечня допустимых источников доказательств в уголовном процессе.

Заключение

По результатам исследования можно сформулировать ряд выводов и предложений.

Наличие в уголовном судопроизводстве ряда стран постсоветского пространства (Украина, Казахстан) института негласных следственных действий требует дополнительного теоретического осмысления. Анализ данного института в настоящее время показывает нецелесообразность его системного использования, а допускает возможность фрагментарного применения в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь.

Общемировая тенденция развития IT-технологий и усложнение общественных отношений требуют своевременного реагирования государственных институтов, в том числе и в сфере реформирования традиционного порядка уголовного судопроизводства путем «эволюционных» изменений.

Список цитированных источников

1. Федулов, А. В. Юридические инновации в уголовном судопроизводстве Республики Казахстан / А. В. Федулов // Юрид. техника. — 2021. — № 15. — С. 644–647.
2. Андриенко, Ю. А. Негласные следственные действия в российском уголовном процессе: за и против / Ю. А. Андриенко // Вестн. Барнаул. юрид. ин-та МВД России. — 2022. — № 2(43). — С. 34–36.
3. Ахпанов, А. Н. Негласные следственные действия в контексте оперативно-розыскных мероприятий / А. Н. Ахпанов, А. Л. Хан // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : материалы XXIV междунар. науч.-практ. конф., Красноярск, 8–9 апреля 2021 г. Ч. 1. — Красноярск : Сибир. юрид. ин-т Мин-ва внутр. дел Рос. Федерации, 2021. — С. 150–153.
4. Ахпанов, А. Н. О правовой природе и разграничении оперативно-розыскных мероприятий и негласных следственных действий / А. Н. Ахпанов, А. Л. Хан // Вестн. Ин-та законодательства Респ. Казахстан. — 2018. — № 3(52). — С. 42–47.
5. Бекетова, Б. К. Некоторые вопросы по негласным следственным действиям в уголовном процессе / Б. К. Бекетова // Евразийский союз ученых. — 2015. — № 4–9(13). — С. 38–41.
6. Гинсбург, А. Я. О так называемых «негласных следственных действиях [Электронный ресурс] / А. Я. Гинсбург. — Режим доступа: <https://www.online.zakon.kz>. — Дата доступа: 16.08.2023.
7. Грушевый, Ю. М. Шляхи вдосконалення судоустрою та судочинства України / Ю. М. Грушевый // Науков. висн. Дніпропетров. держав. ун-ту внутр. справ. — 2009. — № 4. — С. 193–203.
8. Деришев, Ю. В. Конфиденциальные процессуальные действия в континентальном уголовно-процессуальном законодательстве: поиск компро-

мисса / Ю. В. Деришев, Н. Е. Орумбаев // Юрид. наука и правоприменительная практика. — 2015. — № 2(32). — С. 122–128.

9. Зайцева, Е. А. Уголовный процесс России: «есть у революции начало, нет у революции конца»? / Е. А. Зайцева // Уголов. судопроизводство. — 2018. — № 1. — С. 4–9.

10. Зубач, И. Н. Негласность как правовой феномен в уголовном процессе Украины / И. Н. Зубач // Науков. огляд. — 2014. — Т. 8, № 7. — С. 77–85.

11. Калугин, А. Г. Негласные следственные действия: перспективы внедрения в уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации / А. Г. Калугин // Вестн. Сибир. юрид. ин-та МВД России. — 2021. — № 2(43). — С. 115–122.

12. Козьяков, И. Н. Место негласных следственных (розыскных) действий в уголовном процессе Украины / И. Н. Козьяков // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции. — 2014. — № 7. — С. 110–117.

13. Колбасина, Е. Е. Негласные следственные действия в УПК Республики Казахстан: элемент уголовного судопроизводства или оперативно-розыскной деятельности? / Е. Е. Колбасина, А. С. Мельникова, Л. В. Кокорева // Юрист-Правоведъ. — 2021. — № 1(96). — С. 154–158.

14. Коновалов, С. Г. Элементы германской модели досудебного производства в уголовном процессе постсоветских государств : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С. Г. Коновалов. — М., 2018. — 220 л.

15. Михайлов, М. А. Негласная деятельность следователя: размышления о новациях УПК Украины 2012 г. / М. А. Михайлов // Воронеж. Криминалист. чтения. — 2013. — № 15. — С. 220–226.

16. Россинский, С. Б. Следственные действия VS негласные приемы установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела / С. Б. Россинский // Криминолог. журн. — 2023. — № 2. — С. 129–132.

17. Россинский, С. Б. О пополнении системы следственных действий негласными познавательными приемами / С. Б. Россинский // Тенденции развития современного уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации : сб. науч. тр., Екатеринбург, 17 апреля 2021 г. Вып. 6. — Екатеринбург : Урал. юрид. ин-т МВД России, 2021. — С. 109–114.

18. Семенцов, В. А. К вопросу о пополнении системы следственных действий негласными познавательными приемами / В. А. Семенцов // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2016. — № 4. — С. 48–57.

19. Скулиш, Є. Негласні слідчі (розшукові) дії за кримінально-процесуальним законодавством України / Є. Скулиш // Вісн. Нац. акад. прокуратури України. — 2012. — № 2. — С. 15–23.

20. Пашаева, Э. Х. К вопросу о введении в российский уголовный процесс негласных следственных действий / Э. Х. Пашаева // Вестн. Барнаул. юрид. ин-та МВД России. — 2018. — № 1(34). — С. 143–145.

21. Толочко, А. Н. Правовая регламентация негласных следственных (розыскных) действий в уголовно-процессуальном законодательстве Украины / А. Н. Толочко // Пробелы в рос. законодательстве. — 2013. — № 6. — С. 312–318.

22. Уваров, В. Г. Проблемы института негласных следственных (розыскных) действий в новом Уголовно-процессуальном кодексе Украины / В. Г. Уваров // Вестн. экономики, права и социологии. — 2013. — № 2. — С. 183–186.

23. Уваров, В. Г. Негласные следственные действия в новом УПК Украины / В. Г. Уваров // Науч. ведомости Белгород. гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Право. — 2013. — № 9(152). — С. 214–217.

24. Уголовно-процессуальный кодекс Украины [Электронный ресурс] : 13 апр. 2012 г., № 4651-VI (с изм. и доп.; по сост. на 13.07.2023). — Режим доступа: <https://www.online.zakon.rada.gov.ua> — Дата доступа: 17.08.2021.

25. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан [Электронный ресурс] : 4 июля 2014 г., № 232-V (с изм. и доп.; по сост. на 01.07.2023). — Режим доступа: <https://www.online.zakon.kz>. — Дата доступа: 17.08.2021.

Аннотация. В статье проведен анализ целесообразности введения института специальных (негласных) следственных действий на примере его функционирования в странах постсоветского пространства (Украина, Казахстан). Обращено внимание, что несмотря на рост научных работ по данной тематике как в Республике Беларусь, так и в зарубежных странах, вопрос необходимости использования указанного института в уголовном судопроизводстве не решен в полном объеме до настоящего времени и вызывает острые дискуссии, что обуславливает актуальность темы исследования. Предложен «эволюционный» вариант развития уголовного судопроизводства путем расширения перечня допустимых источников доказательств по уголовному делу.

ON THE EVIDENTIARY VALUE OF INFORMATION IN THE PRODUCTION OF SECRET INVESTIGATIVE ACTIONS

Kozel V. M.

Keywords: information, secret investigative actions, sources of evidence, proving in criminal cases, operational investigative activities, criminal procedural proceedings.

Abstract. The article analyzes the feasibility of introducing the institute of special (secret) investigative actions on the example of its functioning in the post-Soviet countries (Ukraine, Kazakhstan). Attention is drawn to the fact that despite the growth of scientific works on this topic both in the Republic of Belarus and in foreign countries, the issue of the need to use this institute in criminal proceedings has not been fully resolved to date and causes acute discussions, which determines the relevance of the research topic. An «evolutionary» variant of the development of criminal proceedings is proposed by expanding the list of acceptable sources of evidence in a criminal case.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЗАКОННОСТИ В ДОСУДЕБНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ НЕЗАКОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА

Назырова Н. А.

Ключевые слова: принцип законности, обстоятельства, подлежащие доказыванию, подставные лица, уголовная ответственность, организаторы преступления.

Введение

Раскрыть современное содержание принципа законности можно посредством нескольких аспектов. Применительно к исследуемой теме данный принцип понимается в узком смысле как требование, предъявляемое к субъектам расследования, осуществлять свою деятельность в точном соответствии с законом. Между тем анализ практики расследования общественно опасных деяний, заключающихся в незаконном образовании юридического лица (ст. 173.1 УК РФ), свидетельствует о том, что достигнутые по расследованным делам результаты не в полной мере удовлетворяют выполнению назначения уголовного судопроизводства и соблюдению принципа законности. Изложенное суждение подтверждается совокупностью следующих обстоятельств. Прежде всего речь идет о недостаточной защите прав и законных интересов потерпевших от преступлений. Несмотря на то, что незаконное образование юридического лица криминализовано как преступление с формальным составом, фиктивная деятельность всегда наносит ущерб гражданам, обществу и государству в целом. Введение уголовной ответственности за незаконное образование юридического лица потребовалось для стабилизации экономической ситуации в стране, поддержания здоровой добросовестной конкуренции и свободных рыночных отношений, обеспечения равной обязанности для юридических лиц нести бремя налогового обложения в зависимости от выбранной формы деятельности, полученных доходов и др. [1, с. 33]. Однако фактически названные цели не реализуются. Из числа возбужденных уголовных дел по указанному виду преступления в суд в 2017–2021 гг. направлялось только каждое четвертое или даже пятое, из них почти в половине к уголовной ответственности привлечены исключительно подставные лица, действовавшие по предварительному сговору с неустановленными организаторами и иными участниками незаконных образований юридических лиц [2, с. 4]. Приведенные показатели дают основания для констатации беспрепятственного продолжения извлечения теневых доходов от фиктивной деятельности остающимися на свободе организаторами рассматриваемых преступлений, которые на смену одной незаконно образованной организации создают другую. Представляется, что в данном случае нельзя говорить и о реализации второго направления уголовного

судопроизводства — защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод, т. к. организаторы просто не устанавливаются благодаря тому, что следователи не пользуются должным образом предусмотренными средствами уголовно-процессуальной деятельности. Сложившаяся правоприменительная ситуация вызывает необходимость уделить внимание обеспечению законности при расследовании незаконного образования юридического лица в досудебном производстве.

Основная часть

Вопросы криминализации и декриминализации деяний в сфере экономической деятельности находятся в зоне повышенного законодательного контроля. Важно не только признать общественную опасность тех или иных действий (бездействий), введя уголовную ответственность за них, но и правильно сформулировать диспозицию уголовно-правовой нормы, чтобы она являлась «рабочей», а не абстракцией. В 2010 г. утратила силу ст. 173 УК РФ, предусматривавшая ответственность за лжепредпринимательство. Фактически ответственность наступала за создание законной по форме коммерческой организации, но фиктивной по намерению ее создателей, если ее деятельность, направленная на извлечение имущественной выгоды или прикрытия запрещенной деятельности причинила крупный ущерб гражданам, организациям, государству. Расследование указанных преступлений представляло сложность в доказывании наступления вредных последствий конкретным гражданам, организациям, в связи с чем число направленных в суды дел явно не соответствовало размаху совершаемых преступлений. Появление в 2011 г. в российском уголовном законодательстве ответственности за незаконное образование юридического лица, имеющего конструкцию формального состава преступления, должно было упростить борьбу правоохранителей с так называемой «серой» экономикой. Как логично представляется, новая норма облегчает процесс доказывания причастности лиц к совершению экономических и других преступлений по принципу «матрешки», предполагающего размещение внутри одного объекта несколько последовательно уменьшающихся [3, с. 7]. В рассматриваемом случае незаконное образование юридического лица является маленькой матрешкой, которая используется в различных преступных схемах (мошенничествах и иных видах хищений, налоговых преступлениях, незаконном обороте наркотических средств и др.). Фиктивное юридическое лицо не находится в вакуумном пространстве, вокруг него сконцентрирована преступная среда, которая использует его, пока оно не попало в поле зрения правоохранителей. Преступники извлекают выгоду неправомерными способами, используя при этом возможности, предоставленные государством для ведения предпринимательской деятельности. Вот почему в априори фиктивную деятельность необходимо исследовать не только с точки зрения доказывания ее недействительности, но и для установления масштаба извлеченного дохода, его получателей, выяснения вопросов о том, подпадает ли осуществляемая деятельность под признаки общественно опасного деяния, причинен ли от нее кому-либо ущерб. Однако, несмотря на многомиллионные обороты

фиктивных организаций, следственная работа как ранее, так и в настоящее время в большинстве случаев ограничивается изобличением подставных лиц. Последние в зависимости от практики региона РФ привлекаются по ч. 1 ст. 173.2 УК РФ или п. «Б» ч. 2 ст. 173.1 УК РФ в группе с неустановленными организаторами или иными участниками преступления, а уголовные дела в отношении организаторов преступлений по прошествии времени приостанавливаются. Безусловно, выявление организаторов преступлений и процесс доказывания их причастности к совершению незаконного образования юридического лица и других видов преступлений, в которых фиктивная организация использовалась, является более сложным и длительным. Но в противном случае матрешка не соберется, и обрежутся возможности для своевременного раскрытия и пресечения более тяжких преступлений.

Как представляется, субъекты расследования смогли вырвать отдельную фразу из контекста научных исследований, например, публикации К. В. Муравьева, в которой он нацеливает на применение уголовного закона не только формально правильно, но и целесообразно по существу [4, с. 274] и интерпретировать ее по-своему. По всей видимости, кто-то при неустановленных обстоятельствах признал нецелесообразным «тратить время» на выявление и изобличение организатора незаконного образования юридического лица и наличие данных, указывающих на признаки преступной деятельности фиктивной организации, анализируя для этого связи с контрагентами, ее расчетные счета, назначая судебные экспертизы по финансовым документам, проводя другие «ненужные» действия. Формально достаточно расследовать уголовное дело по пути наименьшего сопротивления:

- установить событие совершения незаконного образования юридического лица;
- осуществить уголовное преследование в отношении подставного лица;
- выделить в отдельное производство уголовное дело в отношении неустановленного лица — организатора фиктивного юридического лица, ограничившись для его установления допросом подставного лица и направлением поручения в орган дознания на проведение оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) по его выявлению;
- направить уголовное дело в отношении подставного лица в суд;
- приостановить предварительное следствие в отношении организатора рассматриваемого преступления в связи с не установлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого.

Данная следственная практика распространилась как снежный ком и, за редким исключением, стала нормой при расследовании указанного преступления. Вполне правильным будет назвать ее порочной.

Между тем, как справедливо отмечается в научных источниках, материальное и процессуальное право в своей взаимосвязанности и взаимобусловленности оказывают регулирующее воздействие на общественные отношения [5, с. 44]. Предусмотренные в действующем УПК РФ средства уголовно-процессуальной деятельности позволяют в полной мере осуществлять в досудебном производстве расследование незаконного образования

юридического лица в соответствии с теми задачами, которые подразумевались законодателем при криминализации указанного преступления. Для решения поставленных задач органы предварительного расследования должны быть полноценными и активными субъектами доказывания, а не пассивными «накопителями» доказательств и техническими «регистраторами» позиции сторон [6, с. 21].

Как уже обозначалось, принцип законности рассматривается нами как требование, предъявляемое к субъектам расследования осуществлять свою деятельность в точном соответствии с законом. Полностью разделяем суждение о том, что соблюдение требований законности для субъектов расследования означает обеспечение ими быстрого и полного раскрытия и расследования преступлений, проведение в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона всех необходимых действий, направленных на собирание и исследование доказательств [7, с. 130]. По мнению С. Б. Россинского, доказательства являются полезными информационными активами, возникающими на основе материальных или идеальных следов отображений и позволяющими субъектам расследования устанавливать имеющие значение для уголовного дела обстоятельства и обосновывать правоприменительные решения [8, с. 58]. В современном УПК РФ не выделяется отдельным принципом положение о всестороннем, полном и объективном исследовании обстоятельств уголовного дела, как в ст. 18 УПК Республики Беларусь, хотя целесообразность его закрепления отмечается многими авторами. В то же время законное решение по уголовному делу может быть вынесено только после проведения расследования полно, всесторонне и объективно. Следует согласиться с тем, что «законным является решение, которое не только соответствует требованиям закона (вынесено компетентным лицом или органом, в установленной законом процессуальной форме), но и принятое своевременно и основанное на обстоятельствах, установленных проведенными в соответствии с законом процессуальными действиями» [9, с. 85]. Но если принцип всестороннего, полного и объективного расследования не закреплён в нормах уголовно-процессуального законодательства РФ, то для обеспечения законности решения действующий УПК РФ прямо предусматривает нормы, которыми должен руководствоваться следователь в своей деятельности.

1. Обстоятельства, подлежащие доказыванию.

Статья 73 УПК РФ строго регламентирует перечень обстоятельств, которые признаются универсальными и подлежат доказыванию по всем уголовным делам независимо от вида преступления [10, с. 257–258]. В случае не установления хотя бы одного из декларируемых в уголовно-процессуальном законодательстве обстоятельств, не представляется возможным признать лицо виновным в совершении преступления [11, с. 435]. Одно из указанных обстоятельств — установление характера и размера вреда, причиненного преступлением (п. 4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ). Обстоятельства, подлежащие доказыванию, находятся в тесной связи с предметом доказывания и являются определяющими для предмета доказывания конкретного уголовного дела.

Безусловно, при расследовании уголовных дел по преступлениям с материальным составом, для которых обязательным признаком являются общественно опасные последствия, требуется точное установление вида вреда и его размера, влияющих как на квалификацию преступления, так и в целом на решение вопроса о привлечении лица к уголовной ответственности. Так, в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 171 УПК РФ в постановлении подлежит описанию событие преступления, в которое включаются обстоятельства, подлежащие доказыванию, указанные в п. п. 1–4 ч. 1 ст. 73 УПК РФ. Наступление вышеуказанных последствий для квалификации содеянного как общественно опасного деяния не требуется при конструкции формального состава преступления. В то же время, если такое деяние могло причинить такие последствия, то они должны быть выявлены, исследованы и получить правовую оценку. Если у виновного изъято взрывчатое вещество или взрывное устройство, субъект расследования не ограничится установлением обстоятельств, входящих в предмет доказывания ст. 222.1 УК РФ как формального состава преступления, потому что взрывчатое вещество и взрывное устройство способны причинить общественно-опасные последствия. Следовательно не станет игнорировать и в неукоснительном порядке проверит версию о причастности самого подозреваемого или его связи с лицами, причастными к более тяжким преступлениям против общественной безопасности, прежде всего, к террористическим актам, совершение которых влечет ряд общественно-опасных последствий в виде устрашения населения, создания опасности гибели человека и других. Незаконное образование юридического лица, как средство для совершения других преступлений, также способно опосредованно причинить общественно опасные последствия, к примеру, вывод имущества при преднамеренном банкротстве, придавая видимость правомерности действий и затрудняя возврат данного имущества потерпевшим. Более того, фиктивное юридическое лицо всегда причиняет

общественно опасные последствия в случае осуществления какой-либо деятельности, если только преступные действия по каким-то причинам не окончились исключительно регистрацией такого лица в Едином государственном реестре юридических лиц.

Таким образом, для обеспечения законности при расследовании незаконного образования юридического лица следователь должен установить: носила ли деятельность в рамках фиктивного юридического лица преступный характер, причинен ли в результате нее кому-либо вред, если да, то его характер и размер. По результатам расследования дать правовую оценку установленным обстоятельствам, связанным с осуществлением деятельности фиктивным юридическим лицом.

2. Выделение уголовного дела.

Как уже отмечалось, единообразной следственно-судебной практики по квалификации действий подставных лиц при условии преступного характера указанных действий на территории РФ не сложилась. Отдельные регионы (Астраханская область, Республика Крым, Московская область, Челябинская область и некоторые другие) привлекают к уголовной ответственности

названных участников преступлений в соответствии с п. «Б» ч. 2 ст. 173.1 УК РФ. Как правило, уголовные дела в отношении организаторов и иных участников преступлений выделяются в отдельное производство в соответствии с п. 1 ч. 1 ст. 154 УПК РФ, в связи с их не установлением в процессе предварительного расследования, а в суды направляются для рассмотрения по существу дела в отношении подставных лиц. Однако, прежде чем принять решение о выделении уголовного дела о преступлениях, совершенных в соучастии, в случаях, указанных в п. п. 1–4 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, следователь должен принять меры по установлению соучастников. Помимо подставного лица, установлению подлежат организаторы преступления и иные участники. Изучение уголовных дел позволило сделать вывод о том, что следователи ограничивались для их установления допросом подставного лица и направлением в орган дознания поручения о проведении ОРМ. Между тем разработаны методики раскрытия и расследования незаконного образования юридического лица, обосновывающие необходимость производства для установления и изобличения причастности всех участников рассматриваемого преступления комплекса следственных действий (выемок, допросов, получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, контроля и записи переговоров, назначения судебных экспертиз и др.) и ОРМ.

Аналогичная ситуация возникает и в случае выделения уголовного дела в отношении подставного лица в соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 154 УПК РФ при квалификации его действий по ч. 1 ст. 173.2 УК РФ из основного уголовного дела, возбужденного по факту незаконного образования юридического лица.

Таким образом, установление всех участников, причастных к совершению незаконного образования юридического лица, должно быть проведено полно, всесторонне, объективно, в соответствии с проведенными научными исследованиями и накопленным положительным опытом раскрытия и расследования рассматриваемого вида преступлений.

3. Приостановление предварительного следствия.

Если право следователя на выделение в отдельное производство уголовного дела по вышеуказанным основаниям формально может быть реализовано на любом этапе расследования незаконного образования юридического лица, то принятие решения по оставшемуся в производстве уголовному делу в отношении неустановленных участников преступления, должно подчиняться требованиям ч. 5 ст. 208 УПК РФ. А именно, до приостановления предварительного следствия следователь выполняет все следственные действия, производство которых возможно в отсутствие обвиняемого, и принимает меры по его розыску либо установлению лица, совершившего преступление. Массив приостановленных производством уголовных дел указывает на не соблюдение следователями в должной мере изложенного требования и проведение ограниченного расследования в соответствии с вышеизложенной дефектной практикой.

Заключение

Формула принципа законности: действующие правовые нормы должны неукоснительно соблюдаться и исполняться [12].

Проведенным исследованием подтверждено, что предусмотренные в действующем УПК РФ средства уголовно-процессуальной деятельности позволяют в полной мере осуществлять в досудебном производстве расследование незаконного образования юридического лица в соответствии с принципом законности и имеющейся задачей борьбы с «теневой» экономикой.

Для обеспечения законности при расследовании незаконного образования юридического лица следователь должен помимо самого факта совершения указанного деяния установить: носила ли деятельность в рамках фиктивного юридического лица преступный характер, причинен ли в результате данной деятельности кому-либо вред, если да, то его характер и размер. По результатам расследования дать правовую оценку установленным обстоятельствам, связанным с осуществлением деятельности фиктивным юридическим лицом.

Установление всех участников, причастных к совершению незаконного образования юридического лица, должно быть проведено полно, всесторонне, объективно, в соответствии с проведенными научными исследованиями и накопленным положительным опытом раскрытия и расследования рассматриваемого вида преступлений.

Список цитированных источников

1. Бобков, А. И. Тенденции, обуславливающие криминализацию незаконного образования юридического лица и приоритетные направления борьбы с ним / А. И. Бобков, Н. А. Назырова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. — 2020. — № 2(14). — С. 28–36.
2. Назырова, Н. А. О методике расследования незаконного образования юридического лица / Н. А. Назырова. — Москва : Изд-во «Юрлитинформ», 2023. — 176 с.
3. Сокольникова, Н. М. Принцип матрешки в науке, дизайне и архитектуре / Н. М. Сокольникова // Европейский журнал искусствоведения и культурологии. — 2017. — № 3. — С. 7–10.
4. Муравьев, К. В. Законность, справедливость и целесообразность уголовно-процессуальных решений / К. В. Муравьев // Современное уголовно-процессуальное право — уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования : Сборн. матер. Междунар. науч.-практ. конф., Орёл, 18–19 окт. 2018 г. / год ред. Е. Б. Гришина. — Орел : Орловский юрид. ин-т МВД РФ им.В.В. Лукьянова, 2018. — С. 271–275.
5. Русман, Г. С. Взаимосвязь уголовного права и процесса на примере поощрительных правоотношений / Г. С. Русман // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. — 2023. — Т. 23, № 1. — С. 43–49.
6. Россинский, С. Б. Уголовно-процессуальное доказывание — совокупность познавательного-удостоверительных приемов и аргументационно-логических

операций / С. Б. Россинский // Труды Академии управления МВД России. — 2023. — № 1(65). — С. 16–23.

7. Печников, Г. А. Законность как принцип уголовного процесса / Г. А. Печников, А. П. Блинков // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2011. — № 3(18). — С. 130–136.

8. Россинский, С. Б. О доктринальных подходах к пониманию доказательств по уголовному делу: история и современность / С. Б. Россинский // Lex Russica (Русский закон). — 2023. — Т. 76, № 6(199). — С. 57–69.

9. Верещагина, А. В. Опыт комментария нормы части 4 ст. 7 УПК РФ / А. В. Верещагина // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2007. — № 4(273). — С. 82–92.

10. Гриненко, А. В. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : постатейный научно-практический комментарий / А. В. Гриненко ; Моск. гос. ин-т междунар. отн-й (Ун-т) МИД РФ. — М. : Проспект, 2017. — 1039 с.

11. Зернов, А. О. Предмет доказывания и обстоятельства, подлежащие доказыванию в уголовном процессе / А. О. Зернов, Н. А. Липский // Неделя науки СПбПУ : Матер. науч. конф. с междунар. участием. Санкт-Петербург, 19–24 нояб. 2018 г. — СПб. : ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехн. ун-т Петра Великого», 2018. — С. 434–437.

12. Агутин, А. В. Принцип законности в сфере уголовного судопроизводства / А. В. Агутин, Т. К. Зарубицкая, С. С. Ерашов. — Режим доступа: [http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/9999-195_West_pravo_2001_2\(4\)/10.pdf](http://www.unn.ru/pages/vestniki_journals/9999-195_West_pravo_2001_2(4)/10.pdf). — Дата доступа: 11.08.2023.

Аннотация. В статье рассматривается проблема некачественного расследования уголовных дел по фактам совершения незаконного образования юридического лица и высказывается позиция о необходимости обеспечения законности при их расследовании в досудебном производстве, основанная на неукоснительном соблюдении действующих норм УПК РФ. Неиспользование в должном объеме разработанных методик раскрытия и расследования указанных преступлений, накопленного положительного опыта следственно-судебной практики, предусмотренных средств уголовно-процессуальной деятельности, направленных на установление всех участников, причастных к совершению незаконного образования юридического лица, прежде всего, его организаторов, позволяет им продолжать свою преступную деятельность. Автор обращает внимание на необходимость строгого исполнения следователями требований, закрепленных в ст. 73, 154, 208 УПК РФ, а также проведения всестороннего, полного и объективного расследования для принятия законного решения по делу.

ENSURING LEGALITY IN PRE-TRIAL PROCEEDINGS IN THE INVESTIGATION OF ILLEGAL FORMATION OF A LEGAL ENTITY

Nazirova N. A.

Keywords: principle of legality, circumstances to be proved, front persons, criminal liability, organizers of crime.

Abstract. The article considers the problem of poor-quality investigation of criminal cases on the facts of committing illegal formation of a legal entity and expresses a position on the need to ensure legality in their investigation in pre-trial proceedings, based on strict compliance with the current norms of the Criminal Procedural Code of the Russian Federation. Failure to properly use the developed methods of detection and investigation of these crimes, the accumulated positive experience of investigative and judicial practice, the envisaged means of criminal procedural activity aimed at identifying all the participants involved in the commission of illegal formation of a legal entity, primarily its organizers, allows them to continue their criminal activities. The author draws attention to the need for strict fulfillment by investigators of the requirements enshrined in Art. 73, 154, 208 of the CPC of the RF, as well as to conduct a comprehensive, complete and objective investigation to make a legitimate decision on the case.

УДК 343

О РАЗУМНЫХ СРОКАХ ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Седач А. В., Соркин В. С.

Ключевые слова: разумный срок досудебного уголовного судопроизводства, процессуальные сроки, нормативно-установленный срок, быстрота уголовного судопроизводства, процессуальные действия, сроки расследования уголовных дел

Введение

Проблема процессуальных сроков, в том числе и в части обеспечения их разумности, практически всегда являлась и продолжает оставаться актуальной в уголовном судопроизводстве. Еще в советский период Р. Х. Якупов в диссертационном исследовании «Процессуальные сроки в советском уголовном судопроизводстве (в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования)» обращал внимание на актуальность данной проблемы, отмечая, что «процессуальные сроки должны рассматриваться с точки зрения рационального ведения судопроизводства и процессуальной экономики» [1, с. 3].

Процессуальные сроки в уголовном судопроизводстве определяют время, установленное законом для совершения процессуальных и следственных действий, принятия процессуально-значимых решений, начала и завершения производства в конкретной стадии уголовного процесса.

Несомненный научный интерес для исследования данной проблемы представляет суждение А. П. Гуляева, который указывал, что «процессуальные сроки в уголовном процессе представляют собой разновидность правовых средств, направленных на обеспечение правильного осуществления по каждому уголовному делу задач судопроизводства» [2, с. 7].

Основная часть

Проблема соблюдения разумных сроков уголовного судопроизводства в последнее время приобретает все большую значимость. Обусловлено это тем, что участникам уголовного процесса, чьи права и законные интересы затрагиваются в ходе проверки сообщения о преступлении и производства предварительного расследования, все чаще приходится сталкиваться с чрезмерным затягиванием досудебной стадии уголовного судопроизводства, что в конечном итоге оборачивается нарушением прав граждан на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство, гарантированных законом.

Соблюдение и сокращение сроков расследования уголовных дел, как и осуществление досудебного производства в разумный срок в целом, — приоритетные задачи законодателя. Совершенствование правовых норм в этом направлении обусловило дополнение в 2010 г. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) ст. 6¹ «Разумный срок уголовного судопроизводства». Согласно ч. 1 и 2 ст. 6¹ УПК РФ уголовное судопроизводство осуществляется в разумный срок. Уголовное судопроизводство осуществляется в сроки, установленные настоящим кодексом.

Для практического применения понятия разумного срока уголовного судопроизводства необходимо определиться с моментами начала уголовного судопроизводства и его окончания. Согласно ч. 3 ст. 6¹ УПК РФ при определении разумного срока уголовного судопроизводства для лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, включается период со дня начала осуществления уголовного преследования, а для потерпевшего или иного заинтересованного лица, которому деянием, запрещенным уголовным законом, причинен вред, период исчисляется со дня подачи заявления, сообщения о преступлении до дня прекращения уголовного преследования или вынесения обвинительного приговора.

Отметим, что в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь такое понятие, как «разумный срок уголовного судопроизводства», отсутствует. В Уголовно-процессуальном кодексе Республики Беларусь (далее — УПК Республики Беларусь) лишь установлены сроки «доследственных проверок» и сроки предварительного расследования.

Анализируя практику прокурорского надзора можно констатировать, что «хроническими» нарушениями сроков осуществления досудебного производства являются:

- несоблюдение процессуальных сроков проведения проверки сообщений о преступлениях, незаконное и необоснованное их приостановление и продление;
- неоднократные отмены постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела;

— необоснованное приостановление расследования при проведении судебных экспертиз.

В ряде случаев следователи вместо законного продления срока предварительного расследования выносят заведомо незаконные постановления о приостановлении предварительного следствия при отсутствии на то законных оснований.

Немало проблем возникает по поводу того, что законодатель не раскрывает в УПК РФ понятие «разумный срок». Зачем в одной норме УПК РФ упоминать два понятия: «разумный срок» и «сроки, установленные настоящим Кодексом»? Вопрос остается без четкого ответа. Тем более что разумный срок упоминается в единственном числе, а сроки, установленные Кодексом, — во множественном числе: разумный срок — это установленные Кодексом сроки. Анализ рассматриваемых понятий позволяет говорить о том, что более широкое понятие «процессуальный срок» включает в себя более узкие понятия «нормативно установленный срок» и «срок, нормативно не установленный».

Анализ правоприменительной практики досудебного производства Российской Федерации позволяет прийти к выводу, что имеются ряд существенных противоречий в нормативной трактовке понятия «разумный срок уголовного судопроизводства».

По нашему мнению, сущность разумного срока выражается в сочетании и не превышении процессуальных сроков, установленных в УПК. Также можем прийти к выводу о том, что разумный срок, в свою очередь, предполагает возможность осуществления уголовного судопроизводства в более краткие сроки, нежели установленные уголовно-процессуальным законодательством.

Сделанное нами утверждение во много коррелирует с выводами Ю. В. Деряшева и Ю. А. Андриенко, что разумный срок необходимо рассматривать как нормативное требование быстроты уголовного судопроизводства [3, с. 30–32]. Это может быть подтверждено следующим примером.

Так, первоначальный срок производства предварительного следствия составляет 2 месяца (ч. 1 ст. 190 УПК Республики Беларусь). Однако если для завершения предварительного расследования необходимо провести небольшой объем следственных и процессуальных действий и в совокупности расследуемое уголовное дело не представляет сложности, то в некоторых случаях его возможно завершить в более сокращенные сроки, например, в течение двух недель. Следует отметить, что в случае завершения предварительного расследования в более краткие сроки данный сокращенный период времени все равно охватывается нормативно установленным сроком. Соответственно, и наоборот, если уголовное дело не представляет особой сложности и расследуется с волокитой, допускаемой следователем или дознавателем, в результате чего срок расследования продлевается до 3 месяцев, то данный период времени также является нормативно установленным.

Учитывая факт того, что разумный срок предполагает возможность осуществления уголовного судопроизводства в более краткие сроки, нежели установленные уголовно-процессуальным законодательством, мы можем

прийти к выводу, что понятие «нормативно установленный срок» не тождественно понятию «разумный срок».

Кроме того, изложенный тезис подтверждается исследованием А. В. Мордвинова, который указывает, что разумный срок является частным понятием по отношению к процессуальному сроку [4, с. 12].

Нельзя не согласиться с И. Н.-о Пуриевым о целесообразности устранения в ч. 1 ст. 6¹ УПК РФ формально-логических противоречий, сформулировав четкое определение понятия «разумный срок» и тем самым отделив его от другого понятия — «сроки, установленные настоящим Кодексом». По его мнению, слово «разумный» также необходимо заменить на более приемлемый по смыслу синоним, например, «срок, превышающий нормативный» или «допустимые сроки, превышающие нормативные», однако и в данном случае некоторых специалистов может смутить слово «превышающий» [5, с. 24].

Проанализировав вышеизложенное относительно термина «разумный срок», можно прийти к выводу, что разумный срок досудебного производства — это особый период времени, который гарантирует соблюдение конституционных прав, свобод и законных интересов граждан в ходе досудебного производства по уголовному делу; имеет свое начало и окончание; измеряется годами, месяцами, сутками; сочетается с установленными законом процессуальными сроками для проверки сообщения о преступлении или предварительного расследования уголовного дела. В связи с этим, возможно рассмотреть вопрос о закреплении понятие «разумный срок» в качестве разъяснения некоторых понятий и наименований содержащихся в ст. 6 УПК Республики Беларусь.

К уголовно-процессуальным условиям осуществления досудебного производства в разумный срок, на наш взгляд, можно отнести:

- соблюдение норм уголовно-процессуального законодательства участниками уголовного судопроизводства, в частности обязательное исполнение законных требований следователя или органа дознания;
- действия должностных лиц органов предварительного следствия и дознания, направленные на своевременную организацию досудебного производства: возбуждение уголовного дела, назначение судебных экспертиз, избрание меры пресечения, производство следственных и процессуальных действий, а также завершение предварительного расследования в возможно короткие сроки;
- надлежащее поведение участников уголовного процесса, не препятствующее затягиванию досудебного производства.

В этой связи немаловажная роль отводится прокурорскому надзору за соблюдением процессуальных прав всех участников уголовного судопроизводства, как отмечается в приказе Генерального прокурора Республики Беларусь «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов на стадиях досудебного производства» от 30 сентября 2021 г. № 98 (с последними изменениями от 24.07.2023).

Отметим, что в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь предприняты определенные попытки осуществить предваритель-

ное следствие в «разумный срок», а именно, речь идет об институте ускоренного производства, который предусмотрен главой 47 УПК Республики Беларусь.

Однако при реализации данной нормы закона правоприменитель сталкивается с рядом трудностей. Так, в ст. 452 УПК Республики Беларусь установлен порядок ускоренного производства. В указанной норме закона закреплены определенные категория преступления, условия совершения преступления и действия, которые должен выполнить следователь.

На практике процент расследования уголовных дел в порядке ускоренного производства небольшой: в Гродненской области за 6 месяцев текущего года он равняется от 13 % до 30 % в зависимости от региона и количества всех уголовных дел, направленных в суд.

Сложности возникают и при реализации указанных в ст. 452 УПК Республики Беларусь норм. Например, в ней указано, что при наличии признаков преступлений, не представляющих большой общественной опасности, или менее тяжких преступлений, если факт преступления очевиден, известно лицо, подозреваемое в совершении преступления, и оно не отрицает совершения им этого преступления, осуществляется ускоренное производство.

Однако лицо, совершившее преступление может сразу и не сознаваться в его совершении или в последующем начнет отрицать свою вину, что исключает ускоренное производство. Нормы, исключаящие ускоренное производство, также указаны и в ст. 456 УПК Республики Беларусь.

Сложность заключается и в том, что в подразделениях Следственного комитета Республики Беларусь существует нехватка следователей, что влечет за собой увеличение нагрузки при проведении «доследственных проверок» и расследовании уголовных дел. Это приводит к продлению сроков следствия и невозможности закончить следствие в установленные ст. 452 УПК сроки. На это могут влиять различные факторы, такие как: неполучение заключения эксперта, не явка для проведения следственных и процессуальных действий подозреваемого, потерпевшего и т. д.

Еще один элемент в нашем уголовно-процессуальном законодательстве, который не способствует реализации понятия «разумный срок», который можно назвать как «дублирование процессуальных действий».

Так, при рассмотрении заявлений и сообщений о преступлении, следователь или орган дознания в соответствии с ч. 2 ст. 173 УПК Республики Беларусь может получать объяснения лиц. Дача лицом объяснений следователю или органу дознания фактически не влечет никаких последствий, т. е. лицо не предупреждается об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или за дачу заведомо ложных показаний.

После возбуждения уголовного дела лица, ранее опрошенные, допрашиваются следователем или органом дознания, но они уже имеют конкретизированный процессуальный статус (свидетель, подозреваемый, обвиняемый) и в зависимости от этого предупреждаются об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний, а также за дачу заведомо ложных показаний.

Однако процессуальные и следственные действия влекут за собой значительную трату времени, к тому же лицо в ходе допроса может изменить свои показания в последующем, возможно, их придется перепроверить, лицо может заявить ходатайство о предоставлении защитника, что влечет перенос допроса и т. д.

Заключение

По результатам исследования можно сформулировать следующие выводы:

1. Определение термина «разумный срок досудебного уголовно-процессуального судопроизводства» целесообразно закрепить в качестве понятий и наименований содержащихся в ст. 6 УПК Республики Беларусь.

2. Разграничить понятия «разумный срок уголовного судопроизводства» и «срок, установленный УПК».

3. Определить условия осуществления досудебного производства в разумный срок.

4. Оптимизировать досудебное производство по уголовному делу в части процессуальной экономии времени и средств, затраченных на предварительное расследование, путем исключения дублирования процессуальных действий.

Список цитированных источников

1. Якупов, Р. Х. Процессуальные сроки в советском уголовном судопроизводстве (в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования) : автореф. дис. ...канд. юрид. наук : 12.715 / Р. Х. Якупов ; Высш. школа МВД СССР. — М., 1972. — 15 с.

2. Гуляев, А. П. Процессуальные сроки в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования / А. П. Гуляев. — М. : Юрид. лит., 1976. — 143 с.

3. Деришев, Ю. В. Быстрота и разумный срок уголовного досудебного производства: проблемы соотношения / Ю. В. Деришев, Ю. А. Андриенко // Росс. следователь. — 2019. — № 2. — С. 30–32.

4. Мордвинов, А. В. Процессуальные сроки: особенности установления и исчисления при производстве предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А. В. Мордвинов. — Ульяновск, 2021. — 252 л.

5. Пуриев, И. Н. -о Уголовно-процессуальные условия и средства осуществления досудебного производства в разумный срок : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / И. Н. Пуриев. — Хабаровск, 2022. — 244 л.

Аннотация. Развитие информационных технологий вызывает необходимость расширять круг охраняемых уголовным законом интересов, приводит к увеличению разрешаемых уголовно-правовых конфликтов, что закономерно требует дифференциации уголовно-процессуальной формы. В этой связи особую значимость и актуальность приобретает проблема

обеспечения при расследовании уголовных дел процессуальных сроков, призванных гарантировать права и законные интересы органов уголовного преследования и лиц, участвующих в судопроизводстве по уголовному делу в различном процессуальном статусе. В концепции досудебного производства по степени важности выделяется проблема обеспечения разумных сроков расследования уголовных дел, от должного разрешения которой зависит возможность своевременного доступа к правосудию как пострадавших от преступлений, так и непосредственно лиц, совершивших преступление. Анализируется практика применения норм УПК Российской Федерации по спектру рассматриваемых вопросов, а также институт ускоренного производства в уголовном процессе Республики Беларусь. Автором сформулировано понятие «разумный срок досудебного производства» и предлагается закрепить его в качестве понятий, содержащихся в УПК Республики Беларусь.

ON REASONABLE TERMS OF PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEDURE

Sedach A. V., Sorkin V. S.

Keywords: a reasonable period of pre-trial criminal proceedings, procedural deadlines, a fixed term, the speed of criminal proceedings, procedural actions, the timing of the investigation of criminal cases.

Abstract. The development of information technologies necessitates expanding the range of interests protected by criminal law, leads to an increase in the resolution of criminal legal conflicts, which naturally requires differentiation of the criminal procedural form. In this regard, the problem of ensuring procedural deadlines in the investigation of criminal cases designed to guarantee the rights and legitimate interests of criminal prosecution bodies and persons becomes of particular importance and relevance, participating in criminal proceedings in various procedural status. In the concept of pre-trial proceedings, the importance of ensuring reasonable terms for investigating criminal cases stands out, on the proper resolution of which the possibility of timely access to justice for both victims of crimes and directly persons depends, who committed a crime. The practice of applying the norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation on the range of issues under consideration is analyzed, as well as the institution of expedited proceedings in the criminal process of the Republic of Belarus. The author formulated the concept «a reasonable period of pre-trial production» and it is proposed to fix it as concepts contained in the Code of Criminal Procedure of the Republic of Belarus.

ПОЛУЧЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИИ ИЗ ДАРКНЕТА В ХОДЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Седых П. В.

Ключевые слова: даркнет, информация, следователь, предварительное расследование.

Введение

В профессиональной деятельности следователь сталкивается с перманентно изменяющимися условиями взаимодействия людей, в чем существенную роль занимает интернет. В данном электронном пространстве на протяжении десятков лет пользователями культивируется стремление сохранить анонимность своих действий от третьих лиц, государства, что также привлекает злоумышленников — в целях совершения различного рода преступлений при отсутствии опасности быть установленными и привлеченными к ответственности.

В то же время стек протоколов передачи данных, на которых базируется интернет, предполагает наличие у каждого узла уникального IP-адреса, по которому в определенной степени возможно установить пользователя и отследить его действия в сети. В связи с этим у злоумышленников закономерно возник спрос на технологии анонимизации. Как следствие, сформировался и получил распространение сегмент интернета с наибольшими гарантиями анонимности — так называемый даркнет.

В указанном интернет-пространстве размещаются электронные торговые площадки, связанные с незаконным наркооборотом, распространением детской порнографии, персональных данных, тематические форумы кардеров, скамеров. Вместе с тем представлен и легальный контент наподобие новостных порталов, сайтов известных организаций.

Научное освещение изучения даркнета в контексте предварительного расследования до относительно недавнего времени не имело широкого распространения, но уже с 2018 г. данное направление исследования стало набирать популярность, что во многом связано со значительным ростом зарегистрированных киберпреступлений и спросом на технологии анонимизации у пользователей интернета.

В русскоязычных источниках имеются публикации следующих авторов: В. Ю. Арчакова, А. Л. Баньковского и Е. В. Зенченко, которые в своей работе рассмотрели трансграничную природу даркнета, практически исключаящую правовое регулирование, и роль национальных правительств, международных и межправительственных организаций, тем самым обосновав важность контроля за анонимной деятельностью в интернете [1]; Д. В. Жмурова, изучившего отдельные вопросы криминальной деятельности в даркнете,

для чего последним проведен контент-анализ содержания соответствующих интернет-ресурсов, размещенных как в открытом, так и скрытом сегментах интернета [2]; А. А. Протасевича и Ю. Б. Скрыбиковой, предложивших дефиницию даркнета в качестве отправной точки в исследовании данного явления как объекта криминалистики [3]; А. Г. Александрова и А. А. Сафронова, выявивших в своей работе основные виды преступлений, совершаемых с использованием даркнета [4]; Д. К. Григоряна, обратившего внимание на необходимость разработки правового инструментария для эффективного противодействия преступному воздействию агрессивных ресурсов даркнета [5] и др. В англоязычной научной литературе имеются научные подходы к рассмотрению анализа, структуры даркнета, его функций, рисков и возможностей [6], мотивов и поведения пользователей даркнет-форумов [7], методологии и техники для проведения криминалистического анализа даркнет-сайтов [8] и др.

С учетом изложенного остается нерешенным вопрос о возможностях получения и применения следователем информации из даркнета в ходе предварительного расследования. Для его решения требуется определить место даркнета в структуре интернета, его понятие и сущность, виды сетей даркнета и соответствующие им доменные зоны, рассмотреть способы доступа к информации из даркнета, используемое при этом программное обеспечение, установить, какие задачи расследования могут быть решены при осмотре указанной компьютерной информации.

Основная часть

В настоящее время принято разделять интернет на три сегмента [5, с. 57], а именно:

1. Открытая часть интернета («поверхностный интернет», «Surface Web»).

Это сегмент интернета, индексируемый поисковыми системами (Google, Yandex, Bing) и доступный для общего использования посредством традиционных браузеров (Google Chrome, Yandex Browser, Microsoft Edge). В этом сегменте находятся социальные сети, интернет-магазины, новостные порталы, имеющие открытые адреса. При посещении веб-ресурсов, размещенных в открытой части интернета, владельцами этих ресурсов осуществляется сбор информации пользовательской информации, в том числе cookie.

2. Глубокая часть интернета («Deep Web»).

Это сегмент интернета, который не индексируется поисковыми системами и предполагает наличие средств защиты (пароли, шифрование и др.). Иными словами, это та часть интернета, которая не может быть обнаружена путем ввода информации в поисковую строку браузера. Например, всеми используемые электронные ящики, информация из непубличных социальных сетей, онлайн игр и многое другое, что находится за пределами прямых ссылок или учетных данных.

3. Даркнет («DarkNet», «дарквеб», «DarkWeb», «темный интернет»).

Согласно Кембриджскому словарю сегодня под даркнетом подразумевается «компьютерная сеть, использующая интернет, к которой могут быть подсоединены только те пользователи, которые имеют разрешение

или надлежащее программное обеспечение. Концепция даркнета заключается в организации анонимного и безопасного общения между людьми в целях получения информации, в том числе при помощи обмена файлами друг с другом» [9]. Европейским центром мониторинга наркотиков и наркозависимости (EMCDDA) дарквеб или даркнет определяется, как «малая часть глубокого интернета, являющаяся скрытой и недоступной посредством стандартных веб-браузеров и которая широко известна по преступной деятельности ввиду предполагаемой анонимности этой сети» [10, с. 135].

В отечественной литературе приводятся следующие дефиниции даркнета:

«скрытая часть интернет, которая состоит из взаимосвязанных зашифрованных туннелей, в которых пользователь остается полностью анонимным» [2, с. 89];

«информационно-коммуникационная система, реализующая анонимизированную коммуникацию пользователей посредством специализированного программного обеспечения» [3, с. 84].

Даркнет образует собой совокупность частных сетей, самая известная из которых — это TOR (The Onion Router) — компьютерная анонимная сеть, использующая принцип луковой маршрутизации, где данные шифруются и пересылаются через три выбираемых случайным способом сервера (ретранслятора). Последний узел в цепочке называется выходным узлом и пересылает трафик в открытый интернет, что позволяет скрыть источник и адрес получателя данных» [11, с. 157].

Использование сети TOR имеет следующие основные особенности: интернет-провайдер не может отслеживать активность пользователя сети TOR;

интернет-провайдер и владельцы веб-ресурсов не могут видеть реальный IP-адрес пользователя сети TOR (они видят только адрес сети TOR);

в отличие от прокси-серверов и VPN при использовании сети TOR пользовательская информация не накапливается, кроме того, TOR-узлом может стать любой желающий;

в сети TOR имеются веб-ресурсы, относящиеся к доменной зоне «.onion»; для доступа в сеть TOR и указанным ресурсам используется браузер TOR, а также его модификации для мобильных устройств;

в браузере TOR по умолчанию не сохраняется история посещений сайтов, а файлы cookie хранятся лишь в течение сеанса [12].

Кроме сети TOR в даркнете имеются сети I2P (Invisible Internet Project), ZeroNet, GNUnet. В таблице ниже представлены сети даркнета и соответствующие им доменные зоны, а также используемое для доступа к ним программное обеспечение.

Сеть даркнета	Доменная зона	Используемое программное обеспечение
TOR	.onion	браузер TOR
TOR	.exit	браузер TOR

I2P	.i2p	клиент I2P или браузер с плагином I2P
I2P	.b32	клиент I2P или браузер с плагином I2P
ZeroNet	.zkey	клиент ZeroNet или браузер с плагином ZeroNet
GNUnet	.p2p	клиент GNUnet или браузер с плагином GNUnet

Таким образом, даркнет — это сегмент сети Интернет, представляющий совокупность частных сетей, электронных ресурсов и средств доступа к ним, которые базируются на системе анонимизации серверов в целях сокрытия действительного IP-адреса пользователя, его местонахождения.

Сущность даркнета заключается в том, что: 1) имеющиеся там ресурсы не индексируются стандартными поисковыми системами; 2) указанные ресурсы мало подвержены цензуре со стороны государственных органов; 3) даркнет используется преимущественно в преступных целях; 4) для доступа задействуются программы, позволяющие шифровать и анонимизировать трафик.

В ходе предварительного расследования следователь может получать информацию из даркнета опосредованно:

- в ходе допросов фигурантов по уголовным делам;
- из показаний оперативных сотрудников;
- при изучении протоколов оперативно-розыскных мероприятий;
- в ходе ознакомления с делом оперативного учета.

Кроме того, следователь получает информацию из даркнета посредством анализа «физически» и (или) «логически» извлеченных данных в ходе осмотра компьютерных устройств (персональный компьютер, ноутбук, мобильное устройство и др.), изъятых у фигурантов по материалам проверок и уголовным делам. В данном случае используются криминалистические программные средства с возможностями контент-анализа. Для этих целей в Следственном комитете Республики Беларусь на постоянной основе используется программно-аппаратный комплекс «Мобильный криминалист Эксперт плюс» (и до относительно недавнего времени Cellebrite UFED). Указанное программное средство широко используется криминалистическими отделами для нужд следователей всех уровней, поскольку позволяет получить побитовый образ компьютерного устройства, данные интерфейса и сервисов, которые уже есть на устройстве, не изменяя компьютерную информацию. При создании образа того или иного устройства повышаются возможности мониторинга и анализа пользовательской активности, в том числе связанной с посещением ресурсов даркнета.

Вместе с тем подчеркнем, что в указанных выше случаях следователь использует информацию из даркнета опосредованно, через призму субъективного восприятия других участников уголовного процесса, косвенно обнаруженных виртуальных следов. Однако это не в полной мере соответствует выполнению требований ст. 18 Уголовно-процессуального кодекса

Республики Беларусь, а именно: принятию всех предусмотренных законом мер по всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств уголовного дела.

В этой связи представляется верным и необходимым использование информации из даркнета непосредственно, т. е. путем входа в данное пространство и посещения интересующих следствие интернет-ресурсов в целях их изучения и осмотра. Это в своем роде осмотр места происшествия, в котором вместо привычных местности, жилища, иных законных владений объектом осмотра выступает часть виртуального пространства.

Также эффективным с точки зрения получения доказательств является осмотр указанной компьютерной информации с участием подозреваемого (обвиняемого). При этом в ходе данного следственного действия тактически важным является стремление последнего оказать содействие расследованию, поскольку именно таким образом следователь может получить детальную информацию о способе и средствах доступа к ресурсам даркнета, особенностях работы той или иной интернет-площадки по предоставлению незаконных товаров и услуг, подробностях и особенностях коммуникации между участниками незаконных операций.

Посредством проведения осмотра компьютерной информации в даркнете решаются отдельные задачи расследования:

получение доказательственной информации — фиксация следовой картины, установление способа совершения преступления, получение сведений о причастных лицах (имена пользователей, ссылки на контакты в мессенджерах), сведения о криптокошельках и др.;

получение познавательной информации — следователь таким образом пополняет знания в интересующей сфере, поскольку преступники вынуждены находиться в постоянном поиске новых способов совершения преступлений, менять свой инструментарий, с чем следователь получает возможность ознакомиться и в последующем использовать в ходе расследования, в том числе при проведении допросов, иных следственных действий.

Например, в производстве главного следственного управления центрального аппарата Следственного комитета Республики Беларусь находилось многоэпизодное уголовное дело в отношении 37 обвиняемых, являвшихся представителями магазинов по продаже наркотических средств, психотропных веществ, прекурсоров и аналогов White & Fluffy, «Концерн Калашникова» [13].

В ходе расследования следователем осуществлялся осмотр интернет-площадки по продаже наркотических средств, размещенной в даркнете — legalRC, что позволило установить механизм совершения преступления, получить информацию об электронных кошельках, на которые поступали денежные средства, выявить связь между магазинами и др. При дальнейшем допросе фигурантов использование информации из даркнета явилось определяющим, поскольку способствовало установлению всех обстоятельств совершенного преступления, продемонстрировало компетентность следователя, позволило сделать допрос содержательным, а задаваемые вопросы предметными.

Другой пример эффективной работы органов уголовного преследования, связанный с непосредственным получением информации из даркнета, касается пресечения деятельности группы кибермошенников [14].

В ходе многочисленных процессуальных действий, в том числе осмотров, был изучен механизм совершения указанных преступлений, применяемые участниками преступной группы меры конспирации, орудия и средства совершения преступлений, используемые тематические каналы, группы и боты в Telegram.

Важно отметить, что с течением времени, при постоянном совершенствовании программного обеспечения, средств коммуникации, в том числе мессенджеров, условные границы рассматриваемых сегментов интернета размываются. В качестве антипримера можно привести мессенджер Telegram, где используются современные методы шифрования, а также задействованы широкие возможности Telegram-ботов в части автономного функционирования в круглосуточном режиме без непосредственного участия оператора. Это естественным образом способствовало и способствует переходу части традиционных даркнет-ресурсов в Telegram-каналы, где обеспечиваются условно те же гарантии анонимности при общедоступности и распространенности.

Заключение

Даркнет представляет собой совокупность частных сетей, самая известная из которых — TOR, электронных ресурсов преимущественно находящихся в доменной зоне «.onion» и средств доступа к ним — в основном браузеров TOR, которые базируются на системе анонимизации серверов в целях сокрытия действительного IP-адреса пользователя, его местонахождения. Чтобы найти указанные даркнет-ресурсы также необходимы специализированные поисковые системы.

В ходе предварительного расследования следователь может получать информацию из даркнета опосредованно: в ходе допросов; при изучении процессуальных документов, протоколов оперативно-розыскных мероприятий, дел оперативного учета; при осмотре образов компьютерных устройств, создаваемых посредством криминалистических программных средств. В последующем указанная информация используется в качестве доказательства по уголовному делу, а также пополняет знания следователя.

Таким образом, с учетом использования преступниками даркнета, задействуемых при этом современных средств коммуникации, методов шифрования информации, готовности использования органом уголовного преследования новых технологий при расследовании преступлений, в том числе, связанных с непосредственным получением и использованием информации из даркнета, является насущной потребностью.

Список цитированных источников

1. Арчаков, В. Ю. Даркнет в контексте рисков национальной безопасности / В. Ю. Арчаков, А. Л. Баньковский, Е. В. Зенченко // Право.by. — 2021. — № 6(74). — С. 5–10.

2. Жмуров, Д. В. Даркнет как ускользящая сфера правового регулирования / Д. В. Жмуров // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2020. — № 1(27). — С. 89–98.

3. Протасевич, А. А. О необходимости формирования единой дефиниции «даркнет» в криминалистике / А. А. Протасевич, Ю. Б. Скрыжикова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2021. — № 4(34). — С. 77–86.

4. Александров, А. Г. Использование сети даркнет при подготовке и совершении преступлений / А. Г. Александров, А. А. Сафронов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2021, № 1(89) — С. 156–160.

5. Григорян, Д. К. Даркнет — орудие криминализации преступлений / Д. К. Григорян // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики : сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., Ростов-на-Дону, 20 мая 2022 г. — Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт МВД Российской Федерации, 2022. — С. 57–70.

6. Rudesill, D. S. The Deep Web and the Darknet: A Look Inside the Internet's Massive Black Box [Electronic resource] / D. S. Rudessil, J. Caverlee, D. Sui // Social Science Research Network (SSRN). — Mode of access: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2676615>. — Date of access: 02.05.2023.

7. Mirea, M. The not so dark side of the darknet: a qualitative study [Electronic resource] / M. Mirea, V. Wang, J. Jung // Social Science Research Network (SSRN). — Mode of access: <https://doi.org/10.1057/s41284-018-0150-5>. — Date of access: 02.05.2023.

8. Zeid, R. B. Investigating The Darknet [Electronic resource] / R. B. Zeid, J. Moubarak, C. Bassil // Institute of Electrical and Electronics Engineers: Digital Library. — Mode of access: <https://ieeexplore.ieee.org/document/9148422>. — Date of access: 02.05.2023.

9. Кембриджский словарь [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/darknet>. — Дата доступа: 02.05.2023.

10. The internet and drug markets / European Monitoring Centre for Drugs and Drug Addiction. — EMCDDA Country: International organization Medium: Print, 2016. — № 21. — 135 p.

11. Седых, П. В. «DarkNet» — среда для борьбы с преступностью / П. В. Седых // Республиканская научно-практическая конференция 105 лет милиции Беларуси : материалы респ. науч.-практ. конф., г. Минск, 2 марта 2022 г. / Акад. М-ва внутр. дел. Респ. Беларусь ; [редкол.: М. А. Пашкеев и др.]. — Минск, 2022. — С. 157–161.

12. О проекте Tor [Электронный ресурс] // Проект Tor | Анонимность онлайн. — Режим доступа: <https://support.torproject.org/ru/about/>. — Дата доступа: 02.05.2023.

13. Курьер из России, биткойны и любовь — в СК рассказали, как расследовали громкое дело о наркокартеле с 37 обвиняемыми [Электронный ресурс] // Следственный комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: <http://sk.gov.by/special/ru/news-ru/view/kerjer-iz-rossii-bitkoiny-i-ljubov-v-sk-rasskazali-kak-rassledovali-gromkoe-delo-o-narkokartele-s-37-8582>. — Дата доступа: 02.05.2023.

14. Следственный комитет раскрыл подробности о пресечении деятельности группы кибермошенников [Электронный ресурс] // Следственный комитет Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://sk.gov.by/ru/news-ru/view/sledstvennyj-komitet-raskryl-podrobnosti-o-presechenii-deyatelnosti-gruppy-kibermoshennikov-12107/>. — Дата доступа: 02.05.2023.

Аннотация. В статье рассматривается место, понятие и сущность даркнет в структуре интернета, а также способы доступа к информации из даркнет, используемое при этом программное обеспечение. Рассматриваются возможности получения и применения следователем данной информации в ходе предварительного расследования. Внимание обращено на преимущественно опосредованное получение указанных сведений, в связи с чем отмечена практическая значимость изучения и осмотра даркнет-ресурсов, обозначены решаемые в ходе этого задачи расследования.

OBTAINING AND USING INFORMATION FROM THE DARKNET DURING PRELIMINARY INVESTIGATION

Sedykh P. V.

Keywords: darknet, information, investigator, preliminary investigation.

Abstract. The article examines the place, concept and essence of the darknet in the structure of the Internet, as well as ways to access information from the darknet, the software used in this case. The possibilities of obtaining and applying this information by the investigator during the preliminary investigation are being considered. Attention is drawn to the predominantly indirect receipt of this information, in connection with which the practical significance of studying and inspecting darknet resources is noted, the tasks of investigation being solved during this are indicated.

ПРОСПОКОПИЯ В СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Серёда А. Е., Лузгин И. И.

Ключевые слова: криминалистика, габитоскопия, идентификация, криминалистическая техника, проспоскопия, система

Введение

Современные технологические средства и подходы к расследованию преступлений значительно расширили возможности правоохранителей в установлении личности преступника [1; 2, с. 163]. В большой степени изменения технологического характера произошли в области габитоскопии — криминалистическом учении о внешнем облике человека. Это подтверждается исследованиями таких ученых, как О. С. Узлов, Р. С. Белкин, В. А. Снетков, И. Ф. Винниченко, В. С. Житников, А. М. Зинин, Р. Сейферштейн, М. Тистарелли, К. Шампод, С. Иистом, Д. Харли, Д. Чанк и др. Данные авторы рассматривали теоретические аспекты и практические особенности распознавания и оперативного отождествления личности на основе характеристик внешнего облика человека, в частности, по лицу, обогащая в том числе и направление криминалистической идентификации личности.

Однако предложенные в настоящее время знания носят фрагментарный характер, что затрудняет их инкорпорирование в расследование преступлений, и пусть и благоприятствует созданию определенного числа «научных школ» отождествления личности по биометрическим данным лица, но только отдаляет теорию от практики. Очевидно, что не в полной мере реализована консолидация имеющихся теоретических знаний. В этой связи требуется рассмотреть вопрос о необходимости формирования направления в габитоскопии, имеющего своими задачами обнаружение, фиксацию и анализ лицевых признаков, а целью — идентификацию личности на их основе.

Основная часть

Криминалистика представляет собой многогранную область знания, которой присуще неисчерпаемая глубина и необъятный потенциал. Последний можно объяснить тем, что это наука взаимосвязана с другими направлениями человеческой мысли — психологией, биологией, техническими науками и т. д. Криминалистика движется вперед еще более быстрым темпом, формируя гармоничную и экспоненциально наполняющуюся смыслом систему, элементы которой продолжают самостоятельное развитие, порождая новые, ранее не существовавшие направления.

В. Л. Григорович определяет систему криминалистики как «логически упорядоченную совокупность закономерно связанных между собой разделов или частей науки, обладающих внутренней структурой и единством» [3, с. 9]. По состоянию на 2023 г. отечественная криминалистика включает в себя

четыре части или раздела: общую теорию криминалистики; криминалистическую технику; криминалистическую тактику; методику расследования преступлений. Криминалистическая техника состоит из общих положений (понятие, предмет, задачи, правовые принципы использования технико-криминалистических средств) и системы частных учений, которая включает ряд отраслей [3, с. 10].

Учитывая данный факт, система криминалистической техники обустроена в контексте работы со значительным спектром следов — от следов пальцев рук, почерка, звука голоса и микрообъектов до следов биологического происхождения, каждый вид которых рассматривается в рамках соответствующей отрасли вышеупомянутой системы. Имплементация достижений технологического прогресса в криминалистическую технику способствует возникновению новых отраслей и подотраслей этого раздела и расширяет возможности криминалистики как науки и практической деятельности [3, с. 10].

Данную последовательность можно представить в следующем порядке: 1) установление наличия следа (содержащего идентифицирующие признаки); 2) возможность выделения и фиксации данного признака доступными технико-криминалистическими средствами; 3) создание базы данных для идентификации личности или предмета. В этой связи, наше мнение совпадает с позицией А. И. Винберга, что «криминалистическая техника — это совокупность научно-технических приемов и средств, применяемых при расследовании преступлений для обнаружения, сохранения, фиксации, изъятия и исследования доказательств» [4, с. 96].

И. Е. Мазуров считает, что научные положения криминалистической техники пополняются за счет данных, не только традиционно используемых криминалистикой, но и современных, формирующихся областей знания, таких, к примеру, как кибернетика, электроника, информатика. Эти новые для криминалистики данные становятся базой для разработки новых технико-криминалистических средств и методов, а также для усовершенствования уже используемых [4, с. 97].

А. Ф. Волынский утверждает, что содержание криминалистической техники составляют научные положения криминалистики и других наук; предметное содержание составляют технические приемы и методы; целью же разработки и применения данных средств, приемов и методов является установление истины [5, с. 25].

По состоянию на 2023 г. можно отметить, что в значительной степени возросла роль габитоскопии в расследовании преступлений и системе криминалистической техники соответственно [6 с. 734]. В. Л. Григорович определяет габитоскопию как «отрасль криминалистической техники, которая изучает закономерности формирования и собирания информации о признаках внешнего облика человека, и на основе этих закономерностей разрабатывает технические средства, приемы и методики моделирования внешнего облика человека и использования этих моделей в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений» [3, с. 321].

Учение о внешнем облике, как и все остальные элементы криминалистической техники, включает теоретические положения и основанные на них технико-криминалистические средства и методы собирания, изучения и использования данных в криминалистической практике. Каждый человек обладает индивидуальной, неповторимой внешностью — различия, пусть и небольшие, будут присутствовать в абсолютном большинстве случаев [1]. Несмотря на изменения на протяжении всей жизни, черты внешнего облика относительно устойчивы. Однако различные ученые придерживаются несколько рознящихся точек зрения по вопросу относительно внешнего облика и его изучаемых признаков.

М. В. Салтевский полагает, что «люди и вещи (предметы) представляют собой материальные образования, каждое из которых занимает определенный объем материальной субстанции, ограниченный пространством, — такие границы образуют внешнюю «оболочку», или внешность». Внешность очевидна, она лежит на поверхности и выделяет предмет в пространстве. Отличительные особенности внешности — это внешние признаки. В связи с этим внешность человека — это физическая сторона, признаки которой издавна используются для розыска и отождествления людей, уголовной регистрации преступников, в судебной экспертизе и т. д. [7, с. 127]

Р. С. Белкин утверждает, что «под внешним обликом человека понимается совокупность зрительно воспринимаемых внешних данных» [8, с. 48]. В. А. Снетков и другие авторы в своих трудах представляют внешний облик как систему элементов (частей, деталей), которые можно вполне определенно выделить при визуальном изучении объекта [9, с. 3].

По мнению И. В. Игнашина, «внешний облик человека определяется многочисленными и весьма разнообразными показателями, относящимися к его телу (анатомические), внешне проявляемым функциям жизнедеятельности организма (функциональные), одежде и иным предметам, с которыми человек часто появляется в обществе в силу необходимости или привычки» [10, с. 73].

В. Л. Григорович определяет внешний облик человека как систему элементов, которые выделяются при его визуальном изучении: наружный вид, т. е. совокупность данных человека, воспринимаемых зрительно, которые описываются по методу словесного портрета. Ученый выделяет общие и частные элементы внешности. Общие элементы характеризуют тело человека или какую-то его часть в целом (к примеру, величина глаз). Частные элементы — это отдельные части общих элементов, их детали (к примеру, углы глаз, верхнее и нижнее веки) [3, с. 322].

Следовательно, внешний облик человека можно определить как комплекс разнообразных наружных данных, воспринимаемых зрительно, дополненных отдельными характеристиками. Его структура включает в себя систему элементов: частей, деталей внешности, которые могут быть вполне определенно выделены при визуальном изучении. Криминалистически значимыми элементами являются наглядные детали внешнего строения органов и областей головы, лица, тела, конечностей человека,

предметов одежды и носильных вещей, внешние функциональные проявления человека, общезначимые данные (пол, возраст и т. д.). При этом внешний облик человека отличается признаками — наблюдаемыми характеристиками внешнего облика в целом или отдельных его элементов, с помощью которых можно выделить (узнать) человека или отдельные его элементы, отнести человека (отдельные его элементы) к определенным группам [3, с. 323].

Зарубежные ученые (например, М. Тистарелли, К. Шампод, С. Иистом, Д. Харли, Д. Чанк и др.) занимались изучением строения лица человека в рамках криминалистики, применяя полученные данные на практике. В период с 1960-х по 2023 гг. были разработаны системы оперативного отождествления личности по биометрическим данным лица (в том числе на основе искусственного интеллекта), а также различные технологические способы фиксации данных; была проделана значительная работа по изучению индивидуальных лицевых характеристик и накопилось так много результатов исследований и способов их применения, что представители научной мысли начали собирать и систематизировать материал [11, с. 129]. Однако по состоянию на 2023 г. нет оснований полагать, что данный процесс завершен. Так же как и отечественные ученые, зарубежные криминалисты имеют различные точки зрения.

М. Тистарелли, к примеру, позиционирует распознавание лиц как процесс фиксации и математического отображения статических и динамических характеристик лица. Такой подход обусловлен тем, что исследователь видит идентифицирующие признаки в таких динамических характеристиках, как моргание, движение губ, нервные подергивания или закатывание глаз, сужение и расширение ноздрей и т. д. Распознавание лица, по его мнению, не представляется возможным без фиксации и отображения «всех без исключения признаков: в том числе и динамических, которые, по большей части, являются уникальными для человека» [12, с. 347].

К. Шампод предложил свою классификацию признаков для распознавания: 1) признаки принадлежности: принадлежность к расе, национальности, полу и др.; 2) идентифицирующие (или уникальные) признаки: высота лба, цвет глаз, ширина рта, шрамы, и т. д. Далее, исследователь рекомендует делить признаки на 1) общие: наиболее крупные элементы, такие как фигура, размер одежды, цвет волос; 2) частные (составляющие от общих признаков, которые их детализируют); 3) постоянные признаки (определяют индивидуальные черты); 4) временные (загар, волосы, зубы и т. д.); 5) случайные (следы заболеваний, пигментация кожи, прыщи) [13, с. 211].

Ричард Сейферштейн в своих работах указывал следующие признаки лица человека для идентификации личности: 1) форма скулы; 2) геометрические параметры губ; 3) геометрия подбородка; 4) расстояние между глазами; 5) характеристики линии волос; 6) веснушки, родинки, шрамы и др. Он также осуществлял деление признаков на врожденные (т. е. биологические) и приобретенные путем физического воздействия. Однако, как утверждает

ученый, если речь идет про автоматические системы распознавания лиц, то и алгоритмы фиксируют намного больше признаков, нежели доступно невооруженному глазу человека [14, с. 213].

Отечественная наука, безусловно, вносит значительный вклад в развитие габитоскопии. В совместном труде И. Ф. Винниченко, В. С. Житникова, А. М. Зинина, М. Н. Овсянниковой и В. А. Снеткова «Криминалистическое описание внешности человека», а также в других работах перечисленных и иных авторов дано подробное описание элементов строения лица для распознавания в целом, а также их особенностей по величине, положению, форме и т. д. Данное описание используется в том числе при составлении словесного портрета устанавливаемого лица [9, с. 11–19]. А. А. Гусев также очертил подходы к исследованию лица человека на изображениях, указывая на необходимость определения размерных характеристик лба и носа, подбородка при наклоне головы вперед и назад. Ученый пояснил, что исследователю необходимо владеть знаниями в области геометрии и математики для вычисления значений каждого признака [15, с. 56].

Перспективным в этой области направлением по состоянию на 2023 г. является разработка автоматизированных систем наблюдения, оперативного отождествления и идентификации личности по видеоизображениям внешнего облика человека [1]. В настоящее время существует множество примеров использования данной технологии как в расследовании преступлений, так и в деятельности по пресечению и профилактике правонарушений [6]. К примеру, в Республике Беларусь с целью поддержания законности и правопорядка используется продукт компании «Synesis» под названием «Kipod», который позволяет наладить биометрическую систему оперативного отождествления и распознавания лиц [6, с. 739]. В рамках программы «Безопасный город» московская инфраструктура была оснащена одной из крупнейших в мире сетей с распознаванием лиц — более 200 тыс. камер видеонаблюдения [9, с. 734]. Для поддержания общественного порядка в Китайской Народной Республике внедрена и используется система распознавания лиц «Dragonfly Eye» [6, с. 734].

Современное направление в области распознавания лиц по фото и видеоизображениям, отмечает У. Ламберт, представляет собой фиксацию отдельных элементов и комбинаций признаков лица и вычисления на их основе коэффициента совпадения с имеющимися в базах данных данными с целью оперативного отождествления [16, с. 51]. Каждой составленной комбинации на основе ее элементов присваивается математическое значение, в соответствии с которым, алгоритм осуществляет оперативное отождествление — чем выше значение при сравнении, тем выше вероятность совпадения. Значение признаков и их комбинаций будет зависеть от расстановки алгоритмом контрольных точек, которые система в дальнейшем и будет конвертировать в биометрический профиль человека [16, с. 57].

Однако, несмотря на то, что в работах отечественных авторов присутствует значительный по величине и разветвленный по структуре массив

информации, не выдвигается вопрос о формировании самостоятельного направления в габитоскопии по исследовании именно лица человека — его характеристик, элементов и признаков. О. С. Узлова в научной статье «Криминалистическая отоскопия как метод идентификации человека» указывает на необходимость сведения имеющихся знаний в единый массив и их консолидации в цельное направление, имеющей целью криминалистическое изучение строения ушной раковины человека, которое она предлагает именовать «криминалистическая отоскопия» [17, с. 32]. С нашей позиции, это целесообразное решение ввиду экспоненциально увеличивающегося массива имеющей отношение к внешнему облику человека информации. Подобное нам представляется правильным осуществить и с лицом человека.

Актуальная реальность повсеместного распространения биометрических признаков в габитоскопии, отождествлении и идентификации, а также верификации личности на их основании способствует созданию условий для возникновения научного направления, имеющего своим предметом изучение характеристик лица человека, фиксации его свойств, системы элементов и признаков; познание закономерностей их запечатления в различных отображениях, собирания, изучения и использования. Исследование биометрических данных лица человека проводится в рамках криминалистики и по данной причине уместно говорить о формировании такого направления в криминалистической габитоскопии как «криминалистическая проспоскопия» («проспо» — лицо, «скопия» — смотреть, греч.). Представляется обоснованным рассматривать исследования таких биометрических элементов как строение ушной раковины в контексте данного направления; однако они могут и представлять собой отдельный структурный элемент либо габитоскопии в целом, либо проспоскопии в частности в зависимости от цели исследования [9, с. 11].

Процесс получения информации о строении лица человека, исследование индивидуальных особенностей его элементов и анализ биометрических характеристик следует именовать «криминалистическим проспоскопированием». В процессе криминалистического проспоскопирования происходит изучение лицевых особенностей человека; производится регистрация и анализ таких биометрических данных, как форма скулы, геометрические параметры губ, геометрия подбородка, расстояние между глазами, характеристики линии волос, веснушки, родинки, шрамы и другие явные и неявные биометрические признаки; осуществляется пополнение соответствующих баз данных с последующим сравнением с имеющейся в них информацией.

С учетом изложенного, на наш взгляд, можно говорить о том, что «криминалистическая проспоскопия» — это направление в габитоскопии, изучающее индивидуальные характеристики лица человека, их элементы порознь и в совокупности, их следы и другие отображения в целях оперативного опознания, уголовной регистрации и розыска преступника.

Заключение

Объем криминалистических знаний по рассматриваемому вопросу в совокупности образует систему, синтез элементов, которой позволяет констатировать становление нового уровня знания. Совокупность подходов и свойств технологий распознавания лиц в раскрытии и расследовании преступлений, поддержания общественного порядка и профилактики правонарушений достигла точки развития, позволяющей говорить о необходимости становления частной теории, аккумулирующей результаты исследований в данной области.

С целью выведения науки криминалистики на соответствующий действующим вызовам современности уровень, построения фундамента для дальнейших исследований как на теоретическом, так и на практическом уровнях в области оперативного отождествления и в последующем криминалистической идентификации личности по лицевым характеристикам человека, мы считаем целесообразным предложить формирование в габитоскопии направления «криминалистическая пропоскопия», а также введения нового понятия — «криминалистическое пропоскопирование».

Список цитированных источников

1. Лицом к лицу. Как технологии распознавания лиц сделают мир безопаснее и изменят жизнь человечества? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2021/10/29/face_detection. — Дата доступа: 22.08.2023
2. *Saferstein, R.* Criminalistics. An introduction to Forensic Science / R. Saferstein, R. Tiffany. — Mt. Laurel, New Jersey, 2020. — 577 p.
3. Криминалистическая техника : пособие / В. Л. Григорович. — Минск : Амалфея, 2023. — 384 с.
4. *Мазуров, И. Е.* Криминалистическая техника: генезис развития понятия и проблема применения понятийного аппарата // И. Е. Мазуров / Вестник Казанского юридического института МВД России. — № 2. 2013. — С. 96–98
5. *Волинский, А. Ф.* Криминалистика: учебник для студентов вузов / под ред. А. Ф. Волинского, В. П. Лаврова. — 2-ое изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2010–943 с.
6. *Середа, А. Е.* Особенности криминалистического распознавания лиц: проблемы и перспективы / А. Е. Середа, И. Р. Веренчиков // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; редкол.: Н. А. Карпович (гл. ред.) [и др.]. — Минск : Колорград, 2022. — Вып. 17. — С. 733–742
7. *Салтевский, М. В.* Криминалистика : учеб. пособие / М. В. Салтевский. — М., 1996. — 219 с.
8. *Белкин, Р. С.* Криминалистическая энциклопедия / Р. С. Белкин. — М.: БЕК, 1997. — 342 с.
9. *Снетков, В. А.* Криминалистическое описание внешности человека: учебное пособие / В. А. Снетков, И. Ф. Винченко, В. С. Житников, А. М. Зинин, М. Н. Овсянникова ; под ред. В. А. Снеткова. — М.: ВНИИ МВД СССР, 1984. — 128 с.
10. *Сысенко, А. Р.* Понятие внешности человека в криминалистике / А. Р. Сысенко // Сибирское юридическое обозрение. — № 4. 2015. — С. 72–74
11. *Martel, D.* The Future of Forensic Science / D. Martel. — Park Dietz & Associates, Inc., 2019. — 206 p.
12. *Tistarelli, M.* Handbook of Biometrics for Forensic Science (Advances in Computer Vision and Pattern Recognition) / M. Tistarelli. — Springer Publisher, University of Sassari, 2017–552 p.
13. *Champod, C.* Fingerprints and Other Ridge Skin Impressions (International Forensic Science and Investigation) / C. Champod. — CRC Press, University of Lausanne, 2021. — 448 p.
14. *Saferstein, R.* Criminalistics. An introduction to Forensic Science / R. Saferstein, R. Tiffany. — Mt. Laurel, New Jersey, 2020. — 577 p.
15. *Зинин, А. М.* Два юбилея (значение А. А. Гусева и В. А. Снеткова для установления и развития судебной портретной экспертизы) / А. М. Зинин // Вестник университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). — 2020. — № 6. — С. 53–61
16. *Lambert, W.* Issues with Facial Recognition Technology / W. Lambert. — Nova Science Publishers inc., 2022. — 232 p.
17. *Узлова, О. С.* Криминалистическая отоскопия как метод идентификации человека // О. С. Узлова / Эксперт-криминалист. — 2012. — № 2. — С. 31–32

Аннотация. В статье рассматривается возможность консолидации имеющихся в криминалистической габитоскопии научных знаний в области исследования лицевых характеристик человека. Акцентируется внимание на том, что генезис каждой из отраслей и подотраслей системы криминалистической техники связан с технологическими инновациями и кумулятивным эффектом разработок других наук. Сделан вывод о высокой научной и практической значимости формирования направления в габитоскопии, имеющим объектом изучения лицо человека, а предметом исследование его биометрических идентифицирующих признаков. Предложено понятие «криминалистическая пропоскопия» и его определение.

FORENSIC PROSCOPY IN THE CRIMINALISTICS TECHNOLOGY SYSTEM

Serada A. E., Luzgin I. I.

Keywords: criminalistics, habitoscopy, identification, forensic technologies, prosposcopy, system, human face

Abstract. The article discusses the possibility of consolidating the scientific knowledge available in forensic habitoscopy in the field of studying human facial characteristics. Attention is focused on the fact that the genesis of each of the branches and sub-sectors of the forensic technology system is associated with technological innovations and the cumulative effect of developments in other sciences. The conclusion is made about the high scientific and practical significance of the formation of a direction in habitoscopy, which has the object of study of the face of a person, and the subject of the study of his biometric identifying features. The concept of «forensic prosposcopy» and its definition are proposed.

5. ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

УДК 347.963

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ОБРАЩЕНИЯ С КОММУНАЛЬНЫМИ ОТХОДАМИ

Васько Н. О.

Ключевые слова: обращение с твердыми коммунальными отходами, захоронение отходов, полигон твердых коммунальных отходов, прокурорский надзор, проверка

Введение

Проблемы загрязнения окружающей среды коммунальными отходами актуальны для многих стран мира, исключение не составляет и Республика Беларусь. Согласно данным, содержащимся в государственном кадастре отходов [1], в 2022 г. в республике образовалось около 4 млн тонн твердых коммунальных отходов (далее — ТКО). Анализ статистических данных показывает, что объемы этих отходов растут из года в год и в значительной мере зависят от масштабов города, численности населения, особенностей сосредоточенных в нем производств [2].

Несмотря на законодательное закрепление принципа приоритетности использования отходов по отношению к их обезвреживанию или захоронению, захоронение остается одним из основных способов обращения с ТКО, которые не относятся ко вторичным материальным ресурсам (в 2022 г. более 65 % ТКО были вывезены и захоронены на объектах захоронения отходов (полигонах) [1]). В свою очередь, полигоны ТКО являются объектами высокого экологического риска загрязнения окружающей среды [3]. В связи с этим действующее законодательство устанавливает ряд жестких требований к деятельности организаций, осуществляющих эксплуатацию объектов захоронения ТКО (далее — эксплуатирующие организации), а также к самим объектам. Проверке соблюдения данных требований прокурорами уделяется особое внимание, поскольку их нарушение создает угрозу причинения вреда окружающей среде, жизни и здоровью населения.

Основная часть

Объекты захоронения отходов делятся на мини-полигоны и полигоны. Данное разделение исходит из возможности ежегодно принять на захоронение отходы, а также из того, какие виды отходов могут быть приняты для захоронения на такие объекты [3]. В соответствии с действующим законодательством мини-полигоны предназначены для захоронения отходов потребления, полигоны — отходов потребления и некоторых

видов отходов производства. Мини-полигоны относятся к объектам, на которых происходит ежегодное захоронение отходов до 5 тыс. м³/год [3]; полигоны малой мощности — от 5 до 30 тыс. м³/год, полигоны средней мощности — более 30 и до 150 тыс. м³/год, большой мощности — более 150 тыс. м³/год.

Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 23 октября 2019 г. № 715 была утверждена Концепция создания объектов по сортировке и использованию твердых коммунальных отходов и полигонов для их захоронения (далее — Концепция). В целях обеспечения в республике экологически безопасного захоронения отходов Концепция предусматривала полный вывод из эксплуатации всех мини-полигонов для захоронения ТКО до конца 2021 г., поскольку они не соответствовали экологическим и санитарным требованиям, а также рекультивацию до конца 2023 г. земельных участков, на которых эти полигоны были расположены. В указанный срок мероприятия по закрытию мини-полигонов не были исполнены в отдельных районах Брестской области (в 2022 г. захоронение ТКО осуществлялось на 5 мини-полигонах [1]).

Концепция также предусматривает создание в республике к 2030 г. сети из 30 крупных региональных полигонов с поэтапным (в увязке с вводом в эксплуатацию новых полигонов) выводом из эксплуатации существующих полигонов для захоронения ТКО. Эксплуатация существующих полигонов возможна до исчерпания ими своей проектной мощности при условии соблюдения требований в области охраны окружающей среды при их строительстве и эксплуатации и экономическом обосновании.

Учитывая положения Концепции законодательно закреплённая классификация объектов захоронения ТКО в ближайшее время будет скорректирована.

Правовое регулирование деятельности, связанной с захоронением отходов, осуществляется в соответствии с требованиями Закона Республики Беларусь от 20 июля 2007 г. № 271-З «Об обращении с отходами», технического кодекса установившейся практики 17.11-02-2009 (02120/02030) «Охрана окружающей среды и природопользование. Отходы. Обращение с коммунальными отходами. Объекты захоронения твердых коммунальных отходов. Правила проектирования и эксплуатации», утвержденного постановлением Министерства жилищно-коммунального хозяйства Республики Беларусь и Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 25 апреля 2009 г. № 20/5-Т, с учетом требований законодательства в области лицензирования, а также санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

Анализ положений названных актов законодательства позволяет выделить следующие основные требования, предъявляемые к деятельности, связанной с захоронением отходов, а также к эксплуатации объектов захоронения ТКО.

1. Объекты захоронения подлежат учету в реестре объектов хранения, захоронения и обезвреживания отходов, ведение которого возложено на

республиканское научно-исследовательское унитарное предприятие «Бел НИЦ «Экология».

2. Для осуществления деятельности по захоронению отходов необходимо наличие лицензии на осуществление деятельности, связанной с воздействием на окружающую среду.

3. Вокруг объекта захоронения ТКО в определенном законодательством порядке должна быть установлена санитарно-защитная зона, определяющая специальный режим использования таких участков.

4. Объект захоронения отходов должен быть оснащен защитными инженерными сооружениями и устройствами, предотвращающими загрязнение окружающей среды отходами, а также продуктами их взаимодействия и (или) разложения.

5. На объекте должен быть организован учет принимаемых отходов, в том числе их взвешивание, а также организован контроль за составом поступающих отходов с целью установления содержания в них отходов, запрещенных к захоронению, в том числе вторичных материальных ресурсов.

7. Эксплуатирующие организации обязаны проводить локальный мониторинг окружающей среды в установленном законодательством порядке.

8. Устройство и содержание объекта захоронения ТКО должны соответствовать санитарным нормам и правилам, утвержденным постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 30 декабря 2016 г. № 143 «Об утверждении Санитарных норм и правил «Требования к обращению с отходами производства и потребления» и признании утратившими силу некоторых постановлений Главного государственного санитарного врача Республики Беларусь».

Планирование и проведение проверок исполнения законодательства об отходах регламентировано приказом Генерального прокурора Республики Беларусь от 3 января 2013 г. № 2 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства» (далее — Приказ № 2) и осуществляется в рамках осуществления надзора за исполнением природоохранного законодательства.

В соответствии с требованиями указанного приказа решение о проведении проверки может быть принято только в том случае, когда поступившие сообщения или другая информация содержат сведения о нарушениях законодательства в сфере обращения с отходами, требующих непосредственного прокурорского реагирования. В остальных случаях поступившая информация подлежит направлению для рассмотрения в уполномоченный орган.

Приказ № 2 предписывает при осуществлении прокурорского надзора сосредоточить внимание на выполнении контролирующими (надзорными) органами, иными государственными органами и их должностными лицами возложенных на них функций по выявлению и пресечению правонарушений, обоснованности принимаемых ими решений и законности их действий.

Недостатки в деятельности контролирующих (надзорных) органов, их пассивная позиция способствует усугублению и нарастанию экологических проблем. В каждом случае бездействия органов государственного контроля

(надзора) прокурор должен устанавливать конкретных виновных лиц, не выполнивших свои должностные обязанности, принципиально ставить вопрос об ответственности как этих лиц, так и их руководителей [4].

К основным контролирующим (надзорным) органам, обладающим правом на проведение проверок соблюдения природоохранного законодательства эксплуатирующими организациями, относятся Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь и его территориальные органы (далее — органы Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды), а также органы и учреждения, осуществляющие функции государственного санитарного надзора.

При проверке деятельности контролирующих (надзорных) органов следует руководствоваться требованиями Указа Президента Республики Беларусь от 16 октября 2009 г. № 510 «О совершенствовании контрольной (надзорной) деятельности в Республике Беларусь» (далее — Указ), а также иными актами законодательства, регламентирующими полномочия данных органов. Особое внимание при проверке необходимо уделять вопросам соблюдения порядка, периодичности и сроков планирования и проведение данными органами контрольно-надзорных мероприятий, предусмотренных Указом.

Важное значение для улучшения состояния законности в рассматриваемой сфере имеет организация работы контролирующих (надзорных) органов по привлечению виновных в нарушении природоохранного законодательства лиц к ответственности. В соответствии с процессуально-исполнительным законодательством об административных правонарушениях органы Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды уполномочены составлять протоколы по ч. 1 ст. 13.3 (незаконная предпринимательская деятельность), ст. 16.11 (порча земель), ст. 16.22 (загрязнение леса и иной древесно-кустарниковой растительности), ст. 16.34 (загрязнение либо засорение вод), ч. 2 и 3 ст. 16.44 (нарушение законодательства об обращении с отходами); органы государственного санитарного надзора — по ч. 3 ст. 16.44, ст. 17.5 (нарушение санитарно-эпидемиологических требований, требований ограничительных мероприятий, представление недостоверных данных для процедуры государственной регистрации продукции) Кодекса Республики Беларусь об административных нарушениях.

При проведении проверки в части соблюдения контролируемыми (надзорными) органами требований административного и административно-процессуального законодательства выяснению подлежат следующие вопросы:

- законность и обоснованность постановлений по делам об административных правонарушениях;
- организация контроля за своевременным исполнением постановлений о наложении административных взысканий;
- осуществление контролируемыми (надзорными) органами своих профилактических функций (реализация полномочий по внесению пред-

ложений об устранении причин и условий, способствовавших совершению административного правонарушения).

Особое значение для решения задач, связанных с обеспечением надлежащего функционирования объектов захоронения отходов, имеют полномочия местных исполнительных и распорядительных органов. Именно к их исключительной компетенции относятся:

- разработка региональных комплексов мероприятий, обеспечивающих реализацию государственных программ в области обращения с отходами;
- обеспечение эксплуатации объектов захоронения ТКО в соответствии с требованиями действующего законодательства. С этой целью местные исполнительные и распорядительные органы должны обладать наиболее полной информацией о нарушениях природоохранного законодательства, требований пожарной безопасности, санитарных правил и других требований законодательства на данных объектах;
- осуществление государственного контроля за использованием и охраной земель в соответствии с требованиями Указа.

Помимо надлежащей реализации перечисленных полномочий, проверке подлежат вопросы соответствия требованиям действующего законодательства принятых местными исполнительными и распорядительными органами нормативных актов в сфере обращения с отходами.

Заключение

Необходимость обеспечения экологической безопасности, сохранения благоприятной окружающей среды, охраны жизни и здоровья населения ставит деятельность по обеспечению законности в сфере обращения с коммунальными отходами в число одного из приоритетных направлений прокурорского надзора. Надзорная деятельность прокуроров способствует совершенствованию деятельности других правоохранительных, природоохранных и иных органов, в том числе по предупреждению правонарушений [5].

Список цитированных источников

1. Экологические особенности воздействия полигонов твердых бытовых отходов на состояние окружающей среды в районах их расположения. [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskie-osobennosti-vozdeystviya-poligonov-tverdyh-bytovykh-othodov-na-sostoyanie-okruzhayuschey-sredy-v-rayonah-ih>. — Дата доступа: 15.09.2023.
2. Государственный кадастр отходов. [Электронный ресурс] // Республиканское научно-исследовательское унитарное предприятие «Бел НИЦ «Экология». — Режим доступа: <https://www.ecoinfo.by>. — Дата доступа: 15.09.2023.
3. Экологическое состояние полигонов твердых коммунальных отходов Брестской области. [Электронный ресурс] // Вестн. Брест. гос. техн.

ун-та. — Режим доступа: https://journal.bstu.by/index.php/bstu_herald/article/view/709/336. — Дата доступа: 15.09.2023.

4. Прокурорский надзор за исполнением экологического законодательства : пособие / под общ. ред. А. В. Паламарчука. — М., 2014. — 336 с.

5. О деятельности прокуроров по предупреждению правонарушений в сфере обращения с отходами производства и потребления. [Электронный ресурс] // КиберЛенинка. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-deyatelnosti-prokurorov-po-preduprezhdeniyu-pravonarusheniy-v-sfere-obrascheniya-s-othodami-proizvodstva-i-potrebleniya>. — Дата доступа: 15.09.2023.

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы, связанные с осуществлением прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере обращения с коммунальными отходами. На основе анализа действующего законодательства сформулированы основные направления деятельности органов прокуратуры в данной сфере.

SOME ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OVER COMPLIANCE WITH LEGISLATION IN THE FIELD OF MUNICIPAL WASTE MANAGEMENT

Vasko N. O.

Keywords: municipal solid waste management, waste burial, municipal solid waste landfill, prosecutor's supervision, check.

Abstract. The article deals with issues related to the implementation of prosecutorial supervision over the implementation of legislation in the field of municipal waste management. The article identifies the main sources of obtaining information about possible violations of the law in this area of legal relations.

УДК 347

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПРИНЦИПОВ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ

Головки И. И.

Ключевые слова: прокуратура, деятельность прокуратуры, принципы, система принципов

Введение

Принципы организации и деятельности прокуратуры определены в нормативных правовых актах. Однако проблема понимания принципов, на ко-

торых основывается деятельность прокуратуры, не утратила актуальности до настоящего времени. Авторские определения принципов различны, принципы подразделяются на группы:

1) общие организационные, которые также именуют принципами государственной деятельности [1, с. 22; 2, с. 33], либо принципами иных форм правоохранительной деятельности [3, с. 60],

2) специфические [4, с. 65].

Также авторы научных работ отмечают, что принципы составляют систему, не приводя полного обоснования такого вывода. Только в статье Т. Н. Добровольской [3, с. 65] в 1975 г. была предпринята попытка раскрыть особенности взаимоотношений принципов прокурорского надзора путем выделения взаимосвязанных принципов, состоящих в системе:

— принцип единства с принципами централизации и независимости;

— принципы независимости и централизации;

— принцип централизации с принципами единства и независимости.

Взаимосвязь определялась ролью принципов в качестве необходимых условий, предпосылок для иных принципов системы.

Основная часть

Законодательство о прокуратуре и научные положения, выступающие основой науки о прокурорской деятельности, постоянно развиваются. В Российской Федерации в п. 1 ст. 4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в первоначальной редакции от 17 января 1992 г. получили закрепление принципы организации и деятельности прокуратуры: единства, независимости, гласности, законности. В действующей редакции Закона о прокуратуре указанные принципы сохранены.

В ч. 1 ст. 129 Конституции Российской Федерации 1993 г. закреплён принцип единства прокуратуры, который сохранён в последующих редакциях Основного Закона и в действующей редакции от 14 марта 2020 г.

Сходный во многом подход был реализован в действовавшем первоначально Законе Республики Беларусь от 2 января 1993 г. № 2139-ХІІ «О прокуратуре Республики Беларусь». Указанный Закон в ст. 4 «Принципы организации и деятельности прокуратуры» определял, что органы прокуратуры Республики Беларусь: едины, независимы; принимают меры по пресечению нарушений закона, от кого бы они ни исходили, восстановлению нарушенных прав и привлечению к установленной законом ответственности лиц, допустивших эти нарушения; взаимодействуют с другими правоохранительными органами в деле укрепления правопорядка; действуют гласно и открыто в той мере, в какой это не противоречит требованиям закона об охране прав и свобод личности, а равно государственной и иной охраняемой законом тайны.

В дальнейшем принцип единства получил закрепление в ст. 126 Конституции Республики Беларусь 1994 г., согласно которой прокуратура — это единая и централизованная система органов. Иные принципы деятельности прокуратуры установлены в ст. 5 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь»: законность, равенство всех

граждан перед законом, независимость прокурора, подчиненность нижестоящих прокуроров вышестоящим прокурорам, гласность, обязательность исполнения требований прокурора.

Законодательство о прокуратуре не выделяет какой-либо принцип в качестве общего или главного, принципы не разделяются на уровни в порядке иерархии.

Поддерживая мнение о двойственности как видовом признаке принципов прокурорского права [5, с. 94], выделим парные положения законодательного характера, которые в своем единстве определяют содержание принципов.

Принцип законности подразумевает деятельность прокуроров в строгом соответствии с законами (Российская Федерация); в соответствии с Конституцией (Республика Беларусь), при наличии оснований — принятие мер в отношении каждого нарушителя закона без исключений (Республика Беларусь). Полагаем, что реализация принципа законности должна соотноситься с компетенцией соответствующего прокурора. Вопрос, находящийся вне предмета ведения прокурора, должен быть передан им в компетентный орган (уполномоченному лицу) в системе органов прокуратуры или в системе органов государства.

В настоящее время единого устоявшегося мнения об определении понятия «компетенция» не сформировано. Ученые в области прокурорской деятельности компетенцию понимают следующим образом:

- полномочия прокурора осуществлять на соответствующей территории и объектах функции высшего надзора за исполнением законов (Б. М. Зезюлин) [6, с. 106, 108];
- совокупность полномочий (В. В. Долежан) [7, с. 25];
- круг реализуемых прокурорами или прокуратурой, отдельным подразделением полномочий (прав) (А. Ю. Винокуров) [8, с. 47–52].

Подход теоретиков права не аналогичен приведенному выше. Так, отмечают, что аппарат государства — это система взаимосвязанных и взаимодействующих звеньев, называемых органами государства и наделенных властными полномочиями и материально-техническими средствами для осуществления своей компетенции, т. е. того круга вопросов, для решения которых они созданы [9, с. 18].

Д. А. Ковачев считал, что компетенция государственного органа — это юридически предоставленные ему права на решение определенного круга вопросов и на издание определенных видов правовых актов, устанавливающие место данного органа в системе государственных органов, реализуемые им самостоятельно [10, с. 41–45].

Достаточно часто компетенция понимается учеными как возложенный законно на уполномоченный субъект объем публичных дел [11, с. 55–56].

С учетом изложенных мнений уместно сделать вывод о том, что при решении вопроса о возможности реализации полномочий прокурор основывается в том числе на своей компетенции в соответствующей сфере, устанавливает, входит ли конкретный вопрос в круг решаемых им вопросов.

Принцип единства определяет единую систему органов прокуратуры (Республика Беларусь), органов и организаций прокуратуры (Российская Федерация). При этом законодательно определена возможность создания, ликвидации и реорганизации органов и организаций прокуратуры, т. е. изменения состава системы прокуратуры. Так, Амурская бассейновая природоохранная прокуратура образована приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 14.03.2017 № 11-ш «Об образовании Амурской бассейновой природоохранной прокуратуры».

Принцип независимости подразумевает, что органы прокуратуры осуществляют полномочия независимо от каких-либо субъектов (Республика Беларусь); федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, общественных объединений (Российская Федерация). При этом генеральные прокуроры подотчетны: Президенту (Республика Беларусь), Совету Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Президенту (Российская Федерация).

Принцип гласности определяет открытость информации о деятельности прокуратуры, однако необходимо учитывать, что в соответствии с требованиями законодательства не подлежит опубликованию определенная информация о гражданах и организациях, а также содержащая тайну, подлежащую охране.

Изучение перечисленных принципов приводит к выводу о существовании их взаимосвязи:

- принципы законности и гласности позиционируют для государства и для общества законное публичное существование прокуратуры;
- принципы единства и независимости определяют обособленность прокуратуры в механизме государства, ее самостоятельность.

Отметим, что в ст. 5 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» закреплены только принципы деятельности прокуратуры, в ст. 4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» не проведено разграничение принципов на определяющие организацию прокуратуры либо определяющие ее деятельность. Принципам организации прокуратуры уделяется внимание в научных работах. Профессор В. П. Рябцев разделяет принципы на общие (единства, централизации, независимости, гласности, законности и др.) и внутриорганизационные (зональный, предметный, зонально-предметный) [12, с. 59–72]. Другие авторы говорят о зональном, предметном, предметно-зональном принципах не только как о внутриорганизационных, но и принципах организации и деятельности прокурорской системы в целом; выделяют также принципы общие (законности), специфические (централизации, единоначалия, независимости), отраслевые (например, в сфере уголовного судопроизводства) [13; 14].

Поддерживая мнение В. П. Рябцева о выделении принципов организационного характера, полагаем, что указанные в ст. 4 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» принципы относятся к деятельности прокуратуры, не представляется возможным связать, например, глас-

ность или независимость с организацией прокуратуры. В связи с этим подход в ст. 5 Закона Республики Беларусь «О прокуратуре Республики Беларусь» видится предпочтительным.

Представляется, что правила организационного характера не подлежат указанию в ст. 4 Закона о прокуратуре в одном перечне с принципами, имеющими внешний аспект, формирующими статус прокуратуры [14] в государственном механизме. С аналогичной точки зрения уместно рассматривать регламентацию принципов организации антикоррупционной экспертизы документов (проектов документов) в Генеральной прокуратуре Российской Федерации в ведомственном организационно-распорядительном акте⁹. При этом оснований говорить о главенстве отдельных принципов над другими не имеется. Мнение об иерархии принципов, которое высказывалось в литературе [3, с. 64], представляется требующим обоснования.

При анализе пар принципов: единства и независимости, законности и гласности, выявляется взаимосвязь между указанными парами.

Так, особенности реализации принципа гласности в прокуратуре определяют принципы законности, единства и независимости. При принятии решения об информировании о деятельности органов прокуратуры должны учитываться место соответствующего органа прокуратуры в системе прокуратуры, единые требования организационно-распорядительных актов и др. при соблюдении принципа законности.

Обеспечению принципа независимости прокуратуры способствуют принципы законности, единства и гласности. Соблюдение правил, установленных в аспекте трех указанных принципов, на наш взгляд, является необходимой гарантией независимости прокуратуры.

Соблюдение принципа единства сопряжено с соблюдением принципов гласности и независимости при соблюдении принципа законности. Нарушение принципов гласности или независимости, законности повлечет несоблюдение принципа единства. Как обоснованно отмечали ранее, несоблюдение одного принципа влечет нарушение всех остальных принципов [5, с. 95].

Таким образом, принципы деятельности прокуратуры равны между собой, взаимосвязаны, способствуют обеспечению друг друга. Следовательно, образуют систему принципов деятельности прокуратуры.

Рассматривая систему принципов деятельности прокуратуры с точки зрения развития, следует отметить, что важным вопросом будет выступать развитие взаимоотношений принципов и их содержания, но не дополнение системы новыми принципами. Несомненно, что развитие системы принципов должно проходить при строгом соблюдении законности.

Важна проблема выделения иных групп принципов, например, упомянутых ранее принципов организации прокуратуры (внутриорганиза-

ционных), и определения взаимоотношения их с принципами деятельности прокуратуры. Этому вопросу целесообразно посвятить отдельное исследование.

Также заслуживает внимания внутреннее развитие принципов с учетом их двойственной природы. Исходя из тенденций развития законодательства и практики прокурорской деятельности, представляется, что в двойственном содержании принципов единства, гласности, независимости деятельности прокуратуры будут активнее развиваться следующие составляющие:

1) для принципа единства — правовое регулирование создания новых органов (организаций) прокуратуры;

2) для принципа гласности — развитие в информационном плане: развитие правовой основы информационного освещения деятельности прокуратуры;

3) для принципа независимости прокуратуры — обеспечение независимости прокуратуры в развивающейся системе органов государственной власти и местных органов с сохранением правила о подотчетности соответствующим субъектам.

Заключение

Нами проанализированы признаки системности принципов деятельности прокуратуры, сделан вывод о равенстве принципов между собой. Каждый принцип деятельности прокуратуры (законности, независимости, гласности, единства) обладает особой ролью в системе, отличается правовым регулированием и особенностями внутреннего развития. Результаты настоящего исследования позволяют определить некоторые актуальные направления научного познания в области прокурорской деятельности, что будет способствовать развитию правовой основы и практики прокурорской деятельности.

Список цитированных источников

1. Прокурорский надзор в СССР : учебник для юрид. ин-тов и фак. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Юрид. лит., 1969. — 407 с.
2. Прокурорский надзор в СССР. Учебник / С. Г. Березовская, В. К. Звирбуль, В. А. Иванов, Г. М. Миньковский [и др.] ; отв. ред.: М. П. Маляров. — 3-е изд., испр. и доп. — М. : Юрид. лит., 1973. — 360 с.
3. Добровольская, Т. Н. Понятие и система принципов организации и деятельности советской прокуратуры / Т. Н. Добровольская // Вопросы теории и практики прокурорского надзора. Ч. 1. — М., 1975.
4. Спиридонов, Б. М. Прокурорский надзор за соблюдением законности в исправительно-трудовых учреждениях / Б. М. Спиридонов. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1978. — 204 с.
5. Сыдорук, И. И. Прокурорский надзор : учебник / под ред. О. А. Галустьян, А. В. Ендольцева, И. И. Сыдорук. — 6-е изд., перераб. и доп. — М. : ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2012. — 471 с.

⁹ Пункт 4 приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 03.04.2014 № 175 «Об утверждении порядка проведения антикоррупционной экспертизы организационно-распорядительных документов и проектов организационно-распорядительных документов Генеральной прокуратуры Российской Федерации, содержащих нормы права».

6. Зезюлин, Б. М. О некоторых особенностях разграничения полномочий по осуществлению прокурорского надзора / Б. М. Зезюлин // Совершенствование прокурорского надзора в СССР : сб. ст. — М., 1973.

7. Долежан, В. В. Проблемы компетенции прокуратуры : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / В. В. Долежан. — М., 1991. — 50 с.

8. Винокуров, А. Ю. О соотношении понятий «компетенция» и «полномочия» / А. Ю. Винокуров // Актуальные вопросы российского права : сб. науч. ст. Вып. 7. — М. : МосГУ, 2008. — С. 47–52.

9. Основы государства и права : Учеб. пособие для поступающих в юридические вузы / под ред. акад. О. Е. Кутафина. — 7-е изд., перераб. и доп. — М. : Юрист, 2001. — 416 с.

10. Ковачев, Д. А. Функция, задачи, компетенция и правоспособность государственного органа / Д. А. Ковачев // Известия высш. учеб. заведений. Правоведение. — 1985. — № 4. — С. 41–45.

11. Тихомиров, Ю. А. Теория компетенции / Ю. А. Тихомиров. — М., 2001. — 351 с.

12. Рябцев, В. П. Прокурорский надзор : Курс лекций / В. П. Рябцев. — М. : Норма, 2006. — 286 с.

13. Шобухин, В. Ю. О некоторых принципах организации и деятельности российской прокуратуры / В. Ю. Шобухин // Рос. юрид. журн. — 2008. — № 5. — С. 144–151.

14. Шобухин, В. Ю. Принципы организации и деятельности российской прокуратуры в условиях современных законодательных изменений / В. Ю. Шобухин // Налоги. — 2008. — № 12. — С. 89.

Аннотация. В статье на основании результатов изучения утративших силу и действующих нормативных правовых актов, теоретико-правовой основы и с учетом законов диалектики раскрываются особенности внутреннего содержания и взаимосвязи принципов деятельности современной прокуратуры. Проанализированы нормативные правовые акты о прокуратуре и основные законы Республики Беларусь и Российской Федерации. Установлены признаки системности принципов деятельности прокуратуры. Подчеркивается равенство рассматриваемых принципов. С позиции парности, двойственности признаков принципов прокурорской деятельности выделены противоположные взаимосвязанные составляющие принципов, которые находят отражение в нормативных правовых актах и влияют на развитие содержания принципов. На основании результатов исследования обоснованы возможные направления развития системы принципов и внутреннего саморазвития принципов. Сформулированные в статье выводы и предложения направлены на повышение эффективности правового регулирования прокурорской деятельности и ее осуществления.

FEATURES OF THE RELATIONSHIP BETWEEN THE PRINCIPLES OF ORGANIZATION AND ACTIVITY OF THE PROSECUTOR'S OFFICE

Golovko I. I.

Keywords: prosecutor's office, prosecutor's office activity, principles, system of principles

Abstract. The article, based on the results of a study of expired and current normative legal acts, the theoretical and legal framework and taking into account the laws of dialectics, reveals the features of the internal content and interconnection of the principles of activity of the modern prosecutor's office. The regulatory legal acts on the prosecutor's office and the basic laws of the Republic of Belarus and the Russian Federation are analyzed. Signs of systemic principles of the activities of the prosecutor's office have been established. The equality of the principles under consideration is emphasized. From the position of pairing, duality of signs of the principles of prosecutorial activity, the opposite interconnected components of the principles are highlighted, which are reflected in normative legal acts and influence the development of the content of the principles. Based on the results of the study, possible directions for the development of the system of principles and internal self-development of the principles are substantiated. The conclusions and proposals formulated in the article are aimed at increasing the efficiency of legal regulation of prosecutorial activities and their implementation.

УДК 343.13

ПРОКУРАТУРА КАК СУБЪЕКТ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Меркурьев В. В., Игнатенко Е. А., Соколов Д. А.

Ключевые слова: национальная безопасность, прокуратура, прокурорский надзор, информационная безопасность, система обеспечения безопасности, возбуждение уголовного дела, полномочия прокурора

Введение

Сейчас, как и последние несколько лет, наше государство переживает непростые времена. Пандемия коронавируса сменилась недружественной политикой США и большинства европейских стран в отношении Российской Федерации и ее граждан в связи с проведением специальной военной операции на Украине.

Однако воздействие, оказываемое на нашу страну, не ограничивается какой-либо одной сферой. Начиная с подготовки террористических актов (взрыва на Крымском мосту, аварии на газопроводах «Северный поток» и «Северный поток — 2») и заканчивая распространением ложной информации о значимых для общества вопросах, недружественные страны и их

неправительственные организации делают все, чтобы подорвать основы конституционного строя в стране, обороноспособность государства, а также доверие граждан к органам власти.

В нынешних условиях особое значение приобретает именно государственная система обеспечения национальной безопасности, под которой согласно подп. 6 п. 5 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [1] понимается совокупность осуществляющих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов публичной власти и находящихся в их распоряжении инструментов.

В научной литературе под системой обеспечения национальной безопасности понимается организационная система органов, сил, средств, различных организаций и граждан, решающих задачи по обеспечению национальной безопасности [2].

В настоящее время все более заметной становится роль в этой сфере органов прокуратуры. Они принимают непосредственное участие в выявлении, предупреждении и устранении угроз национальной безопасности, решая задачи, вытекающие из требований законов и складывающегося в стране и конкретных регионах состояния законности, посредством осуществления прокурорского надзора, иных возложенных на прокуратуру Российской Федерации функций, с помощью предоставленных законом инструментов.

Основная часть

Правовой основой деятельности по обеспечению национальной безопасности являются Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации, Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации», Основы государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации [3], Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, Доктрина информационной безопасности Российской Федерации [4], Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [5], Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года [6], Основы государственной культурной политики [7], Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [8], указы Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», а также от 17 мая 2023 г. № 358 «О стратегии комплексной безопасности детей в российской Федерации на период до 2030 года».

Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» среди субъектов обеспечения безопасности называет:

федеральные органы государственной власти (Президент Российской Федерации, палаты Федерального собрания Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, органы исполнительной власти);

органы государственной власти субъектов Российской Федерации;

органы местного самоуправления;

Совет Безопасности Российской Федерации.

Как можно заключить из приведенного перечня и толкования всего текста закона, законодатель однозначно не определил место прокуратуры в системе обеспечения национальной безопасности.

Однако содержание некоторых иных нормативных правовых актов позволяет внести ясность в данный вопрос.

Так, как было указано выше, в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации государственную систему обеспечения национальной безопасности составляют органы публичной власти.

Вместе с тем согласно ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» под единой системой публичной власти понимаются федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности, осуществляющие в конституционно установленных пределах на основе принципов согласованного функционирования и устанавливаемого на основании Конституции Российской Федерации и в соответствии с законодательством организационно-правового, функционального и финансово-бюджетного взаимодействия, в том числе по вопросам передачи полномочий между уровнями публичной власти, свою деятельность в целях соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина, создания условий для социально-экономического развития государства.

Таким образом, содержание приведенной нормы дает основание в полной мере отнести прокуратуру к органам публичной власти, обладающим при этом уникальным набором полномочий.

Согласно п. 1 ст. 129 Конституции Российской Федерации, в компетенцию прокуратуры как единой федеральной централизованной системы органов входит надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями, а также выполнение иных функций. Полномочия и функции прокуратуры Российской Федерации, ее организация и порядок деятельности определяются федеральным законом.

В п. 2 ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (с учетом разъяснений Конституционного суда Российской Федерации в Постановлении от 18 июля 2003 г. № 13-П) содержится перечень осуществляемых прокуратурой Российской Федерации функций.

Сопоставив закрепленные функции прокуратуры с перечнем стратегических национальных приоритетов, закрепленных в п. 26 Стратегии

национальной безопасности Российской Федерации, можно сделать вывод, что хотя и в разной степени, но прокуратура участвует в реализации каждого из них. Это обусловлено ролью прокуратуры и спецификой выполняемой ею функции — надзора за соблюдением законов.

Как верно отмечается в литературе, обозначение прокуратуры в качестве важнейшего субъекта обеспечения национальной безопасности обусловлено прежде всего, тем, что она осуществляет надзор за исполнением законов всеми другими субъектами обеспечения национальной безопасности [9].

Помимо этого, роль прокуратуры в обеспечении национальной безопасности проявляется в фактическом участии Генерального прокурора Российской Федерации в принятии решений Совета Безопасности Российской Федерации. Генеральный прокурор Российской Федерации является членом Совета Безопасности Российской Федерации. Он и его заместители являются также членами ряда межведомственных комиссий Совета Безопасности Российской Федерации, в частности, по военной безопасности [10], общественной безопасности [11], по вопросам совершенствования государственной миграционной политики [12].

Таким образом, следует констатировать, что отечественная прокуратура самым непосредственным образом участвует в реализации Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

Тем не менее вопрос о степени и формах этого участия, как считают ученые, пока еще не нашел своего однозначного разрешения даже в среде экспертного сообщества. Во многом это обусловлено отсутствием четкого нормативного правового закрепления за органами прокуратуры соответствующего статуса, что явилось бы самым весомым аргументом.

Вместе с тем и игнорировать тот факт, что в настоящее время сформирована солидная правовая база, предусматривающая наделение прокуроров целым арсеналом полномочий в рассматриваемой сфере, уже нельзя. Убедительным подтверждением этого является работа органов прокуратуры по реализации стратегических национальных приоритетов.

Направление деятельности прокуратуры в системе обеспечения национальной безопасности двояко. С одной стороны, прокуратура осуществляет прокурорский надзор за исполнением законов органами, обеспечивающими национальную безопасность, а с другой — сама обеспечивает национальную безопасность. Представляется, что в законодательстве должны быть отражены оба эти направления.

Так, например, Конституционный закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 г. № 155-VII «О прокуратуре» предусматривает, что наряду с защитой прав и свобод граждан, прокуратура осуществляет функции по обеспечению национальной безопасности. Красной нитью через весь текст данного нормативного правового акта проходит тезис, что национальная безопасность является объектом охраны таким же как права и законные интересы человека и гражданина. В этом можно убедиться обратившись к нормам ст. 10, 18, 24, 26 данного Закона.

Считаем, что закрепление статуса прокуратуры как субъекта обеспечения национальной безопасности в соответствующем федеральном законе позволило бы синхронизировать ее деятельность с другими субъектами, скорректировать отдельные направления деятельности с учетом интересов национальной безопасности, и, как следствие, повысить эффективность деятельности прокуратуры по обеспечению национальной безопасности в целом.

В связи с изложенным, считаем необходимым внести следующие изменения в федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»: название Главы 2 изложить в следующей редакции: «Полномочия федеральных органов государственной власти, функции прокуратуры, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления, в области обеспечения безопасности»;

дополнить Главу 2 статьей 12¹ следующего содержания:

«12¹. Прокуратура в системе обеспечения безопасности

Прокуратура в пределах своей компетенции обеспечивает исполнение законов Российской Федерации в сфере национальной безопасности: осуществляет надзор за деятельностью органов, обеспечивающих безопасность, и реализует иные полномочия».

Что касается первого направления деятельности прокуратуры как субъекта обеспечения национальной безопасности, то надзор за деятельностью органов, обеспечивающих безопасность, осуществляется в соответствии с полномочиями, закрепленными в пункте 2 статьи 1 федерального закона от 17.01.1992 № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации».

С учетом сделанного нами ранее вывода, прокуратура, хотя и в разной степени, но участвует в реализации каждого из стратегических национальных приоритетов, закрепленных в п. 26 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Однако в настоящее время особую значимость приобретает участие прокуратуры в обеспечении государственной и общественной безопасности.

Специальная военная операция на Украине стала причиной того, что недружественно настроенные страны пытаются подорвать государственный строй Российской Федерации изнутри, путем насаждения чуждой и противоречащей Конституции Российской Федерации идеологии. В связи с этим на территории Российской Федерации набирает свои обороты, в первую очередь посредством сети Интернет, пропаганда нацизма, терроризма и экстремизма.

Прокуратура всегда находилась в авангарде борьбы с терроризмом и экстремизмом, благодаря полномочиям, данным ей федеральными законами: от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации», от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму, от 25 июля 2002 г. № 114ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»: подача заявления в суд о признании организации террористической или экстремистской, о признании ин-

формационных материалов экстремистскими, о принятии мер по удалению запрещенной или недостоверной информации, вынесение предупреждения о недопустимости осуществления экстремистской деятельности и др.

Особо следует отметить деятельность прокуратуры по мониторингу сети Интернет с целью выявления информации, распространяемой с нарушением закона (ст. 15.3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»).

Однако, как показывает практика, в условиях современного развития информационных технологий, зачастую, помимо ограничения доступа к информации, распространяемой с нарушением закона, требуется принятие и иных мер, предусмотренных российским законодательством. Данная необходимость обусловлена тем, что после ограничения доступа к одному информационному ресурсу, эта информация будет размещена на другом, а за то время, пока эта новая информация будет снова выявлена, доступ к ней могут получить неограниченное количество лиц.

В связи с этим было бы оправданным чтобы прокуратура, как субъект, осуществляющий уголовное преследование, не только выявляла информацию, размещенную в сети Интернет с нарушением закона, особенно направленную на распространение идеологии нацизма, экстремизма и терроризма, но и более активно способствовала установлению виновных в ее размещении и привлечении их к уголовной ответственности.

Стоит отметить, что принятые в 2022 г. поправки в Уголовный кодекс Российской Федерации, вводящие новые составы преступлений [13], дают к этому все основания. Так, были криминализованы такие деяния, как: тайное сотрудничество с иностранным государством, направленное против безопасности Российской Федерации; участие в вооруженном конфликте в целях, противоречащих интересам Российской Федерации; передача противнику сведений, которые могут быть использованы против Российской Федерации; публичные призывы к осуществлению деятельности против безопасности государства; неоднократные пропаганда или публичное демонстрация запрещенной символики; нарушение требований по защите государственной тайны; осуществление деятельности нежелательной на территории Российской Федерации организации не только внутри страны, но и за рубежом; нарушение порядка установки, эксплуатации и модернизации ТСПУ и др.

Вместе с тем, в п. 2 ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» предусмотрено, что прокуратура осуществляет уголовное преследование в соответствии с полномочиями, установленными уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

В п. 1 ст. 146 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [14] прокурор не назван в качестве лица, обладающего полномочиями по возбуждению уголовного дела публичного обвинения (к которым относятся преступления, предусмотренные главой 29 Уголовного кодекса Российской Федерации).

В то же время, постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании названо в подп. 4 п. 1 ст. 140 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации как повод к возбуждению уголовного дела.

Вместе с тем современные реалии и потребности защиты безопасности Российской Федерации, борьбы с насаждением идеологий нацизма, экстремизма и терроризма, диктуют необходимость совершенствования существующего порядка возбуждения уголовных дел, который бы позволял в скорейшие сроки возбудить уголовное дело и привлечь виновное лицо к ответственности, не допустив тем самым продолжения им своей преступной деятельности.

В этом отношении примечателен тот факт, что п. 2 ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» наделяет прокурора полномочиями по возбуждению дел об административных правонарушениях и проведению административного расследования в соответствии с полномочиями, установленными Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях и другими федеральными законами.

В связи с этим обращаем внимание, например, на ст. 280³, 282⁴, 284² Уголовного кодекса Российской Федерации [15]. По всем этим составам законодателем была предусмотрена административная преюдиция, в то время как признаки состава административного правонарушения и соответствующего преступления аналогичны. Привлечение лица к административной или уголовной ответственности будет зависеть от того, подвергнуто ли лицо административной ответственности за аналогичное деяние или нет.

На основании изложенного, по нашему мнению, для пресечения преступной деятельности по насаждению идеологий нацизма, терроризма и экстремизма, а также для скорейшего выявления и привлечения к ответственности виновных лиц, было бы целесообразным наделение прокурора полномочиями по возбуждению уголовных дел в связи с выявлением им признаков деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации. Актуальность и необходимость данной меры обусловлены сложившейся социально-политической обстановкой и криминогенной ситуацией.

Содержание данной деятельности определено законодателем в Примечании к ст. 280⁴ Уголовного кодекса Российской Федерации, согласно которому под деятельностью, направленной против безопасности Российской Федерации, понимается совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст. 189, 200¹, 209, 210, 222–223¹, 226, 226¹, 229¹, 274¹, 275–276, 281, 283, 283¹, 284¹, 290, 291, 322, 322¹, 323, 332, 338, 355–357, 359 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Закрепление предлагаемого полномочия можно было бы осуществить путем внесения изменений в п. 1 ст. 146 УПК РФ, дополнив его абз. 2 следующего содержания: «Прокурор возбуждает уголовное дело в связи с выявлением им признаков преступлений, предусмотренных статьями 189, 200.1,

209, 210, 222–223.1, 226, 226.1, 229.1, 274.1, 275–276, 281, 283, 283.1, 284.1, 290, 291, 322, 322.1, 323, 332, 338, 355–357, 359 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Вместе с тем следует отметить, что попытки реализовать подобные инициативы уже предпринимались. Так, например, Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации дважды отклонялись проекты Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о расширении полномочий прокурора в досудебном судопроизводстве)» в 2018 г.[16] и 2021 г. [17].

Последовательное расширение круга прокурорских полномочий влечет за собой дальнейшее усиление роли российской прокуратуры в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации. Так, в частности, следует обратить внимание на появление все более новых полномочий, связанных с обеспечением законности в информационной сфере, в числе которых:

направление Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителем в Роскомнадзор требований об ограничении доступа к информации с призывами к экстремистской и террористической деятельности, с призывами к участию в незаконных публичных мероприятиях и массовых беспорядках, в отношении интернет-ресурсов иностранных и международных организаций, признанных нежелательными, и иной распространяемой с нарушением закона информации (ч. 1 ст. 15³ Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»);

направление Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителем требования о приостановлении деятельности СМИ (признании регистрации средства массовой информации недействительной или прекращении действия лицензии на вещание) в случае выявления распространения под видом достоверных сообщений недостоверной информации, в том числе об использовании Вооруженных сил РФ, а также информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству и органам власти; информации, направленной на дискредитацию использования ВС РФ; и информации, содержащей призывы к организации несанкционированных публичных мероприятий или участия в них (ст. 56² Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-I «О средствах массовой информации»; ст. 15³, 15³⁻² Федерального закона от 21 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»);

принятие Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителем решения о запрещении (ограничении) деятельности (распространение своей продукции на территории Российской Федерации, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет) иностранного средства массовой информации, зарегистрированного на территории иностранного государства, на территории которого запрещена (ограничена) дея-

тельность российского средства массовой информации, в качестве ответной меры (ст. 3⁴ Федерального закона от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»).

Заключение

Таким образом, прокуратура в силу возложенных на нее законом полномочий и специфики выполняемых ею функций является полноправным субъектом системы обеспечения национальной безопасности. Входя в систему обеспечения национальной безопасности, прокуратура, во-первых, осуществляет прокурорский надзор за исполнением законов органами, обеспечивающими национальную безопасность, а, во-вторых, реализует собственные полномочия, направленные на обеспечение национальной безопасности.

Для законодательного закрепления статуса прокуратуры как субъекта обеспечения национальной безопасности считаем целесообразным внести изменения в федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности», а для повышения эффективности деятельности прокуратуры по обеспечению государственной и общественной безопасности — в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, предусмотрев полномочие прокуратуры возбуждать уголовные дела в связи с выявлением признаков преступлений, направленных против безопасности Российской Федерации.

Список цитируемых источников

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс] : указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.
2. Кардашова И. Б. МВД России в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М, 2006. — 494 с.
3. Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации [Электронный ресурс] : указ Президента РФ от 08.11.2021 № 633 // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.
4. Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 05.12.2016 № 646 // Собрание законодательства РФ. — 2016. — № 50. — Ст. 7074.
5. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: указ Президента РФ от 29.05.2020 № 344 // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 22. — Ст. 3475.
6. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: указ Президента РФ от 19.12.2012 № 1666 // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 52. — Ст. 7477.

7. Об утверждении Основ государственной культурной политики: указ Президента РФ от 24.12.2014 № 808 // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 52 (часть I). — Ст. 7753.

8. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 20. — Ст. 2901.

9. Капинус, О.С., Рябцев, В.П., Кардашова, И. Б. Прокуратура в системе обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2010. — № 6. — С. 12.

10. Об утверждении состава Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по военной безопасности по должностям [Электронный ресурс] : указ Президента Российской Федерации от 12.12.2016 № 666 // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru.

11. Об утверждении состава Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по общественной безопасности по должностям [Электронный ресурс] : указ Президента Российской Федерации от 10.11.2018 № 647 // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru

12. О Межведомственной комиссии Совета Безопасности Российской Федерации по вопросам совершенствования государственной миграционной политики [Электронный ресурс] : указ Президента Российской Федерации от 10.02.2022 № 48 // Официальный интернет-портал правовой информации www.pravo.gov.ru.

13. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : федеральный закон от 14.07.2022 № 260-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.

14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: 18 декабря 2001 г., № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 г. : в ред. Федер. закона от 13.06.2023 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». — М., 1994.

15. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : 13 июня 1996 г., № 63-ФЗ, принят Гос. Думой 24 мая 1996 года: одобрен Советом Федерации 5 июня 1996 г. : в ред. Федер. закона от 24.06.2023 // КонсультантПлюс. Россия // ЗАО «Консультант Плюс». — М., 1994.

16. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о расширении полномочий прокурора в досудебном судопроизводстве) [Электронный ресурс] : проект Федерального закона № 872311–6 //

URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/872311-6?ysclid=liood2eap067238000> (дата обращения: 01.06.2023).

17. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (о расширении полномочий прокурора в досудебном судопроизводстве) [Электронный ресурс] : проект Федерального закона № 550619–7 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/550619-7?ysclid=liop5ytpsu687881716> (дата обращения: 01.06.2023).

Аннотация. В статье анализируются полномочия органов прокуратуры в обеспечении системы национальной безопасности. Подчеркивается, что в настоящее время все более заметной становится роль органов прокуратуры в непосредственном участии в выявлении, предупреждении и устранении угроз национальной безопасности, решении задач, вытекающих из требований законов и складывающейся в стране и конкретных регионах состоянии законности, посредством осуществления прокурорского надзора, иных возложенных на прокуратуру Российской Федерации функций, с помощью предоставленных законом инструментов. Затрагиваются вопросы осуществления прокурорского надзора за исполнением законов органами, обеспечивающими безопасность. Выдвигаются предложения о целесообразности наделения прокурора полномочиями по возбуждению уголовных дел в связи с выявлением им признаков деятельности, направленной против безопасности Российской Федерации.

THE PROSECUTOR'S OFFICE AS A SUBJECT OF SECURITY NATIONAL SECURITY

Merkuriev V. V., Ignatenko E. A., Sokolov D. A.

Keywords: national security, prosecutor's office, prosecutor's supervision, information security, security system, initiation of a criminal case, prosecutor's powers.

Abstract. The article analyzes the powers of the prosecutor's office in ensuring the national security system. It is emphasized that at present, the role of the prosecution authorities in direct participation in the identification, prevention and elimination of threats to national security, solving problems arising from the requirements of laws and the state of legality emerging in the country and specific regions is becoming more and more noticeable, through the implementation of prosecutorial supervision, other assigned on the Prosecutor's Office of the Russian Federation functions, with the help of tools provided by law. The issues of the implementation of prosecutorial supervision over the implementation of laws by security bodies are touched upon. Proposals are made on the expediency of empowering the prosecutor to initiate criminal cases in connection with the identification of signs of activity directed against the security of the Russian Federation.

ПОЛНОМОЧИЯ ПРОКУРОРА ПО УСТРАНЕНИЮ НАРУШЕНИЙ ЗАКОНА В ДОСУДЕБНОМ УГОЛОВНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Савчук Т. А.

Ключевые слова: досудебное уголовное производство, полномочия прокурора, представление, требование, письменное указание, постановление

Введение

Деятельность прокурора в досудебном производстве с момента принятия в 1999 г. Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) характеризовалась одинаковыми полномочиями к органам дознания и предварительного следствия. Такая деятельность оценивалась с позиции «почти неограниченных возможностей» прокурора [1] и выполнением им двойственной функции — контроля и управления [2, с. 288]. Эта ситуация изменилась, когда в 2011 г. в ст. 34 УПК были внесены корректировки, повлекшие усеменение объема полномочий прокурора по устранению нарушений закона при ведении следствия. Такой шаг нашел поддержку у представителей следственного ведомства [3] и ученых в части отыскания «золотой середины» при разграничении компетенции прокурора и начальника следственного подразделения [4, с. 269], хотя и отмечалась недостаточность полномочий прокурора по устранению нарушений закона на стадии возбуждения уголовного дела [5, с. 248; 6, с. 17]. Поспешность сужения полномочий прокурора подтверждает практика стабильности допускаемых нарушений закона следователями [7] и корректировки ст. 34 УПК 2014 и 2021 гг. В данном контексте отметим важность Концепции правовой политики Республики Беларусь (утверждена Указом Президента Республики Беларусь № 196 от 28 июня 2023 г.), предписывающей оптимизацию уголовного процесса, в том числе путем совершенствования прокурорского надзора с сохранением процессуальной самостоятельности следователя. Сказанное побуждает к анализу полномочий прокурора по устранению нарушений закона в ходе досудебного производства с целью выявления трудностей в их реализации, пробелов правовых норм, определяющих эти полномочия, и выработки предложений по их устранению.

Основная часть

Полномочия прокурора по устранению нарушений законности в досудебном уголовном производстве в основном реализуются путем вынесения актов прокурорского реагирования, современное нормативное закрепление которых строится на исторически сложившихся традициях.

Постановление — важнейший инструмент осуществления надзора за дознанием и следствием, поскольку им оформляется реализация властно-

распорядительных полномочий прокурора, направленных на отмену незаконных и необоснованных постановлений органов предварительного расследования. Диапазон действия постановления расширялся по мере развития законодательства. Так, Уголовно-процессуальные кодексы РСФСР 1922 и 1923 гг. (УПК РСФСР) предоставляли прокурору право выносить постановление в двух случаях: об освобождении незаконно содержащихся под стражей лиц и о возвращении дела для производства дополнительного расследования. Уголовно-процессуальный кодекс БССР 1960 г. (УПК БССР) делегировал прокурору право своим постановлением отменять незаконные постановления органов дознания и следователя, отстранять их от расследования, изымать и передавать уголовное дело от органа дознания следователю (одного следователя — другому). УПК 1999 г. в дополнение к перечисленному закрепил за прокурором право своим постановлением изменять, отменять избранные ими меры пресечения. Практически в неизменном виде такой подход к вынесению постановления сохраняется и сейчас, что подтверждает эффективность и значимость данной меры прокурорского реагирования в арсенале правовых средств по устранению нарушений законности. В то же время отметим, что п. 5 ч. 5 ст. 34 УПК, уполномочивающий прокурора на отмену незаконных и необоснованных постановлений органа уголовного преследования, носит общий характер. В случае принятия процессуальных решений Председателем Следственного комитета Республики Беларусь, Председателем Комитета государственной безопасности Республики Беларусь (лицами, исполняющими их обязанности) данная правовая норма применяться не может в виду статуса названных должностных лиц. На это указывает и подп. 1.11 п. 1 приказа Генерального прокурора Республики Беларусь от 30 сентября 2021 г. № 98 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов на стадиях досудебного производства», предписывающий надзирающему прокурору вносить представление Генеральному прокурору Республики Беларусь (лицу, исполняющему его обязанности) о принесении протеста об отмене необоснованных постановлений названных должностных лиц о применении залога, домашнего ареста и заключения под стражу. Полагаем, что такой подход должен действовать в отношении любых необоснованных постановлений, выносимых главами указанных ведомств, о чем следует указать в ч. 5 ст. 34 УПК.

Указание занимает особое место среди мер прокурорского реагирования, и по сложившейся традиции закон закреплял за прокурором право давать указания о направлении и дополнении дознания, следствия (УПК РСФСР); об избрании, изменении, отмене меры пресечения, о привлечении лица в качестве обвиняемого, квалификации преступления и объеме обвинения, производстве отдельных следственных действий и розыске скрывшихся лиц, производстве дополнительного расследования при возвращении дела органу дознания, следователю (УПК БССР). Именно УПК БССР впервые закрепил правила о письменной форме указаний прокурора, об обязательности их исполнения органами дознания, следователем и возможности обжалования вышестоящему прокурору. На протяжении действия УПК БССР названные

полномочия прокурора претерпели несущественные изменения: сократился перечень процессуальных действий, выполнение которых осуществлялось по указанию прокурора. В настоящее время указания прокурора выступают формой реализации властно-распорядительных полномочий прокурора в отношении органов дознания на любом этапе их процессуальной деятельности, а в отношении следователей — при возвращении уголовных дел для производства дополнительного расследования, что оценивается как эффективное средство по устранению нарушений закона [8; 9, с. 197].

Новацией 2021 г. стало дополнение ст. 34 УПК новой ч. 5¹, в соответствии с которой Генеральный прокурор Республики Беларусь и его заместители, прокуроры областей, города Минска (лица, исполняющие их обязанности), при отмене постановлений органа предварительного следствия об отказе в возбуждении уголовного дела и о приостановлении предварительного расследования наделены правом давать обязательные для исполнения письменные указания о производстве дополнительных следственных и других процессуальных действий. Представляется, что данная правовая норма должна распространяться и на прокуроров районов (городов). По мнению представителей надзорного ведомства, это будет способствовать реализации возложенных на прокуроров ст. 25 УПК задач по обеспечению законности в досудебном производстве, своевременному принятию мер по устранению нарушений закона. Ведь прокуроры на местах, отменяя указанные незаконные постановления органа предварительного следствия, должны обосновать свое решение, не обладая при этом правом дачи указаний, но обязаны ходатайствовать перед вышестоящим прокурором о даче таких указаний [10, с. 221].

Требование прокурора как мера реагирования на нарушения законности в ходе дознания и предварительного следствия обрела «право на жизнь» в 2014 г. и несправедливо оценивалась как аналог письменных указаний [3, с. 203; 11, с. 12]. Как верно отмечает А. М. Сербун, отличия в названных мерах реагирования очевидны, поскольку «указание прокурора — это перечень необходимых следственных и иных процессуальных действий, которые требуется выполнить ... Требование является актом прокурорского реагирования на допущенные органом дознания, лицом, производящим дознание, следователем нарушения законодательства ...» [10, с. 220]. В 2021 г. диапазон действия требования прокурора распространился и на нарушения, допущенные на этапе «доследственной» проверки, с введением правила о его обязательном рассмотрении в течение одного месяца с момента поступления в орган предварительного расследования (в иной срок, определяемый прокурором). Такие корректировки были обусловлены практикой: не имея возможности выносить требования на данном этапе, прокуроры вносили представления либо выносили постановления о возбуждении дисциплинарного производства. Отметим, что оба варианта опирались на Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-3 «О прокуратуре Республики Беларусь» (Закон о прокуратуре), что не имело под собой легитимной основы. А. С. Сенько предлагал выход: закрепить в ст. 34 УПК норму

о том, что «прокуроры в ходе досудебного производства, при производстве предварительного следствия и дознания обладают также правами, предоставленными им и иными нормативными правовыми актами» [5, с. 250]. Категорично возразим против подобного подхода: поскольку только УПК определяет единый порядок производства по материалам и уголовному делу, то и полномочия прокурора должны регулироваться исключительно уголовно-процессуальными нормами.

Представление об устранении нарушений законодательства в деятельности органов предварительного следствия и дознания, причин и условий, способствующих этим нарушениям (п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК), дополнило арсенал правовых средств прокурорского надзора в 2021 году. Не разделяя мнение о том, что это дает прокурору право «неограниченного воздействия» на следственные органы [3, с. 203], считаем представление эффективным средством профилактического воздействия, которое заполнило правовой вакуум в части не только устранения нарушений закона в досудебном производстве, но и причин, условий, способствующих этим нарушениям, что отличает его от других мер прокурорского реагирования [12]. Но обратим внимание на неверно сложившуюся практику указания в конце описательно-мотивировочной и резолютивной части представления, не на п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК, а на ч. 4 ст. 27 и ст. 38 Закона о прокуратуре, которая берет начало с момента использования представления при отсутствии его закрепления в нормах УПК [13, с. 423–475]. Иными словами, ст. 27 и 38 Закона о прокуратуре не могут обосновывать внесение представления в уголовно-процессуальной сфере, поскольку названный Закон содержит отсылочную норму к УПК. Внося представление, прокурорам необходимо подтверждать свое полномочие, ссылаясь только на п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК. Приведение прокурорской практики в единообразие возможно путем информирования Генеральной прокуратурой Республики Беларусь прокуроров всех уровней.

Проведенный нами анализ п. 11 и п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК и прокурорской практики использования требований и представлений [13, с. 199–205, 362–475] показывает пробелы в их правовом регулировании и применении. Признавая право на существование в УПК и требования и представления как обособленных правовых средств по устранению нарушений законности, успешно апробированных практикой (в 2022 г. прокуроры вынесли 584 требований и 372 представления [7]), считаем необходимым акцентировать внимание на их различиях с целью единого понимания и правоприменения.

Во-первых, согласно буквальному пониманию п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК требование выносится в ходе «доследственной» проверки, дознания и предварительного следствия (т. е. по материалам и уголовным делам, находящимся в производстве), а представление — по результатам прокурорских проверок, обобщения практики. В требованиях прокуроры указывают на неполноту расследования, затягивание сроков следствия и иные нарушения норм УПК, которые могут быть устранены в ходе производства дополнительных следственных действий. Представление вносится, как правило, при принятии органами следствия решений по делам, связанным с отказом в возбуждении

уголовного дела, окончанием предварительного расследования и (или) уголовного преследования, что явилось результатом ненадлежащего процессуального контроля со стороны начальника следственного подразделения. Подтверждением сказанному является сформулированная в резолютивной части представления рекомендация по принятию мер к недопущению нарушений «впредь» [13, с. 430]. Таким образом, требование носит конкретный характер, позволяющий оперативно устранить нарушения закона по определенному материалу, уголовному делу; а представление имеет обобщающий диапазон, поскольку в нем анализируются схожие по сути нарушения закона, допущенные по различным уголовным делам и даже по разным регионам республики.

Во-вторых, обе меры реагирования имеют разные цели. Требование направлено на устранение нарушений уголовно-процессуального закона, носящих единичный характер, а представление — на устранение нарушений системного характера, причин и условий, им способствующих, и привлечение виновных лиц к «строгой» ответственности [13, с. 436, 457].

В-третьих, исходя из УПК требование и представление имеют различия процедурного характера. Так, представление обязательно для рассмотрения и исполнения (п. 17¹ ч. 5 ст. 34 УПК), а требование — лишь для рассмотрения (п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК). Такой подход является некорректным в виду того, что прокурору не сообщается об устранении тех нарушений, на которые он указал в требовании, следовательно, эти нарушения могут быть не устранены либо устранены не в полной мере. Это формирует неверное видение того, что начальник следственного подразделения вправе по своему усмотрению удовлетворить либо отклонить требование прокурора [3, с. 202]. Изложенное говорит о необходимости дополнения п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК указанием на обязательное письменное уведомление прокурора о мерах, принятых по исполнению его требования. Полагаем, что установленный УПК для рассмотрения срок в один месяц не пригоден для требования. Как указывалось выше, требование направлено на устранение нарушений закона, допускаемых по находящимся в производстве материалам и уголовным делам, поэтому оно должно обеспечивать устранение нарушений в максимально короткий срок, который может варьироваться в диапазоне до 10 суток, что следует предусмотреть в п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК.

Заключение

1. Вышеизложенное показывает, что постепенно законодатель расширяет полномочия прокурора по устранению нарушений закона на досудебных стадиях. На наш взгляд, прокурор должен обладать одинаковым объемом полномочий за органами дознания и следствия, поскольку защита публичного интереса по обеспечению законности в досудебных стадиях не должна ставиться в зависимость от формы расследования и субъектов его производства.

2. В целях повышения эффективности деятельности прокурора в ходе досудебного уголовного производства и устранения нормативных пробелов в реализации им полномочий по устранению нарушений закона видится

целесообразным: закрепить в ч. 5 ст. 34 УПК право Генерального прокурора Республики Беларусь или лица, исполняющего его обязанности, приносить протест об отмене необоснованных постановлений Председателя Следственного комитета Республики Беларусь, Председателя Комитета государственной безопасности Республики Беларусь (лиц, исполняющих их обязанности), о производстве следственных и иных процессуальных действий; расширить диапазон ч. 5¹ ст. 34 УПК на прокуроров районов (городов), предоставив им право давать обязательные для исполнения письменные указания о производстве дополнительных следственных и других процессуальных действий при отмене постановлений органа предварительного следствия об отказе в возбуждении уголовного дела и о приостановлении предварительного расследования; дополнить п. 11 ч. 5 ст. 34 УПК указанием на обязательное письменное уведомление прокурора о мерах, принятых по исполнению требования об устранении нарушений законодательства в срок до 10 суток.

Список цитированных источников

1. Бибило, В. Н. Статус следователя в уголовном процессе / В. Н. Бибило // Право и демократия : сб. Науч. тр. / Белорус. гос. ун-т / редкол.: В. Н. Бибило (гл. Ред.) [и др.]. — Минск : БГУ, 2006. — Вып. 17. — С. 1–9.
2. Рубис, А. С. Использование специальных знаний в прокурорском надзоре — путь повышения его эффективности / А. С. Рубис // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения : сб. науч. тр. / редкол.: А. В. Барков [и др.]. — Минск : БГУФК, 2010. — С. 287–296.
3. Сосновский, А. А. О расширении прокурорских полномочий в досудебном уголовном производстве / А. А. Сосновский // Следственная деятельность: наука, образование, практика : тез. Докл. Междунар. науч.-практ. Конф., Минск, 24 июня 2021 г. / редкол.: С. Я. Аземша (предс.) [и др.]. — Минск : СтройМедиаПроект, 2021. — С. 202–204.
4. Бурак, Р. В. Полномочия прокурора в уголовном процессе Республики Беларусь и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ / Р. В. Бурак, А. В. Солтанович // Проблемы укрепления законности и правопорядка: наука, практика, тенденции : сб. науч. тр. / Науч.-практ. центр проблем укрепления законности и правопорядка Генер. прокуратуры Респ. Беларусь ; редкол. : В. М. Хомич [и др.]. — Минск, 2013. — Вып. 6. — С. 268–273.
5. Сенько, А. С. Проблемы прокурорского надзора за законностью возбуждения уголовных дел / А. С. Сенько // Правосудие и прокурорский надзор в Республике Беларусь: законодательство и практика применения : сб. науч. тр. / редкол.: А. В. Барков [и др.]. — Минск : БГУФК, 2010. — С. 246–253.
6. Конюк, А. В. Некоторые аспекты совершенствования правового регулирования и практики осуществления прокурорского надзора за законностью действий и решений органов дознания и предварительного следствия /

А. В. Конюк // Правосудие и правоохранительная деятельность: законодательство и правоприменение : сб. науч. тр. / ИППК судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ ; редкол.: А. В. Барков [и др.]. — Минск : РИВШ, 2019. — С. 13–22.

7. Генеральная прокуратура: подведены итоги работы ведомства за 2022 год [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://prokuratura.gov.by/>. — Дата доступа : 25.07.2023.

8. Куница, Е. Возвращение прокурором уголовных дел для производства дополнительно предварительного расследования / Е. Куница // Законность и правопорядок. — 2014. — № 2. — С. 34–38.

9. Соркин, В. М. О полномочиях прокурора и начальника следственного подразделения в уголовном судопроизводстве в связи с созданием Следственного комитета / В. С. Соркин // Современные тенденции развития юридической науки, правового образования и воспитания : материалы международного. науч.-практ. конф., Полоцк, 18–19 мая 2012 г. : в 2-х т. / Полоц. гос. ун-т ; редкол.: А. Н. Пугачев (отв. ред.) [и др.]. — Новополоцк : ПГУ, 2012. — Т. II. — С. 195–197.

10. Сербун А. М. Указания прокурора как способ обеспечения законности в досудебном уголовном производстве [Электронный ресурс] / А. М. Сербун // Деятельность правоохранительных органов на современном этапе: наука, образование, практика : сб. ст. / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; редкол.: Т. А. Савчук (отв. ред.) [и др.]. — Минск : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2022. — С. 219–222. — Режим доступа : alis.pas.by/alis/StartEk/index.php.

11. Мойсак, В. К. Требование прокурора в уголовном процессе: головоломка для правоприменителей / В. К. Мойсак // Законность и правопорядок. — 2013. — № 1. — С. 12–17.

12. Савчук, Т. А. Представление прокурора в системе правовых средств профилактического воздействия / Т. А. Савчук, М. А. Городецкая // Право. by. — 2023. — № 1. — С. 121–126.

13. Надзор за исполнением законодательства на стадии досудебного производства : сб. норматив. актов и документов / Генер. прокуратура Респ. Беларусь ; сост. : Г. И. Дыско [и др.] ; под общ. ред. А. В. Конюка. — Минск : Белорус. Дом печати, 2017. — 515 с.

Аннотация. В статье на основе научных взглядов, анализа уголовно-процессуальных норм и практики их применения рассматриваются полномочия прокурора по устранению нарушений закона в досудебном производстве. Выявляются недостатки правового регулирования и практического использования таких полномочий прокурора, как право давать письменные указания, выносить постановление, требование и представление в адрес органов предварительного расследования. Автор формули-

руются предложения по устранению пробелов уголовно-процессуальных норм, определяющих названные полномочия прокурора, направленные на повышение эффективности деятельности прокурора в ходе досудебного уголовного производства.

POWERS OF THE PROSECUTOR TO ELIMINATE VIOLATIONS OF THE LAW IN PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS IN THE REPUBLIC OF BELARUS

Savchuk T. A.

Keywords: pre-trial criminal proceedings, powers of the prosecutor, performance, requirement, written instruction, decree.

Abstract. In the article on the basis of scientific views, analysis of criminal procedural norms and practice of their application the powers of the prosecutor to eliminate violations of the law in pre-trial proceedings are considered. The shortcomings of legal regulation and practical use of such powers of the prosecutor as the right to give written instructions, issue a ruling, demand and submission to the bodies of preliminary investigation are revealed. The author formulates proposals to eliminate the gaps in the criminal procedural norms defining the mentioned powers of the prosecutor, aimed at improving the effectiveness of the prosecutor's activities in pre-trial criminal proceedings.

УДК 347.956:347.963(476)

ОБ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ИСЧИСЛЕНИЯ СРОКА НА ПРИНЕСЕНИЕ АПЕЛЛЯЦИОННЫХ ПРОТЕСТОВ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ

Скобелев В. П.

Ключевые слова: гражданские дела, апелляционное производство, апелляционный протест, срок на принесение апелляционного протеста, прокурор

Введение

По результатам республиканского референдума, состоявшегося 27 февраля 2022 г., в Конституцию Республики Беларусь были внесены значительные изменения и дополнения, которые были призваны осовременить конституционный текст [1, с. 5], модернизировать конституционно-правовое регулирование [2, с. 14]. Вместе с тем в ч. 2 ст. 125 Основного Закона страны сохранилось положение о том, что «прокуратура осуществляет надзор за исполнением законов при расследовании преступлений, соответствием закону судебных постановлений по гражданским, уголовным делам и делам об административных правонарушениях, в случаях, предусмотренных законом, проводит предварительное следствие, поддерживает государственное

обвинение в судах» (в данной норме по результатам указанного референдума произошла лишь замена термина «решений» на «постановлений»).

Сохранение на уровне Конституции Республики Беларусь предписаний об осуществлении прокуратурой надзора за соответствием закону судебных постановлений по гражданским делам означает, что данное конституционное положение прошло апробирование временем и ему выражен восторг доверия [3, с. 36], а отраслевые процессуальные нормы, регулирующие данное направление прокурорского надзора (прежде всего нормы Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь (далее — ГПК)), требуют дальнейшего совершенствования и развития. В этой связи стоит обратить внимание на вопросы, связанные с участием прокурора в апелляционном пересмотре судебных постановлений по гражданским делам и прежде всего на проблемы исчисления срока на принесение апелляционных протестов.

Основная часть

1. Норма ч. 1 ст. 403 ГПК гласит, что «апелляционная жалоба и (или) апелляционный протест на решение суда первой инстанции соответственно подается и (или) приносится в пятнадцатидневный срок со дня вынесения решения или вручения лицу, имеющему право на апелляционное обжалование (опротестование), по его требованию решения с мотивировочной частью». Отсюда следует, что действующее процессуальное законодательство предусматривает два варианта исчисления срока на апелляционное опротестование судебных решений: со дня вынесения решения и со дня вручения лицу, имеющему право на апелляционное опротестование, по его требованию решения с мотивировочной частью.

С одной стороны, подобное регулирование имеет положительный аспект, поскольку позволяет учесть возможность появления после вынесения решения его мотивировочной части (согласно ч. 2 ст. 112 ГПК мотивировочная часть в судебном решении по общему правилу отсутствует, она составляется только в случаях, прямо указанных в ГПК, а также по собственной инициативе суда. Один из таких случаев оговорен в п. 1 ч. 1 ст. 305 ГПК — по требованию юридически заинтересованных в исходе дела лиц, заявленному в течение десяти дней после оглашения решения) и, соответственно, возникновение потребности в опротестовании данной части решения (о том, что мотивировочная часть решения может быть самостоятельным объектом опротестования, даже если изложенные в ней выводы о тех или иных фактах не повлияли на разрешение дела по существу, было прямо указано в п. 19 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 4 «О применении судами норм Гражданского процессуального кодекса, регулирующих производство дел в кассационном порядке», в пришедшем ему на смену постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 31 марта 2021 г. № 1 «О практике применения судами норм Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь, регулирующих производство дел в апелляционном порядке» (далее — Постановление № 1) данный момент отражен менее четко, поскольку в ч. 2 п. 2 говорится лишь, что «решение суда первой инстанции может быть обжаловано (опро-

тестовано) в апелляционном порядке полностью или в части (в том числе о распределении судебных расходов между сторонами, порядке и способе исполнения решения)»).

Однако, с другой стороны, отмеченное регулирование имеет и некоторые отрицательные моменты [4, с. 50–55; 5, с. 34–43]. Во-первых, исчисление апелляционного срока со дня вручения лицу, имеющему право на апелляционное опротестование, по его требованию решения с мотивировочной частью способно привести (при отсутствии факта принесения апелляционного протеста) к искусственному затягиванию процесса вступления судебного решения в законную силу. Так, требование о составлении мотивировочной части решения может быть заявлено на десятый день после его оглашения (требование может быть заявлено и значительно позже этого момента, если предусмотренный п. 1 ч. 1 ст. 305 ГПК срок был пропущен прокурором по уважительной причине и в этой связи восстановлен судом). Мотивировочная часть подлежит составлению в семидневный срок со дня поступления в суд соответствующего требования прокурора (ч. 1 ст. 312 ГПК), хотя, как показывает практика, данный срок соблюдается судьями не всегда. Далее, сюда надо добавить время (обычно несколько дней) для доставки мотивировочной части решения по почте в прокуратуру (конечно, если такой способ вручения будет избран судом). Наконец, потом следует пятнадцатидневный период, в течение которого соответствующее должностное лицо прокуратуры имеет право принести на судебное решение апелляционный протест. В итоге момент вступления решения в законную силу может затянуться (отсчитывая от дня его вынесения) на месяц и даже на более длительное время.

Во-вторых, период вступления решения суда в законную силу (в ситуации, когда на решение так и не был принесен апелляционный протест) может оказаться еще гораздо более продолжительным, в частности, если после заявления прокурором требования о составлении мотивировочной части оглашенного решения судья, вынесший данное решение, ввиду определенных обстоятельств временно прекратит исполнение своих должностных обязанностей в суде (ввиду болезни, нахождения в отпуске, в командировке и пр.). Ведь никакой другой судья составить мотивировочную часть решения не полномочен: согласно ч. 2 ст. 312 ГПК мотивировочную часть должен подписать судья, вынесший решение, а в соответствии с п. 6 ч. 4 ст. 424 ГПК вынесение или подписание решения (очевидно, что и отдельно составленной его мотивировочной части) не тем судьей, который рассматривал дело, является безусловным основанием для отмены решения в апелляционном порядке. Соответственно, всем заинтересованным лицам придется ожидать выхода судьи на работу, изготовления им мотивировочной части решения и истечения срока на апелляционное опротестование решения прокурором или, другими словами, ожидать вступления решения в законную силу.

Вместе с тем в описанной ситуации не исключен вариант, что решение суда вообще не вступит в законную силу, а именно это произойдет тогда, когда после вынесения решения без мотивировочной части судья полностью прекратит осуществление должностных обязанностей в суде (например,

ввиду смерти, увольнения по собственному желанию, привлечения к уголовной ответственности и т. п.). В этом случае требование прокурора о составлении мотивировочной части останется неудовлетворенным (поскольку никакой другой судья составить мотивировочную часть не правомочен), а коль скоро мотивировочная часть прокурору не будет вручена, то течение срока на апелляционное опротестование решения прокурором не сможет завершиться (поскольку не наступит факт, от которого отсчитывается начало течения данного срока). Неистечение апелляционного срока хотя бы в отношении одного из юридически заинтересованных в исходе дела лиц (в нашем случае — в отношении прокурора) не позволяет решению суда вступить в законную силу. В итоге в отношениях между сторонами спора возникнет ситуация полной правовой неопределенности (так как решение суда хоть и определило взаимные материальные права и обязанности сторон, но не может начать действовать ввиду не вступления в законную силу), преодолеть которую возможно будет только путем отмены такого решения в апелляционном порядке (согласно п. 7 ч. 4 ст. 424 ГПК отсутствие в решении суда мотивировочной части тогда, когда она в соответствии с ГПК должна быть составлена, влечет безусловную отмену решения судом второй инстанции). Причем стороны спора, скорее всего, не смогут выступить инициаторами отмены указанного решения в апелляционном порядке, поскольку срок на апелляционное обжалование (начавший свое течение в отношении сторон со дня вынесения решения) к этому моменту для них уже наверняка истечет.

В-третьих, содержание ч. 1 ст. 403 ГПК обуславливает существование следующей довольно непростой проблемы. Согласно ч. 3 ст. 399 ГПК помощники прокуроров, прокуроры структурных подразделений органов прокуратуры вправе приносить апелляционные протесты на решения судов второй инстанции). При этом стороны спора, скорее всего, не смогут выступить инициаторами отмены указанного решения в апелляционном порядке, поскольку срок на апелляционное обжалование (начавший свое течение в отношении сторон со дня вынесения решения) к этому моменту для них уже наверняка истечет.

Если рассуждать чисто теоретически, то, с одной стороны, указанная проблема требует отрицательного решения: ведь прокурор и его заместитель не заявляли требования о составлении мотивировочной части решения, а значит, данная часть решения им вручению не подлежит. Но, с другой стороны, можно найти доводы и для положительного ответа на поставленный вопрос. Так, прокуратура Республики Беларусь является единой и централизованной системой органов, осуществляющих от имени государства надзор за точным и единообразным исполнением нормативных правовых актов на террито-

рии Республики Беларусь (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-3 «О прокуратуре Республики Беларусь» (далее — Закон № 220-3)), один из основных принципов деятельности данных органов состоит в подчиненности нижестоящих прокуроров вышестоящим прокурорам (ст. 5 Закона № 220-3). Поэтому помощник прокурора (или прокурор структурного подразделения органа прокуратуры), заявляя требование о составлении мотивировочной части решения, действует не столько от себя лично, сколько от имени соответствующего органа прокуратуры, а значит, фактически реализует волю руководства данного органа — прокурора и его заместителей. Собственно, когда суд направляет почтой составленную по требованию помощника прокурора (или прокурора структурного подразделения органа прокуратуры) мотивировочную часть решения, то почтовое отправление адресуется не лично помощнику прокурора (или прокурору структурного подразделения органа прокуратуры), а соответствующему органу прокуратуры или руководителю данного органа.

В-четвертых, исчисление апелляционного срока со дня вручения лицу, имеющему право на апелляционное обжалование (опротестование), по его требованию решения с мотивировочной частью приводит к тому, что оспорить данную часть решения в апелляционном порядке (при несогласии с содержащимися в ней выводами, суждениями и констатациями) сможет только то лицо, которое заявило требование о ее составлении, потому что для всех остальных участников судопроизводства апелляционный срок (исчисляемый со дня вынесения решения) к моменту получения ими мотивировочной части (а ч. 3 п. 18 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 сентября 2001 г. № 10 «О решении суда первой инстанции» (далее — Постановление № 10) обязывает суд направлять мотивировочную часть решения, составленную после его оглашения, всем юридически заинтересованным в исходе дела лицам в трехдневный срок со дня ее составления) уже наверняка истечет.

Так, если указанное требование будет заявлено прокурором, то только он и сможет выразить несогласие с мотивировочной частью решения путем принесения на нее протеста. Если же инициатором составления мотивировочной части будет иное (помимо участвовавшего в процессе прокурора) заинтересованное в исходе дела лицо, то тогда уже прокурор лишится возможности опротестовать мотивировочную часть, причем не сможет ее опротестовать и руководитель органа прокуратуры или его заместитель (обладающие согласно ч. 3 ст. 399 ГПК правом апелляционного опротестования независимо от участия в деле), потому что в отношении данных субъектов действует первый вариант исчисления апелляционного срока — со дня вынесения решения. Нужно отметить, что в подобной ситуации должностным лицам прокуратуры вряд ли способно помочь и правило ч. 5 ст. 403 ГПК о возможности восстановления пропущенного по уважительной причине апелляционного срока, потому что ставить вопрос о восстановлении срока можно только тогда, когда срок начал свое течение и затем истек, однако в нашем случае срок на апелляционное опротестование мотивировочной

части не начинал своего течения и, значит, не мог истечь (а следовательно, и не мог быть пропущен), потому что в период течения для должностных лиц прокуратуры апелляционного срока мотивировочной части как предмета опротестования еще не было, мотивировочная часть появилась только тогда, когда данный срок истек. Следовательно, должностные лица прокуратуры потенциально могли пропустить срок на апелляционное опротестование лишь вводной, описательной и резолютивной частей решения, но никак не его мотивировочной части.

2. В ч. 1 п. 5 Постановления № 1 содержатся разъяснения, которые еще больше усложняют (запутывают) вопрос с исчислением срока на апелляционное опротестование. Так, интерпретируя положения ч. 1 ст. 403 ГПК, высшая судебная инстанция указала, что исчисление апелляционного срока «начинается со дня, следующего за днем вынесения решения, или со дня, следующего за днем вручения лицу, имеющему право на апелляционное обжалование (опротестование), мотивировочной части, изготовленной в случаях, предусмотренных пунктом 1 части первой статьи 305 ГПК». При толковании второго варианта исчисления апелляционного срока, предусмотренного ч. 1 ст. 403 ГПК, Верховным Судом Республики Беларусь были допущены некоторые неточности [6, с. 50–53].

Во-первых, упущено из виду то, что в ч. 1 ст. 403 ГПК речь идет о вручении лицу, имеющему право на апелляционное обжалование (опротестование), мотивировочной части решения *по его требованию*. Дело в том, что мотивировочная часть, составленная по требованию одного из заинтересованных лиц, подлежит вручению не только ему, но и, как следует из приведенного выше разъяснения ч. 3 п. 18 Постановления № 10, остальным заинтересованным лицам. Следовательно, ч. 1 п. 5 Постановления № 1 ориентирует на то, чтобы для каждого заинтересованного лица апелляционный срок исчислялся с момента, когда им будет получена мотивировочная часть решения (причем, учитывая, что участники судопроизводства могут получить мотивировочную часть в разные даты, исчисление апелляционного срока по такой методике становится крайне дифференцированным и, значит, в какой-то мере неопределенным). Однако в ч. 1 ст. 403 ГПК заложена совсем другая идея: с момента вручения мотивировочной части апелляционный срок подлежит исчислению только в отношении того лица, которое заявило требование о составлении данной части решения, для всех же остальных заинтересованных лиц апелляционный срок начинает течение одинаково — со дня вынесения решения.

Во-вторых, высшей судебной инстанцией не было учтено, что анализируемый вариант исчисления апелляционного срока рассчитан *только на один из двух* предусмотренных п. 1 ч. 1 ст. 305 ГПК случаев изготовления мотивировочной части решения, — тот случай, когда требование о составлении мотивировочной части решения было заявлено юридически заинтересованным в исходе дела лицом уже после оглашения решения. По смыслу же ч. 1 п. 5 Постановления № 1 получается, что указанный вариант исчисления апелляционного срока применим также и в случае, когда требование

о составлении мотивировочной части было заявлено участником процесса до удаления суда в совещательную комнату для вынесения решения. Но в этом последнем случае мотивировочная часть решения (а если быть более точным — решение, составленное в полном объеме, т. е. с наличием в нем мотивировочной части) может быть вручена любому юридически заинтересованному в исходе дела лицу (в том числе и прокурору) спустя сколь угодно продолжительное время после вынесения решения (так как решение суда высылается только тем заинтересованным лицам, которые не присутствовали при рассмотрении дела (ч. 5 ст. 311 ГПК), а тем, кто присутствовал, копия решения суда выдается лишь по их просьбе (ч. 5 подп. 14.13 п. 14 Инструкции по делопроизводству в судах общей юрисдикции Республики Беларусь, утвержденной приказом Верховного Суда Республики Беларусь от 3 ноября 2021 г. № 84), и временных ограничений для заявления такой просьбы нет), что априори делает момент начала течения апелляционного срока неопределенным, а значит, ставит решение суда под перманентную угрозу пересмотра в апелляционном порядке.

3. Как видно из изложенного выше, существование двух вариантов исчисления срока на апелляционное опротестование (равно как и на обжалование) судебных решений создает для правоприменительной практики немало довольно серьезных проблем. Казалось бы, в такой ситуации законодателем должны были быть предприняты меры по унификации порядка исчисления апелляционного срока. Однако этого не только не произошло, порядок исчисления данного срока был еще более дифференцирован — применительно к делам, касающимся государственных секретов [6, с. 48–50]. Так, Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 135-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законы Республики Беларусь» дополнил ст. 403 ГПК новой частью (она является второй по счету в данной статье), которая гласит: «Апелляционная жалоба и (или) апелляционный протест на решение по делу, в материалах которого содержатся сведения, составляющие государственные секреты, соответственно подается и (или) приносится в пятнадцатидневный срок со дня вынесения решения или вручения выписки из него, а в случае составления мотивировочной части решения — со дня ознакомления с ней». Поскольку в делах, затрагивающих государственные секреты, вероятность участия прокурора весьма высока, то проблемы, связанные с реализацией положений ч. 2 ст. 403 ГПК, актуальны и для должностных лиц прокуратуры.

Во-первых, недостаток ч. 2 ст. 403 ГПК заключается в том, что она устанавливает три самостоятельных варианта исчисления апелляционного срока: со дня вынесения решения, со дня вручения выписки из решения и, наконец, со дня ознакомления с мотивировочной частью решения (в случае ее составления). Наличие такого количества вариантов исчисления апелляционного срока уже само по себе можно расценивать в качестве негативного для процессуальной сферы явления, учитывая, какое множество проблем обуславливает существование лишь двух вариантов исчисления срока на опротестование (обжалование) судебных постановлений, закрепленных в ч. 1 ст. 403 ГПК.

Во-вторых, два из трех предусмотренных ч. 2 ст. 403 ГПК вариантов исчисления апелляционного срока не позволяют заранее точно определить момент начала течения данного срока. Мы имеем в виду варианты «со дня вручения выписки из решения» и «со дня ознакомления с мотивировочной частью решения». Дело в том, что в ГПК отсутствуют предписания, кем и в какой срок подлежит составлению выписки из решения, а также кому из участников судопроизводства и как скоро она должна быть направлена или вручена. По этому поводу в процессуальном регламенте можно найти только следующее краткое указание: «По гражданским делам, в материалах которых содержатся сведения, составляющие государственные секреты, направляется или вручается выписка из решения, состоящая из вводной и резолютивной частей, не содержащая сведений, составляющих государственные секреты» (ч. 6 ст. 311 ГПК).

Точно так в ГПК не урегулировано, кого из участников судопроизводства и в какой срок следует знакомить с мотивировочной частью решения по делу, материалы которого содержат сведения, составляющие государственные секреты. В ч. 6 ст. 311 ГПК сказано лишь, что «ознакомление с описательной и мотивировочной частями решения осуществляется с соблюдением требований законодательства о государственных секретах». Под законодательством о государственных секретах здесь в первую очередь подразумевается Закон Республики Беларусь от 19 июля 2010 г. № 170-З «О государственных секретах» (далее — Закон № 170-З). Но Закон № 170-З устанавливает лишь самые общие требования относительно допуска к государственным секретам участников судопроизводства (данные требования сводятся к тому, что суд должен отобрать у участников процесса подписку о необходимости соблюдения ими требований законодательства о государственных секретах и о предупреждении их ответственности за разглашение сведений, составляющих государственные секреты, — см. ч. 8 ст. 33 Закона № 170-З), Закон № 170-З не регулирует саму процедуру ознакомления с описательной и мотивировочной частями решения и уж, конечно, не закрепляет никаких сроков для осуществления данных действий.

Как следствие, по делу, в материалах которого содержатся сведения, составляющие государственные секреты, вручение выписки из решения и ознакомление с мотивировочной частью решения может произойти спустя довольно длительное время после вынесения решения, т. е. тогда, когда по логике вещей решение уже должно считаться вступившим в законную силу и, значит, не подлежащим апелляционному пересмотру. Однако согласно ч. 2 ст. 403 ГПК именно с этого момента срок на апелляционное опротестование (обжалование) и требуется исчислять.

В-третьих, ч. 2 ст. 403 ГПК, в отличие от первой части этой же статьи, не регламентирует, к кому из участников судопроизводства подлежит применению каждый из предусмотренных ею вариантов исчисления апелляционного срока. Так, из содержания ч. 1 ст. 403 ГПК вполне ясно, что со дня вручения мотивировочной части апелляционный срок подлежит исчислению только

для того субъекта процесса, который после оглашения решения заявил требование о составлении данной части решения, а для всех остальных участников судопроизводства он должен исчисляться со дня вынесения решения. Вместе с тем в ч. 2 ст. 403 ГПК подобной конкретизации нет, и, рассуждая с чисто формальной точки зрения, можно прийти к выводу, что каждый из оговоренных в ней вариантов исчисления апелляционного срока может быть последовательно применен к одному и тому же заинтересованному в исходе дела лицу.

Например, для прокурора (равно как и для иных участников судопроизводства) апелляционный срок изначально начнет течение со дня вынесения решения. Но если прокурор, заявив соответствующее ходатайство, получит выписку из решения, на него уже будет распространяться второй вариант исчисления срока — с момента получения выписки из решения. Наконец, ознакомившись с мотивировочной частью решения, прокурор сможет обеспечить для себя действие третьего варианта исчисления апелляционного срока. Очевидно, не нужно много объяснять, к каким негативным последствиям (для стабильности судебных решений, определенности во взаимоотношениях сторон спора, предсказуемости гражданского оборота и пр.) такой подход способен привести, особенно если участник судопроизводства будет умышленно и исключительно с противоправной целью (чтобы «насолить», навредить выигравшему процесс лицу) манипулировать вариантами исчисления срока на апелляционного обжалование (опротестование) решения суда.

4. В контексте обозначенных выше проблем любопытно обратиться к содержанию находящегося на рассмотрении Парламента проекта Кодекса гражданского судопроизводства Республики Беларусь (далее — КГС) [7], которым планируется заменить действующие ГПК и Хозяйственный процессуальный кодекс Республики Беларусь. Казалось бы, в КГС должны были быть учтены огрехи правового регулирования, присутствующие в ГПК. Однако этого, к сожалению, не произошло.

Так, ст. 103 КГС дословно воспроизводит положения ст. 112 ГПК, согласно которым мотивировочная часть судебных постановлений, по общему правилу, составлению не подлежит, а ч. 3 ст. 300 КГС — положения ч. 6 ст. 311 ГПК о порядке информирования заинтересованных лиц о результатах разрешения дела, в материалах которого содержатся сведения, составляющие государственные секреты. Правила п. 1 ч. 1 ст. 305, ст. 312 ГПК получили отражение (в немного ином виде в плане содержания и структурного размещения соответствующих норм) в ст. 289 КГС: мотивировочная часть решения составляется по заявлению лиц, участвующих в деле, в том числе прокурора (п. 1 ч. 2 ст. 289 КГС); заявление о составлении мотивировочной части решения может быть подано данными субъектами в течение десяти дней после оглашения решения (ч. 3 ст. 289 КГС); мотивировочная часть решения подлежит составлению в течение семи дней после поступления в суд заявления об этом (ч. 5 ст. 289 КГС); она подписывается судьей, вынесшим решение, а в случае рассмотрения дела коллегиальным составом суда — всеми судьями,

участвовавшими в принятии решения, в том числе судьей, имеющим особое мнение (ч. 6 ст. 289 КГС).

Предписания же ч. 1, 2 ст. 403 ГПК с незначительными сугубо терминологическими корректировками получили закрепление в ч. 1, 2 ст. 559 КГС:

«1. Апелляционная жалоба и (или) апелляционный протест на решение суда первой инстанции соответственно подается и (или) приносится в пятнадцатидневный срок после вынесения решения или вручения лицу, имеющему право на апелляционные обжалование и (или) опротестование, по требованию такого лица решения с мотивировочной частью.

2. Апелляционная жалоба и (или) апелляционный протест на решение по делу, в материалах которого содержатся сведения, составляющие государственные секреты, соответственно подается и (или) приносится в пятнадцатидневный срок после вынесения решения или вручения выписки из него, а в случае составления мотивировочной части решения — со дня ознакомления с ней».

Заключение

Проведенное исследование показывает, что присутствие в процессуальном законодательстве нескольких вариантов исчисления апелляционного срока обуславливает существование в правоприменительной практике ряда трудноразрешимых проблем. Поскольку главная причина наличия этих нескольких вариантов кроется в том, что мотивировочная часть постановления суда по общему правилу составляется уже после того, как судебное постановление было оглашено, то решение указанных трудноразрешимых проблем правоприменительной практики нам видится в возвращении к правовому регулированию, которое предшествовало действующему ГПК (имеется в виду Гражданский процессуальный кодекс БССР 1964 г.), а именно: чтобы постановления суда первой инстанции во всех случаях выносились вместе с мотивировочной частью, соответственно, чтобы вариант исчисления срока на их обжалование (опротестование) в суд второй инстанции был один и единый для всех заинтересованных лиц — с момента вынесения решения.

Однако поскольку тенденции развития процессуальной сферы (имеется в виду подготовленный и находящийся на рассмотрении Парламента проект КГС) свидетельствуют, что на подобный шаг законодатель, вероятнее всего, не пойдет, то можно предложить другой (несколько паллиативный) ключ к решению обозначенных выше проблем. Полагаем, что в случае, когда по требованию одного из участников судопроизводства после вынесения решения была составлена его мотивировочная часть, апелляционный срок должен исчисляться по-новому не только для лица, заявившего требование о составлении мотивировочной части решения, а вообще для всех заинтересованных в исходе дела лиц, причем единым для всех этих лиц должен является и момент начала течения данного срока — в качестве такого целесообразно определить момент составления (но не вручения, как это предусматривают ч. 1 ст. 403 ГПК и ч. 1 ст. 559 КГС) мотивировочной части (при таком подходе слишком позднее направление и, соответственно, вручение

мотивировочной части может служить основанием для восстановления апелляционного срока)

Что же касается исчисления апелляционного срока для судебных постановлений по делам, в материалах которых содержатся сведения, составляющие государственные секреты, то здесь не должно быть никаких исключений, на данные судебные постановления необходимо распространять общие (в том их варианте, который предложен в предыдущем абзаце) правила исчисления апелляционного срока — с момента вынесения решения, а в случае изготовления мотивировочной части решения после его оглашения по требованию одного из участников судопроизводства — с момента (единого для всех заинтересованных в исходе дела лиц) составления мотивировочной части. При этом мы полагаем, что участникам судопроизводства следует направлять непосредственно само решение суда и составленную позднее его мотивировочную часть, а не (как это предписывают ч. 6 ст. 311 ГПК и ч. 3 ст. 300 КГС) направлять только выписку из решения и осуществлять в особом порядке ознакомление в суде с его описательной и мотивировочной частями. Обеспечить охрану государственных секретов здесь можно другим способом, нежели предусмотренный ч. 6 ст. 311 ГПК и ч. 3 ст. 300 КГС, а именно путем закрашивания специальной краской тех фрагментов решения и его мотивировочной части, которые содержат информацию о данных секретах [8, с. 56–57].

Список цитированных источников

1. Чуприс, О. Н. Изменения и дополнения Конституции Республики Беларусь: олицетворение самобытности Основного Закона и обновленной государственности / О. Н. Чуприс // Право.by. — 2022. — № 2. — С. 5–13.
2. Василевич, Г. А. Новеллы белорусской Конституции как фактор устойчивого развития государства / Г. А. Василевич // Право.by. — 2022. — № 2. — С. 14–23.
3. Скобелев, В. П. Новеллы Конституции Республики Беларусь и их влияние на цивилистический процесс / В. П. Скобелев // Юстиция Беларуси. — 2022. — № 7. — С. 36–41.
4. Скобелев, В. П. Проблемы неопровержимости судебных постановлений по гражданским делам в контексте перехода от кассационного к апелляционному производству / В. П. Скобелев // Право.by. — 2018. — № 1. — С. 48–56.
5. Проверка и пересмотр судебных постановлений по гражданским и экономическим делам в Республике Беларусь: проблемы и перспективы: монография / И. Э Мартыненко [и др.] ; под ред. Т. С. Тарановой. — Минск: Колорград, 2020. — 300 с.
6. Теоретические и практические проблемы реформирования цивилистического судопроизводства / Д. В. Гапоненко [и др.] ; под ред. Т. С. Тарановой. — Минск: Колорград, 2021. — 348 с.

7. Кодекс гражданского судопроизводства Республики Беларусь // Проекты законов / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3941&p0=2022081001>. — Дата доступа: 01.09.2023.

8. Скобелев, В. Нововведения в правилах рассмотрения судами гражданских дел: еще раз о качестве нормотворчества / В. Скобелев // Юрид. мир. — 2020. — № 8. — С. 53–63.

Аннотация. В статье освещаются некоторые проблемы, имеющие отношение к исчислению срока на принесение должностными лицами прокуратуры апелляционных протестов по гражданским делам. Отмечено, что порядок исчисления апелляционного срока имеет несколько вариантов: со дня вынесения решения и со дня вручения участнику процесса по его требованию мотивировочной части решения. Еще больше вариантов исчисления апелляционного срока предусмотрено для дел, касающихся государственных секретов. Показано, что подобная дифференциация исчисления срока на принесение апелляционных протестов (равно как и апелляционных жалоб) является причиной существования в правоприменительной практике ряда трудноразрешимых проблем. Причем в проекте Кодекса гражданского судопроизводства регулирование соответствующих вопросов нисколько не изменилось. В этой связи предлагаются способы решения указанных проблем, заключающиеся в максимальной унификации порядка исчисления апелляционного срока.

ON CERTAIN PROBLEMS OF CALCULATING THE TERM FOR BRINGING APPEAL PROTESTS IN CIVIL CASES

Skobelev V. P.

Keywords: civil cases, appeal proceedings, appeal protest, term for bringing an appeal protest, prosecutor

Abstract. The article highlights some of the problems related to the calculation of the period for bringing appeal protests in civil cases by officials of the prosecutor's office. It is noted that the procedure for calculating the appeal period has several options: from the date of the decision and from the date of delivery to the participant in the process, at his request, of the reasoning part of the decision. Even more options for calculating the appeal period are provided for cases concerning state secrets. It is shown that such a differentiation in the calculation of the period for bringing appeal protests (as well as appeals) is the reason for the existence of a number of intractable problems in law enforcement practice. Moreover, in the draft Code of Civil Procedure the regulation of relevant issues has not changed at all. In this regard, ways to solve these problems are proposed, which consist in the maximum unification of the procedure for calculating the appeal period.

УДК: 343.163

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРОКУРОРА ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ЭКСТРЕМИЗМУ В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Федорова А. С.

Ключевые слова: прокурор, информационно-телекоммуникационная сеть, информационная безопасность, несовершеннолетние, противодействие экстремизму

Введение

Проблема противодействия экстремизму остается сегодня одной из наиболее актуальных не только в Российской Федерации, но и в целом в мире. При этом наиболее эффективным средством массового информационного воздействия на население в последние годы становятся информационно-коммуникационные сети и в первую очередь сеть «Интернет». Причины их популярности — легкий доступ к аудитории, обеспечение анонимной коммуникации, глобальное распространение, высокая скорость передачи информации, дешевизна, простота в использовании и мультимедийные возможности. В то же время необходимо отметить, что самой уязвимой категорией населения, на которую оказывается воздействие были и остаются несовершеннолетние.

Кроме того, в последние годы отмечается активизация интереса определенной категории несовершеннолетних и молодежи к неформальным движениям экстремистской и иной деструктивной направленности, пропагандирующим совершение массовых убийств в образовательных организациях («Колумбайн», «Скулшутинг»), криминальную субкультуру («АУЕ»), унижение и издевательства над сверстниками в реальной жизни и интернет-пространстве («Буллинг», «Кибербуллинг», «Поясни за шмот»), насилие и жестокость («ОФники» и др.), подрыв семейных устоев («Чайлдхейт», «Яжемать»), отказ от гендерных различий в воспитании детей и традиционных сексуальных отношений («ЛГБТ»).

Таким образом, экстремистская деятельность в молодежной среде является распространенным явлением, чрезмерные темпы роста которого заставляют общество искать новые пути борьбы с ним [1, с. 23].

Согласно статистическим данным, приводимым Генеральной прокуратурой Российской Федерации, в 2022 г. на территории России было зарегистрировано более 1,5 тыс. преступлений экстремистской направленности, что почти на 50 % больше, чем за 12 месяцев 2021 г. Как отмечал осенью прошлого года Генеральный прокурор РФ Краснов И. В., большинство таких преступлений совершается в Интернете, и все чаще таковые выражаются

в призывах к насилию, что приобрело особую остроту после начала военной операции [2].

В этой связи одной из ключевых задач органов прокуратуры является борьба с проявлениями экстремизма, в том числе в молодежной и подростковой среде, путем противодействия свободному доступу граждан к информационным материалам экстремистского характера.

Основная часть

Согласно Федеральному закону от 25 июня 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» к экстремистской деятельности относятся, в частности: возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни; пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии; публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности либо массовое распространение заведомо экстремистских материалов, а равно их изготовление или хранение в целях массового распространения. При этом одной из самых главных составляющих противодействия экстремизму на территории любого государства, на наш взгляд, должно являться недопущение вовлечения в экстремистскую деятельность лиц, не достигших совершеннолетия, чья не окрепшая психика в силу возрастных особенностей не способна вовремя отразить деструктивное на нее воздействие извне. И, безусловно, в первую очередь речь идет о воздействии посредством информационно-телекоммуникационной сети Интернет, где отмечается высокая активность подростков и молодежи, поскольку интернет-пространство в жизни ребенка сегодня это не только средство развлечения и общения, но также и развития, так как после распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19, дети стали получать образование в дистанционном формате.

Между тем следует отметить, что, несмотря на предпринимаемые со стороны государства меры, факты нарушения в деятельности органов контроля органами прокуратуры в рассматриваемой сфере правоотношений продолжают выявляться. Так, среди характерных нарушений действующего законодательства можно выделить бездействие руководителей образовательных учреждений, выражающиеся в отсутствии в школах и организациях дополнительного образования программ контентной фильтрации доступа в Интернет, которые исключали бы доступ учащихся к содержащимся на интернет-ресурсах, экстремистским материалам, что не соответствует требованиям ч. 1 ст. 14 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию». В частности, на территории Нижегородской области после проведения Единой недели тестирования качества работы используемых в образовательных учреждениях региона средств контентной фильтрации, по фактам выявленных нарушений прокурорами в адрес руководителей образовательных организаций внесено 42 представления об устранении нарушений закона, вынесено 37 постановлений о возбуждении производств по делам об административных правонарушениях по ст. 6.17 КоАП РФ.

Аналогичные нарушения в части ненадлежащей работы контент-фильтрации были установлены Называевским межрайонным прокурором Омской области в деятельности Бюджетного учреждения культуры Называевского муниципального района «Культура», где имелся компьютер общего пользования, посредством которого осуществлялся доступ посетителей, в том числе несовершеннолетних, к интернет-ресурсам. При этом доступ к запрещенным ресурсам на указанном компьютере не был заблокирован. Например, возможно было прослушать музыкальную композицию под названием «Жизнь вора», признанную экстремистским материалом в установленном законом порядке. При введении в поисковую систему «Яндекс» запроса «А.У.Е» открывался список интернет-сайтов, картинки с логотипами «А.У.Е» и символикой данной организации, признанной в России экстремистской организацией, деятельность которой запрещена; при введении запроса «мочить негров», «бить евреев» — открывался доступ к материалам о насилии над представителями иных рас и национальностей. По данному факту прокурором района в адрес руководителя учреждения внесено представление, которое рассмотрено и удовлетворено, доступ к запрещенным ресурсам заблокирован.

Непроведение организациями, имеющими библиотечные фонды, должной работы по выявлению в них произведений, включенных в федеральный список экстремистских материалов, являлось также основанием для объявления предостережений территориальными прокурорами руководителями соответствующих детских организаций.

Из года в год продолжают устанавливаться также факты ненадлежащего выявления образовательными организациями несовершеннолетних обучающихся, демонстрирующих свою принадлежность к экстремистским движениям и участвующих в распространении деструктивной информации. К примеру, Третьей прокуратурой по надзору за исполнением законов на особо режимных объектах Московской области в ходе проверки информации о распространении несовершеннолетним жителем Подмоскovie видеоматериалов экстремистской направленности и изображений нацистской атрибутики в социальной сети «ВКонтакте», проведенной по поступившей из Управления ФСБ России по объединению воздушно-космических сил, установлено, что подросток, зарегистрированный в социальной сети под псевдонимом Богдан Смысловский, опубликовал на личной странице сделанную в октябре 2020 г. в помещении МБОУ «Лицей № 1» города Краснознаменска, где он обучается, фотографию в одежде с символом, сходным со свастикой, и шевроном особого подразделения «Russland», входившего в состав вооруженных сил нацистской Германии. Также подросток стал участником пользовательских групп националистического и расистского толка, разместил на своей странице признанный экстремистским и запрещенный к распространению на территории Российской Федерации решением Александровского городского суда Владимирской области от 15.10.2014 видеоролик ритуальной казни человека членами «Ку-клукс-клана». По факту бездействия образовательной организации, не выявившей приверженность

подростка деструктивной идеологии при открытом ее проявлении, директору лица было внесено представление об устранении нарушений закона, которое рассмотрено и удовлетворено с привлечением к дисциплинарной ответственности двух должностных лиц.

Помимо прочего, допускались отдельные случаи игнорирования необходимости проведения с обучающимися мероприятий, направленных на защиту подростков от деструктивного информационного воздействия, в том числе пропаганды экстремизма, непринятия мер для мониторинга активности подростков в социальных сетях.

Продолжается работа органов прокуратуры и по реализации полномочий по внесудебной блокировке доступа к деструктивным материалам в порядке ст. 15.3 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» путем направления в Генеральную прокуратуру Российской Федерации соответствующих заключений о блокировании доступа к размещенным в сети «Интернет» призывам к экстремистским действиям, в том числе насильственному нарушению территориальной целостности Российской Федерации, при условии, что тенденции к снижению подобного рода материалов за последние годы не наблюдается.

Изложенное, полагаем, свидетельствует о первостепенной роли органов прокуратуры в противодействии экстремизму среди несовершеннолетних, которая реализуется в ходе: организации проверок; применения средств прокурорского реагирования [3, с. 28].

Вместе с тем одно из основных направлений противодействия экстремистской деятельности, которым, нельзя не согласиться с авторами, должна являться профилактика, призванная формировать среду, препятствующую распространению асоциальных идей среди молодежи и подростков [4, с. 180], сопряжена с рядом проблем как правового, так и организационного характера, требующих своего разрешения и как следствие повышения эффективности деятельности прокурора на рассматриваемом направлении.

В соответствии с действующей Стратегией противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года концептуально закрепляется приоритетность профилактики экстремизма, по отношению к уголовно-правовым методам. Между тем, в Федеральном законе № 114-ФЗ от 25 июня 2002 г. «О противодействии экстремистской деятельности» до настоящего времени среди основных понятий не значится понятие «профилактики экстремистской деятельности». В ст. 5 указанного нормативного правового акта указывается лишь, что профилактика включает в себя, в том числе воспитательные, пропагандистские, меры, направленные на предупреждение экстремистской деятельности. Такое положение, на наш взгляд, негативно влияет на эффективность системы мер по предупреждению экстремизма в молодежной среде, в том числе и со стороны органов прокуратуры, поскольку в отсутствие четкого перечня составляющих деятельности по профилактике, как следствие отсутствует возможность осуществления проверок такой деятельности на предмет ее соответствия действующему законодательству.

В этой связи видится обоснованным в рамках реализации вышеуказанной стратегии, на законодательном уровне урегулировать организационные основы профилактики экстремизма среди молодежи как в уголовно-правовой сфере, так и вне ее.

Также представителями научного сообщества отмечается, что не совсем корректным является отсутствие указания в ст. 4 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» на органы прокуратуры как субъекта противодействия исследуемого феномена. Полагаем, что изложенное требует внесения соответствующих изменений в действующее законодательство, при условии, что прокурор находится в буквальном смысле слова на передовой в борьбе с экстремизмом среди несовершеннолетних. Это выражается в роли прокурора по реализации координирующих функций [5, с. 182].

Без должного внимания остаются и вопросы осуществления взаимодействия между основными субъектами профилактики молодежного экстремизма, как на федеральном уровне, так и уровне органов местного самоуправления. При этом, учитывая вышеприведенный арсенал средств прокурорского реагирования, широкий объем полномочий прокурора, включающий систему правовых, организационных и иных мер, направленных на пресечение и блокировку негативного влияния информационных источников на психологическое состояние несовершеннолетних, представляется обоснованным, что главенствующее положение при таком взаимодействии должно быть закреплено в законе за органами прокуратуры. Так, уже на сегодняшний день во многих субъектах Российской Федерации на постоянной основе проводятся координационные совещания руководителей правоохранительных органов, в ходе которых, например, создаются рабочие группы по противодействию распространения противоправной информации в сети Интернет, разрабатываются информационно-методические материалы в указанной сфере, направляемые впоследствии в адрес всех уполномоченных субъектов профилактики.

Также разработка в рамках методических рекомендаций единых подходов по организации надзорной и ненадзорной деятельности прокурора по противодействию экстремизму в контексте обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних будет значительно способствовать и повышению эффективности такой деятельности.

Своего рода проблемой является отсутствие во многих субъектах Федерации специалистов, обладающих знаниями необходимыми для производства экспертиз аудио- и видеоматериалов на предмет экстремистского содержания, что, безусловно, не позволяет осуществляющим надзор прокурорским работникам своевременно проводить проверки поступившей информации и оперативно принимать решения. Представляется, что первым шагом к разрешению подобных проблем на практике будет разработка и внедрение методов дистанционного обучения экспертов, организация курсов повышения квалификации уже действующих специалистов, усовершенствование материально-технического обеспечения соответствующих

экспертных учреждений и пр., во избежание ситуаций отсутствия в регионе специалистов, необходимых для привлечения прокурорами в ходе осуществления надзорной деятельности.

Кроме того, необходимость повышения эффективности деятельности прокурора в сфере профилактики молодежного экстремизма, обусловлена, на наш взгляд, активизацией внедрения угроз со стороны иностранных и международных организаций после начала проведения Российской Федерацией специальной военной операции.

Заключение

Подводя итог проведенного исследования, можно констатировать, что распространение экстремистских взглядов и убеждений в современном мире все чаще осуществляется посредством сети Интернет, в связи с чем имеется необходимость в постоянном совершенствовании мер профилактики молодежного экстремизма. В свою очередь, одним из вариантов достижения высокого уровня защиты несовершеннолетних от столь пагубного явления как экстремизм, полагаем, будет являться разрешение приведенных проблем правового и организационного характера.

Список цитированных источников

1. Соловьева, Н. А., Фантров, П. П. Интеграция государства и гражданского общества в сфере профилактики молодежного экстремизма в контексте правовой социализации // Legal Concept. — 2020. — № 2. — С. 21–26.
2. В РФ в 2022 году зарегистрировали рекордное за пять лет число экстремистских преступлений — [Электронный ресурс] URL: <https://tass.ru/obschestvo/16910891?ysclid=lm636s5m4755695273>.
3. Борисов, С. В., Беяева, Т. Н. Оптимизация деятельности прокуратуры и других правоохранительных органов по обеспечению конституционных прав человека и гражданина в сфере противодействия экстремизму // Труды Академии Управления МВД России. — 2019. — № 1 (49). — С. 26–34.
4. Шинкарук, В. М., Фантров, П. П., Соловьева, Н. А. Противодействие экстремизму в молодежной среде: роль прокурорского надзора за исполнением законодательства в данной сфере // Вестник Волгоградской академии МВД России. — 2020. — № 4. — С. 178–187.
5. Цивенко, И. В. Прокурорский надзор как способ борьбы с проявлениями экстремизма. Пути совершенствования // Вестн. Оренбург. гос. ун-та. — 2013. — № 3. — С. 181–185.

Аннотация. Предметом настоящего исследования является деятельность прокурора по противодействию экстремизму в контексте обеспечения информационной безопасности несовершеннолетних. Цель исследования состоит в том, чтобы на основе анализа существующих мер противодействия вышеуказанному явлению современности предложить рекомендации по повышению эффективности прокурорского надзора

в рассматриваемой сфере. Методологическую основу исследования составляет совокупность методов познания, разработанных и принятых философией, теорией права и государства, отраслевыми юридическими науками. В результате автором обращается внимание на необходимость решения как проблем правового и организационного характера, так и способов технического обеспечения информационной защиты несовершеннолетних в информационно-телекоммуникационной сети от распространяемых материалов экстремистского характера. Практическая значимость исследования заключается в том, что сформулированные в нем выводы и предложения могут быть использованы для совершенствования действующего законодательства.

PROSECUTOR'S ACTIVITY ON COUNTERING EXTREMISM IN THE CONTEXT OF ENSURING THE INFORMATION SECURITY OF MINORS

Fedorova A. S.

Keywords: prosecutor, information and telecommunication network, information security, minors, countering extremism

Abstract. The subject of this study is the prosecutor's activity in countering extremism in the context of ensuring the information security of minors. The purpose of the study is to, based on the analysis of existing measures to counter the above phenomenon of modernity, to propose recommendations for improving the effectiveness of prosecutorial supervision in this area. The methodological basis of the research is a set of cognition methods developed and adopted by philosophy, theory of law and the state, and branch legal sciences. As a result, the author draws attention to the need to solve both legal and organizational problems, as well as methods of technical support for information protection of minors in the information and telecommunications network from extremist materials distributed. The practical significance of the study lies in the fact that the conclusions and proposals formulated in it can be used to improve the current legislation.

НАШИ АВТОРЫ

Андрушко Татьяна Игоревна — старший эксперт Волковысского межрайонного отдела Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь

Аристархов Алексей Леонидович — ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук

Бабук Александр Вадимович — ведущий научный сотрудник лаборатории психолого-лингвистических исследований научного отдела гуманитарных исследований государственного учреждения «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», кандидат филологических наук

Бильдейко Алексей Александрович — начальник отдела прокуратуры Брестской области по надзору за исполнением законодательства и законностью правовых актов

Богаревич Елена Игоревна — помощник прокурора прокуратуры Заводского района г. Минска

Богинская Дарья Сергеевна — научный сотрудник лаборатории психолого-лингвистических исследований научного отдела гуманитарных исследований государственного учреждения «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь»

Бородулькина Екатерина Сергеевна — ведущий научный сотрудник отдела исследований в области правоохранительной деятельности и осуществления правосудия Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Васильченко Ксения Владиславовна — младший научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации

Васько Наталья Олеговна — главный специалист отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Винокуров Сергей Иванович — ведущий научный сотрудник лаборатории криминологического обеспечения прокурорской деятельности Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

Гаврилов Максим Александрович — профессор кафедры основ организации и управления в органах прокуратуры Казанского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук

Герасимова Светлана Ивановна — главный специалист отдела криминологических исследований государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Головко Ирина Ивановна — декан факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

Гультияева Надежда Николаевна — главный специалист отдела методического обеспечения криминологических экспертиз государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Диканова Татьяна Александровна — заведующий отделом научного обеспечения прокурорского надзора и укрепления законности в деятельности таможенных органов и на транспорте Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук

Дятлова Виктория Олеговна — главный специалист отдела проблем укрепления законности в сфере экономической деятельности государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь».

Захилько Кирилл Сергеевич — преподаватель курсов повышения квалификации Национального центра защиты персональных данных Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент.

Игнатенко Евгений Александрович — старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

Исраелян Геворг Воваевич — начальник Научно-исследовательского центра прикладных проблем криминологии Национального бюро экспертиз Национальной академии наук Республики Армения, кандидат юридических наук, доцент

Камчатов Кирилл Викторович — заведующий отделом Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук

Карпиевич Николай Федорович — доцент факультета права учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет», кандидат юридических наук, доцент

Козел Валерий Михайлович — старший преподаватель кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».

Ладутько Виолетта Константиновна — начальник центра системного анализа учреждения образования «Белорусский государственный экономический университет», кандидат юридических наук, доцент

Лапунина Татьяна Альбертовна — начальник отдела гуманитарных исследований государственного учреждения «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь», кандидат филологических наук

Лобач Дмитрий Владимирович — доцент кафедры теории и истории государства и права Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук

Луговская Юлия Витальевна — помощник прокурора прокуратуры Первомайского района г. Минска

Лузгин Иван Иванович — старший преподаватель кафедры криминалистики учреждения образования «Белорусский государственный университет»

Мартыненко Игорь Эдуардович — заведующий кафедрой гражданского права и процесса учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», доктор юридических наук, профессор

Меркурьев Виктор Викторович — заведующий отделом Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Моисеева Ирина Анатольевна — доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалогии учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент

Назырова Наталья Александровна — доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Иркутского юридического института (филиала) федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Университет прокуратуры Российской Федерации», кандидат юридических наук

Олейник Анжела Владимировна — главный специалист отдела проблем укрепления законности в сфере экономической деятельности государ-

ственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Павлова Людмила Владимировна — ученый секретарь Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Радевич Анастасия Сергеевна — аспирант кафедры уголовного права учреждения образования «Белорусский государственный университет»

Рахманова Екатерина Николаевна — заведующий кафедрой уголовного права Северо-Западного филиала федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, доцент

Русецкий Олег Валерьевич — заместитель директора государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат юридических наук

Савчук Татьяна Анатольевна — доцент кафедры конституционного и административного права Академии управления при Президенте Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Седач Александр Валерьевич — заместитель прокурора г. Гродно

Седых Павел Валерьевич — старший преподаватель кафедры обеспечения цифрового развития предварительного следствия учреждения образования «Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь»

Серебренникова Анна Валерьевна — профессор кафедры уголовного права и криминалогии федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», доктор юридических наук, доцент

Середа Александр Евгеньевич — ведущий специалист учебной лаборатории криминалистической техники и судебных экспертиз кафедры криминалистики учреждения образования «Белорусский государственный университет»

Сидоренко Дарья Олеговна — главный специалист отдела криминалистического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Сидоренко Елизавета Олеговна — заместитель директора по правовым и кадровым вопросам частного строительного унитарного предприятия «ТЕДОЛ»

Скобелев Владимир Петрович — заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям (заочная форма обучения) юридического факультета учреждения образования «Белорусский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент

Соколов Денис Александрович — заместитель заведующего лабораторией Научно-исследовательского института Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук

Соркин Владимир Семенович — доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент

Стаценко Владимир Григорьевич — доцент кафедры уголовного права и уголовного процесса учреждения образования «Витебский государственный университет имени П. М. Машерова», кандидат исторических наук, доцент

Судник Татьяна Владимировна — главный специалист отдела проблем укрепления законности в сфере экономической деятельности государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Трипузова Антонина Антоновна — заведующий сектором правового обеспечения социально-экономического развития Центра государственного строительства и права Института экономики Национальной академии наук Беларуси

Федорова Анастасия Сергеевна — старший преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации

Хакимов Талгат Ержанович — заместитель начальника пожарной части № 28 г. Шемонаиха государственного учреждения «Служба пожаротушения и аварийно-спасательных работ Департамента по чрезвычайным ситуациям Восточно-Казахстанской области Министерства по чрезвычайным ситуациям Республики Казахстан»

Хлус Александр Михайлович — доцент кафедры криминалистики учреждения образования «Белорусский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент

Худяков Андрей Валерьевич — главный специалист отдела разработки мер противодействия организованной преступности и коррупции государ-

ственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь», кандидат политических наук

Черкас Анна Васильевна — ведущий юрисконсульт отдела обеспечения деятельности и делопроизводства государственного учреждения «Научно-практический центр Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь»

Чмыга Оксана Васильевна — докторант кафедры конституционного права учреждения образования «Белорусский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент

Чуешов Кирилл Викторович — начальник отдела криминологического мониторинга законодательства и совершенствования правоприменительной практики государственного учреждения «Научно-практический центр проблем укрепления законности и правопорядка Генеральной прокуратуры Республики Беларусь»

Шаблинская Диана Викторовна — доцент кафедры уголовного права учреждения образования «Белорусский государственный университет», кандидат юридических наук, доцент

Шаркова Елена Анатольевна — профессор специальной кафедры Академии национальной безопасности Республики Беларусь, кандидат юридических наук, доцент

Шулицкая Оксана Николаевна — доцент кафедры международного права учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», кандидат юридических наук, доцент

Шурпаев Шамиль Мурадович — доцент кафедры общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Санкт-Петербургского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации, кандидат юридических наук, кандидат экономических наук

Научное издание

**ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ ЗАКОННОСТИ
И ПРАВОПОРЯДКА: НАУКА, ПРАКТИКА,
ТЕНДЕНЦИИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 16

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Т. Ф. Рослик*

Подписано в печать 18.12.2023. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$. Бумага офсетная.

Ризография. Усл. печ. л. 23,02. Уч.изд. л. 30,24.

Тираж 100 экз. Заказ 357.

Республиканское унитарное предприятие

«Издательский центр Белорусского государственного университета».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/159 от 27.01.2014.

Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.

Отпечатано с оригиналамакета заказчика

в республиканском унитарном предприятии

«Издательский центр Белорусского государственного университета».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 27.01.2014.

Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.